

Г.М. Козубов

*Жизнеописание
отдельно взятого
представителя
русской науки
в XX веке*

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт биологии

Г.М. Козубов

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
РУССКОЙ НАУКИ В XX ВЕКЕ**

Сыктывкар 2008

УДК 001:630(092)

Козубов Г.М. Жизнеописание отдельно взятого представителя русской науки в XX веке. – Сыктывкар, 2008. – 400 с. – (Коми научный центр УрО РАН).

В настоящей книге в популярно-мемуарной форме приведено описание сложной и богатой событиями жизни Заслуженного деятеля науки РФ и Республики Коми, доктора биологических наук, профессора Г.М. Козубова. За свой 80-летний период жизни он пять лет проучился в довоенной пионерской школе, а с 1941 по 1944 г. в г. Одессе перенес 906 дней румыно-немецкой оккупации. В 16 лет получил тяжелую контузию, в результате которой потерял зрение на правый глаз. После окончания Львовского лесотехнического института за свой долгий трудовой путь Г.М. Козубов несколько лет работал в леспромхозе в Костромской обл., а с 1959 по 1978 г. – в Институте леса Карельского филиала АН СССР, где прошел путь от аспиранта до заведующего лабораторией. В 1962 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата, а в 1971 г. – доктора биологических наук, изучая биологические особенности плодоношения хвойных на Крайнем Севере – в Карелии и на Кольском полуострове. Им впервые в стране организованы цитозмбриологические исследования хвойных с применением электронной микроскопии и гистохимии. С 1982 по 1993 г. он работал заведующим, а затем по 2006 г. – главным научным сотрудником отдела лесобиологических проблем Севера Института биологии Коми научного центра УрО РАН. В течение семи лет (с 1986 по 1992 г.) он активно участвовал в работах по изучению лесов в 30-км зоне аварии на ЧАЭС.

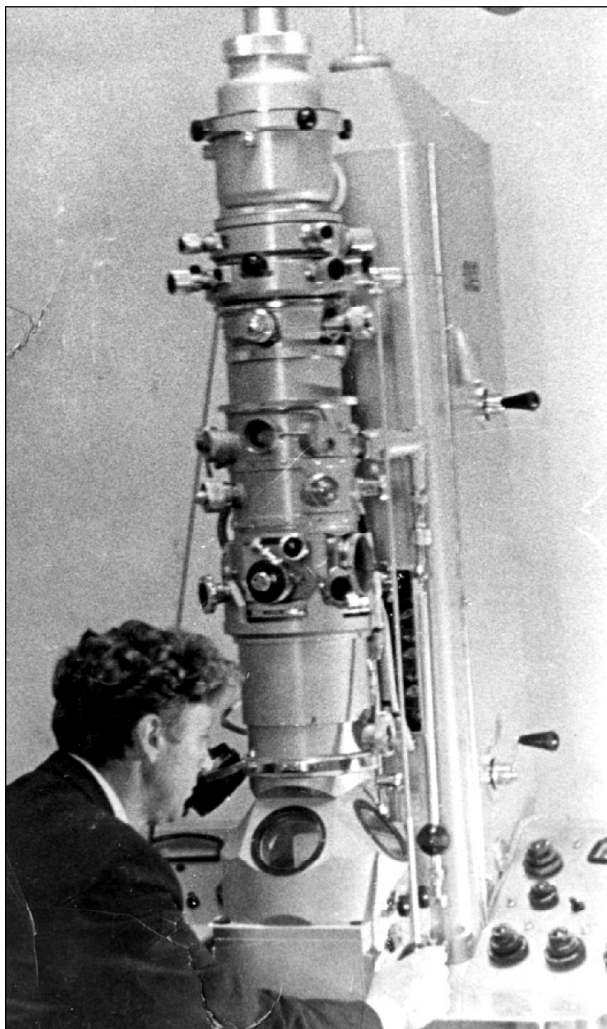
В книге живым и легкодоступным языком изложены интересные, часто малоизвестные в наше время факты. Прочтя эту публикацию, любой читатель обогатит свой круг знаний о столь многообразном для всего нашего народа одновременно трагическом и радостном времени.

Авторы иллюстраций не указаны в связи с тем, что многие из них остались неизвестными, а большая часть принадлежит автору книги.

ISBN 978-5-89606-327-8

© Г.М. Козубов, 2008

© Коми научный центр УрО РАН, 2008

Впервые в стране в середине 60-х годов XX века началось активное освоение электронной микроскопии в цитозмбриологических исследованиях хвойных растений в Институте леса Карельского филиала АН СССР. Г.М. Козубов за работой на электронном микроскопе УЭМВ-100 (1966 г.).

Около 360 лет назад великий английский философ Фрэнсис Бэкон писал: «Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить; иначе говоря, одни книги следует прочесть лишь частично, другие – без особого прилежания, и лишь немногие – целиком и внимательно».

Буду надеяться, что к настоящему изданию читатели отнесутся согласно его третьему совету.

Автор

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Краткая история семьи, в которой прошло мое детство	12
Тридцатые годы XX века – переломные для России	27
Родная Слободка	27
Время сталинских «ястребов»	31
Что мы ели, что носили, какие фильмы смотрели	35
Трамвайная катастрофа	40
Северная война, которая длилась более 25 лет	47
Плохие предвестники накануне войны	53
Предвоенные школьные годы (1936-1941)	56
Да здравствует Новогодняя елка!	61
Город на военном положении	66
Ночь, когда заговорили зенитки	67
Цель – разрушение города	74
А на ничейной полосе – картошка... ..	81
906 дней в оккупации	89
Первая встреча с оккупантами	90
Новый порядок жизни. В первой облаве	92
Операция «Ёлка»	97
Кольцо за жизнь ребенка	105
В зубах у Фельджандармерии	108
Связь с подпольной группой	115
Освобождение Одессы	121
Жаркое лето 1944	129
Гром среди ясного неба	129
Выезд на сельхозработы в освобожденные районы	139
Переезд в Западную Украину	150
Победа! Война после победы	164
Работа в городской газете	169
Новогодний бал с автоматным салютом	180

Три года невезения (август 1946 – август 1949)	182
Выборы в Верховный Совет СССР	182
Выпускные экзамены. Поступление в институт	186
Неудачный выезд на учебу в Москву	191
Моя первая административная должность	198
Буду океанологом!	207
Непонятная болезнь. Выбор сделан!	225
Четыре года в Львовском лесотехническом институте	231
Гимнастика плюс альпинизм	237
«Чайка» из гнезда МИ-6	253
Работа в научном студенческом обществе	255
В белорусских лесах	263
Даешь хлебозаготовки!	270
Леонид Брежнев-2	272
Трагическая практика в Горном Алтае	275
В начале «тропинки в науку»	285
На развилке трех дорог	289
Автопробег Джалал-Абад – Сары-Челек	292
Баланины из леса таскать – это не ящики с макаронами!	301
Поступление в аспирантуру лесотехнической академии	305
Переезд в Петрозаводск. 20 лет в лесах Карелии и Кольского полуострова	315
Издание Атласов ультраструктуры растений	325
Сотрудничество со шведскими учеными	331
Кратковременное возвращение в «альма-матер»	334
Север – это надолго	346
Организация Отдела лесобиологических проблем Севера	351
Исследования Чернобыльских лесов	355
Издание двухтомной сводки о Коми лесах	390
Эпилог	395

ОТ АВТОРА

Во второй половине XX в., начиная с 60-70-х гг., в советской литературе было опубликовано большое количество мемуарных произведений, причем приоритет, безусловно, следует отдать военно-историческим изданиям, авторами которых являлись большинство маршалов и других крупных военачальников, отличившихся в Великой Отечественной войне, бывших членов правительства, известных писателей и журналистов, популярных артистов театра и кино, выдающихся ученых, достигших высокого общественного положения в стране. Однако среди авторов подобных мемуаров практически отсутствовали представители основных слоев населения нашей страны, которых можно отнести к «среднему классу». Это 70-80% служащих, подавляющее большинство инженерно-технических кадров и квалифицированных рабочих, основной состав среднего звена научных кадров. В настоящем издании я не касаюсь особенностей жизни сельского населения, которое понесло, пожалуй, наибольшие материальные и людские потери за годы перестройки всего хозяйства и структуры власти после Октябрьской революции в России.

По всей вероятности, стремление тогдашнего руководства страны во главе с В.И. Лениным и особенно Л.Д. Троцким придать Октябрьской революции мировое антикапиталистическое значение фактически привело к гражданской войне, разорению собственной страны, интервенции против нее, и в конечном счете, к колоссальным людским потерям. Нужно отдать должное И.В. Сталину, сумевшему собрать вокруг себя в тот период многих незаурядных общественных деятелей и с воистину железной волей в течение всей своей жизни осуществлять в такой преимущественно сельскохозяйственной стране, как Россия, генеральный курс на индустриальную перестройку всей инфраструктуры хозяйства страны, одновременно всемерно укрепляя ее военный потенциал. Можно с полным основанием обвинять Сталина во всех смертных грехах, но нельзя отрицать определенной его заслуги в том, что Советскому Союзу удалось устоять и победить в беспримерно жестокой Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., когда против нашей Родины были сконцентрированы военно-промышленные силы таких стран, как Германия, Чехословакия, Венгрия, Ита-

лия, Финляндия, Норвегия, Австрия, частично Испания, Португалия и др. В то же время над восточными областями Советского Союза с 1941 по 1945 г. существовала угроза вторжения довольно мощной японской Квантунской армии. Созданную Сталиным военно-политическую структуру Советского Союза, несмотря на все старания наших «демократов», так и не удалось окончательно развалить в 90-х гг. XX столетия.

В феврале 1946 г. И.В. Сталин в своем выступлении на предвыборном собрании в МВТУ им. Н.Э. Баумана высоко оценил заслугу в победе над фашистской Германией русского народа, этих «винтиков», как он сказал, благодаря которым была достигнута Победа. В настоящей книге автору хотелось прежде всего правдиво показать, как жили эти «винтики» в тридцатых, во многом трагических предвоенных годах, в период четырех кровавых лет Великой Отечественной войны, когда значительная часть европейских регионов страны была оккупирована врагом. Для подавляющего большинства населения страны война закончилась 9 мая 1945 г., но для жителей Западной Украины и Прибалтики она длилась еще почти семь долгих лет!.. Мне, например, с моей матерью пришлось пережить фактически три войны: 1) с 22 июня по 15 октября 1941 г. – военные действия вокруг блокированного немецко-румынскими войсками города, с бомбежками и артиллерийским обстрелом; 2) с 16 октября 1941-го по 9 апреля 1944 г. – в оккупированном городе с «новым порядком» жизни; 3) после изгнания оккупантов до официального окончания войны – 9 мая 1945 г. Но для значительной территории Западной Украины относительное спокойствие наступило только после смерти Сталина в марте 1953 г. и ареста Л.П. Берии в июне этого же года.

Говорят, что историю нельзя переписать, однако после развала Советского Союза появились сотни произведений, в которых клеймится не только политический строй, но уже вся страна, весь народ, живший при Советской власти. Значительная часть таких сочинителей не так давно восхваляла этот строй, доказывала незыблемость советской системы, ее несомненные преимущества перед рыночным капитализмом. Мне запомнилось одно «эпическое» творение, опубликованное в свое время в одном из «толстых» журналов во второй половине 70-х гг. XX столетия, автор которого на полном серьезе, со ссылками на немецкие архивные данные доказывал, что исход Великой Отечественной войны решался не в битвах под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге, а именно в районе Новороссийска, в боях на «Малой Земле». Многие из тех, кто еще сравнительно недавно получал за свои творения ордена, Государственные премии, «Золотые Звезды», сейчас скромно опускают глазки и все как один твердят, что их угнетали, не давали

творить, заставляли писать «в стол», снимать «на полку»!.. Ну и где же эти «творения» сейчас в условиях «свободы»?

Под влиянием этой пропаганды многие, особенно из числа современной молодежи, стали считать, что советский период в нашей истории был ужасным и мрачным временем, когда большинство народа в стране было «распределено» по ГУЛАГам, погибало на лесоповалах и в шахтах, сидело в тюрьмах. Но не нужно забывать, что одновременно это был период огромного промышленного и экономического подъема в стране. Особо следует отметить, что это было время необычайной культурно-образовательной перестройки всей страны, в которой еще до 20-х гг. прошлого столетия значительная часть населения не умела даже расписаться. В 30-х гг. в Советском Союзе практически повсеместно была ликвидирована детская беспризорность, установлен строгий государственный порядок, а случаи бандитизма и убийств даже в таком «приблатненном» городе, как Одесса, были единичны. Моя бабушка прожила 83 года и умерла, не зная ни одной буквы. Мать еще до революции окончила два класса церковно-приходской школы, тетка в 1932 г. окончила неполную среднюю школу, а я, несмотря на все неурядицы с учебой во время войны, стал доктором наук, профессором. Наверное, смог бы дослужиться, если бы поставил это целью своей жизни, и до члена-корреспондента АН СССР, но меня никогда не прельщала административная работа (дважды отказывался от директорской должности), так как считаю, что нельзя молиться двум богам, нужно заниматься тем, что больше всего привлекает тебя – наука или административная работа. Все, что я получил в своей жизни – это результат большого и увлекательного труда. У меня никогда не было попечителей или наставников в науке. Мое материальное положение оставалось стесненным больше половины жизни – до защиты докторской диссертации в начале 70-х гг. XX столетия, но так жило в то время подавляющее большинство моих сверстников, благодаря труду которых интенсивно развивалась советская наука. Но мы практически не знали, что такое безработица, а что может быть более унижительным для молодого, полного сил и энергии человека, чем это бесправное положение без работы, жилья и денег! Дорога одна – в мафиозные структуры...

Приступив к подготовке этой книги, автор поставил перед собой следующие ограничительные условия:

– приводить только правдивые данные о событиях, которые происходили непосредственно перед глазами автора или полученные им из вполне достоверных источников;

– не упоминать в тексте подлинные фамилии, имена и отчества истинных участников тех или иных событий, кто может быть еще в живых или в чем-то затрагивать интересы их родственников;

– данная книга является историко-мемуарным изданием и автор полностью избегал описания каких-либо интимных сторон своей жизни или упоминаемых в ней героев.

Думаю, что могу вполне считать себя «человеком своего времени», несколько перефразировав название прекрасной и драматичной последней опубликованной работы Константина Михайловича Симонова (1988 г.). Я хорошо помню события, происходившие в Одессе с середины 30-х гг., когда всюду разгорелся пожар репрессивных мер в стране, хотя нужно сказать, что меня он коснулся еще до рождения, когда мой будущий отец за четыре месяца до моего появления на свет уже отбыл из Одессы в Магаданский край на долгие 10 лет по 58 статье, с запрещением выезда из «зоны» еще в течение четырех лет. Следует отметить, что те, кто там хорошо работал, часто приезжали оттуда с большими деньгами. Однако с моего отца полностью сняли всякие ограничения в передвижении только в середине 1941 г. и сразу же отправили на фронт, после чего мы с матерью о нем больше ничего не слышали. Фактически кое-какие сведения об отце я узнал от моей тетки Жени, которую мать перед самой смертью попросила рассказать об истории своей жизни уже перед последним своим вздохом. При этом она не учла, что в то время (1927-1928 гг.) тетке было всего 10 лет... Всю жизнь мать боялась, что меня будут считать «троцкистским сыном», и к тому же из семьи, связанной с религиозным культом. Мой дед всю свою трудовую жизнь занимался ремонтом церковной мебели, резкой деревянных иконостасов, киотов, в том числе более 20 лет в русских монастырях Иерусалима и Афона, за что был награжден крестом из чистого золота весом более полуфунта. Конечно, в довоенное время я об этом нигде не упоминал. В декабре 1950 г. по рекомендации комсомольской организации Львовского лесотехнического института меня приняли в ряды ВКП(б), из которой (КПСС) я вышел по заявлению через 40 лет (в 1990 г.).

При желании в довоенный период, да и в послевоенный, в системе вечерних школ, заочных и вечерних вузов можно было повысить свой образовательный уровень и получить диплом инженера или работника культурно-просветительского профиля. Программа, предложенная Н.С. Хрущевым в области жилищного строительства, позволила в краткие сроки обеспечить благоустроенным жильем большинство остро нуждающихся и практически ликвидировать бараки и коммунальные квартиры. Никто не отрицает, что бесправие, царившее в стране со стороны правоохранительных органов, длилось практически более 20-25 лет и нанесло большой урон внутривластной государственной системе, но как можно допустить, чтобы различия в доходах честно работающих граждан и преступных мафиозных структур составляли

сотни крат – явление социально опасное и недопустимое в стране, где имеются хоть элементарные проявления демократии. Но, автор надеется, что содержание этой книги свидетельствует о большом запасе прочности «среднего класса» в русской истории, в том числе и на крутых ее изломах, особенно проявившихся в XX веке.

В заключение этого краткого введения автор приносит свою искреннюю благодарность директору Института биологии Коми НЦ УрО РАН Анатолию Ивановичу Таскаеву за изыскание возможностей для издания настоящего жизнеописания, инженеру информационно-издательской группы Института Елене Арвидовне Волковой за высококачественную редакционную подготовку оригинал-макета книги, д.б.н. Александру Викторовичу Трапезникову и к.б.н. Вере Николаевне Трапезниковой, а также моей супруге Вере Дмитриевне Пановой – за оказание моральной поддержки при подготовке рукописи данной мемуарно-исторической публикации.

Г.М. Козубов

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ, В КОТОРОЙ ПРОШЛО МОЕ ДЕТСТВО

Семья, в которой я рос первые пять лет моей жизни, была весьма своеобразной и состояла из трех женщин – моей мамы, бабушки Натальи Николаевны и тетки Жени, причем все трое были друг другу не родными, только я и моя мама являлись кровными родственниками. С родным (биологическим) отцом я виделся лишь однажды в течение получаса и до сих пор, на закате своих дней так и не знаю ни имени его, ни фамилии, ни отчества. Осенью 1927 г. его арестовали и осудили как участника троцкистской профсоюзной оппозиции и на 10 лет отправили в Магаданский край. В 1938 г. отца освободили, но оставили там же на инженерно-технической работе еще на несколько лет без права выезда на «материк». В 1940 г. он все же какими-то путями пробрался в Одессу, вот тогда и произошла наша с ним единственная встреча.

В тот день мать прибежала в обеденный перерыв с работы, как она объяснила – встретиться с каким-то приезжим из дальних краев. Быстро переодевшись в «парадную» одежду, мы отправились по незнакомому мне адресу, в какую-то механическую мастерскую, где нас уже ждал высокий, широкоплечий мужчина в модном тогда темно-синем бостоновом костюме и кожаном реглане. Он подошел ко мне, приподнял, поцеловал и сказал только несколько слов: «Ну, вот и встретились, здравствуй...», потом вручил мне несколько красивых пакетов и коробок с подарками, которые я начал рассматривать. Затем он обнял мать, та сразу же расплакалась и они стали о чем-то очень тихо говорить.

Встреча эта продолжалась совсем недолго, после чего мы попрощались с «приезжим» и пошли домой. Мама ничего мне не сказала, и не объяснила – кто же это был, такой представительный мужчина. Когда же я не вытерпел и сам спросил ее об этом, она обняла меня и ответила: «Это твой папа». В тот момент это известие не произвело на меня особого впечатления.

Мать ничего пояснять мне не стала, а только предупредила, чтобы я никогда и никому ничего об этой встрече не говорил, так как для него и для нас это очень опасно. Вскоре я об этой истории забыл.

Так как моя мать в официальном браке не состояла, то я в многочисленных автобиографиях и анкетах, которые в советское время часто надо было представлять в самые различные инстанции, об отце не упоминал вообще, да и к тому же сам о нем практически почти ничего не знал... Это позволило мне избежать печальной участи «троцкистских сынков» и избавило от многих бед. Единственное, что однажды сообщила мне бабушка Наталья, что вроде бы отец мой происходил из немецких колонистов, которых вокруг Одессы было довольно много. Кроме того, у матери были очень хорошие отношения с двумя немецкими семьями, которые бывали у нас в гостях и сделали для нас немало хорошего, в основном благодаря своему положению. Глава одной из этих семей длительное время работал заведующим садово-парковым хозяйством самого крупного в Одессе санатория НКВД им. Дзержинского и поставлял к праздничным дням для самого высокого начальства необычайно красивые розы, часть из которых иногда попадала и к нам. Его жена работала в Одесском обкоме ВКП(б), в отделе кадров. Этот отдел хотя и числился в обкоме партии, но фактически был полностью в распоряжении особо секретных служб НКВД. Вторую немецкую семью я знал меньше, так как они реже бывали у нас. Как я догадался, в обеих семьях были хорошо информированы о судьбе моего отца, но при мне никогда не упоминали о нем ни единым словом.

Через пять лет после моего рождения моя мать сошлась с мужчиной, которого я всегда называл «дядя Сережа». Это был типичный украинец, широкоплечий, высокого роста. Родом он был из села, расположенного вблизи Одессы. Родился в 1898 г. и в 20 лет уже воевал за советскую власть в дивизии Котовского. На стене его квартиры висела наградная шашка, и когда я спросил его, рубал ли он этой шашкой «беляков», дядя Сережа помолчал и нехотя ответил: «Приходилось...». Это был очень выдержанный человек, всегда чисто выбритый и одетый в военную форму, ладно сидящую на нем. В основном он носил форму без знаков различия, лишь незадолго до войны в петлицах у него появилась одна «шпала». При нем всегда было оружие – пистолет ТТ. Однажды, находясь в несколько «приподнятом» настроении, он подозвал меня и сказал: «Давай, я тебя

научу, как нужно разбирать и собирать пистолет». Разобрали мы его быстро, а вот собирал я его долго, но собрал почти без его помощи, чем заслужил похвалу и очень этим гордился перед нашей дворовой шпаной. Ранее у дяди Сережи была первая семья – жена и двое сыновей, но я их никогда не видел. Жил он в двухкомнатной квартире вдвоем со своей матерью – очень строгой верующей старухой.

Летом, как правило, два-три месяца дядя Сережа проводил в военных лагерях и мы несколько раз приезжали к нему и ночевали там в армейских палатках. Мне всегда очень нравился строгий порядок в этих «городках», где все дорожки были чисто подметены, стволы деревьев выбелены, а сами военные одеты в аккуратно подогнанную форму. Служили тогда в армии с 21 года, в течение трех лет, но незадолго до войны ввели призыв в армию с 18 лет. Большую часть своей жизни дядя Сережа проводил в служебных командировках, чаще всего он ездил в Приднестровский укрепрайон, но побывал почти на всех, как теперь говорят «горячих точках», кроме Монголии и Дальнего Востока. Причем, как я заметил, выезжал он в эти районы всегда дней за 10-12 до начала той или иной кампании. Около месяца он был на финской войне, участвовал в «освобождении» западных областей Украины и Белоруссии, в вводе наших войск в Прибалтику и Бессарабию, но никогда почти ничего не рассказывал об этих своих командировках.

Незадолго до начала войны, недели за две, дядя Сережа сообщил, что едет на новую границу в Молдавии и когда вернется – не знает, обстановка там сложная. И действительно, вскоре после начала войны линия фронта продвинулась там до левого берега Днестра. Несколько раз дядя Сережа приезжал к нам в Одессу, но где-то в первой половине августа сообщил, что скоро едет на Западный фронт. Однако последнее письмо от него пришло из-под Харькова, где тогда шли ожесточенные бои и Красная Армия несла большие потери. Никаких известий о нем мы больше не получали. Таким образом, как видно из предыдущих строк, мое «генеалогическое древо» по мужской линии больше напоминает рано усохший побег.

Источниками моих генеалогических сведений по мужской линии являлись воспоминания моей матери Анны Трофимовны Козубовой и бабки Натальи Николаевны Сливко, которая хотя и была совершенно неграмотной, но на всю свою более чем 80-летнюю жизнь сохранила крепкую память. По их рассказам, мой прадед – Гавриил Иванович Козубов – был родом из

Курской губернии. В 22 года его забрали в рекруты и он прослужил в русской армии 20 лет. После возвращения из армии вскоре женился и так как относился к малоземельным крестьянам, принял предложение тамошних властей всей семьей выехать для поселения на Дальний Восток, в Приамурье. В то время железной дороги в те места еще не было, и крестьяне своим ходом, целыми обозами добирались до Одессы, а уже оттуда на пароходе плыли до Амура. Пароходы эти отправлялись нерегулярно и переселенцам приходилось ждать их иногда по несколько месяцев.

Когда Гавриил Иванович со своей семьей добрался до Одессы, там вскоре вспыхнула эпидемия чумы, которая не минула и моего прадеда, и через несколько дней он был погребен в огромной общей могиле, так называемой «Чумке», которая впоследствии оказалась в черте города, рядом с городской водокачкой. В 1941 г. этот район несколько раз подвергался немецкой бомбежке и в городе быстро распространились слухи, что может возникнуть новая вспышка чумы, но все обошлось. В Одессе мой дед Трофим Гаврилович Козубов женился на одесской мещанке Марии Анисимовне (к сожалению, ее девичья фамилия осталась мне неизвестной). С ранней молодости Трофим Гаврилович успешно освоил резьбу по дереву, причем в основном он специализировался на изготовлении иконостасов, алтарей и другой церковной мебели и утвари. У моей бабки Натальи Николаевны еще в 1941 г. в большой комнате стоял резной буфет из дуба, изготовленный моим дедом еще до выезда за границу. После женитьбы Трофим Гаврилович был принят в качестве резчика по дереву в Одесское Ильинское подворье, которое в то время ремонтировалось. Проработал он там около двух лет, его труд был высоко оценен и церковное начальство предложило ему вместе с семьей выехать в зарубежные православные епархии для ремонта и изготовления новых иконостасов и другой обстановки в русских монастырях в Афоне (Греция), а затем в Иерусалиме (Палестина). Трофим Гаврилович с этим предложением согласился и вскоре (в 1880 г.) покинул Одессу. В общей сложности он проработал в этих местах, священных для каждого верующего христианина, более 20 лет.

По словам моей матери, Трофим Гаврилович отличался недюжинной физической силой и трудолюбием, никогда не пил и не курил, работодатели относились к нему с большим уважением. Когда он уезжал назад в Одессу, руководство Иерусалим-

ской епархии подарило ему большой золотой крест весом около 200 г (полфунта), золотые часы с золотой же массивной цепочкой, несколько дорогих икон, вырезанных на больших перламутровых раковинах. Но над молодой семьей Трофима и Марии как будто царил злой рок. За время проживания в столь благословенных местах у них родились 13 детей, но 11 из них умерли, не прожив и двух-трех лет. Ко всему сам дед, несмотря на богатырское здоровье, заболел «желтой лихорадкой» и врачи посоветовали ему поскорее вернуться в Одессу. В 1902 г. семья, состоящая из четырех человек – деда, его жены, старшей дочери Ольги и младшей Ани (будущей моей матери), вернулась в родные края, которые покинула более 20 лет назад.

За время работы за границей Трофим Гаврилович вероятно скопил по тем временам немалую сумму денег. По приезде в Одессу он прошел обследование у врачей, которые предложили ему приобрести дом в каком-нибудь небольшом городке вблизи Одессы, избегать значительных физических нагрузок и вести спокойный образ жизни. У Марии Анисимовны какой-то дальний родственник жил в селе Рубановка Мелитопольского уезда, расположенном на одном из заливов Азовского моря. Он пригласил ее и Трофима Гавриловича приехать и посмотреть те места, где к тому же имелась возможность приобрести по сходной цене хороший дом. Если бы супруги знали, в чьи руки попадут их дети и накопления и какую роковую роль сыграет этот родственник в их судьбе... В Рубановке им все понравилось и дед купил там двухэтажный кирпичный дом с большим подвалом. На первом этаже он открыл винную лавку – «монопольку», в подвале хранились запасы вина, а на втором этаже располагалась его семья. В те времена держать винную лавку разрешалось только вообще не пьющим мужчинам.

Казалось, что жизнь многострадального семейства наконец-то наладилась. Здоровье Трофима Гавриловича стало улучшаться, но вскоре очередной приступ «желтой лихорадки» (особой формы малярии) свалил деда. Несмотря на его природные богатырские данные, болезнь оказалась сильнее и в больших мучениях он скончался после трехдневной агонии в возрасте 53 лет. Таким образом, Мария Анисимовна осталась вдовой с двумя девочками и довольно сложным хозяйством в малознакомом месте, а ей не было еще и 40 лет. К тому же смерть любимого мужа нанесла удар и по ее здоровью. Вскоре врачи установили у нее открытую форму туберкулеза. Узнав о ее болезни, тот самый родственник предложил ей продать дом и магазин,

деньги положить в банк и на всякий случай назначить его опекуном обеих дочерей.

Мария Анисимовна была малоопытна в житейских делах и дала доверенность этому бессовестному жулику, который быстро продал дом и оформил денежный вклад в банке на свое имя. Кроме того, он узаконил опеку над несовершеннолетними Аней и Олей. Течение болезни у моей бабушки, которой только исполнилось 48 лет, быстро прогрессировало и в сентябре 1912 г. она ушла в мир иной вслед за своим супругом и 11 детьми, похороненными вдали от родной земли. Так называемый опекун быстренько сдал обеих сестер в Одесский приют, где Олю поместили в старшую группу, а мою будущую мать – Аню – в младшую. Аня, очутившись в приюте отдельно от старшей сестры, умоляла не разлучать их, но ее никто не хотел слушать.

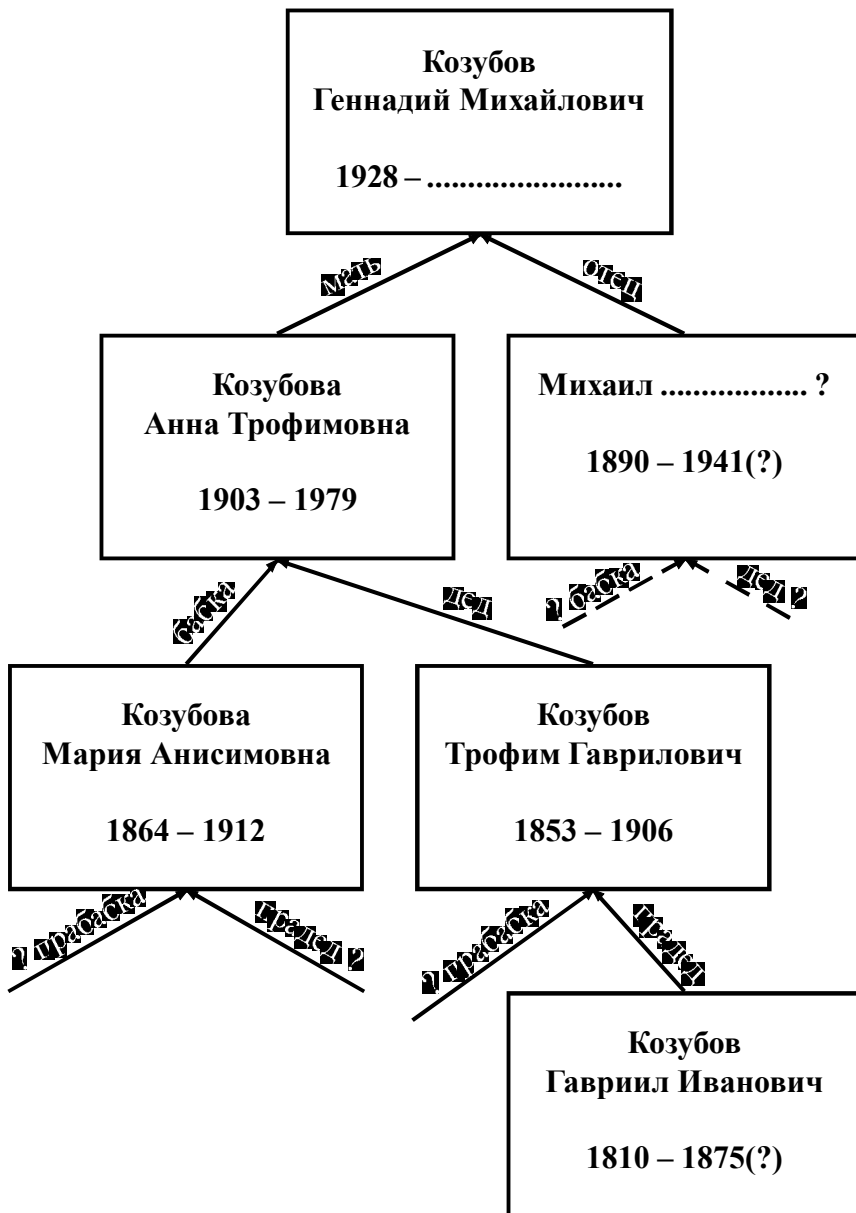
Следует отметить, что, как рассказывала мне Женя (моя сводная тетка), при переезде из Палестины в Одессу возникли какие-то сложности с оформлением метрики для Ани, так как она родилась в Иерусалиме, а русского гражданства там для нее не оформили. При регистрации в Одессе один из чиновников предложил уменьшить возраст Ани на три года и оформить ей документы, как родившейся в Одессе – проблема с гражданством при этом отпадала. Так моя мать стала на три года моложе, чем впоследствии, после 35-40 лет, была весьма довольна.

Злой рок никак не отпускал бедных сирот – через несколько месяцев скоростижно умерла от дифтерита старшая Оля, и Аня осталась совсем одна среди чужих и неприветливых людей. В приюте царил «палочная» дисциплина, по словам матери, за малейшие проступки детей наказывали очень строго. Смерть последнего близкого человека и тяжелые условия жизни в приюте так подействовали на маленькую Аню, что она перестала есть и спать и круглые сутки рыдала. Ни воспитатели, ни врачи ничего поделать с ней не могли. И тут кто-то из персонала приюта вспомнил, что после помещения сестер в приют к девочкам приходил кто-то из родственников, живущих в Одессе. Их быстро нашли и оказалось, что это были родной брат Марии Анисимовны Михаил Анисимович и его жена Наталья Николаевна, которые проживали в окраинном районе Одессы – Слободке. Приехав в приют и увидев полуживую плачущую Аню, Михаил Анисимович подошел к ней, обнял и сказал: «Собирайся, поедешь жить к нам. Все-таки родная кровь!» (своих детей у дядьки не было). Так у многострадальной, самой младшей из 13 детей и единственной оставшейся в живых Ани появилась новая семья.

Михаил Анисимович всю свою трудовую жизнь (с 12 лет и до смерти в 1920 г., когда ему было около 60-ти) провел на заводе Шполянского, пройдя путь от ученика до помощника мастера. Характер у него, как рассказывали Наталья Николаевна и моя мать, был крутой. Пил он редко, но натворить при этом бед мог немало. Еще в молодости, поссорившись с Натальей Николаевной, он сильно побил ее, а она была на шестом месяце беременности. Ребенка она потеряла и иметь детей уже больше не могла. Михаил Анисимович потом очень винил себя, неоднократно слезно просил у жены прощения и очень сожалел, что детей у них никогда не будет. Другая пагубная страсть дядьки была еще покруче – картежная игра. Неоднократно после получки он прокрадывался ранним утром домой в одном исподнем – это все, что у него оставалось после проигрыша. А незадолго до смерти, собрав наконец-то необходимую сумму для покупки хорошего дома, отправился оформлять купчую и вернулся домой только на третий день – без купчей и без копейки денег... К особенностям характера Михаила Анисимовича можно было отнести и непримиримую вражду к священникам. Не раз он выгонял их из своей хибарки, когда те приходили поздравлять его семью с праздником Пасхи или Рождества. Наталья Николаевна, наоборот, была очень набожной и даже в годы советской власти иконы у нее висели по углам комнаты и под ними горели разноцветные лампадки.

Еще в период сватовства Михаил Анисимович предупредил свою избранницу, что венчаться в церкви он ни за что не будет. Так и прожили они более сорока лет невенчанные – он на своей фамилии, она – на своей. Наталья Николаевна происходила из крестьянской семьи и на всю жизнь сохранила мягкий южноукраинский говор. Жили они с Михаилом Анисимовичем, по ее рассказам, довольно зажиточно. На фотографиях, которые она мне показывала, Михаил Анисимович в праздничные дни был одет в хороший костюм-тройку, на голове котелок, в жилетном кармашке – золотые часы («луковица») с массивной золотой цепочкой, в руке – обязательно трость с серебряным набалдашником. У него был граммофон (в те годы он стоил немало) с большим набором пластинок Ф. Шаляпина (других певцов он не признавал).

Рабочий день на заводе длился 12 часов – с семи утра до семи вечера (полчаса – на обед), никаких отпусков не было, кроме как на Рождество и Пасху. Работа была опасной и очень тяжелой физически. Проволоку вручную волочили (протаски-

Генеалогическая ветвь – все, что осталось от некогда раскидистого древа...

вали) в раскаленном состоянии через волоочильные доски из специальной стали. Наиболее опасен был обрыв раскаленного прута, когда он мог обвиться вокруг тела рабочего. Зарплату на заводе выдавали каждую субботу. Платили, по словам Натальи Николаевны, хорошо – рабочий получал 25-30 руб. в месяц, а Михаил Анисимович – 60-70 руб. На Пасху и Рождество семья покупала два свиных окорока – один коптили, а другой запекали. На праздничном столе обязательно были заливные мясные и рыбные блюда. Посещение гостей было необходимым ритуалом и в доме им были всегда рады. Все рабочие на праздники получали подарки от хозяина завода. Однако дисциплина была строжайшая – опоздания наказывались весьма ощутимыми штрафами, а за прогулы следовало увольнение.

По рассказам моей матери, Михаил Анисимович никогда не кричал на нее, ни разу ни ударил, но был с ней холоден, как и со своей женой. Осенью он отвел Аню в церковно-приходскую школу при храме святого Николая, находившуюся недалеко от их дома. В этом же храме бабка Наталья впоследствии окрестила меня по секрету от матери, что оказалось весьма полезным. После попадания немецкой бомбы в наш дом у нас с матерью пропали почти все документы, в том числе и моя метрика. Паспорта тогда выдавали, как мне помнится, только после 18 лет. Вскоре после начала оккупации Одессы вышел приказ от новых властей о том, чтобы все жители города всегда имели при себе удостоверение личности с соответствующей отметкой полиции. У меня, как назло, не сохранилось ни одного документа для предъявления в полицию. Но мать вспомнила, что при крещении ребенка в церковных книгах обязательно делались записи о дате его рождения, месте проживания, имени, отчестве и фамилии родителей. На следующий день мы пораньше пришли в церковь, где меня крестили, и там получили так необходимую мне справку, которая очень помогала, особенно при неожиданных облавах. Священник даже растрогался, когда мать рассказала, что еще до революции окончила церковно-приходскую школу при этом храме. В полиции справку зарегистрировали, и она честно выручала меня в течение всего периода оккупации (с 1941 по 1944 г.).

До 1914 г. Михаил Анисимович с женой проживали в кирпичном доме (общежитии) на территории завода. Вскоре дирекция завода предложила им построить свое жилье на пустыре, прилегающем к заводу. В течение года дядька с помощью наемных рабочих и соседей строил саманный дом, в котором

были «большая» комната с тремя маленькими окнами, довольно просторная кухня, сени и кладовка. Во дворе был вырыт колодец, в который летом опускали глиняные горшки с молоком и прочей едой для недолгого хранения. Вскоре справа и слева от этого дома пристроились еще два хозяина. С задней стороны образовавшегося двора проходила высокая противопожарная стена небольшой лакокрасочной фабрики. Подобные дома очень подходили для одесского климата: саманные стены и толстая камышовая крыша летом хорошо защищали от жары, а зимой – от холода. Полы в домах были глиняными и покрывались домоткаными ковриками. Летом для приготовления пицци использовалась небольшая дощатая кухонька. Осенью 1914 г. семья Михаила Анисимовича переехала в новое жилище. Сам он считал, что Аня, которой шел к тому времени пятнадцатый год, скоро выйдет замуж, а он с женой будет спокойно доживать свой век в этой саманке. Если бы он знал, какие события вскоре развернутся на его ставшим родным заводе, а также и в его семье...

В конце января 1918 г. Михаил Анисимович собрался в «поход» за продуктами, запасы которых в семейной кладовке стали быстро иссякать. Выйдя из дома, он с удивлением увидел, что на скамейке под окном стоит довольно большая бельевая корзина, к ручке которой был прикреплен красивый конверт. Никого поблизости не было, улица также была пуста – утро в тот день выдалось морозное. Он вернулся во двор и распечатал конверт, в котором лежала записка следующего содержания: «В корзине вы найдете девочку, сегодня ей исполнился один год. Ее имя Евгения. Богом молим приютить ее. Мы, ее родители, вынуждены покинуть эту страну, средств и возможностей для ее воспитания у нас нет. Вкладываем в конверт кольцо. Оно дорогое, других ценностей у нас уже не осталось. Да благословит вас Бог за доброту вашу» (историю этого случая и ход дальнейших событий описываю со слов Натальи Николаевны и моей матери).

Пока дядька читал записку, из корзины послышались всхлипания, переходящие в громкий плач. Он схватил корзину и быстро вбежал в дом. Бабка Наталья и Аня с удивлением посмотрели на него и спросили: «Ты что это так быстро вернулся? А в корзине что принес?». После недолгого молчания дядька растеряно ответил: «Девочку...». Бабка бросилась к корзине с причитанием: «Она ведь там уже может быть задохнулась!». Но тут опять раздался плач и корзину быстро развязали. В ней

действительно оказалась хорошенькая девочка в дорогом детском белье, с небольшим запасом одежды и двумя бутылочками детского питания. Женечку вынули из корзины, покормили, переодели, устроили для нее загородку на кровати и сели решать ее судьбу. Наталья Николаевна сразу же заявила: «Это Бог нам дитя послал, чтобы мы воспитали ее в искупление наших грехов». Дядька же подумал и сказал: «Старые мы уже..., но хоть Аня вот молодая у нас, поможет». Эти слова оказались вещими. Через полтора года, осенью 1920-го, он поехал в село менять последние оставшиеся дорогие вещи на муку и картофель, но на обратном пути сильно простыл и подхватил сыпной тиф. Через неделю его не стало...

По словам Натальи Николаевны, на Михаила Анисимовича сильно повлияли революционные события 1917-1918 гг. На заводе он проработал больше сорока лет и пользовался уважением у администрации и рабочих. Когда наступили революционные перемены, на заводах стали создавать рабочкомы, профсоюзные организации. По любой даже малозначительной причине собирались многочасовые митинги, причем если ораторы не угождали своими речами большинству участников, их сажали в тачку и под свист и крики митингующих вывозили с завода, как мусор. На одном из таких митингов большинство рабочих обратилось к дядьке с просьбой выступить. Он-то выступил, но при этом заявил, что никакой завод не будет работать без хозяина, что болтунов нужно гнать с заводов, а профсоюзам не разрешать собирать митинги без согласия хозяина. Такое выступление рабочим не понравилось, дядьку усадили в тачку и под свист вывезли через проходную... До самой смерти он не мог забыть этого позора и на завод больше не приходил, да и все эти годы (1917-1920) завод практически почти не работал.

Жила же дядькина семья, теперь уже состоящая из четырех человек, за счет продажи (вернее, обмена) ценных вещей на продукты. Ушли золотая «луковица» с цепочкой, немногие украшения Натальи Николаевны, некоторые золотые вещи, доставшиеся Ане от родных. Самым ценным среди них был тот самый крест, который счастливо избежал обмена. Он хорошо виден на фотографии моей матери, сделанной в 1920 г., но впоследствии куда-то пропал... Пригодилось и Женечкино кольцо – оно действительно оказалось дорогим и обмен его на продукты получился весьма весомым пособием для семьи Михаила Анисимовича. После смерти главы семьи для всех трех женщин, оставшихся практически без всяких средств, наступили

тяжелые времена. Но постепенно их жизнь налаживалась, несмотря на то, что в Одессе все еще шла гражданская война. На Наталью Николаевну легли почти все заботы по уходу за маленькой Женечкой, а на юную Аню – поиски любых путей для обеспечения мало-мальских условий для существования всей семьи.

Поиски работы в то время в Одессе были практически бесполезны. Но, как всегда, из почти безнадежного положения неожиданно появился выход. У Ани были знакомые в одной караимской семье, которые пообещали устроить ее домработницей в хорошо обеспеченную семью. Через несколько дней ее привезли на квартиру уже тогда широко известного в Одессе глазного врача Владимира Петровича Филатова, будущего академика медицины, Героя Соцтруда, Лауреата Сталинской премии. В этом доме моя будущая мать проработала более двух лет, и существование бабки Натальи и Женечки в этот период во многом зависело от продуктовой помощи, которую оказывала эта семья молодой домработнице. Кроме того, работа в семье В.П. Филатова была для Ани хорошей жизненной школой. Здесь она научилась определенному этикету обращения со старшими, сервировке стола, поддержанию порядка в доме. В.П. Филатов в то время вел прием больных на дому и их встреча, обслуживание в гардеробе также были возложены на нее.

В это время общественная жизнь в Одессе, по словам моей матери, «была ключом». То в одном, то в другом районе города собирались митинги. Вскоре предстояли выборы местных властей, в которых участвовали более 10 различных партий. По предварительным данным, большинство населения намеревалось голосовать за эсеров, но победили большевики. По ночам в городе бесчинствовали сотни всяких банд, с которыми начали вести активную борьбу чекисты. Большинство рабочих и служащих были беспартийными и их стали вовлекать в многочисленные профсоюзы, в том числе и в профсоюз работников частного труда, в котором был отдел домашних работниц.

Вскоре на квартиру В.П. Филатова пришли активисты из этого профсоюза и сообщили моей матери, что на собрании отдела домашних работниц ее избрали в состав его комитета, так как она грамотная и из рабочей семьи. Ей вручили красную косынку и сказали, что она теперь должна носить ее постоянно. На ближайшем Одесском областном пленуме профсоюзов молодому общественному деятелю было поручено выступить. Как позднее мне рассказывала мать, она ничего не помнила из

того, о чем говорила, но ей долго хлопали. На пленуме моя мать познакомилась с моим будущим отцом, но как потом развивались их отношения – она никогда ничего не рассказывала.

Профсоюзная работа увлекла ее, но вскоре стало ясно, что на ее зарплату семью из трех человек не прокормить. К тому же в самих профсоюзах к этому времени началась смута, бесконечные диспуты, в которых моя будущая мать мало что понимала. Вскоре она перешла на работу в Одесский порт на строительство большого холодильника, которое тогда было объявлено ударной стройкой. Работала она в «блоке питания», получала повышенную зарплату и хороший продуктовый паек, но работать приходилось по 12-14 часов в сутки – с шести утра и до семи-восьми вечера. Утром она шла из Слободки в порт пешком около часа, так как трамвай начинал ходить по этой линии позже. Стройка холодильника осуществлялась совместно с какой-то иностранной фирмой и дисциплина на ней была очень жесткой, но теперь бабка Наталья и Женечка были неплохо обеспечены.

Менялась власть, приходили в Одессу французы, англичане, белые и красные, а жизнь шла своим чередом. В 1925 г. Женечке исполнилось полных восемь лет и она пошла в школу в верхней Слободке. В 1929 г. она уже окончила начальную школу и видя, что моя мать выбивается из сил, чтобы прокормить семью, пошла в ФЗО при Одесской обувной фабрике, где через три года получила специальность «обувщик-заготовщик» и пошла работать на фабрику. Бабуля наша, Наталья Николаевна, за свою жизнь нигде не работала и трудового стажа не имела. Пенсию она стала получать только в 80 лет, за три года до своей смерти, и составляла эта пенсия 12 руб. в месяц. Так как расписываться она не умела, то ставила в ведомости обычно три крестика, но к 80 годам стала совсем плохо видеть и я несколько раз «расписывался» за нее, когда бывал в Слободке. Как видно из приведенного выше жизнеописания, мои детские годы (до пяти лет) прошли в семье из четырех человек, трое из которых были женщины. Из них только мать была мне родная, а тетка Женя и бабка Наталья Николаевна были «чужой кровью», но меня любили все, и я им благодарен за теплое и сердечное отношение ко мне. За проступки наказывала меня только мать, причем часто беспричинно, не разобравшись в сути дела.

Как мне позднее рассказывала тетка Женя, Наталья Николаевна до моего рождения была категорически против того, чтобы мать со мной жила в ее квартире и заявила ей, что и на

порог не пустит с незаконорожденным, хватит с нее того греха, что сама всю жизнь прожила невенчанная, да еще если ребенок некрещеным останется... Но когда меня с матерью привезли в ее мазанку из роддома и мать сказала, что в течение недели найдет нам жилье, бабушка Наталья разрыдалась: «Только через мой труп!». Меня, как и положено, все же окрестили, и сколько она была жива, не было, пожалуй, другого такого человека, кто бы любил и баловал меня больше, чем она. Действительно, наш мир полон парадоксов: своего родного ребенка Наталью Николаевну потеряла, но зато она вырастила мою мать, тетку Женю и в значительной степени меня – трех неродных ей детей, и все они были ей дороги. Сколько я ее помню (где-то с трех-четырёх лет) и до 1941 г., около десяти лет, она всегда находила темы для разговоров, которые были мне интересны, но никогда не рассказывала сказок. Несмотря на мизерную пенсию, о чем я уже выше упоминал, у нее всегда находились для меня леденцы, мелочь на мороженое и сдобные булочки к чаю. Нужно сказать, что когда Женя пошла на работу, жить им стало значительно легче, много помогала и моя мать, которая сама пыталась экономить на всем.

Насколько я помню, а также по рассказам старших членов семьи, до войны в Одессе голода не было, но и купить свободно в магазине хлеб и муку удавалось редко. В начале 30-х годов выручали талоны на хлеб, потом, вплоть до начала войны, одна форма регламентации хлебопродуктов сменяла другую, но всегда это было связано с многочасовыми очередями, бесконечными списками и т.д. Но в продаже всегда были дешевые продукты: свежая рыба, несколько сортов селедки, летом особенно дешево были фрукты и овощи (килограмм полевых помидор стоил 5-7 коп., арбузы и дыни – по 20-30 коп. за килограмм). Хранить продукты было негде – холодильников у населения не было вообще, а ледники имелись далеко не у всех и обходились недешево – килограмм льда стоил 12 коп. и летом в жару он таял довольно быстро. Курочку мать могла позволить себе покупать раз в две-три недели на рынке и, как правило, живую. Резали ее непосредственно перед варкой. Когда такая курица варилась, то аромат куриного бульона через открытые форточки разносился по всему двору, так как кормили ее чистым зерном и росла она на воле, а не в перенаселенной железной клетке.

Помнится еще одна форма торговли, которая имела ограниченное значение – это торгсины, магазины, в которых про-

дукты отпускались за драгоценные металлы. Некоторые называли их еще «американками». Единственный раз я с матерью был в таком торгсине и помню, что она возмущалась жульничеством, которое там процветало. Практически никаких драгоценностей у нас уже не осталось. Все было выменено на продукты. Но у бабки Натальи осталось еще шесть серебряных ложек, ножей и вилок. Она их берегла, но перед Пасхой все же решила обменять их на муку и сахар в торгсине. Предварительно подсчитали, что должны за них получить чуть ли не по 5-7 кг того и другого. Когда в торгсине сделали расчет по-своему, то нам причиталась едва ли половина того, на что мы рассчитывали. Мать хоть и выругала торгсиновских приказчиков, но период был у нас критический и пришлось отдать последнее наше «достояние» за несколько килограммов сахара и очень белой американской муки. Вскоре эта форма выманивания у населения последних ценных вещей была перекрыта.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА – ПЕРЕЛОМНЫЕ ДЛЯ РОССИИ

Большая светлая комната, рядами стоят кровати, на которых лежат дети, некоторые со своими мамами. Все вокруг белое: сами кровати, табуретки и шкафчики возле них, потолок, стены. Все бело и за большими высокими окнами – уже несколько дней там непрерывно падают крупные хлопья снега. Мимо окон медленно проползают коробки санитарных машин с большими красными крестами. Я стою на широком белом подоконнике и на запотевшем стекле что-то рисую... Это первая осмысленная картинка из детства, которая сохранилась в моей памяти. Было мне тогда, по словам матери, два года. Удивительно, что дальнейшие события из моей жизни более или менее четко проявлялись в памяти начиная с четырех-пяти лет, а вот этот отпечаток пребывания в Одесской детской инфекционной больнице, куда я был помещен вместе с матерью на 42 дня в связи с заболеванием скарлатиной в тяжелой форме, сохраняется вот уже около 80 лет. Сейчас мало кто знает, что в тридцатые годы прошлого века почти все дети в России болели скарлатиной, коклюшем, ветряной оспой, многие переносили краснуху и другие инфекционные болезни. Почти все эти неизбежные спутники детства пришлось перенести и мне...

Родная Слободка

Родился я в Одессе 5 февраля 1928 г. на окраине города, называемой Слободкой. История как-то обошла молчанием этот весьма колоритный район Одессы. Все знают, что в Одессе есть Молдаванка и Пересыпь, Малый и Большой Фонтаны, Ближние и Дальние Мельницы. О них написано много книг, сочинены популярные песни, сняты кинофильмы. Но за всю свою довольно долгую жизнь я ни разу не встречал каких-либо литературных упоминаний о Слободке. Для меня же в детстве не было милее и памятнее места в Одессе, чем моя Слободка. Здесь в

небольшом саманном домике более 20 лет прожила моя мама, около 27 лет – моя бабушка Наталья (всего в Слободке она прожила более 60 лет), 24 года – тетка Женя.

В 1933 г. мы с матерью переехали практически в самый центр Одессы, но при первой возможности я удираю из дома в дорогу мне Слободку. Вскоре грянула война, немцы взорвали водорегулирующие устройства на Куяльницком лимане, и уровень грунтовых вод в ряде районов Пересыпи и у нас в нижней части Слободки стал подниматься. В июле 1941 г. умерла моя бабушка Наталья Николаевна в возрасте 83 лет, тетка Женя переехала в город, и домик наш начал разваливаться. Вдобавок в полукилометре от него румыны и немцы устроили большой палаточный городок – временное еврейское гетто, откуда эшелонами отправляли людей в специально оборудованные лагеря смерти, поэтому после кончины бабушки я в Слободке больше уже никогда не был.

Сама Слободка делилась на две части – низинную, где грунтовые воды весной и осенью поднимались почти до уровня поверхности земли, и верхнюю – «горную», расположенную на довольно крутом склоне, застроенном домами из ракушняка, а некоторые даже из кирпича, что в Одессе в предвоенное время было большой редкостью. Низинная часть Слободки в основном состояла из чисто выбеленных домиков, покрытых толстыми тростниковыми крышами. Через нижнюю часть Слободки не-вдалеке от нашего домика проходила трамвайная линия 20-го маршрута «Пересыпь – Куяльницкий лиман» и когда по ней проезжал трамвай, наш домик плавно покачивался вверх-вниз. По обе стороны улочки, на которой стоял наш «особняк», были выкопаны довольно глубокие каналы – около метра глубиной и полтора метра шириной. Вода в них была горько-солончатой, но отличалась кристальной прозрачностью. Летом эти каналы густо зарастали камышом, рогозом и другими водными растениями, в них в изобилии водились жуки-плавунцы, головастики, личинки стрекоз. Я часами просиживал в этих травянистых зарослях, наблюдая открывавшийся мне подводный мир. Еще интереснее были многочисленные бабочки и стрекозы, среди последних встречались ярко-красные «пожарники», синие и золотисто-зеленые «иголочки», реже можно было увидеть фантастически красивых крупных стрекоз с прозаическим названием «коромысло». Наверное, моя страсть к биологии зародилась именно на берегах этих канав.

Как уже упоминалось выше, нижняя Слободка была построена в основном рабочими завода Шполянского, большин-

ство ее жителей, особенно соседи, хорошо знали друг друга и по праздникам собирались в большие компании. В той части, где жили мы, был только один магазин и одна керосиновая лавка. Электричества в домах не было, но на улице по ночам горели несколько тусклых электрофонарей. Утром всех жителей будили горластые заводские гудки, и какой бы ни был захудалый заводик, но он имел свой гудок. В верхней Слободке жизнь сильно отличалась от нижней ее части: туда ходили трамваи по двум или трем маршрутам, имелся довольно большой обширный городок, неполная средняя школа, библиотека, два или три магазина и в большинство домов было проведено электричество.

Несмотря на то, что Слободка считалась частью города, здесь сложилось своеобразное общество жителей. Во-первых, если Молдаванка была населена в основном евреями, цыганами, выходцами из Молдавии, большой процент которых можно было с уверенностью отнести к преступному элементу, то население Слободки было представлено главным образом рабочими небольших промышленных предприятий. Здесь располагались уже упомянутый выше завод Шполянского, лако-красочная фабрика, мастерские по изготовлению лабораторного оборудования (колбы, пробирки, стеклянные змеевики, трубки разных размеров, ртутные термометры и пр.), завод по выпуску деталей для станкостроения и некоторые другие. Но, пожалуй, главной достопримечательностью для нашей мальчишеской команды являлась довольно обширная свалка промышленных отходов, на которой всегда можно было найти трубочки для стрельбы горохом, разного диаметра стальные шарики, свинец и множество подшипников, там же можно было собрать практически любое количество ртути из разбитых термометров. Все это представляло большую ценность для обмена с пацанами из других мест обитания...

Слободское население было не шибко грамотным, но отличалось, как правило, физической силой и сплоченностью. На улицах Слободки боялись появляться даже самые отъявленные «фраера» с Молдаванки, да и с Пересыпи тоже. Рабочей силой Слободка пополнялась в основном за счет пригородных сел и деревень. Говор слободских был сильно украинизирован и моя бабка Наталья, прожившая в Одессе более 60 лет, говорила, когда искала меня: «Чи вы нашего хлопчика не бачили?». Особое впечатление на меня производила ее украинская чистоплотность – в любое время года в комнатах стены и потолок были выбелены с добавлением синьки. На столах, комоды и

этажерке всегда были постелены накрахмаленные кружевные скатерти и салфетки, кровать была застелена кружевным покрывалом с «подзором», полы покрыты домоткаными ковриками, на подоконниках – цветущая герань. В двух углах комнаты – иконы и под ними горящие круглые сутки лампадки, на печке – ухоженная кошка. В обуви в дом никого не пускали – разувались в сенях. Деревянный туалет находился в углу двора и состоял из двух отделений. Все необходимое для жизни имелось, и практически все хозяйство находилось на «самообслуживании» у жильцов. Свой жизненный путь слободчане заканчивали на районном кладбище, которое находилось в верхней, не заливаемой грунтовыми водами части поселка. Несколько раз мы с бабушкой Натальей ходили туда, но на чьи могилки – я не запомнил.

Пока мы с матерью жили в Слободке, в центре Одессы бывали редко, но отдельные поездки мне запомнились. Где-то летом 1932 г. мать привела меня в известное в Одессе кафе «на Дерибасовской – угол Ришельевской», где продавались необычайно вкусные пирожные, пирожки с различными начинками, бутерброды с чайной колбасой, которую я очень любил, и конечно кофе (обычно овсяный или желудевый). Я попросил маму купить мне бутерброд с колбасой, но она сказала, что бутерброды продаются только по талонам на хлеб, а у нас их с собой не было, поэтому она купит мне пирожное и кофе. Я запротестовал и стал с жаром доказывать, что лучше бы по талонам продавались пирожные. На нас стали оборачиваться, а одна бедно одетая старуха громко произнесла: «Вот буржуи чертовы, заелись! Пирожных не хотят!»... Многие из посетителей рассмеялись, а мне мать пригрозила, что больше в город брать меня не будет. Не думал я тогда, что через 11 лет, в июле 1943 г., в этом доме, где в то время размещалось управление немецкой Фельджандармерии, ниточка моей жизни могла оборваться в течение ближайших двух-трех дней... Но об этом позже.

Как известно, в начале тридцатых годов на Украине разразился страшный голодомор в наиболее зверской форме, когда в селах неоднократно отмечался каннибализм, причем в областях с наиболее плодородными почвами, например, в Киевской, Житомирской, Черниговской и др. Конечно, в самой Одессе люди на улицах не умирали – хоть и мало, но все же хлеб по карточкам давали, и самое трагическое положение было на селе. Много позднее мне удалось ознакомиться с документами тех лет – в Чернобыльском районе за три роковых года от голода вымерло более 30-40% украинского населения. Не лучше было

положение и в соседних районах. В литературе о голодоморе на Украине сведений до сих пор очень мало, и я, к своему стыду, узнал об этой украинской трагедии только в 60-70-х гг. XX столетия. Обвиняют в ней многих партийных и правительственных деятелей тех лет, но ясно, что без «стальной руки» дело не обошлось.

Время сталинских «ястребов»

Другой трагедией тридцатых годов для всей страны явилась борьба с «предателями-троцкистами», «агентами международного капитализма», которую развернули «кровавые рыцари» – сталинские ястребы Г.Г. Ягода (1934-1936 гг.), Н.И. Ежов (1936-1938 гг.) и «долгожитель» среди этой троицы Л.П. Берия (1938-1953 гг.). Если о голоде в селах Украины в газетах ничего не писали, то о «врагах народа» информации было предостаточно. По городу были расклеены плакаты, на которых изображен извивающийся «враг народа», схваченный колючими рукавицами, с текстом «от ежовых рукавиц не убежишь!». Нужно отметить, что, к сожалению, большинство населения в годы ежовщины верило тому, что писалось в газетах, и искренне радовалось, когда кого-то «забирали», особенно из числа начальства и интеллигенции. К расцвету ежовщины (1937-1938 гг.) мы с матерью уже проживали в коммунальной квартире, расположенной в полуподвальном помещении когда-то красивого дома по ул. Свердлова, 16, кв. 8. В пяти комнатах нашей квартиры довольно мирно уживались пять семей и... несколько десятков огромных крыс! Наш дом стоял практически в самом центре Одессы: в двух кварталах от Пушкинской, в трех – от Ришельевской и Дерибасовской улиц. В этом районе города органы госбезопасности собирали, пожалуй, наиболее богатый «урожай». Два раза я в числе еще пяти-шести пацанов участвовал в организации «засад» для наблюдения за процедурой ареста «врага народа».

С этой целью мы собирались часам к 11 вечера группой в кустах невдалеке от ворот дома и, если повезет, видели, как вскоре к дому в полной тишине подъезжали «черный воронок» и «эмка». Из «эмки» выходили три-четыре человека, подходили к воротам и вызывали дворника. Вся эта группа шла к тому или иному парадному входу в дом. По пути по соседству с обреченной квартирой подбирались понятия и «карающая десница правосудия» приступала к своей черной и постыдной работе. В нашем доме было около 40 квартир, в которых проживало 160-

170 человек, из них за репрессивные годы были взяты шестеро. Все они были члены партии и относились к местной руководящей элите. Вернулся к началу войны только один из них. Следует отметить, что в осведомителях недостатка не было, часто даже из числа казалось бы самых близких и преданных друзей и коллег по работе. Однажды мой руководитель по аспирантской подготовке д.б.н., профессор С.Я. Соколов рассказал мне, что в 1938 г. он заканчивал свою докторскую диссертацию, когда его вызвали в «Дом на Литейном» (в Ленинграде), где с ним имели продолжительную беседу два высокопоставленных чина. Речь шла о его диссертации: ничего ли не мешает работе над ней, каков круг его близких друзей и коллег по работе. На прощание они пожелали ему успешной защиты. Когда он уже выходил из кабинета, один из его собеседников сказал: «Не будем скрывать, к нам поступил не очень хороший материал на Вас и мы решили всё проверить в личной беседе с Вами. Успехов Вам в науке». Спустя несколько месяцев в Ботаническом институте АН СССР, где работал С.Я. Соколов, органы безопасности проводили собрание, на котором информировали научных сотрудников о своей деятельности и происходящих в стране переменах. В этот период шла смена руководства НКВД – Николай Иванович Ежов «передавал» свои полномочия Лаврентию Павловичу Берия и готовился к переходу в наркомат водного транспорта. Обстановка в стране несколько смягчилась. И вот выступающий товарищ из госбезопасности говорит: «А сейчас я вам назову некоторых из ваших коллег, которые в своих заявлениях оклеветали своих друзей», и называет одного из широко известных впоследствии профессоров, лучшего друга С.Я. Соколова. Тот чуть со стула не упал... Потом этот «доброжелатель» оправдывался перед Сергеем Яковлевичем тем, что его вызывали в партком и обязали крепко стукнуть на него...

В этот переходный от Ежова к Берии период действительно прошла волна реабилитаций. У нас в гостях побывали знакомые, которые уже прошли «подготовительный этап» к переходу в мир иной, но благополучно были возвращены домой. Всем им выплатили значительные суммы денег, выдали путевки на 40 дней для восстановления здоровья в санаториях Крыма и Кавказа, но все они были представителями среднего руководящего звена. С крупными фигурами долго не задерживались, а пускали «в расход» буквально сразу после обсуждения на Политбюро. После окончания средней школы мне пришлось какое-то время работать в г. Коломья в Дорожно-эксплуатационном участке ОШОСДОР МВД в должности старшего техника.

Начальником у нас был майор КГБ, ранее служивший в Москве в особо секретных частях. Так вот, когда он был «под шафе», то рассказывал, что его задачей являлось перемещение в мир иной многих видных деятелей. Технически это осуществлялось довольно просто: «врага народа» вели по подвальному коридору, где было необходимо в одном месте наклониться в невысоком дверном проеме. В простенке на уровне затылка заключенного имелось небольшое окошко, которое в этот момент открывалось и майору оставалось только нажать на курок... Нарушения психики привели его из КГБ в дорожную службу, а через несколько месяцев я узнал, что в конце концов он сам отправил пулю в свою собственную большую голову.

Следует помнить, что кроме репрессированных через службу госбезопасности, каждый член партии должен был пройти «чистку», которая также стоила огромного нервного напряжения и сказалась впоследствии на психическом здоровье десятков тысяч людей. Пройти «чистку» предстояло и дяде Сереже, и хотя он имел «железную» выдержку, я видел, что перед роковой датой он был внутренне весь на взводе. Позднее он довольно скупно рассказывал нам о самой процедуре «чистки». Его заранее предупредили, что будут заслушивать на специальной комиссии при Одесском горкоме ВКП(б), где он должен отчитаться, как выполнял свои обязанности члена партии, изучал «Историю ВКП(б)», тираж которой к тому времени вышел из печати, честно рассказать о допущенных им нарушениях Устава партии, затем он должен будет ответить на многочисленные вопросы. В конце процедуры члены комиссии давали оценку его общественно-политической и производственной деятельности и голосовали по вопросу о его членстве в рядах партии. При регистрации, еще до начала «чистки», каждый из «очищаемых» сдавал свой партбилет и оружие, если оно имелось. Свой пистолет дядя Сережа почему-то оставил перед «чисткой» у нас и сказал матери, чтобы она спрятала его в шкаф. Если комиссия решала оставить проверяемого в партии, то ему после «чистки» возвращали партбилет, а если нет, то охрана выводила его в другое помещение и затем, как правило, следы его терялись навсегда. Работали эти комиссии почему-то ночью – с 22 часов. Дядя Сережа ушел на «чистку» к 12 часам ночи, а вернулся в пять утра с партбилетом в левом кармане гимнастерки. По его словам, за это время он похудел на несколько килограммов. Мать была несказанно рада, что все благополучно прошло, в противном случае эта «чистка» могла закончиться для нас один бог знает чем...

В такое мрачное и жестокое время в народе все равно продолжали ходить отчаянно опасные анекдоты, хотя каждый понимал, что ему за это грозит «десятка» в «солнечном Магадане» по 58-й статье. Привожу по памяти три анекдота, которые подслушал в компаниях военных в 1938 г.

Первый анекдот. Сталин провел сплошное раскулачивание – остался один Бог и его окружение. Приходит к Сталину Николай Иванович (Ежов) и спрашивает:

– Что будем делать с Богом?

– Все отобрать, ангелов – на Колыму!

– Все это уже сделано, Иосиф Виссарионович, но он просит оставить ему осла.

Сталин подумал и говорит:

– Осла можно оставить...

Через несколько дней Ежов звонит Сталину:

– Тут Бог пришел с ослом, просит принять их.

Сталин подумал и говорит:

– Впустите их!

Вошел Бог с ослом и обратился к Сталину:

– Заберите осла, жизни нет, орет все. Голодный, а кормить нечем...

Сталин посмотрел на него и говорит:

– И это ты Бог? У меня 150 миллионов голодных ослов работают и еще как хвалят меня!

Второй анекдот. Собралась веселая компания. Выпили, анекдоты рассказывают, песни поют. Один из них, наиболее трезвый, сидит и думает – пойти сейчас в НКВД и стукнуть? Посмотрел на часы – уже два часа ночи. Ладно, решил, отосплюсь, а утром сразу побегу. Пришел домой, лег спать. Не успел уснуть – звонок, за ним пришли. Привезли в КПЗ, сосед по камере спрашивает:

– Тебя за что?

– За лень! Тот гад сразу же побежал и стукнул, а я еще поспать захотел!..

Третий анекдот. Едут Хаим и Абрам в трамвае на задней площадке. Хаим говорит Абраму:

– Ты знаешь, какая разница между ослом и милиционером?

Тут сзади подходит милиционер и, похлопывая Хаима по плечу, спрашивает:

– Ну, и какая?

– Что Вы, товарищ, милиционер, ей-богу – никакой!..

Трагикомический случай произошел, когда мать привела меня в первый класс в нашу новую школу. Торжественная линейка первоклассников почему-то была назначена на два часа дня. Как обычно, боясь опоздать, большинство школьников с родителями пришли пораньше и, изнывая от жары, ждали начала торжества, которое должно было состояться в большом светлом зале. Когда время подошло, в зал прошли трое рабочих с лестницей и закрыли за собой дверь. Все ожидающие зашумели, особенно первоклассники. У закрытых дверей толклись директор и завуч школы, несколько учителей и человек пять приглашенных почетных гостей. Торжество явно задерживалось и только через 10-15 минут дверь зала отворилась и рабочие вынесли большой портрет П.П. Постышева – секретаря ЦК КП(б) Украины. Все притихли и расступились, как при «выносе тела», хотя это и было близко к истине. Все школьники ринулись в зал, а многие родители как-то сразу сникли и потеряли праздничное настроение. Через три года Павла Петровича Постышева расстреляли... Вообще же годы репрессий коснулись практически всех слоев населения страны, однако в разной степени. Период раскулачивания прежде всего ударил по селу, причем в основном пострадало более или менее зажиточное крестьянство, которое являлось основным поставщиком сельхозпродукции для городов и на экспорт.

Что мы ели, что носили, какие фильмы смотрели...

Проживая в городе в том возрасте, когда тебя еще мало интересуют всякие внутривнутриполитические потрясения, нельзя было реально оценить обстановку в стране. Могу сказать только одно – сколько я помню, в довоенной Одессе, как я уже выше упоминал, никогда не было периода, чтобы можно было зайти в магазин и свободно купить хлеба сколько хочешь. После отмены талонов на хлеб (в 1933 или 1934 г.), чтобы купить хлеб, необходимо было занять очередь в магазине с 7 часов вечера, записаться в список очередности и получить свой личный номер (чаще всего его писали на руке чернильным карандашом). Дважды за ночь проводилась переключка, и если того или иного номера не оказывалось на месте, то его тут же под одобрительный гул толпы исключали из списка. Магазин открывался в 7 утра и к этому моменту проводилась окончательная переключка. Продажа хлеба была строго нормирована, поэтому к открытию магазина мы с матерью стояли в очереди уже вдвоем. Нужно отметить, что качество хлеба было высо-

кое. В середине 30-х годов еще не было «кирпичей», весь хлеб был подовой, причем в довольно обширном ассортименте: хлеб белый, хлеб ситный (наиболее ходовой), хлеб черный, ржаной белый, пеклеванный (серый, из смеси пшеничной и ржаной муки), чисто ржаной черный; несколько сортов булочек, причем наибольшим спросом пользовались булочки «французские» (позднее их переименовали в «городские»). Одной покупки хлеба нам хватало на три дня, а потом опять «всенощная».

Вскоре хлеб стали продавать по спискам, так как некоторые покупатели занимали по два-три места в очереди, но это нововведение только осложнило отпуск хлеба. Перед войной какой-то «изобретатель» предложил развозить хлеб, предварительно расфасованный в «именные» мешочки, по домам, для чего заранее составлялись списки жильцов каждого дома, номер квартиры и норма хлеба. Каждая семья должна была сшить свои мешочки и написать на них название улицы, номер дома и квартиры, фамилии жильцов, номер по списку и сдать их в домоуправление. Утром приезжал хлебный грузовик, подавался сигнал клаксоном и все сбегались к машине, где получали свой персональный мешочек с хлебом, перекладывали его в свои сумки, а сам мешочек и деньги за хлеб отдавали раздатчикам. С началом войны все перешли на карточки, но вскоре вместо хлеба стали получать сухари. Кроме сухарей, на каждого едока в Одессе ежедневно выдавали одну банку крабов. Этот деликатес нам настолько приелся, что уже и после войны штабеля банок с крабами занимали в магазинах все верхние полки.

С перебоями поступали в магазин сахар и мука, причем сахар (рафинад) продавался в основном в виде ослепительно белых конусов, завернутых в синюю бумагу по одному-два килограмма каждый. Песок особым спросом не пользовался. Головки эти были «броневой» крепости и расколоть их на кусочки можно было только с помощью специальных щипцов. Особый интерес для детей представляло раскалывание головок в темноте – в момент раскалывания на поверхности сахара сверкали ярко-синие огоньки электрических разрядов.

Стоимость хлеба, насколько мне помнится, колебалась в зависимости от сорта – от 50 коп. (черный ржаной) до 75-80 коп. (ситный, пеклеванный) за килограмм, белый хлеб стоил около рубля. В целом продукты были дешевле: мясо I сорта – 1 руб. 90 коп., II сорта – 1 руб. 50 коп., III сорта – 90 коп. за килограмм. Колбаса чайная – 1 руб. 20 коп., полусухая – 3 руб., масло сливочное – от 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 40 коп. Сельдь – от 90 коп. до 1 руб. 50 коп. (залом), икра красная – 6 руб.,

черная – 12 руб. за килограмм. Возможно, какие-то цены я привел с некоторой ошибкой, но начиная с шести-семи лет я уже по заданию матери часто ходил в магазины и конечно же интересовался ценами на продукты. Нужно отметить, что продавцы, преимущественно мужчины, всегда были одеты очень аккуратно, обслуживали вежливо и не возмущались, если покупатель просил отрезать ему 100 г колбасы, 50 г сыра и взвесить 50 г сливочного масла.

Конечно, уровень жизни определяют не цены в магазинах, а покупательская способность населения. Зарплата у среднего работника в городе была в 30-е гг. 120-140 руб. в месяц. За квартиру (комнату) мы платили вместе с электричеством около шести или семи рублей в месяц. В каждой комнате нашего дома была своя печь, обычно обложенная кафелем. Самым дешевым топливом служила шелуха от семечек подсолнечника, но при топке печи этой шелухой нужна была специальная форсунка, в которую необходимо было засыпать шелуху непрерывно и равномерно. Если же засыпать слишком много топлива, то вначале огонь в печи притухал, а потом мог неожиданно с силой вспыхнуть и часть горячей шелухи вылетала через форсунку в комнату, поэтому вокруг топки пол оббивали листовым железом.

Запомнились три периода, которые наступили в 30-х гг. в Одессе в области питания населения. Первый – это «соевый период», который буквально перевернул обычный для одесситов ассортимент продуктов. В их ежедневное меню начали стремительно внедряться соевое молоко, соевые творог, масло, конфеты, мороженое, пирожки с соей, колбаса с добавлением все той же сои. В одесский порт потоком пошла соя из-за рубежа, и вскоре все хранилища, предназначенные для зерна, были заполнены ею. Тогда сою стали разгружать прямо на асфальтированные площадки и укрывать брезентом. К началу войны в Одесском порту накопились огромные бурты сои, которые никто особо не охранял, и население стало понемногу ее растаскивать. Сою можно было употреблять в вареном виде и поджаренную на сковородке. Мы с матерью тоже два раза «промышляли» сою в порту и к зиме запасли ее почти целый мешок, что помогло нам избежать голодной смерти в длинную и необычайно суровую для Одессы первую оккупационную зиму.

Следует отметить, что на улицах в центре города днем и ночью дежурили постовые милиционеры. Их посты располагались на расстоянии, позволяющем им прийти по свистку на помощь соседу по посту. Кроме того, периодически возле своих

домов по ночам дежурили дворники. Вообще все дворники были тесно связаны с милиционерами и должны были сообщать участковым о подозрительных лицах, проживающих в их домах без прописки или нигде не работающих. Большинство ворот и парадных подъездов на ночь запирались с 11 часов вечера. Если кто возвращался позднее, например, из гостей или театра, то он вызывал специальным звонком дворника, который приходил открывать ворота, за что дворнику было положено вознаграждение – один рубль. В нашем доме дворник, которого звали Митрофаньчем, был еще царской закалки. Он участвовал в русско-японской войне, после которой поступил в услужение к бывшему хозяину нашего дома и прослужил на своем посту более 30 лет. В 1914-1916 гг. Митрофаньч воевал на «германской», был ранен и в 1917 г. вернулся на свой пост. К работе своей он относился со всей душой, с рвением, ко мне был хорошо расположен и часто рассказывал о своих военных годах и какой хорошей у него была жизнь при царе-батюшке. Смерть настигла его в июле 1941 г. при первой интенсивной бомбежке нашего припортового района. Он пошел в соседний хлебный магазин, и когда начали рваться бомбы, побежал изо всех сил домой, но сердце 70-летнего старого солдата не выдержало такой нагрузки и он замертво упал в пяти-шести метрах от ворот своего дома, хотя пробежать ему надо было всего около 50-60 метров, а может и еще меньше.

Следует отметить, что хотя в магазинах в то время всегда был обширный ассортимент винно-водочных изделий по довольно низким ценам, в городе пьяных не было видно. В нашем доме проживало около 160-170 человек, любителем выпить считали только одного работягу, который частенько возвращался домой качающейся походкой. В городе было много пивных баров, а в них всегда полно посетителей и, как говорится, «дым коромыслом». В довоенные годы курили в основном папиросы, причем наиболее ходовыми были «Беломорканал», «Казбек», «Сальве», «Дерби» и др. Во всех магазинах также продавалась махорка, которая широко употреблялась в рабоче-крестьянской среде. Многие курильщики сами набивали себе папиросы. В продаже всегда были гильзы, различные сорта табака, машинки для набивки папирос. Почти все курильщики имели портсигары, часто серебряные, которые стоили в то время недорого.

Одной из самых сложных проблем для Одессы в 30-е годы являлась проблема городского транспорта. Фактически все перевозки пассажиров в пределах городской черты осуществлялись трамваями. При мне по городу курсировали трамваи по

34 маршрутам, хотя не все из них были постоянно действующими. Особенно обострилась транспортная проблема в городе после введения «драконовского» закона, по которому за опоздание на рабочее место более чем на 15 минут можно было получить год тюремного заключения или, в лучшем случае, принудительных работ. Стоимость проезда в трамвае была дифференцированной: в пределах центральной части города – 10 коп., на длинных маршрутах, особенно загородных (пляжных), например, в Люстдорф (после войны – Черноморку) 20 коп., а в Лузановку, Большой Фонтан и т.д. – даже 30 коп. В дальнейшем была введена единая стоимость проезда в городском трамвае – 15 коп. Вагоновожатыми были в то время преимущественно мужчины, а кондукторами – женщины. Как правило, трамваи ходили переполненными, но на загородных пляжных маршрутах, особенно в выходные и праздничные дни, вообще творилось что-то невероятное. Наиболее загруженным оказывался обычно маршрут в Лузановку, где были самые лучшие песчаные пляжи. Сейчас трудно себе представить, что в такие дни снаружи трамваев ехало людей больше, чем внутри. На крышах всех трех вагонов сидели пассажиры с детскими колясками, сумками, зонтами и т.д. Были заняты все буфера, ступеньки, площадки, ограждения колес вдоль вагонов. Держались «внешние пассажиры» за все, что можно и ни о какой безопасности проезда никто не думал. Бывали случаи, когда ограждения обрывались и более резвые пассажиры успевали соскакнуть с них на ходу, но не исключены были и трагические происшествия, когда нерасторопный «наездник» оставался без одной или даже двух ног. Вообще несчастных случаев на трамвайных линиях в Одессе было много.

Когда мы переехали в центр города и трамвайная линия проходила всего в нескольких метрах от нашего окна, которое на 2/3 своей высоты было заглублено в землю, то сначала грохот трамваев сильно раздражал нас, но вскоре мы привыкли к нему. Местные пацаны смело разъезжали на буферах, на «колбасе» (воздушные шланги тормозной системы), на поворотах лихо спрыгивали на ходу с трамвайных подножек. Первое время я не решался на подобные рискованные трюки, но когда достиг шести-семилетнего возраста, мне стало стыдно перед ними за свою неуклюжесть. И вот, когда мне уже пошел восьмой год, я решил, что обязательно должен научиться спрыгивать с трамвая на ходу. Для начала свои первые прыжки я совершал на повороте трамвайной линии, когда вагон замедлял свой ход. Окончилось это печально – локти и колени были содраны бук-

важно до кости и полученные раны пришлось залечивать больше месяца... Умение приходит с опытом, и вскоре я понял, что спрыгивать с подножки трамвая нужно по его ходу, но отталкиваясь при этом назад. Дело пошло и вскоре я до того обнаглел, что прыгал на довольно большой скорости. Однажды я решил на ходу перепрыгнуть с открытой площадки головного вагона на прицеп, но сорвался, и от верной гибели меня едва успел спасти один моряк, который стоял рядом. Он схватил меня за шиворот и втащил обратно. После этого я стал осторожнее в своих каскадерских опытах.

Трамвайная катастрофа

Вскоре мне пришлось быть непосредственным свидетелем самой большой аварии на трамвайном маршруте в Одессе из всех, которые когда-либо случались в городе. Летом 1938 г. я катался на детской площадке в нашем дворе на большой трапеции, которую домоуправление недавно установило для детей двора. Вдруг с улицы я услышал грохот и душераздирающие крики. Я выбежал на улицу и в этот момент из-за угла буквально вылетел «голубой трамвай» – гордость одесситов. Этот трамвай был изготовлен в 1937 г. на одном из заводов города к 20-летию Великой Октябрьской революции. Он был окрашен в ярко-голубой цвет, в нем были мягкие сидения, автоматически закрывающиеся двери. Вообще-то его корпус и ходовая часть принадлежали еще дореволюционному «пульману». Облицовку ему поменяли на современные обтекаемые формы, обильно насыщенные никелированными деталями.

И вот в этого красавца со страшным грохотом врывается второй пульман, который выскочил вслед за ним из-за поворота. Оба трамвая подкатились к нашему дому и остановились как раз напротив нашего полуподвала. Площадки обоих трамваев были залиты кровью, из вагонов неслись крики пострадавших. Следует отметить оперативность медиков, которые буквально через несколько минут подлетели к месту аварии на двух машинах «Скорой помощи». Тут я увидел, как из второго вагона выносят и кладут на носилки молодую женщину с одной ногой, вторая нога была у нее как ножом отрезана выше колена. Кровь почему-то почти не шла. Носилки перенесли на тротуар и поставили прямо перед нашим окном. Был выходной день и моя мама находилась дома. Когда я вбежал в квартиру, она меня спросила:

– Что это там за грохот на улице?

Я смог только показать ей на окно. Когда мы подошли к окну, то услышали, как эта несчастная женщина спокойным голосом говорила санитарам:

– Принесите мне мою ногу, скорее принесите ногу...

Мама тут же упала в обморок, и я бросился к ней, чтобы привести ее в чувство.

Основная часть 23-го трамвайного маршрута проходила по совершенно прямой улице Свердлова и только в самом начале ее, возле нашего дома, рельсы делали поворот под прямым углом на перпендикулярную ей улице Карла Либкнехта. Здесь трамвай делал остановку, а затем через Греческий мост начал подъем в два квартала до пересечения с улицей Ришельевской. Здесь после остановки он пересекал ее и далее шел два квартала по ровной части улицы Карла Либкнехта до конечной остановки – Греческого базарчика. Десятки лет трамвай ходил по этому маршруту без всяких аварий, но в том случае вагоновожатая после остановки отпустила тормоза и начала переезжать через Ришельевскую, а трамвай вместо движения вперед стал катиться назад к спуску. Попытки остановить его не удалось и вагон стал набирать все большую скорость. Многие пассажиры выпрыгивали из трамвая на ходу, что привело к многочисленным тяжелым травмам.

В этот момент к подъему двигался «голубой» пульман, вагоновожатая которого не обратила внимания на летевший уже с большой скоростью вниз по спуску верхний трамвай и вместо того, чтобы дать как можно скорее задний ход, начала разгон своего вагона на предстоящий подъем. Через несколько секунд многотонный верхний пульман нанес таранящий удар по «голубому» вагону и они оба понеслись в обратном направлении к повороту на ул. Свердлова, где верхний трамвай опять догнал несчастного «голубого» и ударил его повторно с такой силой, что почти половина передней его части была полностью разбита. После этого третий удар с уже значительно ослабленной силой произошел уже как раз напротив нашего дома, и оба трамвая наконец остановились. Обе вагоновожатые в этой аварии погибли. Никаких сообщений в средствах массовой информации о числе жертв не было. Несколько дней трамваи ходили по 23-му маршруту полупустые, но вскоре страхи утихли и подробности этой самой трагической аварии в истории Одесского трамвая, финал которой происходил на моих глазах, стали забываться, но ужасную эту картину не смогли стереть из моей памяти даже не менее впечатляющие события наступившей вскоре Великой Отечественной войны...

Большинство трамваев, эксплуатируемых в 30-е гг. в Одессе, было изготовлено еще до революции, в основном в Бельгии, и рассчитано на узкую колею. Следует отметить высокое качество их изготовления, благодаря которому они продолжали ходить по многим маршрутам даже после 40-50 лет с момента выпуска. Часть маршрутов была переведена на широкую колею, по которой ходили вагоны, изготовленные уже в советское время. Кроме того, на участках, где пришлось совмещать узкую и широкую колею, прокладывалась комбинированная трехрельсовая колея. Все это сильно затрудняло нормальную работу трамваев, а автобусов в то время в городе было очень мало. В конце 30-х гг. прошлого столетия в Одессе начали прокладывать первые троллейбусные линии. Для одесских улиц, особенно в центре города, это оказалось непростой задачей. Все основные обустроенные магистрали в центральной части города были заняты интенсивно работающими трамвайными линиями. Из-за старой планировки большинство улиц было узкими, с крутыми поворотами. Покрытие их чаще всего были выполнено бугристыми булыжниками.

Под первую троллейбусную линию была выбрана Пушкинская улица, которая начиналась от Привокзальной площади и заканчивалась на площади у Исторического музея, недалеко от памятника А.С. Пушкину. В начале 1941 г. первые ярко-голубые троллейбусы, поступившие в Одессу, тягачи потащили во временно приспособленное для этого троллейбусное депо. Ходили слухи, что первая троллейбусная линия будет открыта к 7 ноября 1941 г., т.е. к 24-й годовщине Великой Октябрьской революции. Но, увы, в ноябре 1941 г. румыны начали вывозить красивые голубые машины в порт, где их грузили на морские суда и доставляли затем в Бухарест. Недаром говорят, что пути господни неисповедимы: уже в мае-июне 1944 г. пленные румынские солдаты потащили эти же, доставленные назад в Одессу из Румынии, троллейбусы из порта в город и через полтора-два года голубые машины пополнили парк городского транспорта Одессы.

Следует отметить, что вторая половина 30-х гг. ознаменовалась некоторым улучшением благосостояния жителей города, хотя репрессии все еще продолжались и многие ответственные лица разделили участь своих жертв, но все же «потепление общественного климата» проявлялось во многих сторонах жизни одесситов. Так как я рос практически в «женской» семье, то прежде всего отмечал изменения в женской половине тогдашнего общества. Помню, как изменились буквально на

глазах женские прически – почти поголовно все женщины сменили строгие прямые стрижки и косы на перманент (под башка), в моду вошли огненно-красная помада, которой рисовали губы в форме сердечка, и пудра. Массово стали появляться платья из крепдешина и файдешина, фильдекосовые и фильдеперсовы чулки. Исчезли «модерновые» юбки с большими разрезами, вызывающе прозванные «мужчинам некогда», модные в конце 20-х – начале 30-х гг.. Модельные туфли на выход стали шить в ателье на заказ, массово вошли в моду «атлетические» подплечики, которые подшивались как к мужской, так и к женской одежде. Зимой на улицах появились женщины в беличьих шубках в комплекте с такими же шапочками и муфточками, на ногах стали носить модные белые фетровые ботинки на умеренных каблучках. Однако, подобные наряды были доступны далеко не всем, например, моей матери они были не по карману...

Мужская одежда также претерпела определенные изменения в основном в сторону более строгого стиля и удорожания. В моду вошли шевиотовые костюмы в комплекте с белыми рубашками, с запонками в манжетах. Кто располагал большими капиталами, тот шил в ателье мод бостоновые костюмы. Пользовались успехом мужские габардиновые плащи и драповые демисезонные пальто несколько зауженные в талии и длиной немного ниже колена. Летом были в ходу льняные или чесучовые костюмы – лён был очень дешевым и удобным для одесского лета материалом, но его недостатком была быстрая сминаемость. Когда я стал постарше, то мне часто приходилось гладить свой льняной костюм по два раза в день. Очень красиво выглядели летом белые брюки из рогожки, одна беда – в пыльные жаркие дни их приходилось стирать каждый день. На ногах у подростков летом преобладали белые спортивные тапочки или белые парусиновые туфли. Зимой мы, 10-12-летние школьники, носили ботинки на резиновой подошве и обязательно галоши. Вообще-то галоши были всеобщей обувью – без галош не пускали в школу (их сдавали в раздевалку вместе с одеждой), причем терялись они бесконечно, несмотря на все ухищрения дирекции школы, а купить их было очень непросто, хотя и стоили они дешево: необходимо было выстоять за ними в очереди не меньше часа, да и были они в продаже не всегда. Вообще в той среде, где мы тогда жили, основной была прочная, простая и дешевая одежда.

Особая роль в мужской моде отводилась ширине штанин в нижней части брюк, так называемых «клёшей», ширина кото-

рых могла достигать 40 см, при стандарте в 30. В тот период была распространена блатная песенка со словами: «... клёши новые, полуметровые...». Отглаженные клёши должны были покрывать носок туфель или заходить на один-два сантиметра далее носка. На головах почти у всех мужчин Одессы во второй половине 30-х гг. красовались кепки, вначале сплошного покроя, а несколько позже – шестиклинки, на темечке которых была пришита небольшая кнопка. Зимой носили ушанки или круглые «поповки». Подрастающая пацанва в основном носила лёгкие шлемы из искусственной кожи. Еще до войны, году в 40-м, кто-то мне подарил настоящий кожаный шлем с теплой подкладкой. Я проносил его два года до войны, всю войну и еще лет восемь после нее. Вообще следует отметить высокое качество дешевой одежды, выпускаемой в стране в до- и послевоенные годы. Так, в 1950 г. я купил себе лыжный костюм из «чертовой кожи» (хлопок), который одевал при поездках в лес более 50 лет. Несмотря на столь длительный срок носки, он сохранил свою прочность и разорвать его у меня не хватало сил!

Наиболее посещаемыми населением в 30-е годы прошлого века в Советском Союзе из культурно-развлекательных заведений были кинотеатры. Когда появлялся новый фильм, то билеты на него раскупались мгновенно, к тому же стоили они очень дешево: на детский сеанс – 10 коп., на дневной взрослый – 25 коп., вечерний – 40 коп., а в клубах – еще дешевле. Одними из первых фильмов, немых, но весьма популярных, в конце 20-х – начале 30-х гг. были «Броненосец «Потемкин» и «Путевка и жизнь», который был озвучен одним из первых. Необыкновенный успех имели фильмы «Александр Невский», «Чапаев», «Щорс», «Волочаевские дни», «Депутат Балтики», «Цирк», «Веселые ребята». «Волга-Волга», «Ленин в октябре», «Ленин в 1919 году», «Дети капитана Гранта», «Истребители», «Граница на замке», «Трактористы», «Сорочинская ярмарка» (первый довоенный цветной фильм), «Если завтра война» и ряд других.

Как видно из приведенного выше перечня, большинство фильмов было посвящено военной тематике и всегда заканчивалось победой Красной Армии. Фильмы о жизни колхозников были оптимистическими и сопровождались массовыми песнями, плясками, обильными застольями. Конечно, большинство населения было ясно, что не так уж и весело живется в колхозах, но из кинозала зрители выходили, как правило, в хорошем настроении. К тому же большинство киноартистов были красивы, с отличными артистическими данными, хорошо пели

и были любимы населением. Немалую роль в успехах многих фильмов играло музыкальное сопровождение. Особенно широко известны были музыкальные произведения композиторов И.О. Дунаевского, братьев Дмитрия и Даниила Покрасс, В.И. Лебедева-Кумача и др.

Особенно следует остановиться на детских киносеансах, которые проводились в основном в выходные дни с 10 часов утра. Попытаюсь описать, как проходили эти сеансы. Кассы открывались за 30 минут до начала фильма, но желающие попасть в кинозал собирались еще за полчаса до открытия касс и в помещении, где они располагались, желающих купить билет набивалось до отказа. Билеты продавали обычно в трех или четырех кассах одновременно, очереди постоянно перемешивались, и счастливые обладатели только что купленных билетов с невероятным трудом пробивались сквозь толпу к выходу. Выливалось все это в невероятную давку, в которой постоянно возникали драки, терялись сотни галош, шапок, шарфиков, рукавичек.

Наученные горьким опытом, несчастные контролеры вырабатывали свой метод пропуска орудий оравы зрителей в кинозал. Все двери в зал открывались за 10 минут до начала фильма одновременно и ни о какой проверке билетов в этот момент не было и речи. Кричащая, свистящая толпа врывается в зал и по проходам устремляется к первым рядам кресел – бежали по сиденьям, перепрыгивали через их спинки, проползали под креслами, при этом то в одном, то в другом месте возникали периодические потасовки. Через 10 минут все имеющиеся места в зрительном зале были заняты и поднимался свист, оглушительное топание ногами и аплодисменты – публика требовала начала зрелища! После киножурнала обычно на несколько минут зажигали свет, чтобы пропустить в зал опоздавших зрителей. Как правило, на детских сеансах шли наиболее изношенные ленты, которые часто рвались. На ремонт ленты уходило несколько минут, которые сопровождались неизменным свистом, криками «сапожник!», топанием ног, но как только тушили свет – наступала тишина до следующего обрыва ленты или особенно захватывающего момента на экране. Несмотря на все эти муки, всегда находились любители, которые смотрели понравившиеся киноленты по пять-шесть раз.

В середине 30-х гг. в Одессе практически в каждой семье появились черные тарелки радиоточек, которые включались в шесть часов утра и выключались только в 12 часов ночи, причем перед началом и концом вещания несколько минут переда-

вали ночной шум от гудков автомашин на Красной площади, затем бой часов на Спасской башне Кремля и, наконец, «Интернационал». По радио ежедневно транслировали детские передачи, в том числе и фантастические повести, особо любимые детьми и молодежью. Трансляции эти были по современной терминологии в виде сериалов. Запомнились передачи по повестям В.П. Беляева «Крейсер», «Гранит», «Пылающий остров» и др.; Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»; Аркадия Гайдара «Военная тайна», «Школа», «Тимур и его команда» и др.; Николая Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей» и прочие.

Значительное время на радио отводилось концертам по заявкам и развлекательной музыке, чаще всего в виде попурри, очевидно чтобы не называть авторов и композиторов зарубежных произведений. Постоянно звучали песни в исполнении Леонида и Эдит Утесовых («Раскинулось море широко», «Сердце, тебе не хочется покоя», «Все хорошо, прекрасная маркиза» и др.), танго «Утомленное солнце», музыка Оскара Строка («В парке Чаир», «Брызги шампанского» и др.). Пользовались успехом песни Вадима Козина и Петра Лещенко, джазовая музыка Эди Рознера, знаменитый фокстрот «Кукарача» и др. Часто просили исполнить песни о гражданской войне: «Каховка», «Матрос Железняк», «Там вдали за рекой», «Дан приказ ему на Запад», «Были два друга в нашем полку», «Эх, тачанка» и др. Но особенно часто, по пять-шесть раз на день исполнялись любимые песни И.В. Сталина – «Сулико», «Так будьте здоровы, живите богато», «Ой, як закуковала та сива зозуленька» (на украинском языке). Вообще, Иосиф Виссарионович любил иногда поразить слушателей чем-либо неординарным в своем выступлении. Так было, если я не ошибаюсь, на XVIII партконференции в феврале 1941 г., когда Сталин, критикуя нерадивых руководителей, выразился в их адрес: «Ни богу свечка, ни черту кочерга!»... На какой-то миг зал затих. Но вот вначале робко захлопал президиум, а затем разразилась общая бурная овация. Я как раз в это время делал уроки, а радиоточку тогда мы не выключали вообще, поэтому я невольно прослушал все выступление Иосифа Виссарионовича. Следует отметить, что говорил он всегда четко, весомо и по делу. После этой его речи, в течение одного-двух месяцев, ни одно выступление по радио – от колхозника до академика – не обходилось без этой фразы.

Как показывает многолетний опыт, чем больше власти что-либо запрещают, тем больше в обществе возрастает к этому

интерес. Так в свое время было с кинофильмом «Девушка моей мечты», когда все ломилось в кинотеатры, но вскоре потеряли к нему всякий интерес. Чуть ли не бестселлером считались «подпольные» издания «Доктора Живаго», но стоило этой книге появиться практически повсеместно в свободной торговле, то многие не осилили и половины этого романа. Такая же ситуация была и с произведениями Солженицына. Этот же результат в конечном счете проявляется в стране и при усилении репрессивных мер – в обществе возрастает вольнодумство, авторитет правящих властей падает. В правительстве Советского Союза, в котором также никто не был застрахован от крутых поворотов в своей судьбе, часто шли на скрытые авантюры, чтобы обеспечить себе определенный «капитал» перед Отцом народов. Так, несмотря на общее «потепление климата» в стране, продолжались региональные разборки. Политически мало оправданным явилось участие в Испанской войне, где больше было международных провокаций, чем самой гражданской войны. Было непонятно – кто же с кем там воюет, но похоже, что меньше всего хотели воевать сами испанцы. Закончилась эта испанская эпопея вывозом из родной страны нескольких сот детей без родителей, фактически превратив их в сирот. Привезли малолетних испанцев и в Одессу, торжественно передав их в русские семьи. Одна из испанских девочек была распределена в семью ответственного партийного работника, проживающего в нашем доме. Мало того, что она сама попала в чужую страну, так еще и новые ее «родители» не знали, что с ней делать – они не понимали испанского языка, она – русского. В городе не было ни одной школы, куда бы бедняжка могла пойти учиться. В результате через две-три недели всех юных испанцев собрали и увезли из Одессы.

Северная война, которая длилась более 25 лет

Долгое время ничего не публиковалось о другой во многом загадочной войне – финской. Мне пришлось жить и работать в Карелии более 20 лет – с 1956 по 1978 г. За этот период я побывал практически во всех районах этой весьма живописной и до сих пор мало изученной республики. Там я познакомился с несколькими чудом оставшимися живыми участниками той войны. Судьба их оказалась весьма трагичной – после ее окончания они вместе с членами семей были высланы на поселения в районы Магадана, Бухты Тикси и другие подобные места для «трудового отдыха». Все они участвовали в финской войне «вир-

туально», ни разу не увидел своих противников в лицо. Это была армия, состоящая из финнов-интернационалистов и ингерманландцев. Планы проведения финской операции разрабатывались в основном не в военных штабах, а в политических организациях, в том числе и в Исполкоме III Коммунистического Интернационала.

Начало этой операции следует отнести еще к 1917-1920 гг. Как известно, молодое советское государство под руководством В.И. Ленина 31 декабря 1917 г. признало государственную независимость Финляндии, как обещали большевики еще в дореволюционное время. Однако через месяц финская Красная Гвардия захватила власть в стране в свои руки. В Финляндии был создан Совет Народных уполномоченных, который заключил договор о дружбе и братстве с Российской Федерацией. Но в начале мая 1918 г. финская революция была подавлена белой гвардией при участии германских войск.

В то же время в Карелии, особенно в ее северной части, ширилось националистическое движение за образование независимого Карельского государства с вхождением его впоследствии в состав буржуазной Финляндии. В начале 1920 г. в Ухте (Карелия) на съезде северных карелов было принято решение об отделении от России и создании Карельского временного правительства. Несколько позднее на сборе южных карелов было объявлено об образовании Карельской Трудовой Коммуны с вхождением ее в состав Российской Федерации. В 1918 и 1919 гг. белофинские военные части при поддержке финских добровольцев предприняли попытку захвата плацдармов на севере Карелии (в городах Кемь и Кандалакша) и на юге ее (в Петрозаводске). Однако интервенты были остановлены, а потом изгнаны за пределы Карелии. Большую роль в разгроме финской интервенции на севере Карелии сыграли лыжники-красноармейцы под руководством Тойво Антикайнена.

Еще в начале 20-х гг. прошлого столетия при участии III Интернационала было принято решение начать подготовку к социалистической революции в Финляндии. С этой целью во главе Карельской Трудовой Коммуны было решено поставить финских коммунистов, перешедших в Россию после победы в Финляндии контрреволюции. В 1923 г. Трудовая Коммуна была переименована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Основная цель этой многолетней операции состояла в том, что после начала войны в Финляндии должно прийти к власти новое правительство, которые будет размещаться в г. Выборге, куда также должны были прибыть

воинские части, поддерживающие это правительство и сформированные, как уже выше говорилось, из числа финнов-интернационалистов и ингерманландцев. Главой правительства должен был стать Прокконен (карел Прокофьев, из северо-карельского села Ругозеро). Успех всей операции во многом зависел от быстрого овладения г. Выборгом. Все шло по намеченному плану, но вмешался «человеческий фактор» – один из кандидатов в будущее правительство перед самым началом операции раскаялся, выступил по финскому радио и полностью раскрыл весь ее секретный план. В результате из всего будущего правительства в живых остался один Прокконен, который затем много лет занимал пост Председателя Верховного Совета Карельской АССР, а о судьбе «армии» уже говорилось выше.

Советско-финская война все же началась 30 ноября 1939 г. Длилась она 104 дня и закончилась мирным договором между обеими сторонами. Советский Союз в этой войне понес большие, исчисляемые десятками тысяч человек, потери, а Финляндия лишилась значительных хозяйственно освоенных территорий. В конце мая 1940 г. Карельской АССР все же был присвоен статус союзной Карело-Финской ССР, чему противилась финская сторона и под ее давлением в 1956 г. КФСР стала вновь КАССР. Население Советского Союза конечно информировалось о ходе военных событий на финском фронте, но весьма скупо, и было ясно, что дела там с самого начала сложились не в нашу пользу. Следует отметить, что все, касающееся истории советско-финской войны, описано мною со слов непосредственных участников этих трагических событий, которые искренне верили, что для народа Финляндии было бы большим благом вхождение их страны в состав Советского Союза, а также из весьма скудных публикаций.

Следует отметить, что значительную роль в исходе войны сыграла оборонительная «Линия Маннергейма», на некоторых участках которой мне удалось побывать летом 1968 и 1970 гг. Немало в свое время было высказано упреков в адрес командования финской операцией из-за того, что начали и закончили ее в морозный зимний период 1939-1940 гг. Но при этом не учитывали, что территория, по которой проходила советско-финская граница, на значительной ее части представлена озеро-болотными системами, местами чередующимися с выходами гранитных массивов и в безморозный период практически непроходима для танков и тяжелой артиллерии, а на всех легкопроходимых естественных путях были сооружены мощные укрепленные долговременные огневые точки – ДОТы, надзем-

ная поверхность которых была прикрыта защитными стальными колпаками толщиной в 20-25 см. Фактически единственным способом их уничтожения была стрельба по амбразуре прямой наводкой из крупнокалиберных орудий, что было весьма сложной задачей. Уроки «северной войны» были не в пользу Красной Армии и подтолкнули Германию на развязывание широкомасштабной войны против Советского Союза.

У населения Советского Союза до войны доверием пользовались новости, которые нам поставлялись средствами массовой информации – газетами, журналами и радио. Сомнений в правдивости этих сообщений, как правило, не возникало. Но когда после многолетней критики немецко-фашистского режима был обнародован договор СССР с фашистской Германией о дружбе и взаимопомощи, то он вызвал у народа глубокое недоумение. Заключению этого договора предшествовали многочисленные публикации о капитуляции западных буржуазных стран перед германским фашизмом на Мюнхенских переговорах. Вскоре после заключения пакта Молотова-Риббентропа, как позднее стали называть советско-германский договор, наши войска вошли в Западную Украину, а немецкие (несколько раньше – 1 сентября 1939 г.) – в Польшу, начав этим Вторую мировую войну. Одновременно с Западной Украиной советские войска вошли в Западную Белоруссию.

Как я ранее уже упоминал, дядя Сережа сразу же с началом этих операций выехал в длительные командировки в Западную Украину и Западную Белоруссию. После возвращения оттуда к нему иногда приходили его коллеги, и из их разговоров я с удивлением узнал, что далеко не все военные одобряли наш договор с Германией. Особое недовольство у них вызвал совместный парад советских и немецких войск в польском городе Перемышле после завершения оккупации Польши немцами и «освобождения» Красной Армией Западно-Украинских и Западно-Белорусских земель от господства польских панов. Кстати, подробности об этом параде мне стали известны намного позднее, из материалов кинохроники. В июле 1940 г. была возвращена в состав Советского Союза Бессарабия, а в состав Украины включена Черновицкая область. Следует отметить, что если Львов с 1772 по 1918 г. входил в состав Австрии и являлся аванпостом проникновения католицизма на славянский восток Европы, то Черновицы в эти же годы являлись папским оплотом на юго-востоке Европы. В августе 1940 г. в состав СССР в качестве союзных республик вошли Литва, Латвия и Эстония.

Столь быстрое разрастание Советского Союза большинство населения воспринимало с удовлетворением, как пример восстановления исторических границ России. При этом многим казалось, что такое увеличение пограничных площадей за счет новых республик и областей отодвигает возможные фронтальные конфликты от основной территории Союза, укрепляет его военное положение. В то же время у других вызывала тревогу та легкость, с которой Германия шла на потерю казалось бы исторически сложившихся регионов, где ее интересы являлись традиционно доминирующими. При этом Германия нисколько не скрывала интенсивного наращивания военного потенциала на наших западных границах. В этот же период шло беспрецедентное выкачивание из Советского Союза нефти и продовольственных резервов. В районе Слободки, недалеко от домика, где жила моя бабушка, проходили две железнодорожных магистрали, по которым регулярно шли составы в западном направлении со стратегическим сырьем, особенно в осенне-зимний период 1940-1941 г. В это же время одесситы получали хлеб строго по норме, для каждой семьи в отдельном мешочке...

Тридцатые годы прошлого столетия были, пожалуй, наиболее богаты как значительными, выдающимися достижениями в истории Советского Союза, так и печальными, надолго оставшимися в памяти его населения как период массовых необоснованных репрессий для многих миллионов его граждан. Уже по результатам промышленного роста страны в первой половине 30-х гг. можно было судить, что промышленная перестройка страны в основном шла успешно. В 1932 г. было завершено сооружение I очереди Днепрогэса, а в 1933-м вступил в строй Беломорско-Балтийский канал. В 1931 г. было завершено строительство Харьковского, а в 1933 г. – Челябинского тракторных заводов, в 1934 г. был сдан в эксплуатацию Магнитогорский металлургический комбинат, а в 1931-м началось промышленное освоение апатитового месторождения на Кольском полуострове (комбинат «Апатит») и многие другие. XVII съезд ВКП(б) мог вполне обоснованно констатировать, что промышленные основы социализма в стране были заложены.

Особенно быстрыми темпами развивалось авиастроение. В 1934 г. был построен и успешно прошел испытания самый большой в то время в мире восьмимоторный самолет «Максим Горький» (АНТ-20). В 1937 г. экипажи советских летчиков в составе В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова, а затем М.М. Громова, А.Б. Юмашева и С.А. Данилина впервые в мире совершили перелет из Москвы через Северный полюс в США на

самолете АНТ-25. В 1938 г. беспосадочный перелет Москва–Дальний Восток осуществили женщины-летчицы М.М. Раскова, П.Д. Осипенко и В.С. Гризодубова. С помощью самолетов полярной авиации на Северный полюс была высажена дрейфующая экспедиция СП-1. В состав экипажа СП-1 входили четверо человека: И.Д. Папанин (начальник станции), П.П. Ширшов – гидробиолог, Е.К. Федоров – геофизик, Э.Т. Кренкель – радист. Все перечисленные выше летчики и полярники получили звание Героев Советского Союза.

Многолюдные встречи с летчиками и полярниками, организованные практически во всех крупных городах Советского Союза от западных границ до Дальнего Востока, с необычайной парадностью и разбрасыванием миллионов листовок, с морем красочных плакатов и портретов, огромным количеством поздравительных статей в газетах и журналах были направлены на создание в стране состояния общей эйфории, чувства массовости трудовых успехов на фронтах индустриализации всего народного хозяйства СССР. К сожалению, участвовавшие катастрофы и неудачи при разработке новых видов техники отступали на задний план, а информация о них далеко не всегда доходила до широких слоев населения.

Это относилось и к катастрофе с «Максимом Горьким», в которой погиб весь экипаж самолета (8 чел.) и 80 пассажиров – лучших представителей рабочих, крестьян и интеллигенции. Ходили слухи, что на «Максиме Горьком» должен был лететь И.В. Сталин, но по каким-то причинам отказался от этой затеи. В 1938 г. при испытании нового самолета погиб В.П. Чкалов. С.А. Леваневский, в 1936 г. совершивший беспосадочный перелет из Лос-Анджелеса в Москву, вскоре при попытке перелета в США через Северный полюс пропал без вести. Неудачей закончилась попытка пройти в течение одной навигации из Мурманска во Владивосток (1933/1934 г.) на новом пароходе, построенном в СССР – «Челюскине». Этой экспедицией руководили академик О.Ю. Шмидт и капитан-помор В.И. Воронин. 13 февраля 1934 г. «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул в Чукотском море. Непонятно, по каким показателям подбирался состав пассажиров «Челюскина». Зачем была включена в их состав 34-летняя Прасковья Григорьевна Лобза, гидрохимик, которая находилась на последних месяцах беременности и вскоре родила дочь. В память о месте рождения ее назвали Карина (от Карского моря). Это была очень скромная женщина, с которой я несколько лет проработал в Карельском филиале АН СССР, но не знал, что она – знаменитая в свое время

на весь Советский Союз полярница, благодаря которой за период своего последнего рейса экипаж парохода «Челюскин» увеличился на одного «пассажира». К сожалению, дата ее смерти и место захоронения П.Г. Лобза остались неизвестными, хотя за свои исследования в морях Заполярья она была награждена двумя орденами, что до войны было большой редкостью. Известно, что в 1962 г. она еще работала в Отделе водных проблем Карельского филиала АН СССР в должности старшего научного сотрудника, а дочь ее, Карина, оканчивала аспирантуру в Арктическом институте Севморпути в Ленинграде.

В 30-х гг., как уже выше отмечалось, в стране ширилось массовое увлечение авиацией, особенно среди молодежи. В каждом, даже небольшом городе открывались аэроклубы, в парках устанавливались вышки для прыжков с парашютом, в каждом Дворце пионеров имелись кружки по авиамоделизму, при поступлении в летные военные училища были наиболее высокие конкурсы. Авиационная промышленность развивалась самыми быстрыми темпами. Однако, когда началась война, наша авиация понесла огромные потери. Я не раз был свидетелем, как с военного аэродрома вблизи Одессы поднимались соединения наших самолетов (из 25-27 машин), а через час возвращалось максимум 7-10 сильно потрепанных «Ишаков» (так называли наши истребители И-16). То же можно сказать и о бронетанковых войсках, в которых преобладали легкие танки, имеющие слишком слабую броневую защиту и получившие название «Прощай, Родина». В стрелковых частях было очень мало автоматического оружия. Хотя следует отметить, что к 1941 г. уже были приняты на вооружение автоматы ППП (пистолет-пулемет Шпагина), прекрасные танки Т-34, цельнометаллические самолеты и другая, обладающая высокими боевыми качествами военная техника. Вообще же в предвоенные годы население страны с большим уважением относилось к армии и военнослужащим. На предприятиях организовывали торжественные проводы на службу в армию, за призывниками сохранялись их места работы, после демобилизации они имели преимущества при поступлении в вузы, в получении жилья и т.д.

Плохие предвестники накануне войны

Конец 30-х гг. ознаменовался редким событием для Одессы – землетрясением, которое произошло, насколько мне помнится, в начале мая 1940 г. Где-то около трех или четырех часов ночи, вернее, утра, так как уже было светло, я проснулся

от каких-то странных толчков, затем заскрипел шкаф и послышался непонятный треск по всей комнате. Я вскочил и зажег свет. Люстра, позванивая стекляшками, сильно качалась из стороны в сторону. Мать встала вслед за мной и скомандовала: «Хватай одежду и беги на улицу», а сама стала натягивать на себя домашний халат. Минуты через две мы выбежали из нашего подвальчика во двор, где уже металось почти все население нашего дома. В этот же момент мы почувствовали, что земля колеблется под ногами. С разных сторон слышались вопли, кто-то кричал, что нужно ложиться на землю, кто-то советовал отойти подальше от стен дома, но толком, конечно, никто не знал, что нужно предпринимать в такой ситуации... Рядом со мной стояла молодая пара, недавно поселившаяся в нашем доме на втором этаже. Муж держал в руке швейную машинку, а сам был одет в трусы и майку. На его жене был надет тонкий, почти прозрачный ночной халат и при повторном толчке она произнесла: «Хорошо хоть машинку швейную захватили, а вообще чего-либо ценного у нас там и нет...».

После этой фразы ее глаза сильно расширились и она закричала, обращаясь к своему мужу: «Идиот, брось машинку и беги скорее в квартиру, там ведь остался наш ребенок!». Несколько мгновений муж стоял в полном смысле открыв рот, затем бросил свою ношу на цветочный газон и стрелой понесся в дом. Через несколько минут он выбежал из дома, держа на руках шестимесячную малышку, которая еще полностью не проснулась и, увидев рядом с собой маму, сразу же потянулась к ней, не обращая внимания на ее причитания. Позднее в одесских газетах писали, что это землетрясение достигало четырех баллов и максимально проявилось в районе Пересыпи, где в нескольких старых домах частично обвалилась штукатурка и появились трещины в стенах. Так как пострадавших в результате землетрясения практически не было, то и память о нем оказалась недолгой, тем более, что в Одессе обстановка и так была тревожной. Однако для меня с матерью последствия этого землетрясения могли оказаться далеко не такими безобидными.

Когда в 1933 г. мы переехали в нашу комнату, то она была практически совершенно пустая, только на одной из стен висело огромное, в сравнении с размерами комнаты, старинное зеркало. Толщина стекла в нем составляла не менее одного сантиметра, но особенно впечатляла его рама – деревянная, около 15-20 см шириной и с внешней стороны покрытая массивной гипсовой лепниной с позолотой. Зеркало было почти такой же

высоты, как и наша комната. Когда мы вселялись в эту комнату, то грузчики решили проверить – надежно ли крепится зеркало к стене и вдвоем с трудом сняв его со стены, убедились, что оно висит на крепко забитом в стену стальном костыле, на толстой джутовой веревке, по виду почти как новой. По их словам, эта веревка еще 100 лет не потеряет своей прочности. Они повесили зеркало на этот же костыль, подергали для проверки прочности веревку и посчитали, что их выводы вполне обоснованы.

Это зеркало висело на левой стене комнаты и прямо под ним стоял небольшой деревянный столик, на котором я ежедневно делал свои уроки и читал книги. По утрам мать причесывалась перед этим зеркалом. Когда нас «потрясло» в начале мая, мы были уверены, что зеркало все так же надежно укреплено на стене. Вообще у своего столика под зеркалом я проводил несколько часов ежедневно. И вот, где-то через две-три недели после землетрясения я проснулся ночью от невероятного грохота. Впечатление было такое, что на нас рухнул потолок. Я подскочил, как подброшенный пружиной, бросился к выключателю и когда повернул его, то автоматически закрыл глаза руками – вся комната сверкала каким-то особенным огнем. Когда глаза немного привыкли к этому блеску, я увидел, что мать стоит у противоположной стены, почти у самого окна. Я не сразу понял, что это рухнуло наше «столетнее» зеркало. При падении оно нанесло сильнейший удар по спинке стула, который стоял у того самого столика, на котором я делал уроки. Спинка стула была полностью разбита, а само стекло зеркала разлетелось на тысячи кусочков, размером где-то близким к 4-5 см. Ими был усеян почти весь пол в комнате. Я представил, что было бы с моей головой, если бы это зеркало упало днем, когда я делал уроки, или утром, когда возле него причесывалась моя мать!

Из соседних комнат повыскакивали наши соседи, чтобы проверить, живы ли мы... Все нам сочувствовали и вздыхали, что разбилось такое зеркало – это не к добру... Когда осмотрели веревку, то убедились, что в основном она сохранила свою крепость, но в месте, где находился ее перегиб через костыль, образовавшаяся на нем ржавчина вероятно разъела веревку. Несомненно и то, что на ее целостность повлияло и воздействие толчков, вызванных землетрясением, что и привело к разрыву такой крепкой на вид веревки. Я первое время все не мог привыкнуть, что в комнате уже не было нашего «шедевра». Кто ни приходил до этого к нам, всегда восхищался этим зеркалом, но

бог в очередной раз пощадил наши жизни. Я даже перефразировал тогда слова Вещего Олега: «Так вот где таилась погибель моя – мне смертию зеркало угрожало...». До войны оставалось еще около года, но мать уже твердо уверовала, что ничего хорошего нас впереди не ждет...

Предвоенные школьные годы (1936-1941)

Ничего в своей жизни я не ждал так, как поступления в школу, ведь с тех пор, как мы с матерью переехали в центр города, я весь день оставался в одиночестве. За это время я в виде развлечения изъездил на трамваях весь город, прокатился почти по всем маршрутам. Мне в ту пору было лет шесть-семь и кондукторы, как правило, смотрели на маленьких безбилетников снисходительно. В детский сад я ходить отказался категорически и в первый же день сбежал оттуда домой. То же самое было и на второй, и на третий день. Я угрожал матери, что вообще убегу из дома, если меня будут силой тащить в детский сад. В конце концов мать уступила, а я за это помогал ей по хозяйству – ходил в магазины, мыл полы, поливал цветы, активно выполнял так называемые «домашние задания», т.е. то, что она поручала мне сделать. Ко времени поступления в школу я уже прочел много детских книг (первой была «Маугли»), знал весь алфавит, таблицу умножения и мне не терпелось показать свои знания в школе, кроме того, очень надоело одиночество.

До войны в Советском Союзе школьное образование делилось на начальное (I-IV классы), неполное среднее (V-VII классы) и среднее (VIII-X классы). Прием первоклассников в школу проводился с первого сентября при условии, что к этому моменту ребенку исполнится полных восемь лет. Если до восьми лет не хватало даже всего нескольких дней, он принимался в школу только на следующий год. Мать предварительно переговорила с директором школы и та сказала, что разрешение на прием в школу до восьми лет дает только районо. Там нам категорически отказали. Как мать ни доказывала, что для ребенка плохо болтаться без дела по улицам, вместо того, чтобы учиться в школе, будучи хорошо подготовленным для поступления в первый класс, нам ответили, что раз мне восемь лет исполняется только 5 февраля 1936 г., то и в школу я пойду только в следующем году. Все наши доводы разбивались о твердокаменную логику инспектора гороно – по ее убеждениям,

раз в законе написано, что в первый класс принимают с восьми лет, значит, так оно и должно быть без всяких исключений.

Но, как говорится, не бывает худа без добра – новое здание школы было намечено к приему только летом 1936 г. Школа была большая, современная, рассчитана на 1200 учеников, с просторными классами, большими высокими окнами. Доски были вращающиеся, что очень удобно для рисования на их обратной стороне карикатур на преподавателей. Апогеем радости для класса был момент, когда преподаватель, исписав одну сторону доски, переворачивал ее и с гневом взирал на свое изображение, ища глазами авторов... Еще одним преимуществом новой школы было то, что располагалась она впритык к нашему дому и пробежка из дома в школу занимала у меня всего несколько минут. Недостатком этой школы было то, что значительная часть учеников пришла из соседних переполненных школ и присылали оттуда нам далеко не лучших представителей их коллективов – в нашем Ia была тройца «отпетых», состоящая из двух второгодников и одного третьегодника. При определении достоинств и недостатков новой школы следует отметить, что и учителя в ней собрались в большинстве своем очень молодые, неопытные, среди них встречались и неуживчивые, недоброжелательные люди, в результате чего по некоторым предметам за год менялось по два-три учителя.

В начальных классах не было ни одного преподавателя-мужчины – все женщины. На фоне этого «матриархата» резко выделялась фигура учителя немецкого языка, который пользовался непререкаемым авторитетом у всех учеников, по крайней мере, до седьмого класса включительно. Он был высокого роста, худощавый, часто одевался в спортивные костюмы – брюки-гольф и пиджак в клеточку, на ногах гетры и очень модные тогда остроносые туфли. Жил он с матерью в небольшой двухкомнатной квартирке с входом в комнату прямо с улицы (мне пришлось однажды побывать у него дома). Был он неразговорчивый, но достаточно было ему появиться в коридоре школы на каком-либо этаже, как по всем классам проносился шепот: «Немец идет!», и тут же наступала тишина и порядок. Многие звали его втихую «немецкий шпион». Впоследствии, на второй год оккупации Одессы, я встретил его на улице в компании нескольких немецких офицеров, на рукаве у него была красная повязка с черной свастикой, но поздоровался он со мной все же по-русски... После ухода немцев из города я его никогда больше не видел. Почему его так боялись все ученики? Он никогда ни на кого не кричал, не применял мер физического воздействия.

Очевидно, все же есть прирожденные авторитеты, которым народ всегда готов безоговорочно подчиняться.

Также вызывала определенный страх у учеников третьих-пятых классов учительница математики. Она была жгучей брюнеткой и получила в школе прозвище «Ворона», но если «немец» все же пользовался большим уважением, то Ворону откровенно ненавидели и по количеству карикатур она занимала среди учителей заслуженное первое место. По любому поводу она могла поставить «неуд.» (двойку) в дневник и вызвать в школу родителей. Меня она невзлюбила после одного случая, когда я вбежал в класс с криком «Ворона идет!», а она в этот момент уже входила в дверь. Но особенно ее бесило то, что я почти всегда первым сдавал контрольные работы и без ошибок, волей-неволей ей приходилось ставить мне оценки «отлично». В то время не было пятибалльной системы оценки знаний, а было четыре отметки – «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Первые две отметки могли быть со знаком плюс или минус. В грамматике того времени тоже были свои особенности – вместо твердого знака использовался апостроф, а над буквой «ё» обязательно ставились две точки. Писали мы перьевыми ручками и только фиолетовыми чернилами, которые носили с собой в чернильницах-непроливайках. Как правило, свое название они не оправдывали, и руки, рубашки, ранцы внутри и снаружи были в чернильных пятнах, которые было очень трудно вывести или отстирать.

Неоднократно среди мальчишек в классах возникали «разборки», причем против какого-нибудь дуболома объединялись два-три «бойца», что позволяло сохранить определенное силовое равновесие в классе. Очень редко, но разборки происходили и среди девочек. Меня за все пять лет обучения в этой школе ни разу не били. Не знаю почему, но если кто-то начинал меня задирать, то сразу находились защитники, которых побаивались драчуны. Возможно, в какой-то мере сказывалось то, что я никогда не отказывал ребятам в помощи, особенно при решении математических задач, написании сочинений, диктантов и т.п.

Большую воспитательную роль в школе играла пионерская организация. В третьем классе нас почти всех приняли в пионеры, которые объединялись в каждом классе в пионерские дружины. Возглавлялись они советом, состоящим из председателя и двух его членов. Кроме того, дружины делились на звенья (обычно по три звена в дружине). На рукаве председателя имелись три красных нашивки, у членов совета – по две и звенье-

вых – по одной. Каждый вечер мы сами стирали, а утром гладили свои пионерские галстуки и чистили зажимы к ним. Три угла галстука обозначали единство коммунистической партии (широкий угол), комсомола и пионерии (узкие углы). На зажиме был изображен костер, состоящий из трех языков пламени – символ мировой революции, которую разожгут партия, комсомол и пионерия. По праздничным дням одевали огненно-красные шелковые галстуки. В комплект пионерской формы входили белая рубашка и синие короткие брюки у мальчиков и юбки у девочек. Все атрибуты пионерской формы стоили очень дешево: галстук (повседневный сатиновый) – 50 коп., праздничный шелковый – 90 коп., зажим к нему – 15 коп., рубашка – около двух рублей, брюки (юбка) – примерно также.

Много внимания в дружинах уделялось общественно-политическому воспитанию пионеров. К каждой дружине был прикреплен пионервожатый, чаще всего из числа комсомольцев-старшекласников. Все пионеры обязаны были выписывать газету «Пионерская правда» и журнал «Костер». В начале каждой шестидневки в классе проводились политинформации, а раз в месяц – заседания дружины. Начинались последние с общего вставания всех участников, после чего пионервожатый произносил: «Пионер, бороться за дело Ленина-Сталина будь готов!». Все хором скандировали: «Всегда готов!». Затем все садились и пионервожатый объявлял: «Есть предложение от имени дружины отправить дорогому Иосифу Виссарионовичу Сталину телеграмму следующего содержания...» (текст телеграммы зачитывался). После этого шло голосование (единогласно) и выбирались три ученика, которые вместе с пионервожатым должны были отнести телеграмму на почту и отправить ее. Затем председатель или член совета дружины обычно делал доклад, в котором отмечались лучшие ученики-пионеры, обсуждались отстающие, получившие «неуды», нарушители дисциплины и рассматривались текущие дела. Обычно особенно активно обсуждалась работа стенгазеты, которая регулярно выпускалась в каждом классе. Заседание дружины длилось час-полтора, на нем, как правило, присутствовали классный руководитель и пионервожатый. Два года (в четвертом и пятом классах) меня избирали председателем совета дружины и, должен сказать, это была довольно весомая нагрузка для школьника. Нужно было писать протоколы заседаний дружины, участвовать в выпуске стенгазеты, но в целом это было неплохой школой для подготовки к активному участию в общественной жизни в будущем.

Следует отметить, что в своем рвении во всем найти провокации против Советской власти наши активисты, особенно среди казалось бы наиболее просвещенной среды – преподавателей средних, а часто и высших школ, нередко доходили до абсурда. Где-то в 1939 или 1940 г., точно не помню, по городу поползли слухи, что на одесской полиграфической фабрике стали выпускать школьные тетради с враждебной символикой. Вначале все воспринимали эти слухи как анекдот, но когда нам в классе сказали, чтобы мы принесли все тетрадки, на которых изображен Московский кремль и летящий к нему самолет, невольно подумалось – не зря все это... Далее пошли слухи, что если этот рисунок перевернуть вверх ногами, то из самолета получается фигура, которая направлена в сторону Спасской башни! Вскоре такие тетрадки из продажи исчезли, а нас предупредили, чтобы мы их выбросили и в школу ни в коем случае не приносили. Что интересно, вслед за тетрадями вскоре появились спички, и тоже с «враждебными этикетками»...

В Одессе был редкий по красоте Дворец пионеров (в прошлом – один из лучших дворцов князя Потемкина-Таврического, построенный для него во второй половине XVIII века, в конце Приморского бульвара, на возвышении над военной гаванью). Невдалеке от него находилась красивая колоннада, состоящая из восьми пар белых колонн, большая часть которых впоследствии была разрушена немецкой бомбой в 1941 г. К 1944 г. от колоннады остались, как мне помнится, только три пары колонн и было грустно смотреть на этот «огрызок» былого величия...

Во Дворце пионеров имелись голубой и розовый залы, полы в которых были выложены паркетом из разных ценных пород дерева, необычайно красивые высокие резные двери с позолоченным орнаментом. В здании работали многочисленные кружки, студии и секции. Как только меня приняли в пионеры, я помчался во Дворец и записался в изостудию (очень любил рисовать), авиамодельный кружок (было модно), а также в биологическую секцию юных натуралистов, которая находилась за городом вблизи парка и пляжа «Аркадия». Авиамоделизм вскоре пришлось оставить, так как посещать кружок нужно было почти ежедневно, но в двух других я продолжал активно заниматься и в 1940 г. даже занял на городской художественной выставке детских работ второе место и получил диплом. На выставке был представлен мой рисунок акварелью «С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов принимают парад бойцов I-й Конной армии». Увлечение рисованием сохранилось у меня на всю жизнь, хотя и не стало ее целью...

Много времени я проводил на биологической станции юннатов и это в конце концов определило главный интерес моей жизни. На биостанции мы собирали гербарии растений, растущих на засоленных почвах (солеросы), разводили в теплицах теленомусов – перепончатокрылых насекомых, уничтожающих вредителей зерновых растений (черепашек). Также много сил мы уделяли лабораторному получению коконов шелкопрядов, причем занимались мы дубовым шелкопрядом, которого легче было прокормить в условиях города. Был объявлен конкурс – кто вырастит 2000 качественных коконов дубового шелкопряда, тот поедет в сентябре или октябре 1941 г. на неделю на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Весной 1941 г. у меня оказалось около 2200 коконов и мне пообещали, что осенью я поеду в Москву в составе одесской делегации юннатов. Однако осенью по Одессе уже маршировали brave «дойчезольдатен», а мы с матерью замерзали в продуваемой всеми ветрами дачке на 12-й станции Большого Фонтана...

До войны в Одессе было много больших библиотек, в том числе и детских. В 1938-1940 гг. я был записан в три библиотеки и регулярно их посещал. Самой большой была городская детская библиотека, в которой я обычно бывал раз в неделю, хотя книги (по две на руки) выдавали на 12 дней. На наиболее интересные книги была предварительная запись, но так как я никогда не задерживал у себя книги свыше срока, то мне иногда выдавали тогдашние «бестселлеры» вне очереди. Районная детская библиотека находилась невдалеке от нашего дома и я также регулярно посещал ее. В ней было меньше книжных новинок, но зато можно было найти книги Сетон-Томпсона, Брета Гарта, Джека Лондона и разную приключенческую литературу. Кроме этих двух, я был записан еще и в школьную библиотеку, где нам выдавали наиболее дефицитные учебники на весь учебный год. Вообще же учебники практически по всем предметам можно было купить, если начинать покупать их с весны. Кроме того, мы с матерью нашли очень удобный источник учебной литературы – книжные магазины «Военторга», которые обычно были мало посещаемы покупателями, хотя выбор книг в них всегда был обширным.

Да здравствует Новогодняя елка!

Середина тридцатых годов прошлого века ознаменовалась в Советском Союзе большим событием для детей – дней за 15-20 до нового 1936 г. было объявлено, что отныне это событие (на-

ступление Нового года) будет отмечаться повсеместно установкой новогодних елок и организацией детских новогодних утренников. Население было буквально ошеломлено, где взять елку, как ее установить в коммунальных квартирах, где брать елочные игрушки? Но наша торговая сеть, следует отметить, когда есть распоряжение свыше, была способна сотворить чудо! Уже через несколько дней в городе появились пункты по продаже «новогодних сосен», так как елок в Одесской области не было вообще – вместо них привезли молодые сосенки полутора-двухметровой длины. Стоили они недорого – три рубля. Во всех магазинах игрушек появились отделы новогодней торговли, где в тот год были в продаже в основном картонные посеребрянные рыбки, белки, зайчики, мишки и т.п., а для установки на верхушках елок продавались картонные звезды, в небольших коробках – наборы елочных свечей и примитивные жестяные подсвечники с зажимами к ним.

Вся детвора носилась по городу в поисках каких-нибудь оригинальных игрушек. Мне повезло больше других – наши соседи, уже пожилые люди (как сейчас помню, их фамилия казалась мне тогда весьма странной – Щербина) принесли мне коробку с набором еще дореволюционных, необычайно красивых елочных игрушек, а мать купила в качестве снега два пакета белой медицинской ваты. Сосну нашу мы установили на табуретке, а внизу под «елкой» разместили сделанный нами картонный домик, самодельных Деда Мороза и Снегурочку. На самые крупные ветки прикрепили подсвечники с цветными новогодними свечками. Все было очень красиво, но мы и не подозревали, что обычная вата обладает горючестью пороха! Когда зажгли свечи, то моя неугомонная мама решила, что на «елке» маловато ватного снега, надо бы добавить. Я просил ее не трогать нашу красавицу, но она принесла табуретку, взобралась на нее и стала бросать на ветки кусочки ваты. Я даже не успел понять, что произошло, но наша «елка» уже пылала как факел! Мама резко спрыгнула с табуретки, но зацепила горящее деревце, которое упало следом за ней на пол. Удивляюсь, как она успела сообразить набросить на «елку» лежавшее на кровати старое одеяло, а я схватил ведро с водой, которое у нас всегда стояло «про запас», так как воду часто отключали, и бросился поливать одеяло, а затем и саму «елку». Ликвидировали мы «очаг возгорания» буквально за несколько минут, однако комната уже была полна дыма, пришлось ее быстро проветривать и собирать все, что уцелело на «елке». К счастью, практически все подаренные мне старинные стеклянные игруш-

ки остались целы. В отличие от наших советских игрушек, они были изготовлены из толстого и прочного стекла, хотя и тяжелые.

Горю моему не было предела – утром к нам должны были прийти в гости знакомые с детьми, а у нас не было елки... Мать, чувствуя свою вину, сказала мне: «Иди спать. Утром елка будет не хуже сгоревшей». Я послушался, так как уже было около 11 часов ночи, и улегся на свой топчанчик. Утром я проснулся рано, мать еще спала, зажег свет и увидел, что елка наша выглядит не хуже вчерашней, хотя и без свечей. Позже по радио передали предупреждение пожарной службы населению – быть как можно осторожнее с огнем на елках и ни в коем случае не украшать елки ватой. Заодно сообщили, что в первую новогоднюю ночь в городе из-за елочных свечей возникло более тысячи пожаров. Конечно, в их число не вошли небольшие происшествия с огнем, вроде нашего.

Мама мне рассказала, что необычайно красивая елка установлена у них на работе (в то время она работала старшим кладовщиком в ресторане на одесском пассажирском железнодорожном вокзале). На следующей день я специально пришел к ней на работу, разделся и пошел в зал посмотреть на елку. В ресторане мама работала уже несколько лет, меня там хорошо знали официанты и швейцары и встречали довольно приветливо. Но такого «салюта» в честь моего прихода я никак не ожидал! Елка была установлена в центре ресторанного зала, высокая (метров шесть), очень красиво украшенная, и главное – на ней очаровательно переливались разноцветными огнями гирлянды из цветных электрических лампочек! Не знаю, что явилось причиной дальнейших событий, но буквально в момент моего входа в зал ресторана эта необыкновенно красивая елка с треском рухнула, накрыв собой несколько уже занятых столиков. Часть лампочек полопалась, на некоторых женщинах загорелись платья, к тому же, как только елка упала, сразу же потух свет, раздались истеричные крики, официанты бросились к выходам и стали спешно закрывать двери. Как потом мне рассказывала мать, на некоторых столах в люкс-обслуживании были серебряные приборы (ложки, ножи и вилки), хрустальные бокалы. После того, как погас свет в зале, я бросился вниз по лестнице в подвал, где находилось мамино хозяйство, с криком «Там пожар!». В подвале также располагалась кухня ресторана, склады, где хранились ценные вина и различные деликатесы. На счастье, елка упала около семи вечера – зал был еще полупустой. На вокзалах в крупных городах обычно

всегда дежурили свои пожарные машины, так что огонь быстро погасили, но ресторан пришлось закрыть на несколько дней – два дня считали убытки от пожара, но как я понял, далеко не весь персонал был огорчен этим происшествием.

В последние предвоенные годы в нашей школе значительно усилилось внимание к военной подготовке. В состав преподавателей ввели военруков. На занятиях по военной подготовке мы довольно детально изучали виды боевых химических веществ и способы защиты от них, типы авиабомб (зажигательные, осколочные и фугасные), ручных гранат (особенно нам нравились практические занятия по их метанию) и артиллерийских снарядов, устройства бомбоубежищ, методы оказания первой медицинской помощи. Одно из занятий по метанию гранат неожиданно имело трагикомический исход. У нас в классе был ученик огромного для его возраста роста, но с каким-то нарушением координации движений и поэтому часто непредсказуемый в своих поступках. Когда он взял в руки учебную гранату, а ее вес точно соответствовал боевой, и начал раскручивать над головой, все закричали: «Вася, не перебрось гранату через соседний дом!». Метание гранат мы проводили во дворе школы, который имел в длину более 50 метров, и занимался с нами молодой военрук. Он находился метрах в 20-30 позади от линии метания, где вел беседу с нашими одноклассниками. Вася начал раскручивать гранату, а наши острословы заметили ему – «только не бросай назад», но в тот же миг он выпустил ее из руки и она врезалась прямо в лоб военруку. Тот упал как подкошенный и по его лицу потекла струйка крови. Вначале все бросились бежать в школу, но потом кинулись к учителю, который лежал на земле без сознания с совершенно белым лицом. Проверили – пульс есть. Несколько учеников сразу же помчались в здание школы, где в вестибюле лежали учебные носилки, на которых перенесли нашего беднягу в кабинет директора и вызвали скорую помощь. Слава богу, он легко отделался и уже через несколько дней появился в школе с перевязанной головой, где его встретили словами: «Еще одного с финской привезли...» (в это время шла война с Финляндией).

Больше всего интереса вызывали у нас военные игры в «красных» и «синих», в которых мы стали участвовать только в пятом классе, в начале лета 1941 г. Всем нам выдали деревянные винтовки, соответствующие по размерам настоящим боевым, снабженные железными штыками, на острие которых был наварен железный кружок для безопасности. Всем командирам выдали для нашивки на отвороты воротничков рубашек петли-

цы со знаками различия в зависимости от присвоенного «звания». Игры обычно длились три дня и руководили ими наши военруки и несколько военных из гарнизонных частей. Почти всегда побеждали «красные», но иногда победа в этих сражениях доставалась и «синим». Наши первые и последние предвоенные игры закончились как-то скомкано, победителей не определили, и всех учеников в начале июня отпустили на каникулы, но винтовки, петлицы и другое «военное снаряжение» не отобрали и никто еще не знал, что буквально на пороге нашей страны уже стояла страшная настоящая война. До нее оставалось меньше трех недель. Не подозревал и я, что этот Va будет моим последним обычным школьным классом и что до нормальной жизни еще ой как далеко...

ГОРОД НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Я очень не любил детские сады и пионерские лагеря и впервые в жизни согласился поехать с матерью в лагерь «Украинский Артек», который находился вблизи пос. Лузановка в 10 километрах от Одессы. Там были лучшие песчаные пляжи, на которые в выходные и праздничные летние дни устремлялась половина Одессы. Сам пионерский лагерь располагался в большом тенистом приморском парке и считался одним из лучших на Украине. Мне было уже 13 лет и четыре месяца и я чувствовал себя уже достаточно взрослым. Утром мы с матерью быстро собрали все необходимое для жизни в лагере и поехали в Лузановку, которая находилась на противоположной части города и ехать туда нужно было на трех трамвайных маршрутах с двумя пересадками и затем еще идти пешком около получаса. Погода стояла солнечная, народу в трамваях по случаю рабочего дня было еще немного и ехать было приятно. Не чуяла моя душа, что через две недели мы будем выбираться из этого приветливого лагеря в затемненном трамвае, заполненном тревожно настроенными людьми.

Необычные события начались в нашем лагере уже через три дня после моего появления в нем. Во время обеда от стола к столу поползли слухи, что у нас в парке, над спортивной площадкой, устанавливают зенитные пушки, прожекторы, четырехствольные зенитные пулеметы и звукоуловители. Сначала все решили, что будут проводиться очередные учения, но вскоре увидели, что вооружение устанавливают капитально: заглубили в землю пушки, всю верхнюю площадку окружили забором из колючей проволоки, протянули туда телефонную линию. Все военные были одеты в морскую форму. По углам площадки находились навесы, под которыми стояли часовые с винтовками. Мы постоянно крутились вокруг орудийных площадок, близко к орудиям нас, конечно, никто не подпускал, но несколько прыгунь нашли подход к сердцам моряков. Практически все наши пионервожатые были девушки и мы уговаривали их подойти поближе к забору вокруг пушек вместе с нами и

попросить краснофлотцев рассказать нам – для чего эти пушки, как они стреляют, зачем эти огромные черные трубы (звукоуловители), похожие на граммофоны и т.д. В присутствии девушек моряки становились добрее, но при появлении начальства нас тут же отгоняли от столь притягательных для мальчишек орудий. Благодаря вот такому братанию мы вскоре узнали действительно много интересного о зенитных орудиях, но даже не подозревали, что через несколько дней будем свидетелями их «боевого крещения». В течение ближайших дней на эти площадки стали на грузовиках завозить длинные плоские ящики, окрашенные в темно-серый и зеленый цвета. Саму площадку, огороженную колючей проволокой, значительно расширили, вдоль забора установили еще несколько воинских палаток. На сворачивание учений это не было похоже.

В ночь на 21 июня разразилась сильнейшая гроза с проливным дождем, молниями и громом. Только перед самым рассветом дождь прекратился и тучи стали быстро расходиться. Всю ночь с моря доносился рокот морских волн и утром, еще до завтрака, я побежал на наш пляж. То, что я увидел, меня очень удивило – у берегов воды не было, на полсотни метров от границ вчерашнего пляжа осталось песчаное поле, усеянное ракушками, мертвыми крабами, подсохшими уже мелкими рыбками: море ушло от своих берегов. Невдалеке я увидел лагерьного сторожа пляжа и побежал к нему узнать – куда же делось наше море? Он объяснил мне, что море в Лузановке у берегов очень мелкое, и когда проходят мощные ураганы в направлении от Одессы к Турции, центры низкого атмосферного давления как бы засасывают в себя воздух и уровень моря у берегов Турции поднимается, а у Одессы – понижается и обнажается дно. Обычно в течение нескольких часов давление над северным и южным берегами Черного моря уравнивается и вода у берегов входит в свои обычные границы.

Ночь, когда заговорили зенитки

21 июня была суббота и на завтра ожидалось посещение пионеров их родителями. Это были веселые дни, когда нам выпадало что-нибудь вкусенькое. К вечеру в лагере добавилась еще одна небольшая группа пионеров, которую разместили на большой застекленной веранде, примыкавшей к нашему корпусу. Отбой в тот день назначили рано (около восьми часов вечера) и предупредили, чтобы мы не зажигали без надобности свет. Спать никому не хотелось и мы рассказывали разные ис-

тории, лежа в кроватях в полной темноте. Вскоре многие, в том числе и я, уснули. Через пару часов меня разбудил мой сосед: «Смотри, что там делается!..». Я подошел к окну и увидел среди деревьев несколько ярких лучей прожекторов, которые столбами поднимались к небу и быстро скользили по редким белым облакам, то перекрещиваясь, то вновь разбегаясь друг от друга. Но вот в центре их перекрещивания стал четко виден двухмоторный самолет и с неба слышался гул еще нескольких. Вдруг раздалась серия очень громких выстрелов орудий и к небу понеслись яркие цветные шары зенитных снарядов, вслед за ними заговорили спаренные и четырехствольные пулеметы. Стайки цветных трассирующих пуль устремились к освещенным в небе теперь уже двум самолетам, было хорошо видно, что пулеметные очереди до самолетов не долетают, а зенитные снаряды рвутся в стороне от них. Один из самолетов резко пошел вниз, вызвав восторженные крики: «Сбили одного, сбили!», но, как нам потом объяснили, это был, к сожалению, всего лишь известный маневр ухода самолета от освещения его прожекторами.

Когда началась шквальная стрельба, то наши довольно ветхие лагерные корпуса затряслись, как бы готовые развалиться на части, с потолков посыпалась штукатурка, из окон выпало несколько стекол. Проснулся весь лагерь, мы метались от окна к окну и никакая сила не могла заставить нас лечь в кровати, хотя стрельба вскоре прекратилась. Самолеты пролетели над заливом в сторону военной гавани в городе, где также шла отчаянная стрельба, затем прошли назад в стороне от наших зениток. Когда самолеты достигли военной гавани, оттуда донеслись звуки сильных взрывов, по всей вероятности, были сброшены несколько авиабомб. Мы все бегали за начальником лагеря, который отгонял нас от окон, и спрашивали его: «Это война? Это война?», но он только отмахивался от нас и убегал в женский корпус, где девчонки дружно ревели. Среди нас человек 20-25 были из Западной Украины и Белоруссии, приехавшие из Львова, Равы-Русской, Бреста, Минска и других западных пограничных районов, где немцы в большинстве случаев вошли на нашу территорию уже в первые дни и даже часы войны. Утром после завтрака нас отпустили по палатам, но предупредили, чтобы никуда самовольно не отлучались. Видимо, руководство лагеря было в полной растерянности и не знало, что с нами делать в такой ситуации.

Через несколько минут в палату влетел мой сосед по койке, сильно запыхавшись, и сообщил, что за забором лагеря, вдоль

шоссе, расположилась колонна автомашин, конных упряжек с орудиями, отделения пехоты и что они устроили привал у забора парка лагеря, но не могут нигде найти воды, а все очень хотят пить. Я побежал с ним к лазейке в заборе, где мы пролезли к красноармейцам и сказали, что можем привести их к колонке с хорошей водой, пусть только возьмут с собой ведра, котелки, фляжки и другие емкости. К нам подошел кто-то из командиров и спросил, далеко ли вода от их стоянки. Мы ответили, что тут рядом, и он послал с нами пять человек с посудой для воды. Мы быстро вернулись и за водой пошла следующая пятерка. Командир поблагодарил нас, а солдаты стали спрашивать, как встретили здесь ночью немецкие самолеты, страшно ли было. О себе они рассказали, что идут почти всю ночь в сторону границы, но собирались очень быстро и им даже не успели выдать оружие, сейчас начнут вручать винтовки и патроны. Показали нам уже открытые ящики, в которых лежали по две-три цинковые запаянные коробки с обоймами (в каждой по пять патронов, смазанных маслом), а также пулеметные ленты.

В это время за нами прибежали двое ребят и сказали, что всех срочно собирают на площадке и через несколько минут по радио будут передавать срочное сообщение Советского Правительства. Мы побежали на площадку, где уже собрался весь наш лагерь, все пионервожатые и начальник. В полдень начал свое выступление перед советским народом В.М. Молотов. Говорил он приглушенно, но четко о том, что фашистская Германия нарушила свои же обещания, без объявления войны напала на Советский Союз и ранним утром 22 июня подвергла бомбардировке города Минск, Киев, Севастополь, Одессу и другие (за порядок перечисления городов не ручаюсь). Закончил он свое выступление ставшими впоследствии широко известными словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». После этого начальник лагеря сказал, что сейчас в Одессе обсуждают судьбу нашего лагеря, а в городе уже введено военное положение. После обеда нас все же уложили на дневной отдых и после всех ночных переживаний, встреч с бойцами, отправляющимися на фронт, речи Молотова, мы вскоре крепко заснули и поднялись только по сигналу «подъем на полдник».

После полдника я побежал к забору в парке, чтобы пробраться к привалу красноармейцев, однако там уже никого не было. На траве валялось много ящиков от патронов, цинковых коробок от пулеметных лент и другого военного снаряжения.

Походив по оставленному месту отдыха воинской части, я пошел назад к забору и уже собрался через дырку залезть обратно в парк, как увидел под кустом какой-то блестящий предмет. Я разгреб траву, которой была прикрыта моя находка, и увидел, что эта была цинковая коробка, почти полная патронов. Они были золотистые, в свежей заводской смазке и так манили к себе... Я взял десять патронов в двух обоймах и побежал в лагерь, где похвастался находкой нескольким моим соседям по спальному корпусу, а также одной девчонке. Мы договорились, что завтра пойдем к краснофлотцам-зенитчикам и покажем им нашу находку. Перед сном я долго думал – почему немцы напали на нас? Ведь наша армия самая могущественная в мире! Но немцы захватили уже почти всю Западную Европу, так неужели они придут и к нам в Одессу и мы будем жить под их властью? Наконец, я крепко заснул. Выстрелов в эту ночь не было слышно.

Через некоторое время я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо, с трудом проснулся и увидел, что вокруг моей кровати стоят несколько человек: начальник лагеря, какой-то военный с фонариком в руке, мой сосед по койке и та самая девчонка, которой я показывал патроны. Начальник лагеря спросил меня: «Где патроны?». Я не стал отказываться, вытащил из-под подушки обе обоймы и отдал ему, а он передал их военному и тот спросил: «Где остальные?». Я ответил, что в кустах около забора. «Одевайся и выходи на веранду, мы там тебя подождем», – обратился ко мне наш начальник. Я быстро оделся и вся компания двинулась к тому кусту, где я оставил ящик с остальными патронами. Военный, сопровождающий нас, вытащил ящик из-под кустов и поволок его в контору лагеря, туда же повели и меня. Начальник с моих слов записал, где и когда были найдены патроны и отпустил меня. В спальный корпус я вернулся уже около полуночи и сразу же крепко заснул. Утром мой сосед рассказал мне, что о находке патронов донесла начальнику лагеря девочка, которая видела их у меня.

На утренней линейке меня вызвали в центр площадки, а начальник лагеря рассказал о ЧП, виновником которого оказался я. Послушав его, можно было подумать, что я принес в лагерь по меньшей мере торпеду или авиабомбу! Затем он сообщил, что все пионеры из Одессы должны выехать из лагеря в течение двух дней – 23 и 24 июня, так как лагерь становится военным объектом и все гражданские лица должны его покинуть. Когда мы спросили, как быть тем, у кого нет денег на трамвай, нам ответили, что кондукторы детей из пионерлагеря провезут бесплатно.

Я решил, что уеду домой после полдника, до этого заберу документы из конторы лагеря (путевку и др.), а также схожу на пляж – там можно было найти очень интересные раковины, и пойду на трамвай после полдника. Где-то на полдороге до трамвая я встретил свою маму, которая уже шла за мной в лагерь. Мы повернули назад, к городу, и вскоре были уже на конечной остановке трамвая, где застали еще тот вагон, на котором мать приехала ко мне. Днем эти «пляжные» маршруты ходили редко. Пассажиров в вагоне оказалось немного, мы сели к открытому окну и вскоре двинулись в сторону города. Чем ближе мы подъезжали к городским окраинам, тем больше людей встречалось на улицах, в отдельных местах собирались группы из 10-15 человек, отсюда неслись грустные песни. По вагону прошел шепот: «В армию провожают или на фронт...». Реже встречались провожающие, распеваящие такие бравурные песни, как «Если завтра война», «На границе тучи ходят хмурые...», «Эх, тачанка...». На улицах появились молодые ребята «под газом», но их никто не осуждал и милиция к ним не придиралась. Наиболее многолюдно было на Пересыпи, где располагались многочисленные промышленные предприятия. Домой мы добрались уже к вечеру, к семи-восьми часам, в сумерках. Нигде не виделось ни одной нормально горящей лампочки, только в отдельных местах тускло светились темно-синие маскировочные фонари, лампочки для которых все жители обязаны были приобрести еще за полгода до войны для включения их во время учебных тревог, которые в 1940-1941 гг. объявлялись довольно часто.

Во время войны и в послевоенные годы, особенно после смерти И.В. Сталина, много писали, что наши большие потери в начале войны были вызваны прежде всего фактором неожиданности нападения немцев на наши границы, во многом обвиняли Сталина, который якобы не верил в возможность начала войны в июне 1941 г. Лишь в отдельных произведениях, как мне кажется, довольно обоснованно утверждалось, что Сталин отдавал себе отчет, что он попался на удочку дипломатической игры и перед началом войны был хорошо осведомлен, что она уже на пороге, но не мог найти выхода из этой ловушки...

По всему западному протяжению наши границы были слабо укреплены, так как эти области только недавно вошли в состав Советского Союза. Почти на всех вновь присоединенных землях население было враждебно настроено к Советской власти, в то же время к июню 1941 г. немецкие армии были хорошо вооружены и отмобилизованы, имели большой опыт орга-

низации крупномасштабных военных операций. Даже мы, 12-13-летние пацаны, понимали, что война вот-вот начнется. Еще за 10-12 дней до начала войны через Одессу в западном направлении шли многочисленные эшелоны с пехотой, артиллерией и военной техникой. Многие командиры срочно призывались в армию из запаса. Если на территории пионерского лагеря разместили зенитные орудия, завезли большой запас боеприпасов, установили многоствольные пулеметы практически без всякой маскировки, то уже, как говорится, и дураку ясно, что со дня на день следует ждать нападения немцев на СССР, тем более что Сталину ежедневно поступали сотни разведанных из самых различных источников, в том числе и из-за рубежа.

Начальный период войны на южном направлении отличался слабым развитием военных действий, хотя румыно-немецкое наступление началось довольно успешно и через сравнительно небольшой период времени практически все западное Приднестровье было оккупировано, но на этом военные успехи наших противников значительно поубавились. К сожалению, немецко-румынским войскам удалось захватить водоперекачивающие станции, снабжавшие Одессу пресной водой, и в городе наступил «водяной голод». Вскоре по водопроводной сети стали периодически прокачивать морскую воду, но это еще больше усугубило положение, так как готовить на ней было невозможно, стирать и мыться тоже, и морскую воду закачивать перестали. Началась охота за дождевой водой. Как только на город надвигались тучи, все хватали ведра, корыта и любые емкости, которые расставляли по всем местам, где можно было уловить дождевую влагу. К этому времени народные умельцы стали изготавливать заменители мыла из синей глины, которая встречалась под скалами на морском побережье. Из нее формировались бруски, сходные с мылом, ими можно было мыть голову и стирать белье.

Наш дом, в котором мы жили с матерью с 1933 по 1944 г., был построен в конце XIX в. Хозяином его был богатый владелец какой-то фирмы, торговавшей зерном. Дом был построен из добротного кирпича и украшен по фасаду оригинальным орнаментом. Он оказался хорошо приспособленным к возможным чрезвычайным ситуациям, которые возникали вскоре после начала войны. В центре двора имелась большая зацементированная цистерна, в которую можно было заливать воду из водопровода, а при необходимости – собирать дождевую. Емкость цистерны составляла около 15-17 тысяч десятилитровых ведер и запаса воды для 140 жильцов дома могло хватить на два с

лишним месяца. Однако за все послереволюционное время эта цистерна ни разу не ремонтировалась, в ней появились трещины и происходила определенная утечка, но и при этом воды в ней хватало месяца на полтора (ежедневный расход воды – 10 литров на одного жильца). Кроме обычной канализации в доме имелись две бетонированные наружные уборные и душевая с довольно объемистыми баками – хозяин обладал, вероятно, даром предвидения возможных бед, ожидающих жителей города через 50 лет после постройки дома.

Большой неожиданностью для нас оказалось появление перед жителями дома весной 1942 г. молодого румынского офицера, который через дворника передал приказ всем жильцам дома собраться к пяти часам вечера для разговора с ним. Кирилловна, наш дворник, собрала кого могла. Когда наш гость появился перед жильцами, Кирилловна схватилась за сердце и упала перед ним на колени, причитая «батьюшка ты наш... господи... господи...». Офицер поднял женщину с колен, а нам объяснил, что он сын бывшего хозяина этого дома. Далее сообщил, что немецко-румынское командование и городская управа Одессы вернули ему его собственность, но жить он в своем доме не будет и никого выселять не собирается, просто ему очень хотелось посмотреть на дом, в котором прошло его детство. По-русски он говорил свободно, прощаясь с нами, сказал: «Прошлого уже не вернешь». Больше мы никогда его не видели и о нем ничего не слышали...

Прошло уже три недели с начала войны, но в городе царил относительно спокойствие. Почти каждый день над Одессой летали самолеты-разведчики, в том числе двухфюзеляжные «Фоккевульфы», прозванные в народе «рамами». Как правило, они летали на большой высоте и ограничивались сбрасыванием нескольких небольших бомб на территорию порта, хотя зенитки при этом вели по ним довольно интенсивный огонь. Вообще, за всю войну я ни разу не видел, чтобы наши зенитчики сбили хотя бы один самолет, так же, как и немецкие – наш. В «лучшем случае» немецкие летчики, не долетев до порта, сбрасывали весь свой боезапас на жилые дома. С военной точки зрения это приносило определенный успех, а с нашей (жителей этих домов), как говорили в Одессе – «это еще как посмотреть...». В первые месяц-полтора каждый вечер над центром города и вокруг портовой территории службы противоздушной обороны поднимали в воздух сотни аэростатов, что выглядело с земли довольно впечатляюще, но эффективность их применения была небольшая и вскоре их перестали использовать.

Цель – разрушение города

Неудачи на фронтах вокруг Одессы привели немецкое командование к решению перейти к массированным бомбежкам, направленным на масштабное разрушение города. Первая такая атака была предпринята 19 июля 1941 г. в семь часов вечера. Был тихий солнечный закат, когда в небе стал «назревать» ранее не слышанный нами мощный гул. Когда мы позадирали головы, то увидели, что почти все небо над нами было усеяно самолетами, в основном – «Юнкерсами-88». Их было много, только над нами я насчитал около полусотни. Вся эта смертоносная лавина неумолимо надвигалась на нас, а зенитки почему-то молчали. Кто-то начал утверждать, что это наши новые самолеты, но в этот момент загремели сразу сотни зенитных орудий и в небо понеслись очереди трассирующих пуль. В лучах заходящего солнца стало видно, как из самолетов посыпались черные черточки авиабомб, которые, покачиваясь, летели, как нам казалось, прямо на наши головы. В несколько минут все вокруг затянулось густым туманом из пороховых газов. Все бросились в первые попавшиеся укрытия, в основном в подвальные и полуподвальные коридоры. Грохот стоял такой, что даже рядом стоящего было не слышно. После каждого взрыва казалось, что стены и потолки над нами раскалываются, при этом с потолка сыпались куски штукатурки. Создалось впечатление, что люди были раздавлены этим адским грохотом, многие крестились, забыв, что это «большой грех»...

Весь этот ад длился минут 30-40, но мне показалось, что несколько часов. Неожиданно грохот затих, только изредка раздавались отдельные выстрелы зениток. Какое-то время в нашем полуподвале царила абсолютная тишина, и вдруг от одной из дверей оторвался и упал на пол почтовый ящик, которые тогда делали обычно из дерева. Женщина, просидевшая под ним весь период бомбежки, вскрикнула и упала со скамейки на пол в обмороке – это была психологическая послестрессовая разрядка. Все встали и потихоньку начали выходить во двор. Уже были сумерки и все вокруг просматривалось как сквозь густой туман. Асфальт во дворе был засыпан мелкими ветками и листьями, сорванными с деревьев при взрывах бомб, с улицы доносились отдельные крики и шум машин. Выйдя из ворот нашего дома, мы обомлели – трехэтажного дома, который находился на другой стороне улицы ближе к порту, не было, а на его месте дымилась груда развалин. Недалеко от наших ворот посреди улицы темнела трехметровая воронка, а

над ней торчали изогнутые обломки трамвайных рельсов. Возле нашего дома стоял «пень», оставшийся от чугунного трамвайного столба, срезанного как ножом крупным осколком бомбы. Рядом с воронкой в луже крови с хрипом билась, пытаюсь встать, лошадь, у которой была полностью оторвана задняя нога. Возле нее, неестественно изогнувшись, затылком кверху лежал мертвый возчик. Эта картина так подействовала на меня, что я долго не мог оторвать от нее глаз...

Вот уже почти 70 лет прошло с того момента, как перед моими глазами предстала эта страшная картина, но все ее подробности все еще прочно держатся в моей памяти. Как это могло случиться, что у нас, в Одессе, рвутся немецкие авиабомбы, проливается кровь наших людей, а мы сидим и дрожим от страха в подвалах? В душе все же была надежда, что мы себя еще покажем, что побегут и немцы, и румыны с нашей земли! С этого вечера немцы приступили к методическому разрушению города, особенно его припортовой части. Как только наступали сумерки, с неба начинали раздаваться характерные подвывающие звуки двигателей немецких бомбардировщиков, затем в бой вступали зенитные орудия и многоствольные пулеметы, по небу бесшумно скользили белые лучи прожекторов и на всю эту картину накладывался особый грохот рвущихся бомб. С каждым налетом в нашем районе появлялось все больше разрушенных домов, «скелетов» кирпичных зданий и груд досок, железа и мягкого камня, остающихся от домов из ракушняка даже при попадании в них сравнительно небольших 100-150-килограммовых авиабомб.

Первая, наиболее мощная бомбежка запомнилась мне на всю жизнь, но особенно часто, почти каждую ночь, мне снились авианалеты немцев в первый год оккупации Одессы. Настоящее понимание войны пришло ко мне именно после массивного удара по городу 19 июля 1941 г., и я осознал, что это беспощадная слепая сила, что здесь всем управляют случай и судьба. В последние дни июля и начале августа налеты немецкой авиации стали слабее и реже. Но новые печальные вести пришли с восточного направления – немцы захватили Николаев и с 5 августа полностью окружили Одессу. Началась блокада города, которая длилась по 16 октября, т.е. 72 дня. После начала блокады авианалеты продолжались в основном на стратегические объекты, главным образом на Одесский порт, через который шло снабжение войск боеприпасами и эвакуация раненых и населения из города.

Перед отъездом на фронт под Харьков дядя Сережа достал нам с матерью два талона для эвакуации из Одессы на лучший теплоход на Черном море – «Ленин», который покидал город последним и желающих попасть на него было не счесть. По условиям эвакуации каждому отъезжающему разрешалось взять с собой одно место багажа весом не более 20 кг. Посадка на него начиналась поздно вечером, в 10 часов. Собрав свое барахлишко в два небольших узла, мы с матерью посидели перед дорогой и пошли в порт. В душе была пустота: куда мы едем, где будем жить голые и босые почти в полном смысле слова. Мать всю дорогу в порт тихонько плакала. Ночь была чернее сажи. От нашего дома до места посадки на теплоход было около получаса ходьбы. Еще когда до причала оставалось метров двести, послышался сплошной гул тысяч голосов, рассмотреть что-либо было трудно, но кое-где горели синие лампочки и вскоре стала различимой огромная толпа, состоящая из нескольких тысяч людей, всеми силами прорывающихся вдоль борта к месту посадки, с внешней стороны окруженная сплошной цепью моряков, вооруженных винтовками. Время от времени с причала в воду летели чьи-то пожитки, а иногда и сами неудачливые пассажиры...

Когда мы стали искать хвост очереди, то пришлось пройти около 100 метров. В конце стояли несколько моряков и курили, никто за нами очередь уже не занимал. Мы разговорились с охранниками, которые сообщили, что по их подсчетам людей в очереди в четыре-пять раз больше, чем может взять на борт теплоход, так что ждать бесполезно и в голове очереди вообще творится что-то невообразимое – морякам приходится особо воинственно настроенных эвакуированных сбрасывать с трапа прямо в воду... Услышав все это, я сказал матери: «Мама, пойдем лучше домой!». Мать удивленно спросила меня: «Ты не хочешь уезжать?». «Не хочу, совсем не хочу!», – и слезы полились у меня из глаз. К тому же в городе оставалась наша тетка Женя, у которой заболел в это время ребенок и она не могла прийти проводить нас. «Ну, тогда пошли домой, я тоже не хочу никуда ехать». С большой радостью мы повернули к дому. Моряки нас горячо поддержали: «Еще неизвестно, как доплывем до Новороссийска». Когда мы уже стали подниматься по дороге из порта, в районе погрузки на «Ленин» началась массированная стрельба из зенитных орудий, по небу забегали лучи прожекторов, над теплоходом зажглись шары осветительных ракет. Мы вернулись домой около 12 часов ночи, а к обеду следующего дня по городу разнеслась страшная весть, что «Ле-

нин» к утру наскочил на мину и пошел ко дну с основной массой пассажиров. На нем эвакуировались из Одессы ученые, врачи, семьи партийных и советских работников, артисты (в том числе Леонид Утесов). От места крушения до берега было около 25 км, ни я, ни моя мать плавать совсем не умели. Так судьба нам дала еще один шанс выжить в той страшной «русской рулетке»...

Вскоре после нашего счастливого возвращения «из эвакуации» вышло обращение Одесского горсовета к жителям припортовых районов с просьбой выехать из города в дачные поселки Большого Фонтана, где имелись пустующие домики, хозяева которых уже успели эвакуироваться. Районы Большого Фонтана почти не подвергались налетам немецкой авиации, хотя вскоре на их территорию начали залетать через линию фронта артиллерийские снаряды. Мы выбрали себе дачный домик, который был рассчитан на небольшую семью, и заняли только часть его: кухню с плитой и примыкающую к ней небольшую застекленную веранду. Вторая часть дома была немного побольше и состояла из комнаты площадью около 15 кв. м и также застекленной веранды, но без плиты. Вначале мы с матерью жили в домике одни, позднее во вторую половину дачи вселилась семья из трех человек – мужа и жены среднего возраста и их 11-летнего сына. В городе у них была квартира, но они почему-то предпочли переселиться на Большой Фонтан и в город выбирались редко. Трудно сказать, что вынудило их на такой шаг, но к партийным деятелям, которых могла преследовать румынская полиция или сигуранца, они явно не относились и глава семьи почти в каждом предложении поминал «бога, его мать и Сталина...». Уже после освобождения Одессы я встретил в городе их сына, и он сообщил мне, что его отец скоропостижно скончался.

Незадолго до нашего переселения на дачу умерла моя бабка Наталья Николаевна, которой перед этим недавно исполнилось 83 года. С большим трудом удалось найти грузовую автомашину, чтобы отвезти гроб на Слободское кладбище. Провожать в последний путь Наталью Николаевну пришлось около 15 человек, в основном старух из соседних домов, я с матерью и тетка Женя. В Слободке бабка Наталья прожила больше 60 лет и из ее ровесников почти никого в живых уже не осталось. Было очень жарко, дорога булыжная с большими выбоинами, а машина почти пустая, да и водитель – молодой красноармеец, только недавно призванный на военную службу. На неровностях мостовой кузов машины так подбрасывало, что крышку

гроба пришлось закрыть, а сам гроб привязать к кузову. Боковые борта у автомашины были по тогдашним правилам опущены.

Дорога на кладбище заняла около часа, так как в основном шла все время в гору. Вконец измученные жарой и разбитой дорогой, мы добрались до кладбища и наконец-то въехали в тенистую аллею. После нескольких десятков метров пути мы со страхом увидели в конце аллеи несущегося нам навстречу почти над самыми верхушками деревьев немецкого «мессера» и слышали противный треск пулеметной очереди. Наш молодой водитель включил двигатель и поехал в сторону от дороги прямо по могилам, а все сопровождающие его машину бросились врассыпную. Мы с матерью залегли между могил и когда рев двигателя и треск пулеметов затихли, двинулись к машине, но водителя в ней не оказалось. Собравшиеся у машины стали его звать, но тут впереди нас опять показался неугомонный «мессер». Он с ревом пронесся над нашими головами и, слава богу, больше не показывался. Подобные хулиганские выходы немецких летчиков приходилось наблюдать неоднократно. Они часто опускались до предельной высоты над землей и пролетали, стреляя из пулемета в воздух, чтобы просто поиздеваться над перепуганными беззащитными людьми.

Наконец-то появился наш шофер и все двинулись к могиле, которая была почти рядом с нами. Все торопились покинуть этот оказавшийся столь опасным погост. Перед самым погребением к нам подошел человек с окладистой бородой, в гражданской одежде и быстро облачился в черную рясу. Как оказалось, бабки по завещанию Натальи Николаевны все же привели на ее погребение священника, который буквально за несколько минут прочел молитву и в сопровождении двух старух стал уходить с кладбища. Все сразу же принялись прощаться с покойницей, опустили в могилу бабушкин гроб и стали засыпать его землей. Тетка Женя заголосила, стоявшая рядом моя мать беззвучно рыдала, но вдруг побелела и упала в обморок. Машина уже уехала, старухи потянулись на поминки, а Женя всеми силами старалась привести мою мать в чувство. Наконец, это ей удалось и мы, как и все остальные, пошли ближайшей дорогой к нашему теперь уже осиротевшему дому...

На девятый день после кончины бабки Натальи мы собрались последний раз в этой родной для нас всех саманке. Трамваи на многих маршрутах уже не ходили и мы с теткой Женей, ее дочкой Светой и моей матерью остались ночевать в бывшем

пристанище всей женской команды (я еще был не в счет). Не знали мы в тот вечер, что это была наша последняя совместная ночевка. Как чаще всего и случается в военное время, ничего нельзя загадывать даже на несколько часов вперед. Не успели мы крепко заснуть, как в дверь сильно застучали и потребовали срочно открыть. Перед нами предстали милиционер и две женщины с красными повязками на рукавах. Одна из них обратилась к нам со словами: «Вам необходимо срочно в течение 30 минут собраться и идти по трамвайной линии в сторону Куяльницкого лимана, до поворота налево в район поселка Кривая Балка, подняться вверх по дороге, а затем зайти в любой дом и остаться там ночевать. Поступили сведения, что немцы этой ночью взорвут дамбу, отделяющую лиман от моря, и вода может хлынуть по долине и затопить всю низинную часть Слободки и Пересыпи. Жители Кривой Балки предупреждены и должны пускать на ночь всех, кто к ним обратится. Не забудьте взять необходимые документы». Сказав это, вся троица поспешно исчезла в ночи, которая была настолько темная, что не было видно земли под ногами.

Мать и тетка Женя бросились собирать что попало под руки и вскоре получился порядочный тюк. Тетка Женя посмотрела на него и предложила взять с собой только документы и что-нибудь поесть, так как идти нужно было больше пяти километров да еще в полной темноте. Еще она вспомнила, что в Кривой Балке недалеко от поворота жила ее знакомая и она даже помнит, как найти ее дом. Утром будет видно, дойдет ли до нас вода из лимана или нет, а сейчас надо поскорее идти – в указанном направлении движется немало людей и разместиться будет сложно. Через несколько минут мы уже шлепали по лужам (вечером прошел небольшой дождь). По дорогам в полной темноте брели как привидения женщины и дети. Фонариками пользоваться не разрешали. Спотыкаясь о булыжники мостовой и проклиная все на свете, мы брели в эту Кривую Балку около двух с половиной часов. Тетка Женя быстро нашла дом своей подруги, та впустила ее в дом и сказала: «Придется спать со мной на кровати, на полу у нас уже лежат пять человек». Женька, никогда не терявшая хорошего настроения и одесского юмора, ответила ей: «Вот и хорошо, со мной во дворе тоже трое, теперь уже действительно кого-либо положить будет некуда!». Мы быстро разместились на незаполненном еще пространстве и до самого утра крепко спали. Утром, когда проснулись, первым делом побежали на улицу посмотреть на дорогу вниз. Она была пустынная и абсолютно сухая! Все радостно

завопили и стали собираться назад из ночной эвакуации, пока вода в самом деле не подошла к Слободке.

Нужно сказать, что уровень грунтовых вод на всем протяжении трамвайной линии до Куяльницкого лимана действительно несколько повысился. В 1947 г., будучи в Одессе, я решил проехаться на трамвае 20-го маршрута и посмотреть, что делается там, в Куяльнике. На всем протяжении маршрута в ряде мест рельсы лежали в воде. Конечная станция была перенесена на полкилометра ближе к городу, на конечном кольце рельсы были подняты на насыпь, а уровень воды в некоторых местах был на 15-20 см выше рельсов. Весь старинный Куяльницкий парк стоял в воде. Трамвай словно плыл по кольцу, хотя я раньше считал, что если двигатель трамвая забрызгивается водой, то ехать на нем нельзя. Далее от кольца до самого горизонта вся долина была в воде. Таким образом, немцы залили морской водой громадную территорию, но сами себе отрезали пути к отступлению по топкому побережью. Значительные площади в районе Пересыпи также оказались подтопленными и ряд предприятий пришлось переносить на новое место. В наш домик я не заходил, так как там тоже несколько поднялась вода.

В городе в сентябре на нескольких улицах вблизи нашего дома начали строить заграждения из мешков, наполненных песком. Перед такой баррикадой разбирали булыжные мостовые и из гранита выкладывали фасад заграждения. Работали по укреплению обороноспособности города в основном женщины и подростки. Но, слава богу, никаких боев в городе не было и вскоре после прихода оккупантов населению пришлось разбирать эти сооружения и заново мостить улицы. Вообще жизнь в окруженной Одессе шла своим чередом – без водопровода с пресной водой, без электричества в домах, в крайне ограниченных условиях обеспечения продуктами, при почти полном отсутствии топлива для примусов, керогазов и средств для освещения! Город жил и не терял своего особого одесского юмора. К августу 1941 г. были оккупированы уже почти вся западная часть Украины, вся Белоруссия, полностью отрезан Крымский полуостров. Почти вся румынская армия во главе с маршалом Антонеску, несколько механизированных дивизий немецкого вермахта при участии венгерских войск и итальянских частей топтались вокруг окруженного города, предпринимая чуть ли не ежедневные атаки на измотанные части Красной Армии и Черноморского флота.

Вдоль большей части магистрали Одесса–Большой Фонтан возникли временные поселения для беженцев из города, которые энергично осваивали новые места для жительства. Возле летних домиков ставили бесчисленные «летние кухни», на которых готовили пиццу, из сахарной свеклы вываривали сладкий сироп, из черного и красного паслена готовили кисели, картошкой, свеклой, морковью и молодой кукурузой обеспечивались на местных колхозных полях. К этому времени бомбежки города значительно сократились во многом благодаря появлению в небе английских и американских самолетов («аэрокобр»), поступивших на вооружение наших авиачастей и оборудованных для ведения ночных боев. Тогда немцы перешли к массовому разбрасыванию над городом зажигательных бомб (вернее, бомбочек), вес которых не превышал трех килограммов. Я вначале боялся собирать эти бомбы, но потом научился захватывать их за стабилизатор щипцами и нести в бочку с песком, а если ее не было, то просто сбрасывать в яму или прямо на землю. Безусловно, они были опасны, когда попадали на ветхие деревянные чердаки, где «приземлялись» практически бесшумно в самых неожиданных местах. Очевидно, их применение оказалось малоэффективным, и вскоре немцы прекратили разбрасывание их над городом.

А на ничейной полосе – картошка...

В конце августа – начале сентября 1941 г., несмотря на обильный урожай, вокруг наших дач начала исчезать картошка. Часть ее выкопали и вывезли в город, часть съели сами дачники, а она ведь служила основной пищей в то время, так как муку или сухари стали выдавать по талонам все реже. К тому же в начале августа невдалеке от нас, в ста метрах, установили гаубичную батарею, которая вела обстрел румыно-немецких позиций через наши головы и линию фронта. В батарее было четыре гаубицы, хорошо замаскированные, причем стреляли они днем, чтобы по огням от выстрелов ее не засекли с той стороны, но несколько раз вражеские снаряды все-таки падали вблизи нашей дачи. Но, как говорится, Бог миловал...

Как-то в последних числах августа к нам приехала тетя Женя с девочкой из города, чтобы набрать хотя бы по 10-15 кг картошки. Как выше уже упоминалось, рядом с дачами картошку уже выбрали, но за пару дней до приезда тетки я встретил несколько человек, которые тащили тяжелые мешки с картошкой. Они мне объяснили как пройти к картофельным

полям, где она еще осталась. Говорили, что идти нужно часа полтора по проселочной дороге, а там сами увидим, где урожай еще не был убран. Посоветовавшись, мы решили отправиться в поход за картошкой ранним утром следующего дня. К нам попросился присоединиться еще 11-летний мальчик с соседкой дачи. Приготовили рюкзаки, саперные лопатки, посуду для воды и т.д.

Тетка Женья всегда ухитрялась раздобыть что-нибудь полезное или вкусное в самых сложных условиях. Вот и сейчас она привезла с собой курочку и мы решили сварить ее к ужину. Несмотря на то, что лето уже клонилось к концу, погоды стояли жаркие, поэтому мы еще продолжали готовить еду на самодельной плите, которую я сложил в нескольких метрах от дачного домика. В качестве топлива употреблялись сухие уже травы и коровьи лепешки. Невдалеке от нас был расположен небольшой хутор из пяти-шести домов, у хозяев которых имелся скот и его ежедневно гоняли на пастбу мимо нас, что создавало условия для сбора небольшого запаса «топлива». Курица вскоре была готова, и мать накрыла по такому случаю стол в пустующей, соседней с нашей, комнате. Кур своих в то время никто не продавал, так как было неизвестно, что ожидает всех в ближайшей перспективе. Пару дней назад слышалась довольно близкая артиллерийская стрельба, а затем вроде бы раздавались крики «Ура!». Все решили, что это наши части отгоняли врагов от города.

Стол застелили скатертью, поставили четыре тарелки, в которые разлили бульон и разложили куски курицы. Женья вытащила бутылку домашней наливки – «пир горой». Только мы (мама, Женья, городская девочка и я) сели за стол, как грохнули близкие выстрелы из наших соседей-гаубиц. Вообще-то, обычно они «просыпались» во второй половине дня, что мы объясняли особенностями освещения, так как солнце садилось за морем сзади нас. Четыре крупнокалиберных снаряда пронеслись над нашими головами, а бульон стал выплескиваться из тарелок, чего никак нельзя было допустить. Мы начали быстро его хлебать, как вдруг прилетел «гостинец» с той стороны – в 50 метрах от нашего дома взорвался снаряд, который вначале мы приняли за выстрел из гаубицы. Одновременно вылетело стекло из форточки и посыпалась штукатурка со стен и потолка. Все на миг замерли, и тут я увидел, что бульон в тарелке у Жени забурлил и из него пошел пар. Мать, а за ней и городская девочка мгновенно нырнули под кровать (она была массивная, железная), а я под стол. Тетка Женья вытащила из

своей тарелки осколок снаряда сантиметров 5-6 в длину и как ни в чем ни бывало продолжила есть...

К счастью, на этом «артдуэль» закончилась, мы вылезли из своих «убежищ» и стали обследовать путь снарядного осколка от места взрыва до теткиной тарелки. Оказалось, что снаряд взорвался в стороне от дома и прямо от воронки в окно, и тем более в тарелку на столе, попасть никак не мог. В двух метрах от окна стоял бетонный столбик, к которому привязывали веревку для сушки белья. Осколок отскочил от него почти под прямым углом, отрикошетил в деревянную раму окна, пробил ее, влетел в комнату и на излете шлепнулся в Женину тарелку все еще достаточно горячим, чтобы вскипятить куриный бульон! Тут все стали шутить, что тетке курицы мало, ей еще подавай осколок в бульоне! Каких только случайностей в жизни не бывает. Как говорится, нарочно не придумаешь...

На другой день мы встали пораньше (ночь прошла спокойно), сварили на печурке чай-компот из красного паслена, заросли которого встречались вокруг дач повсеместно, собрали свое снаряжение и часов в восемь утра двинулись в поход за картошкой. Отряд состоял из тетки Жени, меня, соседского пацана и городской девицы. Утро было ослепительно солнечное, море синее, а дорога пыльная. Вскоре мы вышли на проселочную колею, которая проходила по пустым уже полям. Для нас это была «дорога жизни» – ежедневно сотни людей ходили по ней с ведрами около четырех километров к единственному в округе колодцу с пресной водой глубиной около 20 метров. Вода хоть и считалась пресной, но на вкус была слегка горьковато-солонатовой, но очень чистой и холодной. Колодец был сооружен капитально и воду поднимали ведром на цепи, накручивая ее на барабан с очень большим дубовым колесом. Обычно ведро воды поднимали два человека – настолько тяжелой была цепь. При этом в очереди за водой устанавливался определенный порядок. Во-первых, очередь состояла не из людей, а из ведер и растягивалась на 120-150 метров. Несколько семей обычно объединялись и устанавливали в очередь по 10-12 ведер. Ждать, когда подойдет твоя очередь, приходилось по несколько часов на палящем солнце, а отойти от очереди нельзя было, так как двигалась она практически непрерывно – все время приходилось переставлять ведра на шаг-два вперед. На 10-12 ведер обычно оставляли одного дежурного, которого через полчаса сменяли, а остальные владельцы ведер в это время отдыхали в тени деревьев. Переставлять пустые ведра – дело несложное, но очень утомительное, отойти от очереди нельзя было ни на минуту.

Потом нужно было пройти около четырех километров уже с полными ведрами и при этом не пролить драгоценную влагу.

Каких только приспособлений не использовали при переноске воды. Сразу же скажу, что общепринятый способ переноски ведер на коромыслах здесь не привился. Нужно иметь определенный навык, чтобы не расплескать воду, особенно когда приходится переходить через рытвины, спуски и подъемы. Поэтому ведра носили в руках, а на поверхность воды укладывали круги из фанеры, листья капусты и т.д. Доставка воды была моей обязанностью – через день по два ведра. В мои 13 лет я не отличался особо богатырским сложением и поначалу тащил эти проклятые ведра обливаясь потом, буквально валясь с ног от усталости, но вскоре пообвыкся и стал удлинять интервалы между остановками для отдыха, а главное – перестал пить на каждом шагу эту воду из ведра. Потом мне эта работа даже понравилась, хотя ведра и не стали легче, но я мог не спешить домой, и четыре-пять часов у меня уходило на доставку воды.

Вернемся к нашей основной теме – экспедиции за картошкой. У колодца мы наполнили наши фляжки холодной водой, немного отдохнули и двинулись дальше. Было уже около 10 часов утра, а сколько еще идти – никто из нас не знал. Несколько раз мы попадали в тупики и не на те дороги, что были нам нужны. К полудню мы добрались до трамвайной линии 29-го маршрута, который ходил из Одессы в Люстдорф, но в то время уже не курсировал. Перейдя линию, мы попали на проселочную дорогу, хорошо наезженную автомашинами. Вдоль дороги тянулись зеленые стены лесопосадок. Пока что все совпадало с теми ориентирами, о которых мне рассказывали случайно встреченные «заготовители» картошки. К сожалению, ни у кого из нас не было часов и время мы определяли на глаз...

Солнце уже миновало зенит, жара достигла апогея, а воду мы уже всю выпили. Решили сделать небольшой привал в лесополосе, вся трава в которой была покрыта толстым слоем пыли, но машин что-то не было видно. Отдохнув, мы уже собрались идти дальше, но вдруг увидели, что нас догоняет полуторка, а за ней тянется огромный шлейф пыли. Мы выскочили на дорогу и замахали руками, чтобы нас хоть немного подвезли к «картофельному раю». Машина остановилась и шофер приказал нам: «Быстро в кузов!». Запрыгнув в машину, в которой лежало десятка полтора зеленых ящиков, я сразу понял, что это снаряды. Вскоре мы заехали в густую лесополосу, по которой проехали немного вперед, и машина остановилась. Шофер

сказал нам, что дальше не повезет, так как там стоят батареи, и посоветовал пройти по правой колее, где уже начинаются нетронутые картофельные поля. Водитель объяснил, что днем по этой дороге не ездят – выдает пыльное облако, а только ночью, но сегодня приказали забросить боеприпасы срочно. Потом он предупредил, чтобы ни в коем случае мы не шли по центральной дороге, а сразу же свернули направо. Уже отъезжая, он добавил, что часа через полтора поедет обратно и может подвезти нас до трамвайной линии.

Вдохновленные его заботой о нас, мы бодро пошагали по правой ветке дороги. Вдруг сзади раздался крик: «Куда вас черт несет! Немедленно возвращайтесь!». Обернувшись, мы увидели, что к нам по дороге бежит краснофлотец с винтовкой, в морской форме, но в пилотке. Поняв, что наша экспедиция находится на грани краха, мы припустили что было сил по правой дороге, которая вскоре пошла внутри лесополосы. Пробежав немного, мы оглянулись, но никого сзади не обнаружили. Лесополоса здесь как раз кончалась, и впереди открылся прямоугольник картофельного поля, большей частью с взрыхленной землей и уймой картошки, которая лежала прямо на поверхности. Мы договорились, что будем брать только отборные клубни, не увлекаться, поскорее наполнить свою тару и бежать назад. Я сразу понял, что практически все поле покрыто воронками от взрывов снарядов, но именно благодаря этому копать картошку не надо было, а можно просто собирать ее прямо с земли. Мы занялись сбором лучших клубней, когда вдруг в метрах ста от нас поднялся факел взрыва, за ним второй, а затем и третий. На какое-то время все замерли, и я сказал тетке Жене, что, похоже, это по нам ведут прицельный огонь. К этому времени емкости наши были почти совсем полные и мы решили еще пару минут пособирать урожай и дать оттуда деру...

Все опять наклонились к земле, а я встал во весь рост и вдруг увидел два огненных круга, несущихся на нас. Я обомлел, не сразу поняв, что это вращающиеся пропеллеры двух «Мессеров», идущих на высоте не более шести-семи метров над землей. Один летел впереди, второй – немного сзади. Несомненно, они прилетели по наши души, так как никого больше на поле не было. Я окаменел и смотрел прямо на пилота первого самолета, а он на меня и хохотал, крутя пальцем у виска и кивал на меня пилоту второго самолета. Перед этим я только успел крикнуть нашей бригаде: «Самолеты! Ложись!», а сам стоял неподвижно с саперной лопаткой в руке. В голове про-

неслась мысль: «Сейчас даст очередь из пулемета...», оба самолета пронесли над нами, обдав запахом бензиновой гари. Тут уж мы, не ожидая их второго захода, помчались со своими мешками к лесополосе, а там по дороге домой.

В этот момент из кустов выскочил уже знакомый нам моряк и, трехэтажно матерясь, повел нас в землянку, где доложил старшему, что задержал нас при возвращении с той стороны, а также что перед этим мы убежали от него на ничейную полосу! Старший тут же заявил, что это серьезное нарушение, похоже, мы диверсанты и без приказа командира он отпустить нас не может, а командир будет только завтра утром. Женька стала уговаривать его отпустить нас, детей, если надо, мы можем оставить здесь всю картошку, но дома есть уже совсем нечего... Она пустила слезу, и тут как раз подъехала полторка с тем самым шофером, который уже один раз нас подвозил. Он сказал морякам: «Что вы, ребята, детей задерживаете? Да там дома матери их что подумают?». Эти слова проняли старшего и он сказал: «Ну, забирай их, но если еще хоть раз попадетесь!...». Мы хором закричали, что больше никогда не будем собирать картошку на ничейной земле, быстро забрались в машину и шофер на всех парах помчался вперед и подвез нас более чем на полдороги. Там попалась попутная телега и около семи часов вечера мы были уже дома, привезя полные рюкзаки отличной картошки, что удалось в основном благодаря удаче с обратным транспортом. До сих пор я иногда вспоминаю, как немец в первом самолете крутил пальцем у виска, а я ждал от него пулеметной очереди, а также вспоминаю теткин бульон с осколком «для подогрева»...

После окружения Одессы бои вокруг города то приобретали ожесточенный характер и линия фронта приближалась к самым его окраинам, то несколько затихали, но в городе уже поползли слухи, что Одесса вскоре будет оставлена нашими войсками и что уже понемногу вывозят военную технику и отдельные воинские части. Мы старались не верить этому, но чувствовалось, что слухи эти не лишены основания. На побережье вдоль линии трамвая от восьмой до 16-й конечной станции стали исчезать зоны, запретные для прохода и ранее охраняемые красноармейскими постами. Стало ясно, что действительно идет эвакуация воинских частей из зоны окружения. Сердце сжималось при виде брошенных оборонительных сооружений вдоль берега моря...

В город добираться стало трудно, трамваи перестали хо-

дять, бомбежки хотя и продолжались, но уже в меньших масштабах и часть временных жителей дачных поселков стала понемногу возвращаться в город. Вскоре большинство домиков вокруг нашей дачи опустело. Вывезли и расположенную возле нас гаубичную батарею и почувствовалась какая-то обреченность в нашей жизни. Из продуктов еще можно было получить по талонам сухари, но и те редко бывали в хлебных магазинах. Я и сын наших соседей, которые к тому времени поселились во второй половине дачи, начали понемногу обследовать окружающие нас санатории, опустевшие дома и брошенные огороды, так как с питанием стало совсем сложно. Кое-где мы находили еще не выкопанные морковь и свеклу, иногда попадались початки кукурузы и т.п. Поближе к дому собирали куски досок, остатки заборов и другое топливо, что еще не сожгли прежние жильцы, при этом иногда нам попадались такие сюрпризы, что некоторые случаи до сих пор сохранились в моей памяти.

Где-то в начале сентября 1941 г. мы с соседским пареньком отправились в очередной обход значительно опустевшей окружающей территории. По ночам уже бывало прохладно, но днем при солнечной погоде было по-летнему тепло. Мы вышли к обрывам, образующим прибрежную полосу вдоль моря. Светило яркое солнце и слева от нас расстилалось синее море, а справа шли заборы нескольких санаториев, в которых еще изредка встречались военные отряды, явно собирающиеся в эвакуацию. Мы невесело шагали по тропинке, которая шла вдоль заборов, а в нескольких метрах от них уже начинались крутые почти отвесные обрывы, поросшие мелким, но очень колючим кустарником. Заборы были высокие и по верху оплетенные колючей проволокой. Мы здесь уже не раз ходили и знали, что скоро эта тропа выведет нас к конечной 16-й станции Большого Фонтана.

Впереди послышался какой-то шум, птичий крик и гомон буквально оглушающей силы. Мы остановились, пытаюсь понять, что за переполох такой. Стало ясно, что впереди собралась огромная стая ворон, сорок и еще каких-то птиц, которые, очевидно, учуяли нас и целая туча их стала кружить над нами. Обойти их было невозможно, так как справа был сплошной забор с «колючкой», а слева – очень крутой обрыв к берегу моря, также непроходимый из-за зарослей колючего кустарника. Впереди виднелась небольшая круглая полянка около пяти метров в диаметре. Мы решили быстро пробежать через эту полянку на территорию конечной станции трамвая. Стоять далее на тропинке было просто невозможно – помимо невероят-

ного гвалта огромного количества птиц, сверху на нас летели пух, перья и масса фекалий...

Я бросился вперед на полянку и... чуть не упал на труп мужчины огромного роста, совершенно голого и представляющий собой частично ободранный скелет. Глаза, нос, рот и щеки были расклеваны до кости и выглядели очень страшно. Также были склеваны мышцы груди, полностью выпотрошен живот, обклеваны ноги. Лежал он поперек площадки и нам предстояло или перепрыгнуть через него, или повернуть назад. Но назад надо было возвращаться около километра, а до остановки было не больше 100 метров. Мой напарник отвернулся и закрыл лицо руками. Я крикнул ему, что нужно бежать вперед и подумал, что сумею обойти эти страшные останки, но все же пришлось перепрыгивать через голову трупа. Когда мой бедный друг увидел, что я перепрыгнул через покойника и побежал вперед, он буквально понесся за мной как по воздуху, и вскоре мы уже были на конечной остановке трамвая, где не было ни души.

Рядом был ларек, который, как ни странно, все еще торговал. Мы выгребли из карманов нашу скудную наличность и купили бутылку сидра, выпили всю сразу и нам стало немного легче, хотя к горлу все время подкатывала тошнота. Идя домой, мы всю дорогу рассуждали, почему этот человек оказался совсем голым, почему никто из санатория его не обнаружил, тем более что там еще оставались наши бойцы. Почему он был такого огромного роста? Поразмышляв, мы решили, что это ненасытные птицы так расклевали его, что он распух. Убили его по всей вероятности недавно, так как в эти дни погоды стояли теплые, но запаха разложения от него не чувствовалось. Мы договорились, что родителям ничего не скажем, а то нас одних вообще никуда отпускать не будут, но к вечеру не выдержали груза такой тайны и все рассказали. Дома с родителями решили, что по таким глухим закоулкам и зарослям больше ходить не будем, а ограничимся только близкими к дому местами. Еще несколько дней нас слегка подташнивало и до сих пор, почти через 70 лет, иногда встает перед глазами этот расклеванный воронами и сороками человек в своей страшной наготе...

906 ДНЕЙ В ОККУПАЦИИ

Уже в первых числах октября 1941 г. жизнь в городе стала заметно замедляться. В основном тревожили артиллерийские обстрелы, которые иногда сопровождались жертвами среди населения в разных частях города, в основном в районах, прилегающих к территории Одесского порта. В начале октября я собрался в город проведать нашу тетку Женю и когда вышел к магистрали, ведущей от Большого Фонтана к центру города и проходящей над крутыми берегами, то увидел вблизи прибрежной полосы большой военный корабль, возле которого находились несколько морских катеров, по всей вероятности, доставляющих на борт корабля какой-то груз. Обычно так близко к берегу в этих местах большие суда не подходили. Когда я вечером возвращался из города, то этого корабля уже не было.

Дня через два я еще раз наведалься в город, не помню по каким уж делам, и на обратном пути проходил по нескольким кварталам бывших военных казарм, которые были разрушены при бомбежках в середине лета. На одной из уцелевших стен три или четыре моряка на большой высоте крупными буквами делали надпись: «Одесса – мы еще вернемся!». Сначала я не придавал этому значения, но вдруг меня как током пронзила мысль – они все-таки уходят! Как же мы? Нас бросают? Но ведь несколько дней назад в листовках, расклеенных по городу, писалось: «Одесса никогда не будет в руках фашистов!». Что же теперь действительно будет с нами? Слезы обиды и ненависти текли по моим щекам. Единственное, что грело душу – надежда на то, что это будет длиться недолго и вскоре Красная Армия погонит врагов с советской земли и будет бить их уже на их территории. Но что совсем невозможно было себе представить, как это то, что оккупация Одессы будет длиться девятьсот шесть дней, и мы, пережившие ее и все ужасные бомбежки, облавы, массовые казни будем вынуждены писать в своих временных удостоверениях и анкетах – «находился в оккупации в г. Одессе с 1941 по 1944 г.»...

Первая встреча с оккупантами

Прошло несколько дней, ни я, ни моя мать со своей дачки никуда не уходили. Собирали поблизости горючие материалы, заклеивали окна и утепляли двери, так как зима ожидалась холодной. Находили что-то съедобное на заброшенных грядках. Хлебные магазины работали нерегулярно и отоварить имеющиеся талоны удавалось не каждый день. На Большом Фонтане все магазины закрылись, но изредка работал продуктовый магазин на 10-й станции. Хотя до него было больше двух километров, все же оставалась надежда получить там что-нибудь из еды по талонам. 16 октября 1941 г. я взял сумку и около двух часов дня отправился на 10-ю станцию. Как обычно, с часу до трех в магазине был перерыв. Погода стояла солнечная, но дул довольно прохладный ветер. Возле магазина уже собралась небольшая очередь из 15-20 человек и от них я узнал приятную новость – сухари привезли еще перед обедом, так что шел я сюда не зря. В очереди шли горячие споры – отдадут ли Одессу без боя или будут драться? В какой-то момент я повернулся лицом к городу и обомлел. Метрах в 15 от нас стояла группа всадников в горчично-зеленой форме и с винтовками за плечами. Главный группы, по-видимому, младший офицер, повернулся к нам и крикнул: «Эй, комарад!». Его лошадь не успела и двух шагов сделать в нашу сторону, как вся очередь бросилась в ближайший переулок, который оказался тупиковым и с трех сторон был окружен заборами. Наиболее испуганные бабки бросились на заборы, но из-за них раздалось такое угрожающее рычание и лай собак, что все рванули от ограды назад. Румынские солдаты (как мы поняли по цвету формы – у немцев военная форма была серая) глядя на нас расхохотались, потом их старший махнул рукой и все «войско» двинулось дальше.

Из магазина выбежала продавщица в белом халате, позвала нас внутрь и при этом все повторяла: «Все забирайте, сухарей сколько хотите, деньги берите... Все забирайте!». Но тут вмешались бабки из очереди – «вдруг всем не хватит? Давать сухари по одному мешку, а что останется – разделить на всех!» Каким-то образом слух о раздаче сухарей уже выплеснулся наружу и очередь стала быстро разрастаться. Я решил не ждать конца раздачи, взял один мешок (около шести килограммов) и вышел из магазина. Интересно, что почти никто не заинтересовался деньгами, все решили, что теперь советские деньги не будут иметь хождения. Мешок с сухарями хотя и был легким,

но нести его было неудобно. На улицах не было ни души, к тому же я побаивался, что румыны могут вернуться и меня с этим мешком примут за мародера. Я пошел по боковым дорожкам через санаторий и вскоре был уже дома, где рассказал матери о первой встрече с оккупантами. Она заплакала и задала наверное общий для всех одесситов вопрос – а что же теперь будет с нами? Потом утерла слезы и добавила: «А пока давай суп есть со свежими сухарями». Так прошел наш первый день жизни при новой власти. Даже страшно было подумать, что мы уже не советские граждане!

Прошло около недели и за это время мы не видели ни одного оккупанта, да и жителей на улицах почти никого не было. Я и мой юный сосед отпросились у родителей сходить «на разведку» на Большой Фонтан. По дороге туда мы встретили две конные повозки с румынами, которые проехали в сторону города и на нас никакого внимания не обратили. В санатории, находившемся около конечной остановки, виднелось несколько повозок, две или три автомашины. На аллеях парка группа румынских солдат убирала мусор. Все магазины были закрыты, некоторые из них уже были разграблены. На стенах висели листовки с приказами совместного военного командования румынских и немецких войск, распорядок поведения гражданских лиц в городе, правила, которые необходимо обязательно выполнять, и к нарушителям которых будут применяться самые строгие меры вплоть до расстрела.

В городе временно устанавливался комендантский час – с восьми вечера до шести утра. Все жители города, а также попавшие в плен бойцы Красной Армии должны были в течение десяти дней пройти регистрацию и получить временные удостоверения в полицейских управах. Отдельно необходимо было пройти регистрацию евреям и коммунистам, комсомольским работникам и служащим городских учреждений. На щитах указывались адреса расположения районных полицейских управ. Не было ни слова о снабжении продуктами, о хождении денег, учебе детей в школах, хотя в преамбулах этих документов много писалось о том, что союзные войска пришли, чтобы освободить население от угнетения коммунистами и евреями.

Прошло около трех недель, как мы оказались уже не в Советском Союзе, а на оккупированной территории. Первые недели оккупации мы с матерью жили, не выходя из дома, я просто не представлял себе – как буду смотреть фашистам в глаза и разговаривать с нашими злейшими врагами. Большинство домиков вокруг стояли пустые, во многих были выбиты стекла,

поломаны окна и двери. Городские жители в основном вернулись домой, так как бомбежки города прекратились, и у кого сохранились дома и квартиры, постарались побыстрее вернуться в них, пока их имущество не разграбили. К тому же погода наступила холодная, с сильными ветрами, главное, что люди все еще остерегались встреч с румынами и немцами, хотя в целом обстановка в городе была спокойной. Всех евреев заставили пройти регистрацию и нашить на рукава черные повязки с желтыми шестиугольными звездами. Одновременно объявили, что должны зарегистрироваться в полиции все коммунисты и комсомольцы, а также члены семейств партийных работников.

Все эти дни ни я, ни моя мать в город не выходили, не появлялась у нас и наша тетя Женя. Мать посоветовала мне сходить к ней, тем более, что у нее в последнее время тяжело болел ребенок, которому только что исполнилось три с половиной месяца. Молоко у Жени быстро кончилось и кормить малыша приходилось кашками, для которых нужно было свежее коровье молоко. Нам иногда приносили бутылку свежего молока соседи по даче (из хуторян), и я относил его в город Жене.

Значительную помощь в уходе за детьми Жене оказывала ее свекровь. Семья у Расторгуевых была большая, многие были моряками. Муж тетки Жени, Михаил Расторгуев, плавал на сухогрузе «Шахтер» и в 1936-1937 гг. не раз ходил в Испанию. Как я уже упоминал выше, после победы франкистов их судно отправили на Дальний Восток в бухту Находка, куда на два с лишним года выезжала и Женя со Светкой, угодившая с возвращением в Одессу к самому началу войны. Семью Расторгуевых я знал мало, хотя жили они всего в одном квартале от нашего дома. Периодически мы все же встречались и я знал, что младшего брата Михаила избрали перед войной секретарем райкома комсомола.

Новый порядок жизни. В первой облаве

Вот и в этот день, который запомнился мне на всю жизнь, я с поллитровой бутылкой молока отправился в свою первую вылазку в оккупированный город. День был холодный и по дороге до 10-й станции я не встретил ни одного человека. Однако вскоре среди кустов метрах в 50 от меня заметил идущих навстречу мне двух румынских солдат. Увидев меня, они остановились и один снял с плеча винтовку. Первой моей мыслью было броситься в кусты и бежать назад к себе на дачу, но потом

я решил, что если они начнут стрелять, то может быть на соседней дорожке есть еще солдаты и я как раз выскочу на них. Поэтому я просто пошел навстречу им, к тому же ничего запрещенного у меня с собой не было. Когда я подошел к солдатам, один из них осмотрел мою сумку, а другой потребовал документы, которых у меня с собой не было. Тогда они приказали мне идти вперед, в сторону города, а сами пошли сзади.

Так мы прошли около 70-80 метров и подошли к центральному входу в санаторий железнодорожников, где год назад моя мать два летних месяца работала сестрой-хозяйкой и я хорошо знал все закоулки на его территории. Перед входом на довольно большой асфальтированной площадке находилось много людей, человек 50-60 – мужчины и женщины, детей не было. Солдаты подвели меня к щегольски одетому офицеру со стеклом в руке и ослепительно начищенных сапогах. Рядом с ним стоял пожилой мужчина в румынской военной форме, но без погон. Он свободно говорил по-русски и обратился ко мне с вопросами: кто я, где живу, куда иду, где мои родители и почему у меня нет документов. Я ответил: школьник, перешел в шестой класс, но поскольку школы не работают, то я с матерью пока живу на 12-й станции по Лермонтовскому проезду, дом 20 (вроде такой адрес был у нашего жилья), документов у меня нет, так как наш дом был разрушен во время бомбежки, все документы сгорели. Добавил также, что мне тринадцать с половиной лет и сообщил свой адрес в городе. Лощеный офицер выслушал переводчика, который сказал, что меня можно отпустить, но офицер все же направил меня в толпу задержанных и пояснил, что потом решит, как со мной быть.

Вскоре нас построили в шеренгу в два ряда и офицер через переводчика обратился к нам с «речью». Он сказал, что румынская армия вместе с немецкой пришла сюда, чтобы освободить нас от евреев и коммунистов, мирное население они не трогают, но находятся негодяи, которые взрывают военные объекты. Так, 19 ноября (точную дату я не запомнил) был взорван штаб союзных войск в Одессе, погибли многие офицеры и заслуженные военачальники. Союзные власти не могут оставить без наказания подобные преступления и с сегодняшнего дня начинают всеобщую проверку населения города. Повсеместно в городе будут проводиться облавы и проверка задержанных, а все подозрительные лица, не считаясь с полом и возрастом, будут публично казнены... Не ручаюсь за полную достоверность передачи содержания этой речи, но смысл был именно такой.

Когда офицер закончил свою речь, наступила мертвая тишина, затем зарыдала одна женщина, за ней другие, поднялся шум, солдаты бросились в толпу и прикладами быстро навели порядок. Тут я почувствовал, что меня кто-то тихонько толкает в бок. Я хотел обернуться, но услышал тихий шепот: «Гена, я брат Миши Расторгуева, но ты не признавайся, что знаешь меня – фамилия, имя и отчество у меня сейчас другие. Если выберешься из этой заварухи, передай моим, что видел меня и у меня пока все хорошо». Тут я его узнал: это был младший брат Жениного мужа – секретарь райкома комсомола. Очевидно, он был оставлен в городе для подпольной работы. Через месяц-полтора я встретил его около нашего дома, и он мне сказал, что ему удалось ускользнуть после того случая от дальнейшего расследования благодаря наличию определенных документов, но каких – не уточнил. После нашего разговора я немного продвинулся вперед, а он встал на мое место. Все тело мое к этому времени покрылось холодным потом, к тому же этот злополучный взорванный «штаб союзных войск» находился на расстоянии полутора кварталов от нашего дома в городе, в большом шестизэтажном здании на Маразлиевской (по старому) улице, где при советской власти размещалось Одесское областное управление НКВД.

Нас вновь выровняли в строю и сказали, что вскоре всех отправят в другое место для допроса. Я как-то автоматически повернул голову в сторону дороги и увидел, что по ней бежит в сторону наших дач тетя Женя. Я закричал во все горло: «Женя, Женя!». Она остановилась, увидела меня и бросилась мимо строя румынских солдат, обняла меня и потащила к офицеру. Добежав до него, она упала перед ним на колени и запричитала: «Отпустите, бога ради, ребенка! Ему только 13 лет! У него еще нет никаких документов!». Офицер наклонился к ней, что-то сказал, потом повернулся к переводчику и тот взял меня за руку, повел к выходу и махнул рукой охране, чтобы нас отпустили. Еще не веря в свое счастливое избавление, мы с ней побежали назад на дачу и тетка Женя еще долго всхлипывала и обнимала меня... Вот такой выдалась первая встреча с оккупантами и хотя закончилась она удачно, я был на грани вполне возможных печальных последствий.

После первого месяца оккупации Одессы мы с матерью были в городе только один раз, примерно через две недели после моего первого попадания в массовую облаву, вызванную взрывом большого шестизэтажного здания НКВД на Маразлиевской улице, при котором погибли многие высшие чины союзных войск.

Эта операция наших служб вызвала огромный отклик среди населения, но цена ее была – тысячи жизней ни в чем не повинных людей. На второй день после взрыва, когда я был арестован на 10-й станции, о чем уже писал выше, по городу было задержано несколько тысяч коммунистов, комсомольцев, евреев, которых до этого дня особо не трогали. В ряде мест города были проведены публичные казни. После освобождения Одессы от оккупантов в городских газетах писали, что в те дни в Одессе были расстреляны, повешены и сожжены более 20 тысяч коммунистов, комсомольцев и евреев.

В город мы направились в связи с тем, что состояние сына тетки Жени ухудшилось, и врачи сказали, что его дни сочтены. Он умер в клинике Одесского медицинского института в конце ноября 1941 г., в возрасте пяти месяцев. Бедный малыш начал болеть уже вскоре после рождения. Он плохо ел, часто плакал и слабо развивался. Когда ему было около трех месяцев, врач, который осматривал его, спросил у тетки Жени, как она рожала, в нормальных условиях или нет? Женя рассказала ему, что во время родов, когда она находилась в роддоме на Пересыпи, началась бомбежка, а рожали сразу две женщины: Женя и ее соседка, которая тоже приехала рожать в Одессу от мужа-пограничника, о котором у нее никаких вестей не было. Во время их родов началась бомбежка и одна из бомб взорвалась невдалеке от роддома. Весь медперсонал, который в тот момент должен был принимать у них роды, бросился в бомбоубежище, осталась только одна пожилая акушерка, которая кое-как управилась с двумя роженицами одновременно. Врач еще раз осмотрел больного и сделал заключение, что у него серьезная послеродовая черепно-мозговая травма и шансов на благополучный исход практически нет. Его прогноз оказался пророческим...

На похоронах малыша собрались около 15 человек, в основном, родственники по отцовской линии. Сам Михаил Расторгуев, муж тетки Жени, в это время находился на Дальнем Востоке, где служил старшим механиком на сухогрузе «Шахтер», о чем я уже упоминал. Все собрались у морга, куда пустили только трех человек для подготовки тела маленького покойника к похоронам. На улице было ветрено, очень холодно, шел мелкий дождь и я решил погреться в каком-то помещении, из которого шел парной теплый дух. Внутри здания вдоль стены были расположены несколько больших баков, из-под крышек которых выбивался горячий пар. Здесь же находились двое рабочих в белых комбинезонах, резиновых сапогах и белых же

колпаках. Тошнота подступала к горлу, но я храбро подошел к рабочим и пошутил: «Бульон варите?». Мне ответили: «Ага! Попробовать не хочешь?». Один из них открыл крышку бака и длинными вилами приподнял что-то из котла. Когда пар рассеялся, я увидел человеческую руку и понял, что это прозекторский цех, где готовились анатомические препараты для студентов-медиков. Повернувшись, я пулей выскочил из этого ада на свежий воздух. Здесь тетка Женья позвала меня – пора идти.

Впереди нашей процессии шагал какой-то незнакомый мне мужчина, который нес под мышкой небольшой некрашенный гробик, за ним шли тетка Женья, ее свекровь, моя мать и около десятка разной степени родственников. Я шел в третьем ряду погребальной процессии. Перед глазами у меня все еще стояли парящие баки, а к горлу все сильнее подступала тошнота. Как раз в это время мы проходили мимо небольшого скверика и я быстро отбежал в кусты, где из меня вышел весь завтрак, и стал догонять процессию. От матери получил за это «втык». О своем приключении я промолчал до вечера, и только когда рассказал матери, как мне предлагали бульон из человечины. Она заплакала и обняла меня со словами: «Такая вот у нас всех судьба...». Похоронили моего маленького братца на другом кладбище, не там, где лежала бабушка Наталья Николаевна, и больше на его могилке нам с матерью побывать не пришлось.

Как я уже упоминал ранее, незадолго до оккупации города немецко-румынскими войсками, в наш дом попала авиабомба солидного веса и весь полуподвал был разрушен начисто. Когда нас переселяли на дачи, а дядя Сережа заехал на машине на несколько часов в Одессу с фронта, мать попросила его отвезти туда кое-что из нашего небогатого барахлишка – швейную машинку, которая буквально спасла нас от голодной смерти зимой 1941/1942 г., два матраца, подушки, старое зимнее пальто матери, несколько кастрюль, тарелок, пару сковородок и другую утварь. Все это оказалось кстати на новом месте проживания. Холода наступили уже в середине декабря, да еще под минус 20-25 °С градусов. Море замерзло до горизонта. Вскоре на нашей улице остались только два домика, в которых кто-то еще жил – один в самом начале проезда Лермонтова (так называлась наша улица), другой – в самом конце его (наша «фазенда»). Сам домик был неплохой, но рассчитан был на температуру не ниже +20 градусов и никак не подходил для морозов – сколько мы ни топили вечером, к утру вода в умывальнике замерзала.

Приближалась новогодняя ночь, а у нас с матерью ничего съедобного практически не осталось, денег, естественно, тоже. Никаких ресурсов для обмена на рынке на продукты у нас к этому времени уже не было. За три-четыре дня до Нового года я устроил пробежку в город к нашей Жене, которая жила в это время в одной комнате небольшой квартиры возле Парка культуры и отдыха, причем часть дома была повреждена при бомбежке. У нее тоже никаких припасов не оказалось. Когда я пришел к ней и рассказал о нашей беде, она проговорила, что хотя дочь ее Светку взяла на прокорм свекровь, ей все равно надо кормить двоих. Оказалось, что она приютила нашего раненого летчика, которого ей передали на долечивание через оставшееся в городе подполье.

Она немного помолчала, потом сказала: «Давай-ка вместе отодвинем этот большой шкаф от стены». Хоть я и не понял, зачем, но поднатужился и мы с ней отодвинули шкаф, за которым оказалась дверь и из-за нее вышел молодой, очень бледный мужчина в гражданской одежде, пожал мне руку и сказал: «Давай знакомиться!». Оказалось, что он военный летчик, незадолго до сдачи Одессы был сбит, но выжил и попал в госпиталь, который уже частично начал эвакуироваться в Новороссийск, но всех раненых вывезти из города не удалось и ходячих разобрали по домам сочувствующие. Его имени я не помню, но родом он был из Подмосковья и очень надеялся на скорую переправку через линию фронта. К сожалению, дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Женя сумела раздобыть для нас около килограмма кукурузной муки и это был хороший довесок к нашему новому «ужину». Когда я на обратном пути проходил мимо Привоза, то увидел, что пацаны продают елку и просят за нее три марки (хорошо упитанная курица стоила на рынке одну марку). Тут я вспомнил, что в санатории на 16-й станции Большого Фонтана осенью видел очень красивые елочки около двух метров высотой. Эти елки росли на газонах рядом с главными корпусами санатория, которые в этот период стояли совершенно пустые, лишь в другом конце санаторского парка в нескольких корпусах расположилась небольшая румынская часть.

Операция «Елка»

План созрел мгновенно: ночью я иду «на дело» – за елкой, а утром пораньше отношу ее на рынок, бог даст, кто-нибудь ее у меня купит и мы на несколько дней будем обеспечены про-

дуктами. Раньше я никогда елок не пилил и был уверен, что за 10-15 минут успею елочку спилить и вылезти с ней через дыру в заборе, которую я заметил еще осенью – дольше оставаться на территории парка было опасно. Мать на удивление быстро согласилась на этот план и где-то около 11 часов вечера я вышел из теплой дачи в легких ботиночках и осенней одежде, надеясь, что легко одетый я быстрее справлюсь со своей боевой задачей. Из инструмента у меня была ножовка с мелкими зубьями. На мою беду накануне выпал обильный снег и все вокруг было белым-бело, к тому же ярко светила полная луна. Снег под ногами поскрипывал, но я решил, что без елки домой не вернусь. От нашей дачи до парка с елками было около полутора километров. Это расстояние я одолел не более чем за полчаса, ни одной живой души в столь поздний час на дороге не встретил и быстро прошмыгнул через дырку в парк.

Тут я понял, что выбраться отсюда живым и невредимым смогу только чудом – только я пролез в парк, как в той части, где были румыны, поднялся страшный собачий лай. Я сразу лег на землю и стал ждать своей участи: если собаки не на привязи или если румыны их отвяжут – мне конец. По лаю можно было определить, что немецких овчарок было не меньше пяти-шести. На этот шум на улицу выскочили несколько солдат и запустили три-четыре ракеты. Я прижался к земле, чтобы собаки не учуяли мой запах, но вскоре лай стих, а из солдатских казарм стали раздаваться развеселые музыка и песни. Я выбрал хорошенькую елочку поближе к забору и начал ее пилить. К моему удивлению, елка оказалась как железная – древесина в стволике промерзла, а у основания ствола была еще целая щетка очень твердых и острых веток. Как только я активно заработал ножовкой, собаки опять подняли лай, но, видимо, солдаты уже достаточно «приняли» и перестали обращать внимание на шум.

Схватка со столь зловредной елкой продолжалась около часа, мои ноги заледенели, руки, особенно кончики пальцев, страшно ныли, из глаз лились слезы, но я не отступал. Наконец-то елка стала крениться и я из последних сил прижал ее к земле. Еле хватило сил отодрать деревце от пенька. Как только она упала, я схватил ее за ветки и уже совершенно без сил поволок к дырке в заборе, прошмыгнул на улицу, оглянулся – нигде никого нет, только слышны были песни румын и легкое погавкивание собак. Не помню, как я добежал до дачи, уволок елку в густые заросли кустов и еле добрал до дома. Разделся, завернулся с головой в два старых одеяла, которые нашлись на со-

седних дачах еще осенью, и буквально провалился в сон. Утром, часов в шесть, я уже собирался на Привоз. Транспорта, конечно, никакого не было, все дороги были заметены снегом и я вприпрыжку понесся в город. До рынка было около восьми километров и часа через полтора я уже был на месте. Идти на рынок в такую рань я побоялся, забрался в какой-то брошенный ларек и там прихватил еще часик сна, но опять сильно замерз. Наконец, я встал со своим «товаром» в стороне от дороги, возле бывшей трамвайной остановки, и минут через десять ко мне направились, громко переговариваясь, три немецких офицера. Окружив меня, они со всех сторон рассмотрели елочку и спросили: «Вифиль марк?». Я набрался наглости и ответил: «5 дойч марк» (около 15 оккупационных марок). Ни слова ни говоря, они протянули мне деньги и по-немецки пожелали счастливого Нового года. Я взял деньги и побыстрее рванул оттуда.

Вы не представляете, мои современные читатели, какое это счастье – ходить по рынку, когда ты можешь купить многое, о чем всего несколько часов назад мог только мечтать! Прежде всего я купил пять пирожков, из которых два тут же съел, а три понес домой матери. Выбрал курицу побольше, купил фунт сливочного масла, два кило серой пшеничной муки и десять пачек сахара для чая. Раньше о таком продукте, как сахарин, мы знали только из рассказов старшего поколения да из блатных песен, но не прошло и двух с половиной месяцев после начала оккупации Одессы, как этот сахарин появился на всех рынках города, причем стоил он очень дешево. При его растворении в «чае», который, конечно, был суррогатом, напиток приобретал приторно-сладкий, но какой-то пресный вкус.

В общем, я, как кум королю, отправился домой, но когда вышел за город, где было полное безлюдье, слегка струхнул – пара «чижиков» может обчистить меня за милую душу. На всякий случай деньги я спрятал в ботинок под носок, все покупки обернул большой тряпкой, которой укутывал елку, чтобы было удобнее нести (моя красавица оказалась с весьма острыми «коготками», следы от которых были видны на руках еще недели две после новогодней операции). Когда мать узнала подробности моего набега на румынскую «резиденцию», заявила, что категорически запрещает мне подобные рискованные мероприятия, но результатом первого осталась весьма довольна...

Встреча Нового года прошла у нас на высоком уровне, хотя и елки не ставили, но слава богу, что хоть успешно преодолели

этот трагический для нас год. А сколько еще их будет? Немцы в своих газетах писали, что их войска в бинокли рассматривают Москву и даже Кремль. Хотя большинство в это и не верили, но ожидать можно было чего угодно. Мы до последних дней не верили, что Одессу сдадут немцам, но увы... уже два с половиной месяца они хозяйничают в городе, выпускают свои поганые газеты, на улицах кого только ни встретишь: пропавших нафталином генералов и адмиралов, побитых молю барынь. В магазинах, которые в небольшом количестве стали открываться в центре города, со всех сторон несло «господа», «мадам»...

Следует отметить, что условия оккупации в немецких и румынских зонах значительно различались. Одесская область вместе с Приднестровьем вошла в состав так называемой Транснистрии, центр которой находился в Одессе. В румынской зоне в ближайшие месяцы после ее организации начались процессы «дикой рыночной системы», весьма схожей с тем, что творилось в России в 90-х годах прошлого столетия в ельцинские годы. В немецкой зоне преобладал свой «орднунг», там сохранились все колхозы и госпредприятия, структура управления общественной жизнью была близкой к советской, но «без советов». В Одессе немцы не отдали румынам управление портом, железной дорогой, решение «еврейской проблемы», общее управление полицией и войсками. С середины 1943 г. вообще все ветви власти немецкое командование у румын забрало и попыталось навести в Транснистрии свой порядок, но было уже поздно... К началу 1944 г. наши войска уже вышли к границам Одесской области, был освобожден от оккупантов практически почти весь Крым. В начале ноября 1943 г. советские войска вошли в столицу Украины г. Киев.

Но, к началу третьей недели 1942 г. наше посленоевровое продовольственное изобилие было исчерпано полностью. На дворе все еще держались крепкие морозы и, встав утром с пустыми желудками, в ледяной комнате, мы с матерью совсем приуныли. Когда растопили печку, согрели кипяточек и набрали кое-каких съедобных крох, на душе стало несколько легче, но, каких-либо перспектив на ближайший период найти не могли... И вдруг раздался неожиданный стук в дверь, и в комнату вошел наш «ангел-спаситель». Это был довольно мрачного вида небритый мужик, лет 30-35, одетый в старую дырявую фуфайку. В руках у него был довольно объемистый узел. Он помолчал, а потом произнес: «Правду говорят, что вы умеете шить?». Мать ответила, что вообще-то шьет, но медленно. Тогда он развернул свой узел и извлек из него почти новую шинель с боль-

шими выжженными дырами. Он рассказал, что ему не в чем ходить, кроме как в старой заношенной фуфайке, и попросил мать взяться за переделку шинели, чтобы укоротить ее, обрезать обгоревшие участки и сделать теплую ватную подкладку, а за работу он даст нам полмешка отборного ячменя.

Мать вообще ничего солидного, тем более из шинели, никогда не шила, но «голод не тетка» и она согласилась на предложение нашего гостя. Встал вопрос, как мы сумеем сотворить из ячменя что-либо мало-мальски съедобное? «Ангел» обещал дать нам во временное пользование медную ступку и старую, еще дореволюционную мельничку, используя которые можно получить из ячменя что-то вроде крупы, если перед этим обжарить его на сковородке. Мать поставила условие – вату на подкладку заказчик достает сам, а ячмень приносит немедленно. С этого заказа началась наша новая жизнь «кустарей-одиночек».

В метрах трехстах от нашей дачи в акациевой роще располагался небольшой хутор, состоящий из пяти-шести старинных кирпичных домов, построенных, по всей вероятности, еще в дореволюционное время. Его жители ходили по тропе, которая выходила к 13-й станции Большого Фонтана и мы с ними практически почти никогда не встречались. Однако еще осенью 1941 г. к нам зашла одна из жительниц этого хуторка и спросила, не может ли мать помочь ей сострочить уже скроенное платье. Как она узнала, что у нас есть швейная машинка – загадка. Мать конечно помогла ей, и та занесла нам потом баночку сметаны и с полкило творога. В хозяйстве у этой женщины имелись несколько кур, корова, большие огороды. Вскоре какими-то путями к ней вернулся муж, у них рос чудесный сын на год старше меня – с румяными щеками, русыми кудрявыми волосами, стройный, широкоплечий. Он рисовал на клеенке для продажи белых лебедей и влюбленных в лодке. Я однажды подправил кое-что в его «художестве», и он стал приходить к нам, чтобы я его понемногу учил азбуке рисования. За это он помогал нам молотить ячмень на их домашней мельнице, состоящей из двух камней.

Вскоре с жителями этого хуторка у нас установились добрососедские отношения и не раз в трудные для нас дни они выручали меня и мою мать продуктами, чаще всего совершенно бескорыстно. Вообще в годы войны, особенно в период оккупации, люди стали намного человечнее и добрее друг к другу и особенно к евреям. Я знаю немало случаев, когда в русских семьях укрывали еврейских детей, в основном девочек, рискуя при этом жизнью всей семьи. За период почти тысячедневной

оккупации таким путем было сохранено немало человеческих жизней. Но нельзя скрывать и того, что из числа местного населения были сформированы и наиболее жестокие карательные полицейские отряды, выслеживающие и уничтожающие коммунистов, подпольщиков и евреев.

В самой Румынии евреи не преследовались так, как в Германии и в зонах немецкой оккупации. Я был очень удивлен, когда в начале 1946 г. впервые побывал в очаровательном городке – Черновцах, который с 1918 по 1940 г. входил в состав Румынии, а в 1940 г. вместе с провинцией Северная Буковина был включен в состав Украинской ССР, но с 1941 по 1944 г. был вновь возвращен в Румынию. С 1944 г. Черновицкая область была окончательно восстановлена в составе Украинской ССР. Таким образом, на втором году после изгнания румынских господ уже при полном восстановлении советской власти в Черновцах процветала мелкая частная торговля, причем в основном за счет еврейского населения, что для Советского Союза тогда было большой редкостью. В то же время уже в 40 км к северу на пограничной территории Западной Украины, оккупированной немецкими войсками (с 1918 по 1939 г. – бывшая Польша), практически все еврейское население было согнано в огромное гетто, а затем уничтожено в лагерях смерти.

Как ни свирепствовала необычайно холодная зима 1941/1942 г. в Одессе, весна стала брать свое. При ярком солнышке и теплом ветерке жить стало веселее. Мы с матерью поняли, что самый тяжелый период в нашей оккупационной жизни уже позади. В конце февраля на Большом Фонтане открылся хлебный магазин, в котором начали по спискам выдавать хлеб. На двух человек давали буханку формового хлеба на два дня. Позже в этом же магазине стали продавать пшено и иногда кукурузную муку. Жить стало легче, но для покупки продуктов необходимы были румынские леи, которые у нас появлялись чрезвычайно редко. Наши заказчики часто сами сидели без денег и рассчитывались за работу «натурой» – кукурузой, картошкой, иногда творогом, сметаной, однако в весьма скромных количествах, так как самим тоже нужны были продукты. Из такого положения необходимо было искать выход и мать занялась пошивом детской одежды из различных кусков ткани, остающихся у нас от пошива легкой одежды больших размеров, а также перешиванием некоторых платьев матери, которые сохранились в хорошем состоянии. Некоторую помощь нам оказывала тетка Женя, которая стала шить на дому легкие летние туфли. Эти весьма ненадежные источники дохода все же позво-

ляли нам продолжать свое существование в жестоких условиях оккупации.

Соседи посоветовали нам посадить хотя бы небольшой огород, что позволило бы сделать кое-какие припасы на зиму следующего года. Но, пока мы собирались вскопать землю и посадить овощи и кукурузу, семена которых нам безвозмездно выделили добрые люди, большая часть свободной земли уже была разобрана, а нам остались заросшие сорняками участки вдоль забора дачи. Эти участки обрабатывать было очень тяжело, но урожай на них ожидался хороший. Дали нам напрокат сельхозинвентарь – две лопаты, грабли, вилы, тяпки. На следующий день я принялся за огородные дела. Вообще-то до этого я никогда не держал в руках ни лопаты, ни граблей, ни других садовых инструментов. Весна наступала все активнее и земля начала сохнуть. Общая площадь наших «плантаций» составляла около трех с половиной соток и вначале мне показалось, что я за день-два вскопаю весь огород, но к обеду на обеих ладонях появились крупные водяные пузыри, а вскопал я не более десятой части его. Короче говоря, всю площадь я освоил только на пятый день и к этому времени верхний слой почвы уже успел пересохнуть. За два дня я посадил кукурузу и картошку. Вскоре солнце стало сильно припекать, а всходов, как и дождя, все не было. На соседних участках уже проклюнулись стрелки кукурузы, а у нас росли одни сорняки, которые активно полезли из земли.

Каждое утро я бежал на огород смотреть на наши хилые всходы и уже думал, что все мои труды пропадут даром, но на восьмой или девятый день наконец пошли дожди, причем теплые и обильные! Радости моей не было предела. Всходы пошли в рост, но с еще большей энергией поперли сорняки – пришлось срочно заняться прополкой и рыхлением огорода. Мои ладони опять покрылись пузырями, и я вспомнил старинную поговорку: «Трудно свой хлеб добывал человек!».

На нашей даче оказалось восемь или десять грядок клубники, на которую осенью мы не обращали особого внимания. После обильных дождей она быстро пошла в рост и вскоре на кустах появились белые цветочки. Раньше я никогда не видел, как растет клубника и был поражен, когда на кустах появились многочисленные крупные ярко-красные ягоды. Вскоре зацвели несколько деревьев персиков, потом абрикосов и вишен. Мы с матерью еле успевали ухаживать за своим «садом-огородом», сердце мое сильнее билось, когда я окучивал наши темно-зеленые кусты картофеля и пропалывал мощные ростки кукурузы.

С наступлением весны на отдельных дачах стали появляться жильцы, которых зимой здесь не было. Многие приезжали только из-за огородов и фруктовых садов, мы же твердо решили для себя, что на следующую зиму нужно выбираться в город. Нас звали в наш дом, где было еще несколько свободных комнат, но посторонних туда не пускали. В одной из таких полужаселенных квартир проживали мать с дочкой, которая училась в одном со мной классе, отец ее ушел на фронт и, как я узнал позднее, так и не вернулся. Во второй комнате тоже жили мать и дочь, на два года младше меня, а третья стояла пустая и нас пригласили перебраться в нее. Все три наши семьи раньше проживали в этом же доме, но в наиболее разрушенной его части. Мы с радостью приняли это предложение и начали понемногу благоустраивать комнату – она находилась в центре квартиры, была наиболее теплая, но очень темная. Кухня была большая, но воды в водопроводе не было, поэтому «удобства» находились в пристройке в нескольких метрах от входа в нашу квартиру.

Уже зимой 1942 г. три квартиры в нашем дворе немцы заняли под оружейные мастерские. В них жили и работали 10-12 пожилых немцев, которые относились к нам уважительно – при встрече обязательно кланялись и здоровались по-немецки. Однажды на ремонт к ним привезли скорострельную четырехствольную пушку, которая простояла возле крыльца более двух лет, да так и осталась до прихода наших войск. Присутствие немцев у нас во дворе было выгодно жильцам дома, так как румыны побаивались немцев и старались на глаза им не попадаться. Увидя во дворе зенитную пушку и немцев в их серой форме, они поскорее смывались оттуда, хотя были не прочь поживиться тем, что «плохо лежит». Однажды, когда мы уже вернулись в наш родной дом, несколько румын пришли с проверкой у жильцов документов. Пока я доставал документы, один из них успел стащить со стола в кухне горящий примус, что я обнаружил только после их ухода. Примусы в то время были большим дефицитом и я побежал вслед за солдатами и тут же обнаружил пропажу в снегу у ворот. Примус был еще горячий, но я быстро отнес его домой.

Отношения между немцами и румынами были весьма натянутыми, особенно между офицерами. Немецкие солдаты и офицеры среднего звена были всегда аккуратно одеты, форма подогнана по фигуре, но особым шиком не отличалась, даже в частях СС. Наиболее шикарная форма была у немецких офицеров высшего звена. При встрече на улице немецкие офицеры и сол-

даты обязательно отдавали друг другу честь независимо от воинского звания. Румынские же офицеры и солдаты резко отличались друг от друга. Солдаты были одеты в зелено-горчичную форму, на ногах носили ботинки и обмотки, брюки сзади у них всегда свисали, кители были помяты. Совершенно другое дело – румынские офицеры. Они одевались с иголки и сапоги всегда не просто блестели, а буквально сверкали, галифе, кители, рубашки всегда отглажены.

Я как-то спросил одного румына (многие из них, особенно из Молдавии и Бессарабии, хорошо говорили по-русски): почему они так отличаются от немцев, и он мне объяснил, что румынские офицеры – это богатые люди и у каждого из них было по два-три денщика. Некоторые из офицеров, постоянно служившие в Одессе, привезли с собой жен. Свою службу они сурово наказывали за малейшую провинность. Не раз я видел в городе, как в чем-то провинившегося солдата румынский офицер хлестал по щекам или стегал хлыстом, который многие из них носили с собой постоянно. Как правило, румынские офицеры никогда не отвечали на приветствия солдат. Зато наши девушки всегда отдавали предпочтение румынским солдатам. Я уже упоминал ранее, что напротив нашего дома находились большие Сабанеевские казармы, построенные еще до революции. До войны летом, как только опускались сумерки, под окнами казарм начинали прогуливаться девицы, по две-три под руку, а из окон неслись призывные заигрывания красноармейцев. Подобную картину можно было наблюдать и в 1942 г., только вместо красноармейцев из окон высовывались головы румынских солдат. Жизнь продолжалась...

Кольцо – за жизнь ребенка

Как я уже раньше писал, наша тетя Женя, которая была на 11 лет старше меня, с самого детства была лишена чувства страха. Еще школьницей она смело вступала в драку с любым забиякой и всегда выходила из поединка победителем. В 17 лет, закончив ФЗУ, она пошла работать на Одесскую обувную фабрику, которая находилась в трех кварталах от нашего дома, и часто заходила к нам после работы. Утром ей приходилось идти на работу пешком, так как смена начиналась в семь часов. Из дома (со Слободки) она выходила в шесть часов утра и часть пути, около полутора километров, шла по железнодорожной насыпи и только потом уже минут тридцать до фабрики по городским улицам. Однажды осенью 1935 г., когда ей было 18

лет, она как обычно ранним утром вышла из дома, поднялась по насыпи и почти в полной еще темноте быстрым шагом направилась в город.

Дорогу Женя знала хорошо и шла почти автоматически, но вскоре обо что-то споткнулась и остановилась, чтобы рассмотреть – что это такое? На насыпи лежала женская нога, чуть дальше были разбросаны другие части тела! По всей вероятности, женщина спешила куда-то чуть раньше ее и не успела вовремя отскочить от встречного паровоза, что и привело к такой трагедии. Об этом происшествии Женька рассказала только мне недели две спустя, ни словом не обмолвившись ни моей матери, ни бабке Наталье. У меня буквально волосы встали дыбом... На вопрос, что же было дальше и не было ли ей страшно, она совершенно спокойно ответила, что пошла побыстрее дальше и чего бояться покойницы, тем более разделанной на части! Об этом я рассказал, чтобы стала понятна другая история, которая из-за Женькиного бесстрашия чуть не закончилась трагически для всех нас – матери, меня и самой неугомонной Женьки. Весной 1943 г. она, взволнованная, прибежала к нам на ул. Свердлова, куда мы уже вернулись из нашей добровольной дачной ссылки, и вызвала мать на «секретный разговор», от которого «зависела жизнь ребенка». Сначала она не хотела говорить при мне, но потом решила, что меня это тоже касается, и взяла с нас обещание никому никогда не проговориться. После такого вступления моя мать побледнела, так как поняла, что на этот раз случилось что-то серьезное.

Женя сообщила, что еврейскую семью ее давней подруги на днях забрали в гетто, в том числе и хорошенькую десятилетнюю девочку, и через несколько дней увезут в концлагерь в Германию. В гетто вся обслуга и охрана были румынские, а за деньги и драгоценности при хорошей цене румыны были способны отдать хоть своего маршала Антонеску. Мать девочки завела там знакомство с румынским сержантом, который заведовал приемным отделом, где родственникам и знакомым заключенных два раза в неделю разрешали свидания с ними. Она пообещала сержанту очень дорогое золотое кольцо с бриллиантами, если он выпустит ее дочь через отдельную проходную для служебного пользования, от которой у него был свой ключ. Этот румын и мать девочки разработали план операции по освобождению малышки, который заключался в следующем. Троечетверо ее знакомых, обязательно русских, приходят с ребенком (неважно, какого пола, так как в пропусках для прохода в «гостевой загон» гетто пол посетителей не указывался). Сер-

жант выдает им пропуск и приводит мать девочки, а сам тем временем выпускает девочку через служебную проходную на свободу и она уже сама идет до первого железнодорожного моста, где прячется в кустах и ждет нас. После этого сержант возвращается к нам и конвоирует всех до основного пропускного пункта из гетто. По дороге мать девочки передает ему кольцо, которое должна принести ей наша Женька. Мы отдаем пропуск и выходим из гетто, идем по дороге к мосту, забираем ребенка и отвозим ее в условленное место, которое знала только Женя. Теоретически все это звучало хорошо, но возник ряд серьезных вопросов. Во-первых, я в свои 15 лет уже был ростом выше среднего мужчины и на ребенка никак не тянул. Во-вторых, если кто-либо заметит, как сержант выводит девочку через служебную проходную и его задержат, то он с перепугу во всем признается... Что будет дальше – лучше не думать! В третьих, что если сержант нас обманывает, малышку не выпускает, забирает кольцо и сдает нас своим сослуживцам? Финал не лучше.

Женька умела уговаривать и убеждать, уверяла, что таким путем освободили уже не одного ребенка, что сержант рискует больше нас и будет стараться выполнить все в лучшем виде. Да и сами мы никогда не простим себе, что не спасли ребенка от гибели, имея такую возможность. В конце концов, мать уступила Женькиному натиску и мы поверили, что все пройдет хорошо. На другой день наша Женя побежала по условленному адресу за кольцом и договорилась, что лучше девочку мы передадим где-нибудь на улице, не входя в «явочную квартиру». Через пару дней наш «диверсионный отряд» отправился на дело. Накануне мать всю ночь пила валерьянку и мы опасались, хватит ли у нее сил дойти до гетто и обратно.

После смерти бабки Натальи Николаевны в июле 1941 г. я ни разу не был в нашей саманке и поразился тому, что еврейское гетто располагалось всего в двухстах метрах от нашей улочки. Вся его территория была огорожена двумя рядами колючей проволоки, возможно, с электрической сигнализацией. Внутри гетто тянулись длинные ряды брезентовых палаток, расположенных очень близко друг к другу. Прежде всего меня удивило количество людей, чем-то напоминавших покупателей на одесской толкучке. Стоял шум, крик и гам, возле палаток горели примусы и керосинки, на которых что-то варилось. Преобладали в гетто старики, женщины и дети, у всех на руках были нашиты желтые шестиугольные звезды. Первое чувство, которое меня охватило, это желание немедленно бежать куда глаза

глядят, подальше от этого ада, подальше от людей, заведомо обреченных на мученическую смерть...

Сержант подошел, вежливо поздоровался и подвел к нам плачущую молодую женщину, которая о чем-то заговорила с Женей. Сержант ушел, затем вернулся, что-то сказал матери девочки и снова ушел. Женька передала нам – пошел выпускать ребенка. Минут через 15 он опять вернулся и сказал, что все в порядке и мы можем идти домой. Во главе с ним мы прошли через проходную как в тумане. В голове была только одна мысль – быстрее, быстрее! Хотелось побегать, но следовало соблюдать конспирацию. А каково было матери этого несчастного ребенка?.. По дороге от гетто к мосту я облазил все кусты, ища девочку, весь исцарапался, но найти ее никак не мог, она как сквозь землю провалилась! Громко звать ее было рискованно, так как поблизости проходила дорога к гетто и по ней шло довольно много людей, в том числе и румынские солдаты. Женька заявила, что она не уйдет, пока не узнает, в чем дело.

Следует сказать, что в этом месте над дорогой проходили три моста – два рядом, а третий метрах в трехстах от первых двух. За время поисков я немного успокоился и стал уговаривать нашего «командира» Женьку пойти к третьему мосту и поискать еще там. Как только мы подошли к этому мосту, то сразу увидели нашу «пропажу», которая сидела на груди старых шпал и редела в три ручья. Оказывается, когда сержант вывел ее из гетто, то приказал ей не бежать, а спокойно идти по дороге как можно дальше. Она вначале шла, как приказал ей «освободитель», но потом не выдержала напряжения и побежала, не заметив первых двух мостов. Невдалеке от третьего моста была кольцевая станция трамваев, где мы посадили Женю со спасенной девочкой на трамвай и они поехали передавать ее далее по эстафете, а мы с матерью отправились домой. Все прошло по намеченному плану, и стоило нам это двухдневной нервозности и чувства смертельной опасности, побывав в аду для живых людей... Спасибо нам никто не сказал, да и не нуждались мы в благодарности.

В зубах у Фельджандармерии

В 1943 г. немцам, вероятно, так надоел беспорядок, который царил в Транснистрии, что они где-то в середине июня издали приказ, согласно которому вся власть в этой области полностью переходила к немецкой армии и все население теперь должно непосредственно подчиняться немецкой коменда-

туре и издаваемым ею приказам. Вскоре из Одессы постепенно стали вывозить в Германию в качестве рабочей силы молодежь, причем чаще всего для этого отбирали людей, задержанных при проведении облав. Стало опасно ходить по городу, особенно без документов. У меня же кроме церковной выписки о крещении без моей фотографии никаких других документов не было. Если румынам можно было предъявить любую справку, лишь бы на ней была печать, то немцы все документы проверяли дотошно и при малейшем сомнении отправляли задержанных для дальнейшей проверки в полицию, где сидели, как правило, русские и украинские полицаи и к ним лучше было не попадать. У тетки Жени была знакомая девушка, которая работала в Управлении набора трудовой силы (за точность названия не ручаюсь). Она предупредила нас, что ожидается массовое отправление молодежи из Одесской области в Германию, в связи с чем лучше бы мне куда-нибудь скрыться на две-три недели.

Обсудив все варианты, мы пришли к выводу, что ехать мне некуда, да к тому же и не на что. Тогда эта девушка предложила направить меня на три недели в трудовые бригады, которые работали вблизи Одессы в сельскохозяйственных кооперативах (бывших колхозах) и по состоянию здоровья для отправки в Германию не подходили. В этих бригадах неплохо кормили, жили рабочие в общежитии и на воскресенье их привозили на автомашинах в город, а в понедельник рано утром – обратно. Кроме того, там платили небольшую зарплату. В случае чего она бралась помочь мне. Этой помощью вскоре пришлось воспользоваться. Мне выписали направление в небольшое село под названием не то «Сухая балка», не то «Сухой лиман», указали место сбора для выезда на работы сроком на три недели и дали список вещей, которые мне необходимо было взять с собой.

В ближайший понедельник в полседьмого утра вместе с другими членами трудбригады я погрузился в открытую грузовую автомашину, и мы отправились в новое для меня место, до которого от Одессы было около 80 км. Дорога часто петляла между мелкими заливами с соленой морской водой, погода была благоприятной – солнечной и не очень жаркой. Когда мы приехали на место работы, всех новеньких переписали с указанием домашнего адреса в Одессе, фамилии, имени, отчества, срока работы, распределили по бригадам и отправили завтракать. Всем командовали румыны, обстановка была довольно терпимой. Основную массу в составе отряда представляли бывшие военнопленные-краснофлотцы, которым разрешалось приезжать

на выходной в город, их было около 40 человек. Городских было человек 12-15, местных, из села, 10 и еще один пацан вроде меня, т.е. всего около 55 человек. Моряки держались обособленно, на нас, двух шпингалетов, внимания не обращали. Жили мы в довольно большом саманном доме, спали на нарах, устланных свежим сеном. В первые дни нам сильно досаждали многочисленные блохи, но после засыпки полов и нар свежей полынью и чабрецом количество их значительно уменьшилось. Мы с моим ровесником спали в отдельной комнате, с отдельным входом, местные селяне вечером расходились по домам, а моряки расположились в двух других комнатах, где на ночь к ним перебиралось наше женское население. В общем, в нашем колхозе можно было жить, учитывая, что ежедневно нам выдавали свежий серый хлеб, молоко, на обед бывал борщ или другая вполне съедобная похлебка. Основная работа заключалась в уборке зерновых, копке овощей, которые затем отправляли в город. За день все очень уставали и рано ложились спать, перед сном часто пели советские песни.

Вначале распорядитель работ поставил нас с напарником на трактор ХТЗ возить из источников пресную воду, до которой было около шести километров, на тележке с резиновыми колесами и бочкой емкостью около тысячи литров. До того момента трактор я видел только в кино, но мой напарник заявил, что уже имеет опыт работы на таком тракторе. Моряки посоветовали нам попросить у начальства лошадь и тележку с бочкой, поменьше этой, так как сколько они ни пытались завести трактор, у них ничего не получалось. По всей видимости, трактор неисправен, а отремонтировать его никто не смог.

С утра следующего дня мы все же активно занялись трактором, главным в этом нелегком деле был мой напарник, я – на подхвате. Вскоре пришел наш румын и спросил, сможем ли мы к обеду привезти воду. Мы ответили, что сделали все, что в наших силах, но трактор не заводится и за водой лучше послать лошадь с тележкой, так как ничего мы от этого трактора не добьемся. Начальник пошел на конюшню и отправил за водой двух человек с телегой, а мы продолжили мучить наш трактор. Один из моряков подал нам совет – заводную ручку поставить в горизонтальное положение и прыгнуть на нее. Недолго думая, мы последовали его совету, причем мой наставник по тракторному делу подтвердил, что именно так он заводил когда-то подобный трактор. Мы установили заводную ручку горизонтально, «знаток» залез на бампер трактора и прыгнул на заводную ручку. Трактор как-то странно кашлянул, ручка спру-

жинила, и «тракторист» взлетел в воздух метра на полтора. Пролетев по дуге около пяти метров, он шлепнулся на землю. Слава богу, что земля в месте его приземления была рыхлая, но все равно пришлось вылить на него почти ведро воды, пока он приходил в себя. Начальству все-таки пришлось дать нам лошадь и бочку на телеге...

С этого дня мы, позавтракав, бежали на конюшню, запрягали в телегу нашу Машку и ехали к источникам. Там один из нас слезал на землю и, набрав ведро холодной прозрачной воды, подавал его второму возчику, стоящему на телеге, а тот выливал воду в бочку емкостью около 700-800 литров. Работа была утомительной, но имела и свои преимущества, так как вокруг источников росли тенистые кусты и, подняв 15-20 ведер с водой, можно было под ними полежать, затем, поменявшись местами, залить еще воды и опять отдохнуть. Обратном мы шли пешком, а наша Маша медленно тащила телегу с водой, которую так ждали косари. Так и прошла одна трудовая неделя, затем вторая.

Третья неделя нашего пребывания в «колхозе» была последней и вроде бы ничего не предвещало беды, но она ведь имеет привычку приходиться к человеку неожиданно, из-за угла. Если бы мы были повнимательнее, может быть, вовремя заметили надвигающуюся на нас угрозу. Уже в середине второй недели наш румынский командир сообщил, что вскоре приедет немецкое начальство с проверкой нашей работы. Затем одна из городских девиц по секрету шепнула, что на будущей неделе наших моряков здесь уже не будет. Но мы пропустили мимо ушей эти важные сведения и не учли, что власть в городе полностью перешла в руки немцев, а они обязательно начнут «закручивать гайки» и наводить немецкий «орднунг».

В конце недели наступила необычайная жара и мы привозили воду по два раза в день, чтобы можно было помыться, но не подумали, что вода очень холодная. В воскресенье температура у меня поднялась до 39°, сильно болела голова и мучил непрерывный кашель. Ехать в таком состоянии в «колхоз» было невыносимо, и в понедельник я остался дома, а мать пошла в аптеку, чтобы раздобыть для меня хоть какие-нибудь лекарства. Я лежал в постели и читал. Где-то около полудня раздавался сильный стук во входную дверь, но она была не заперта и на этот стук я не откликнулся – кому надо, тот войдет сам. Действительно, через минуту дверь открылась и вошли два бравых немца с автоматами и большими бляхами на груди, висящими на крупной плоской цепи. На бляхах было написано

«Фельджандармерия» (по-немецки). К этому времени мы уже хорошо изучили немецкие рода войск и их назначение. Из всех (гестапо, СС, абвера) наиболее опасной была именно фельджандармерия. Уже позднее я узнал, что это были части, аналогичные нашему СМЕРШу и они вели борьбу со шпионами, диверсантами и дезертирами. Немцы спросили меня, почему не на работе, на что я показал им термометр, лежащий возле меня на стуле и сказал, что сильно простудился и не могу подняться с постели. Мне приказали встать с ехать с ними в Фельджандармерию, просьбы дожидаться матери ни к чему не привели. Собраться мне было делом нескольких минут: надеть брюки, рубашку с короткими рукавами и босоножки на деревянном ходу. Немцы повели меня на трамвайную остановку, посадили на переднюю площадку, рядом с вагоновожатым, и встали рядом со мной. Ехать было нужно всего две остановки. В трамвае ко мне подошла женщина из нашего дома и спросила: «Гена, куда это ты?». Я ответил, что меня забрали в фельджандармерию и чтобы она передала это матери, когда та вернется домой.

Заведение, куда меня привели, находилось на Дерibasовской–угол Ришельевской, недалеко от Оперного театра. В этом здании на первом этаже находилось известное на всю Одессу кафе, где мы с матерью не раз ели очень вкусные пирожки и запивали их ячменным кофе. У ворот был пропускной пост, через который меня провели во двор. По лестнице мы поднялись на третий этаж и вошли в большую комнату, где были три человека в немецкой форме. На меня заполнили анкету, забрали все мои вещи (почти пустой кошелек), справку о крещении, сняли отпечатки пальцев и сфотографировали: все прошло так, как я не раз видел в кино при процедуре ареста. Происходящее вокруг меня и со мной казалось чем-то нереальным. Я пытался объяснить, что болен, но меня слушать не стали и отправили в камеру на пятом этаже.

Один из солдат повел меня по лестнице еще на два этажа выше, где на площадке сидел часовой с автоматом. Завели в камеру, в которой окна были заложены кирпичом и только вверху под потолком имелась форточка, затянутая сеткой из толстой проволоки, а снаружи – решеткой из массивных прутьев. Охранник указал мне на пустые нары в левом углу комнаты, где я и расположился на охапке сена. Перед этим ко мне подошел солдат в румынской форме, но без пояса и погон. Он тихо спросил меня: «Шиссен?». Я как-то механически ответил: «Нет», на что он отстраненно проговорил: «А всех нас здесь будут стрелять, мы все дезертиры...». В камере было че-

ловек 10-12, все, кроме румына, в немецкой военной форме без ремней и погон и босые. Мне же оставили мои деревянные колodки. Я залез на нары и сразу же заснул, причем скорее даже не заснул, а потерял сознание.

Утром я проснулся и увидел, что все уже доедают свои полхлебки, но у меня еще кружилась голова и весь я был в ознобе – очевидно, держалась высокая температура. Пока я раздумывал, стоит ли есть баланду, снизу на лестничной клетке раздалось: «Козубов, хинаус» (Козубов, вниз) и я бросился к двери, которая тут же открылась. Меня вывели в коридор, немец с автоматом повел меня вниз, во двор, который мы пересекли и вошли в другой подъезд. Здесь мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую комнатку, где мне было приказано сидеть и ждать. Затем пришел румын в белом халате, принес термометр и велел измерить температуру. Он неплохо говорил по-русски и сказал мне, что моя мама просидела на улице под окнами всю ночь, а сейчас ждет у пропускного пункта, после чего добавил, что сейчас со мной будут говорить «два больших начальника». Через несколько минут меня действительно позвали в соседний кабинет.

Когда я вошел в комнату, то увидел двух немецких офицеров в чине штурмбанфюрера. Один из них свободно говорил по-русски, второй нещадно коверкал слова, но худо-бедно объясняться мог. Первый из них задал мне вопрос, как я попал в эти рабочие бригады и почему в понедельник не пришел к машине для поездки на работу. Я объяснил, что после работы мы мылись холодной водой и я, очевидно, простудился, что у меня вообще хронический плеврит и в воскресенье утром температура была 39.8, поэтому ехать на сельхозработы в понедельник никак не мог. «А почему у тебя нет свидетельства о рождении?» – спросил по-немецки второй полковник, а первый перевел его слова на русский язык. Я объяснил, что наш дом был разрушен еще в 1941 г. немецкой бомбой, и при этом сгорели почти все наши с матерью документы, в том числе и моя метрика. Так как я был крещен сразу же после рождения, у меня есть об этом справка с указанием даты рождения и крещения, которую отобрали вчера при обыске.

Потом мне были заданы вопросы – знал ли я, что военнопленные моряки готовили побег и всей группой ушли к линии фронта еще в субботу, что в понедельник к автомашинам пришли только четыре человека и в данный момент дезертиры, в том числе и я, уже арестованы и понесут суровое наказание. На это я ответил, что мне в этом году исполнилось только 15 лет,

поэтому дезертиром я быть никак не могу. Тут вскочил второй военный, стукнул кулаком по столу и заорал: «Ты комсомол! Ты дезертир! Стрелять тебя будем!». Меня охватило какое-то безразличие и я ответил, что в советской школе в комсомол принимали с седьмого класса, а я до войны успел окончить только пятый класс. Первый военный расхохотался, похлопал крикуна по плечу, что-то добавил по-немецки и затем обратился ко мне: «Сейчас тебя повезут к врачу в немецкий госпиталь. Там установят, действительно ли ты болен. Если это так, то мы отправим тебя домой». Он позвонил, вошли два фельджандарма с автоматами и повели меня во двор, где нас ждала немецкая санитарная машина. Окна в ней были матовые и я так и не понял, куда меня везут, пока не оказался у въезда в большое здание, очевидно, бывшую гражданскую или военную больницу.

Здесь меня уже ждали и сразу же провели в кабинет к двум врачам, которые быстро меня осмотрели, а затем отвели в рентген-кабинет. После того, как я оделся, сопровождавшим меня конвоирам были переданы какие-то документы, мы сели в машину и поехали назад в Фельджандармерию. Там меня сразу же отвели в мою камеру на пятом этаже, где я рухнул на нары и мгновенно забылся сном. Через полчаса сквозь сон я опять услышал: «Козубов, вниз!» и буквально слетел с нар. Когда дверь открылась, я уже стоял перед солдатом, который пришел за мной. Мы опять спустились на первый этаж, пересекли двор и вошли в знакомый мне парадный подъезд. На этот раз в кабинете был только «большой начальник», говорящий по-русски, который и сообщил мне, что немецкие врачи подтвердили заболевание и меня отпускают домой, после чего выдал мне пропуск для выхода. Опять подъем на третий этаж в сопровождении автоматчика, где мне вернули мое имущество, бумаги – все это заняло не более 10 минут. Затем под охраной меня вывели через КП на улицу, где я увидел множество людей, совсем не думающих о том, что каждый день может оказаться последним в их жизни!

Только выйдя из ворот, я увидел мою рыдающую мать, бросившуюся ко мне... Часовой немного говорил по-русски и пояснил, что при нем это первый случай, чтобы с пятого этажа кто-то вернулся живым, так как на этом этаже находятся камеры для приговоренных к расстрелу. Он также сказал мне, что моя мать всю ночь просидела на скамеечке в рядом расположенном маленьком сквере, а утром умоляла говорящего по-русски полковника отпустить меня домой, так как я действи-

тельно тяжело болен. Тот пообещал разобраться. Нужно сказать, что в моей камере кроме меня ни одного русского не было и из этого я сделал вывод, что в тот злополучный понедельник больше никого не арестовали, однако все оказалось не так...

Прошло почти два месяца и на улице в районе Молдаванки я услышал призывной свист и крик: «Козубов, Генка! Подожди!». Смотрю – кто-то бежит ко мне и машет рукой. Я узнал моего боевого напарника по водовозке. Он налетел на меня с криком: «Генка! Живой! Мне ведь сказали, что тебя расстреляли! Пойдем, расскажешь, как ты уцелел!». Я рассказал ему, что было со мной и спросил, забирали ли его в Фельджандармерию? Он поведал мне, что когда утром в понедельник пришел к нашей автомашине, то увидел там только четырех человек и сразу сообразил, что морячки наши слиняли. Он тут же повернул домой, чтобы не попасться под горячую руку. Днем его нашли два фрица и повели к машине, которая стояла за углом. Как только они вышли из ворот, немцы повернули в одну сторону, а он тут же дал деру в другую. Дело-то происходило на Молдаванке, где можно пробежать пять-шесть дворов, не появляясь на улице, чем и воспользовался мой напарник. На прощанье я спросил, что стало с теми, кого нашли? Он вздохнул и кратко ответил: «Всех расстреляли...». И вот только тогда я окончательно понял, какая опасность мне грозила!

Связь с подпольной группой

К концу августа 1942 г. был собран весь урожай с нашего огорода: почти полный мешок зерна кукурузы, три мешка картофеля, мешок моркови и свеклы. По крайней мере, на ползими мы были в основном пропитанием обеспечены. Перевезли все в город в наше новое жилье на ул. Свердлова, 16 и попрощались с дачей, на которой прожили самый трудный период фашистской оккупации. В городе основной проблемой стало обеспечение топливом. Хотя вокруг было полно полуразрушенных домов, наша городская власть строго запрещала разбирать развалины, поэтому заготовка дров проводилась в глухое ночное время. В дело шли обломки балок, половые перекрытия, но самым лучшим топливом был паркет. Для его отдирания от пола я приспособил большую скобу и вскоре подобный инструмент получил широкое применение у наших соседей и знакомых. Жизнь понемногу налаживалась, но в душе все время горело желание хоть чем-то досадить фашистам.

Однажды утром я вышел из дома и невдалеке на стене увидел белый листок, на котором от руки чернилами был написан текст приблизительно следующего содержания: «Дорогие одеситы! Не верьте фашистам, что Москва и Ленинград уже захвачены ими. Скоро Красная Армия перейдет в наступление и гитлеровцы получают по заслугам!». Поняв, что это листовка, я обрадовался: вот чем следует заняться – изготавливать подобные листовки и распространять их в нашем районе! Я рассказал о своем плане моей соседке Неле и она сразу согласилась принять участие в этой, как нам тогда казалось, сравнительно безопасной антиокупационной операции. Я составил текст, Неля переписывала его на тетрадные листки в 12-ти экземплярах. Затем рано утром, пока еще было темно, я расклеивал эти листовки. Первые две операции по расклейке прошли успешно и я уже уверовал в безнаказанность наших действий. Через два дня, собрав свои принадлежности для расклейки листовок, отправился в очередной поход. Нашел подходящий столб, намазал его клеем, вытащил одну листовку и стал приклеивать ее к столбу. В этот момент меня кто-то схватил за уши и так сильно дернул, что я даже взвизгнул от боли. Сердце мое сразу куда-то провалилось и я решил, что настал конец жизни. И тут я услышал знакомый голос нашей соседки по дому, которую все звали «Балася». Откуда взялось такое прозвище, я так и не узнал, но ко мне она всегда относилась покровительственно. Это была довольно красивая женщина с совершенно белыми волосами, в возрасте 40-45 лет. Она так крепко держала меня за уши, что я даже не мог повернуть голову. Затем она отпустила меня и строго сказала: «Быстро сдирай свои листовки, забирай сумку и пошли отсюда пока меня вместе с тобой, дураком, полиция не схватила. Ты понимаешь, что через день-другой вы с Нелькой болтались бы на веревке! И думать не смей о подобной самостоятельности! Члены нашего отряда, – продолжала она, – засекли тебя уже во время второй расклейки листовок Я тебя уже минут сорок здесь жду, чтобы не допустить захвата сигуранцей, если они уже вычислили тебя. Запомни, если ты нам потребуешься, я тебе сама об этом сообщу. Больше ни с кем никогда не говори о листовках. Одну из них ты наклеил напротив румынской казармы и тебя могли увидеть из ее окон. Сам бы погиб и Нелю погубил. Для нас главное – никакой самостоятельности, строгая дисциплина и конспирация!». Закончив свою речь, Балася потрепала меня по затылку. «Ты у нас зачислен в резерв, но пока никто не должен знать об этом», – добавила она.

Следующая наша встреча состоялась в декабре 1942 г. Перед этим я решил проверить дома состояние наших электророзеток, так как немецкие мастерские находились со стороны фасада флигеля, наша квартира располагалась в тыловой его части, как раз напротив мастерских. Когда я включил настольную лампу в одну из розеток нашей комнаты, то она загорелась, но тускло, вполнакала. У меня был вольтметр и когда я замерил напряжение в сети, то оно оказалось в пределах 110-120 вольт. Я вспомнил, что где-то читал – в Германии это основное бытовое напряжение в электросетях. Очевидно, когда немцы делали для себя электропроводку в нашем доме, то перевели ее на свой стандарт.

За весь период оккупации в городе строго запрещалось самовольно подключаться к электросетям, а так как наш дом был большей частью разрушен при бомбежке, то немцам выгоднее было провести себе новую электролинию, чем восстанавливать старую. Но несмотря на запрет, был большой соблазн подключиться к их линии хоть одной лампочкой и читать ночью не при коптящей снарядной гильзе с соляжкой, а при нормальном освещении. На столике в углу комнату рядом со своей кроватью я установил маленькую лампочку и тщательно соблюдал маскировку в ночное время. Встретив Баласю, я ей сообщил, что теперь читаю при электричестве. Неожиданно эта новость вызвала у нее большой интерес и решение посмотреть – что это я там сконструировал. Я с гордостью продемонстрировал ей свою работу. Балася поинтересовалась, можно ли подключить к этой сети радиоприемник? Я ответил утвердительно и при этом добавил, что приемник лучше сразу переключить на 110-120 вольт. Она еще раз напомнила мне об осторожности, так как немцы – народ серьезный и в случае чего взяткой от них не отделаешься. Для отряда очень важно подключиться к электросети и она просит меня найти способ подключения одной из розеток в ее квартире. Имеющиеся источники питания радиоприемников в большинстве подпольных организаций города пришли в негодность, а канал, по которому их раньше доставляли в город, был немцами обнаружен и перекрыт, поэтому подключение к электричеству имело для отряда особое значение. Я подумал и сказал, что в ближайшие два-три дня осмотру ее квартиру и тогда станет ясно, как это будет лучше сделать.

Прежде всего я осмотрел весь наш двор, но никаких признаков проводки кабеля в земле не обнаружил. Зато на крыше флигеля, в котором размещались немецкие оружейные мастер-

ские, Баласина квартира и наша комната, была установлена сварная стойка, к которой были подведены из соседнего двора два силовых кабеля, рассчитанных, по-видимому, на небольшую мощность. Ввод в здание был через смотровое окно, расположенное на скате крыши. Добраться до проводки можно по чердаку, часть которого постоянно использовалась жильцами дома для сушки белья. Я часто туда относил и развешивал на двух принадлежащих матери веревках выстиранное белье. Теперь я залез на чердак и решил осмотреть ввод кабеля в дом. Однако, как только я шагнул на пол чердачного перекрытия, засыпанного тонким слоем песка с добавкой перегоревшего угля («жужелицы»), раздался треск и я понял, что перекрытия меня не выдержат и ходить по чердаку можно только по крепким продольным и поперечным балкам. Я быстро спрятался за дымоходными трубами, но никакой реакции снизу на шум не последовало, я выбрался с чердака и проскочил в нашу квартиру. Похоже, что немцев в это время на втором этаже не было и все они работали в мастерских первого этажа или на улице.

На следующий день я очень осторожно пробрался на чердак, взяв с собой для маскировки таз с мокрым бельем, и по чердаку ходил только по толстым балкам. Быстро нашел ввод кабеля в дом, который был проложен по стропилам, а затем по кирпичной вентиляционной трубе проходил в немецкие «апартаменты». В разрушенной части дома нашел длинные куски медного просмоленного кабеля-гущпера и еще вполне пригодную изоляционную ленту. Осталось только решить – к какому участку электросети лучше подсоединить розетку у Баласи. Я пошел к ней и мы после долгого обсуждения решили подсоединить ее к сети в нашей комнате, так как квартира Баласи была на втором этаже, как раз над нами. Кроме того, старая проводка была выполнена открытым шнуром на фаянсовых роликах и к ней можно было подсоединиться под потолком и по вентиляционному ходу вывести провод в квартиру Баласи. Короче, на пятый день электроэнергия была подана на розетку в необходимом месте. Конечно, подсоединить провод к одной розетке – не ахти какой подвиг, но не дай Бог какая-нибудь случайность – пуля в лоб или веревка на шею тебе обеспечена.

После перехода всей власти в Одессе в руки немецкого военного командования жизнь в городе усложнилась. Гестапо и абвер взяли за дело «засучив рукава» и вскоре ряд подпольных организаций, более или менее успешно работавших при румынах, был разгромлен немцами. По городу поползли слу-

хи, что облавы, аресты и казни участились и на улицах по вечерам лучше не показываться. Как-то назадолго до нового 1944 г. часов в пять вечера ко мне примчался мой соученик по школе, тоже Генка, живущий вблизи нашего дома. Мы с ним нельзя сказать чтобы дружили, но симпатизировали друг другу. Он с матерью и больным отцом так же, как и мы, жил в полуподвальной квартире, где у них имелась только одна очень темная комната. Он был серьезным, рослым, настоящим рабочим парнем. Мы поздоровались, он спросил, есть ли дома кто-то еще, кроме меня, на что я ответил – нет, я один. Далее он продолжил: «Генка, дело очень серьезное. Я обращаюсь к тебе от имени Баласи. С тобой хочет встретиться один человек «оттуда», профессионал. Ты согласен?». Я ответил, что не вопрос, но когда и где? На это он ничего не сказал, повернулся к двери, вышел во двор и только тогда обратился ко мне: «Пошли, здесь рядом». Сердце мое учащенно билось, в голове проносились мысли – как же так, мне Балася говорила, чтобы я ни с кем кроме нее не вел каких-либо «опасных» разговоров, а здесь меня вроде бы с ее ведома ведут на весьма серьезную встречу. Мы перешли через дорогу и вошли в подъезд генкиного дома.

Во дворе у них стояло несколько деревянных скамеек, к одной из них мы и направились. На ней сидел молодой, спортивного вида парень, который при нашем приближении встал и ушел куда-то в дом. Генка предупредил меня, что сейчас мы зайдем к нему в квартиру, что я должен войти первым и остановиться, не шарaxаться из стороны в сторону. Просидев минут пять, я увидел, как в окне генкиной комнаты открылась форточка, он поднялся и напомнил мне – ты идешь первым! Мы подошли к двери в квартиру, которая оказалась не запертой, я прошел в полутемный коридорчик, открыл дверь в комнату, вошел в нее и увидел в 5-10 сантиметрах от своего лба ствол пистолета. Следом вошел Генка и сказал: «Все чисто». Тогда незнакомец убрал пистолет, протянул мне руку и сказал: «Давай знакомиться». Он назвал себя Андреем, я ответил: «Геннадий» и добавил: «Знакомство, конечно, веселенькое». На это Андрей серьезно ответил, что я мог, сам того не зная, привести за собой «хвост». «В нашем деле, – сказал он, – лишней предосторожности не бывает».

Далее Андрей рассказал, что немцы поняли – дни их пребывания в Одессе сочтены, а пути эвакуации техники, особенно тяжелой, в основном ограничены. Использование для этой цели крупного морского транспорта мало эффективно и приводит к большим потерям. В связи с этим уже практически начата эва-

куация основных военных грузов из города и его окрестностей. Отношения румынского и немецкого командования значительно усложнились, поэтому именно сейчас очень важна оперативная информация о передислокации немецких и союзных с ними войск, о готовящихся диверсионных операциях, особенно по минированию и разрушению важных промышленных объектов, выводу из строя транспортных и коммуникационных линий. К тому же большинство наших подпольных организаций было в последнее время разгромлено. Моя кандидатура предложена в качестве резервного связника, но к работе меня привлекать будут в крайнем случае. В мои обязанности будет входить получение и передача информации по указанному адресу. При этом первыми словами информатора должны быть «тебе привет от Федора». Но вообще предусмотрено, что ко мне все материалы будут поступать только от Геннадия. После этого разговора Андрей пожал мне руку и пожелал успехов. Нужно отметить, что больше его я не видел, а приходиться к Гене мне было категорически запрещено – если будет нужно, он сам меня найдет. Вскоре Одесса была освобождена, затем через три недели я был контужен и потерял зрение на правый глаз. Почти два месяца залечивал последствия этой травмы, почти месяц был на сельхозработках и как-то потерял связь с моими друзьями-невидимками.

Вскоре нам с матерью пришлось выехать из Одессы, где мы остались «без кола и двора». Наш переезд в Западную Украину был вынужденным, но позволил неплохо для военного времени устроить свою жизнь. Когда я через несколько лет побывал в Одессе, то увиделся с Баласей. Она встретила меня очень приветливо, но стала укорять, что я исчез, не получив удостоверения участника партизанского движения. Оказывается, уже в 1943 г. я был включен в члены отряда. По ее словам, можно было получить это удостоверение и позже, так как все материалы, в том числе и списки членов отрядов, были сданы с госархив и подлежат вечному хранению. Но я должен был через день уже уезжать из Одессы, а затевать писанину по поводу моего участия в работе отряда мне не хотелось. В то время участников боевых действий было столько, что почти каждый второй мужчина имел на груди по несколько медалей и орден. Потом я поступил в институт во Львове и моя связь с Одессой прервалась уже надолго. Теперь, через более чем 60 лет, я понял, что допустил тогда очередную глупость в своей жизни, которых немало было сделано мной, особенно в молодые годы.

Освобождение Одессы

Осенью 1943 г. мы с матерью пошли проведать каких-то ее знакомых, которые жили вблизи самого большого рынка в Одессе – Привоза. Возле их дома имелась довольно просторная площадка, на которой обычно размещался транспорт, доставляющий на рынок различные продукты и промтовары, но в настоящее время пустующая и служившая местной ребятне футбольным полем. Пока мать вела свои разговоры с незнакомой мне старухой, я побежал на футбольную площадку, где шла отчаянная борьба за крупный футбольный мяч, набитый различным тряпьем. Только я подошел к играющим, как к площадке одна за другой стали подъезжать огромные дизельные машины «Маваг», кузова которых были покрыты брезентовым верхом. Игру пришлось прекратить. Когда мы подошли к ним поближе, то увидели, что все автомашины были покрыты толстым слоем пыли. Через несколько минут брезенты были раскрыты и из них стали выпрыгивать немцы, также все усыпанные густой темной пылью. Белыми у солдат были только зубы.

Они стали отряхивать с себя пыль, но, увидев нас, подошли и начали спрашивать, где здесь есть вода, которую можно было бы пить. Возле Привоза как раз из водопроводных кранов шла питьевая вода. Услышав об этом, они очень обрадовались и стали просить показать им эти краны. Пацаны поменьше повели их к кранам с питьевой водой, а я, увидев на рукавах у немцев металлические бляхи со словом «Krim», стал расспрашивать их, что это означает – они едут в Крым или из него? Несколько немцев рассмеялись и сказали, что в 1942 г. они ехали туда без всяких значков, а теперь вот едут обратно, но уже со значками... Я вспомнил, в какой чистой и отглаженной форме они щеголяли по Одессе в 1941 г. и как потрепанно выглядят сейчас, все черные и от загара, и от ввевшейся в них пыли. Я понял, что колесо Фортуны повернулось для Германии в обратную сторону. А тем временем на площадку подъезжали все новые машины и число их превысило, на глаз, полсотни. Когда я, радостный, вбежал в квартиру, где мать уже беспокоилась, куда это я пропал, то сообщил приятную весть: «Немцы бегут, причем они из Крыма добрались уже до Одессы, а это ведь несколько сот километров!». Позднее, когда уже была освобождена Одесса, мы узнали, что немцы отчаянно сопротивлялись в Крыму, и полностью полуостров был очищен от оккупантов 9 мая 1944 г.

К концу 1943 г. стало ясно, что немцы готовят город к сдаче, но при этом у них был разработан план уничтожения наиболее важных промышленных предприятий и сооружений в городе, и особенно в его портовой части. Постепенно прекратили свое движение большинство трамвайных маршрутов, а силовые подстанции разрушились, из них вывозили наиболее ценное электрооборудование. Затем началось сплошное минирование телефонных сетей – в каждый люк закладывались толловые заряды. К моменту ухода из города немцы заминировали большинство промышленных предприятий. Так, возле нашего дома, в радиусе не больше 250-300 метров были заминированы, а затем взорваны и сожжены кабельная фабрика, полиграфическое предприятие, завод кожевенных изделий, в начале и в конце каждого квартала взорваны люки с телефонной сетью. Но особенно свирепствовали немецкие саперы в одесском порту. Там взрывали причалы, были разрушены бетонный мол и входной маяк. Сплошь были взорваны все емкости в нефтеналивном порту. Там цистерны горели и взрывались в течение пяти-шести дней, причем клубы черного дыма и языки огня поднимались даже до облаков. Особенно хорошо были видны взрывы и пожары в порту с Греческого моста, который находился вблизи нашего дома.

Не были пощажены исторические памятники и здания культуры. Так, был заминирован знаменитый одесский оперный театр, полностью разрушен железнодорожный вокзал. Нашим подпольщикам все же удалось предотвратить взрыв оперного театра, но за два-три дня до полного ухода немцев из города наши доблестные летчицы из женского авиаполка все же нашли достойный объект для бомбежки – оперный театр, и несколько «малогабаритных» бомб все же сбросили на него. Благо, к этому времени здание театра удалось уже разминировать, поэтому повреждения оказались незначительными. Непонятно только зачем вообще было бомбить городской центр, когда немцев там практически уже не было, что было хорошо известно нашему командованию. Длинные колонны немецкой техники потянулись и на северо-запад от Одессы. Весна 1944 г. была ранняя и многоводная, мощных дорог на юго-западе Украины было очень мало, а грунтовые дороги расползлись в сплошное грязевое месиво, так что немецкой технике пришлось выбираться почти вплавь.

За пять дней до ухода из Одессы немецкое командование издало приказ, суть которого вряд ли была понятна даже самому коменданту города. Согласно этому приказу, в Одессе с 20

часов 5 апреля 1944 г. вводится особое военное положение. Всем жителям запрещается выходить из своих квартир в течение суток. Окна, входные двери в квартиры и двери внутри квартир должны быть открытыми в течение суток. Все жители домов должны подчиняться приказам представителей немецкой армии. Сопротивление этим приказам будет караться расстрелом на месте. Было непонятно – зачем держать открытыми окна, особенно на верхних этажах домов? Одесса всегда славилась самыми невероятными слухами, которые распространялись по городу со скоростью телеграмм-молний. После ознакомления с приведенным выше приказом, тут же появилось «пояснение», что на два-три дня город будет отдан на разграбление казакам, которые уходят из России вместе с немцами и власовцами, хотя до этого ни тех, ни других в городе не было видно. По другой версии, если наши бойцы нападут при отступлении на немцев, то население погонят вместе с немцами в качестве живого щита. Но в последние два дня до ухода из города немцев почти не было видно на улицах Одессы. На многих промышленных предприятиях продолжались пожары, изредка доносились отдельные взрывы.

Утро 9 апреля 1944 г. выдалось теплым и солнечным. С вечера почти никто не спал, так как ожидали каких-либо сюрпризов от немцев, но ночь прошла спокойно. Когда часов в семь утра наши жители стали понемногу собираться во дворе, наиболее храбрые старухи, приникшие к дыркам в воротах, сообщили, что на улице появились бойцы, вероятно из Красной Армии, так как на пилотках у них были красные звезды, но при этом у всех на гимнастерках имелись погоны! То есть регалии царской армии! Часть жильцов посчитала, что это могут быть власовцы. Но в том, что это были русские, сомнений не было – даже через ворота доносился русский мат!

Решили, что нужно послать «в разведку» двух-трех старух. Они пробрались через разрушенную часть дома и вскоре прибежали с криками: «Наши это! Наши! У них уже два года как ввели в армии погоны!». После этих слов вся толпа бросилась на улицу. А там сплошным потоком шла наша родная Красная Армия. Но в каком виде! Описать это невозможно – нужно было видеть!

Во всю ширину проезжей части текла смесь людей в разнокалиберной военной форме, почти до пояса заляпанные подсохшей уже грязью. Некоторые из них были с карабинами, большинство с автоматами, рядом с ними невероятно грязные лошади тащили легкие артиллерийские орудия, тоже заляпан-

ные жирным южно-украинским черноземом. Среди этого потока гордо возвышались с каким-то азиатским достоинством несколько верблюдов, тащивших небольшие пехотные орудия, сходные с трехдюймовками времен гражданской войны. У верблюдов не было грязи пожалуй только на их тощих горбах. Позднее бойцы рассказывали, что перед Одессой они попали в разлившиеся лиманы с топкой и липкой грязью (возможно, и целебной), но в тот момент совершенно непроходимой для всех видов техники, которую пришлось оставить с частью войск в этих «грязелечебницах», а добраться до Одессы по колено, а то и выше, в жидкой грязи.

Несмотря на такой непрезентабельный вид нашего воинства, женская половина населения буквально повисла на шеях уставших солдат, и, как правило, тремя поцелуями дело не оканчивалось – рыдания, слезы, объятия, смех – все сливалось в одном искреннем порыве! У нас во дворе как раз в это время зацвели тюльпаны и нарциссы. За несколько минут все они были сорваны и подарены нашим дорогим освободителям. Не верилось, что можно будет спокойно ходить по улицам и не бояться неожиданных облав, что мы опять «товарищи», а не «дамы и господа» в костюмах из парусины и деревянных босоножках, полуголодные и без гроша в кармане... Хотя, следует отметить, что нашлись все же желающие рвануть на запад вместе с нашими так называемыми «освободителями». Только из нашего дома две девушки и один парень быстро устроились в оккупантских управах и щеголяли по городу с красными повязками на рукавах, на которых четко смотрелась черная свастика. Сбежали и некоторые из известных врачей, артистов. Среди них оказался и Петр Лещенко, которому румыны отдали в пользование в 1942 г. театр Красной Армии. Однако почти всех этих «элементов» вскоре привезли назад в Одессу, особенно тех, что бежали в Румынию. Большинство из них оставили в Одессе, а часть отправили далее на восток...

Вскоре после того, как я вышел на улицу, навстречу мне попался знакомый парень, под мышкой у которого имелся бумажный мешок с немецкими надписями. Он мне тихо сказал: «Беги поскорее в порт, там немецкие почтовые вагоны растаскивают, а в бумажных мешках – подарки немецким солдатам на их лютеранскую пасху, которая будет через несколько дней». Пока мы с ним разговаривали, к нам подошел мой друг по оккупации и наставник по домашнему обучению – Виктор Срибный, старше меня на два года. Мы с ним ринулись в порт, тем более, что он него до нашего дома минут 15-20 ходу. Навстречу

нам сплошным потоком шли осчастливленные «искатели даров» из немецких почтовых вагонов. Вагоны были буквально набиты под потолок бумажными мешками, и чтобы их извлечь, нужно было залезть на самый верх и оттуда сбрасывать их вниз и после этого самим спускаться, в то время как десятки людей карабкались снизу вверх. Мы с Виктором кое-как забрались на самую верхотуру и оттуда сбросили вниз четыре мешка, пока мы пытались спуститься вслед за ними, мешки уже успели уплыть в неизвестном направлении. Тогда мы быстро сорентировались и один из нас спустился вниз, а второй сверху сбросил четыре мешка «немецкого счастья» (по два на брата), которые мы потребили за три-четыре дня. В основном там были безделушки, всякие вышивки, а нас интересовала прежде всего съедобная продукция – а ее как раз там было мало...

Поскольку тетка Женя проживала тогда совсем недалеко от нас, то она зашла за моей матерью и они отправились вслед за нами в порт. Им повезло крупнее – они нашли вагон с коньяком и целый ящик потащили домой, но женские сердца всегда непредсказуемы в своих чувствах, и по дороге они весь ящик раздали встречным красноармейцам, а домой принесли лишь одну бутылку, которую припрятали до лучших времен. Вокруг все ликовало: яркое солнце, синее небо, счастливые люди, песни, поцелуи и слезы счастья. Как-то не хотелось думать о том, что ждет нас в скором будущем... А это будущее оказалось далеко не таким счастливым, как мы ожидали после почти тысячи дней такой ненавистой оккупации.

Первой проблемой после возвращения Советской власти в Одессу явилось отсутствие денег. Румынские леи и немецкие марки сразу же были исключены из оборота, а в качестве основной и единой денежной единицы вновь стал наш родной, привычный нам рубль! Но в Одессе рубли с первых дней оккупации практически исчезли – румыны усиленно стали вводить в денежное обращение леи. Я сам видел, как детвора уже в конце 1941-го – начале 1942 г. играла на улицах с пачками советских денег. Существующий при оккупации рынок развалился в течение нескольких дней. Вернувшиеся в Одессу войска и представители восстанавливаемой структуры власти за несколько дней расхватали практически все, что продавалось на одесских рынках. У них были большие суммы советских денег, которых у нас не было вообще. Цены на рынках на большинство продуктов взлетели в десятки, а то и сотни раз. Так, буханка хлеба на рынке стоила 100 руб., а по карточкам в магазине (госцена) – менее рубля. К сожалению, все считали, что

как придут наши, то вернутся и старые цены. Но никто и не предполагал, насколько тяжелое положение со снабжением продовольствием сложилось в той части Советского Союза, которая не была в оккупации.

Прием на работу в городе начался на некоторые предприятия буквально с первых дней освобождения от оккупантов, однако в основном требовались специалисты-мужчины и молодежь. С первых же дней изгнания немцев и румынов начали активную работу и военкоматы, причем на учет ставили парней с 1927 г. рождения и трудоспособных мужчин до 50 лет, в том числе и тех, у кого до оккупации имелась «броня» от призыва на фронт. Женщинам же устроиться на работу было сложнее. Так, моя мать устроилась на временную работу благодаря еще довоенным связям. Меня также поставили на допризывный учет, и по достижению 17 лет должны были призвать в армию, т.е. в феврале 1945 г. Но неожиданная серьезная контузия и потеря зрения на правый глаз полностью, а на левый частично, изменили мою судьбу. Как говорится «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Третьей серьезной проблемой, кроме денежной и трудоустройства, была трудноразрешимая проблема жилья для населения, потерявшего свои квартиры во время интенсивных бомбежек и артобстрелов в 1941 г. Мы, я имею в виду население, находившееся в оккупации, не только перенесли постыдное чувство бесправия «людей второго сорта», но и оказались без жилья и всяких надежд на его скорое получение, потерявшие все свое имущество и получившие вдобавок позорную кличку «бывший в оккупации». Никаких резервов для какого-то обеспечения своего существования у многих не было вообще... Забегая вперед, следует признать, что еще более катастрофическое положение сложилось после победы и возвращения с фронта миллионов демобилизованных, в том числе огромного количества инвалидов.

Но все это в будущем, хотя и не очень далеко, а пока вернемся в ликующую освобожденную Одессу. На третий день после изгнания фашистов был назначен торжественный салют, который, наверно, не имел себе равных за всю Великую Отечественную войну. На второй террасе Приморского бульвара были установлены не менее 30 орудий, которые стреляли боевыми снарядами через территорию порта, в открытое море, и после каждого залпа фонтаны разрывов поднимались далеко за молот и остатками бывшего входного одесского маяка. Грохот стоял неимоверный. В это же время на верхних аллеях бульва-

ра проводился залповый выпуск тысяч цветных ракет, многие из которых медленно опускались на маленьких парашютиках. Все вокруг было затянуто клубами разноцветного дыма, а на землю сыпался «дождь» из несгоревших фрагментов многоцветных ракет. Многим, в том числе и мне, такой «подарок» влетел за воротник куртки и пока я сбрасывал ее с себя, все же успел прожечь в ней небольшую дырку. Завершился этот «праздник огня» не менее бурными и веселыми танцами под духовые оркестры. Не верилось, что несколько дней назад мы со страхом ожидали конца света при отступлении фашистов, но Бог милостиво нас за страдания наши...

Мы с Виктором шли среди веселящегося народа, но он был в подавленном настроении – он ведь был 1926 г. рождения и ожидал скорого призыва в армию, мне же пока было 16 лет «с хвостиком» и ко времени моего возможного призыва была надежда, что война закончится. Мы подошли к Дюку и вспомнили, как в первый день освобождения Одессы чуть не влипли в неприятную историю. После набега на немецкие почтовые вагоны в порту я и Виктор решили пройтись по городу в первый день его освобождения (9 апреля 1944 г.). Большинство народа тянулось к порту, на Приморский бульвар. Мы также прошли по всему бульвару, подошли к несколько покалеченному Потемкинскому дворцу (бывшему до войны Дворцом пионеров) и повернули назад к Дюку. Там толпились немногочисленные зрители. Было около двух-трех часов дня и чтобы спокойнее рассматривать панораму порта, мы отошли метров на 10-15 от дюковской площадки влево, где начинались узкие аллеи, образованные двух-трехметровой зеленой изгородью. Невдалеке оказалась очень удобная маленькая смотровая площадка, с которой открывалась необычайная панорама порта. Кое-где еще горели портовые склады. Вдоль причалов были видны проезды, по которым осторожно пробирались «студебеккеры», «доджи» и другой автотранспорт. Многие участки порта были заминированы и там были видны уже прибывшие отряды саперов. У входа в гавань, невдалеке от остатков маяка, работали несколько минных тральщиков и оттуда периодически раздавались гулкие подводные взрывы.

Мы так загляделись на эту весьма впечатляющую картину, что не заметили, как к дюковской площадке подъехали несколько крытых грузовых машин, из которых выскочили несколько десятков автоматчиков, образовавших сплошную цепь вокруг смотровой площадки и памятника Дюку. Следом за ними подъехала группа из 8-10 «виллисов», из которых выбралось около

15-20 военачальников высокого ранга. Впереди них шагал Н.С. Хрущев и о чем-то энергично говорил. Мы же очутились внутри охраняемой зоны, но из-за зеленой изгороди охране нас не было видно. Неожиданно из кустов вышел офицер и удивленно уставился на нас. Первые его вопросы были: «Как вы сюда попали? Как вас пропустила охрана?». На это я ответил, что мы здесь смотрим на порт и подошли сюда минут 20-30 назад. Никакой охраны здесь не было. В это время вся группа генералов и Н.С. Хрущев направились в нашу сторону. Наш «охранник» позеленел и прошептал: «Стойте здесь и не шевелитесь, а я пройду немного вперед им навстречу». На его и наше счастье Н.С. Хрущев остановился шагах в 20 от нас, что-то сказал сопровождающим и все повернули назад, к своим машинам. Через несколько минут вся охрана быстро погрузилась в «студебеккеры» и исчезла следом за генералитетом. Мы легко вздохнули и, как говорится, рванули оттуда побыстрей.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1944

Уже с первых дней войны, но особенно со второй половины июля 1941 г., когда начались массированные налеты немецкой авиации на Одессу, стало ясно, что смертельная опасность может подстерегать любого жителя города, причем при самых неожиданных обстоятельствах. Как я уже писал ранее, городской штаб обороны Одессы принял мудрое решение, когда постановил в начале августа 1941 г. переселить максимум людей из особо опасных, наиболее часто подвергаемых бомбежкам районов, за пределы города, в основном в дачные поселки Большого Фонтана, где бомбежек в то время практически не было. Большинство владельцев этих дач к тому периоду успело покинуть город и переместиться в более безопасные среднеазиатские регионы, как тогда говорили, «на пятый украинский фронт, в Ташкентском направлении». Это решение позволило сохранить жизнь многим сотням жителей города, к тому же на прилегающих к дачным поселкам колхозных полях к этому времени оставалось еще много неубранного урожая картофеля, кукурузы, помидор и зерновых культур, что позволило использовать его для питания переселенцев. Но главное – здесь не рвались по ночам немецкие бомбы, лишь из-за линии фронта изредка залетали отдельные снаряды. После прихода оккупантов авиационные налеты на город практически прекратились. Также после освобождения Одессы 9 апреля 1944 г. налеты немецкой авиации носили случайный характер. Таким образом, почти четыре года население города не подвергалось какой-либо серьезной опасности с воздуха и, как следствие, потеряло всякую бдительность, считая что редкие случаи не опасны и, как говорится, «бог даст, пронесет...». Но, как правило, подобная беспечность не всегда сходила с рук...

Гром среди ясного неба

В конце мая, через три недели после освобождения города от оккупантов, в приемной комиссии химико-технологическо-

го техникума зашел разговор о том, что через три месяца – начало учебного года, нужно отремонтировать учебное здание и подготовить кабинеты для практических занятий, а у нас почти нет лабораторного оборудования. Но в некоторых частично разрушенных школах и других учебных заведениях сохранились химреактивы и лабораторная посуда, которые могли бы еще послужить для оборудования профильных учебных кабинетов. Решили осмотр таких зданий начать с Одесского института мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства, одного из самых больших в городе. Одному мне идти не хотелось и я договорился, что со мной пойдут еще два парня из нашей 116-й школы. 3 мая 1944 г. мы совершили свой первый выход, который для меня оказался и последним. Когда я ходил пешком из города на 12-ю станцию Большого Фонтана (на нашу дачку), то часто проходил мимо большого здания Одесского института мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства. Это было недавно построенное четырехэтажное здание, занимавшее целый квартал. Оно было последним строением по ул. Свердлова, а наш дом был почти в самом начале этой улицы. Когда я проходил мимо него, а к концу блокады Одессы он был почти совсем заброшен, то часто думал, что в нем наверное имеются хорошо оборудованные химические лаборатории, а в то время химия была для меня идеалом науки. Перед своим отступлением в 1944 г. немцы большую часть этого здания взорвали и сожгли, но часть его пристроек сохранилась, хотя при взрывах в окнах были выбиты все стекла, разрушена часть стен, вырваны оконные рамы и двери. Мы решили начать наш осмотр с этого здания и продвигаться по ул. Свердлова до нашей школы.

С утра пошел дождь, но было очень тепло и мы в полном смысле слова весело шагали к своему объекту, а идти было порядочно – около получаса. Когда мы подошли к зданию института или, вернее, к тому, что от него осталось, то решили осмотреть первые три этажа, так как четвертый выгорел почти полностью. Я пошел осматривать первый этаж, а мои товарищи – второй и третий. Мы договорились встретиться в конце здания и там решить, как нам лучше обследовать сохранившиеся его останки. К этому времени с неба стали доноситься звуки, подозрительно похожие на гул моторов немецких «Юнкерсов». Однако, когда мы их увидели, стало ясно, что самолетов всего не более пяти и шли они на довольно большой высоте и без определенного строя. Зенитки, которые при появлении самолетов начинали активную стрельбу, почему-то молчали. Я

остановился и стал смотреть на летящие еще далеко от нас самолеты. Через несколько минут все же заработали наши зенитки и на небе появились белые барашки разрывов зенитных снарядов. После этого немецкие самолеты повернули прямо в нашу сторону, очевидно, они намеревались далее лететь над морем в сторону Румынии. Это был уже не раз испробованный ими маневр. Но признаков бомбежки не было слышно. Чтобы лучше рассмотреть, чем же закончится эта стрельба, я отошел от здания института метров на 30 и тут услышал, что с третьего этажа меня зовут один из моих товарищей и спрашивает – что ему делать? Я посоветовал ему спускаться вниз.

Это было последнее, что я сделал, будучи в сознании. Через мгновение мне показалось, что моя голова раскололась со страшным звоном и перед глазами сверкнула яркая молния. Я стал почему-то очень медленно падать на какие-то волны и меня на них очень плавно покачивало. Издалека я услышал крик моего напарника: «Генку убило! Генку убило!». После яркой вспышки я погрузился в полную темноту, никакой боли при этом не чувствовал. Сколько я так пролежал – не знаю, мои товарищи говорили, что около получаса. Вначале они боялись подойти ко мне, к тому же мы находились в районе сплошных развалин и на улице не было ни одного прохожего. Потом они все же перенесли меня на сухое место, набрали в какую-то банку воды из лужи и стали смывать с моего лица кровь. Ничего этого я не чувствовал, но постепенно появились сильная боль в голове и резь в глазах, но я абсолютно ничего не видел – была только режущая боль и полная темнота.

На мое счастье, на дороге появилась санитарная машина, мои товарищи бросились к машине и остановили ее. Женщина-военврач, которая ехала в кабине, приказала скорее отнести меня в машину и садиться самим. Меня уложили на носилки и мы поехали на небольшой скорости. Уже когда меня тащили в машину, я почувствовал, что могу шевелить ногами и что-то слышу, но как бы издалека. Когда мы ехали, я услышал, как врач сказала шоферу – «в филатовский!» и я сразу вспомнил, что недавно вернулся в Одессу из эвакуации филатовский глазной госпиталь. Перед отступлением немцы его не тронули и госпиталь уже через несколько дней принимал первых раненых. Ехать было недалеко и через четверть часа меня уже вели под руки в приемное отделение, где быстро составили необходимые документы и повели к врачам. Диагноз поставили такой – «сильная контузия правой стороны головы и временная потеря зрения на оба глаза. В правом глазу много инородных

тел». Потом мне пояснили, что это многочисленные песчинки, которые врезались в поверхность роговицы глаза. Мне сделали уколы, промыли глаза каким-то раствором и наложили повязку под названием «шапочка», после чего предупредили, что госпиталь военный и через несколько дней меня переведут в гражданскую больницу. Положили меня на какую-то узенькую кушетку в маленьком закоулке. Я попросил ребят найти мою мать и рассказать ей, что мне повредило глаза, но меня скоро отсюда выпишут и что в военный госпиталь никого из посетителей не пускают, поэтому пусть сегодня не приезжает. Ребята выполнили мою просьбу – нашли мать и передали ей мои слова. Узнав о беде, она конечно тут же примчалась в госпиталь, уговорила медсестру и та провела ее ко мне на несколько минут, но предупредила, что к раненым никого не пускают и только ходячие могут выходить на несколько минут.

Я поражаюсь способности к восстановлению молодого организма (мне было 16 с половиной лет)! На третий день я уже потихоньку ходил с палочкой, хотя и плохо, но стал слышать, но в ушах еще стоял какой-то гул, голова продолжала болеть, глаза были закрыты и полностью забинтованы. Как потом оказалось, в моем правом глазу находилось более 30 инородных тел и хотя при каждой перевязке мне закапывали в глаза какое-то обезболивающее лекарство и вносили сильнодействующую мазь, резь не проходила, боль утихала ненадолго. Сестры подшучивали надо мной – в «шапочке» я выглядел солиднее и мужественнее. Как они потом рассказывали, когда меня привезли в госпиталь, белки моих глаз были совершенно черные из-за сильного кровоизлияния. Через три дня врачи осмотрели меня и сказали, что буду я видеть или нет – еще неясно, так как кровоизлияние не позволяет изучить состояние внутриглазных структур. После осмотра мне объяснили, что больше держать в госпитале меня не могут – в последние дни поступило много раненых, которых некуда размещать. Меня направили в частную глазную клинику профессора Кобозева, который в свое время пользовался в Одессе большим авторитетом, чем даже академик Филатов.

Клиника профессора Кобозева находилась в получасе ходьбы от Филатовского госпиталя и меня доставили туда уже к обеду. Осматривал меня сам профессор. При немцах это была небольшая частная лечебница (штат около 15 человек), судьба ее пока не была известна, денег на содержание никто не выделял и в основном она обслуживала больных с небольшими травмами. Средств, которые поступали от отдельных состоятель-

ных клиентов, хватало только на медикаменты и лечили здесь в основном приходящих больных, поэтому жить мне придется дома и через день приходить на осмотр и перевязку. По всей вероятности, это будет продолжаться дней 10-12, потом глаза просветлеют и можно будет уже точно определить мою дальнейшую судьбу. В первый день меня отвела домой медсестра, а потом приводили и уводили друзья. Сам профессор оказался очень обаятельным пожилым человеком (ему было уже около 80 лет), но держался он бодро, разговаривал со мной доверительно и я был очень благодарен ему за это.

На 15-й день с меня осторожно сняли повязки и в затемненной комнате осмотрели глаза. Первое радостное заключение – видеть я буду, но... только левым глазом. В правом глазу обнаружился большой разрыв сетчатки, атрофия глазного нерва и те же множественные «инородные тела». Начались новые попытки – удаление этих тел. Вначале в глаза закапывали обезболивающее – декаин, а затем крошечным пинцетиком удаляли песчинки. Лекарство на 10-15 минут полностью обезболивало эту операцию, но потом теряло свои благодатные свойства и еще около получаса мне приходилось терпеть очень сильную боль. Повторное же закапывание врач категорически запрещал и просил меня в особо нестерпимые мгновения сжимать ручки кресла, но боль была такая, что хотелось все бросить и бежать оттуда куда глаза глядят, хотя глядели они еще очень и очень плохо. Такое лечение длилось еще около 20 дней и под конец я ходил в клинику уже сам, но в темных очках и с палочкой.

Мое лечение длилось уже больше месяца, и вот профессор Кобозев сообщил мне, что через день он меня выписывает и так как я уже состоял на учете в военкомате как допризывник, выдает заключение о моей непригодности к военной службе. Для этого будет собрана комиссия из трех врачей, куда обязательно войдет военврач-окулист. Комиссия собралась, осмотрела меня несколько раз и установила полную потерю зрения на правый глаз и снижение до 0.8 на левом глазу. Когда мне сняли повязки, я не сразу заметил, что на правый глаз не вижу, и лишь когда мне закрыли левый, я понял – правого больше нет...

В результате мне выдали заключение для представления в военкомат о полной непригодности к воинской службе. На прощание профессор Кобозев меня подбодрил: «Танкистом или летчиком ты не будешь, а вот хорошим инженером или ученым – обязательно!». Одновременно мне выдали справку, что я на 20 дней освобожден от всех видов работ, связанных с физи-

ческими нагрузками (допризывников использовали на разборках развалин, ремонте трамвайных путей и других физически трудных работах).

Нужно сказать, что наступление наших войск в этот период – вторая половина 1944 г. – было остановлено и предпринимались весьма жесткие меры для усиления боеспособности порядком измотанных и изрядно поредевших войск. Особенно сложно было положение на румынской границе под Яссами и в Венгрии, в районе озера Балатон. Когда я пришел со своими справками в военкомат, мне сказали: «Работать не можешь – иди учишься...», и направили на 80-часовые курсы противовоздушной и противохимической обороны, которые я успешно закончил через две недели с присвоением звания «Младший инструктор Осовиахима».

Еще когда меня привезли в госпиталь, возник вопрос – что явилось причиной контузии? Если авиабомба, то совсем небольшая, но были также установлены случаи, когда зенитные снаряды падали на землю, не взорвавшись в воздухе. Немало было случаев взрывов минных зарядов в зданиях, ранее заминированных немцами, но, по словам врачей, я отделался сравнительно легко. Вопрос о природе взрыва остался открытым и когда я потом попытался найти это роковое для меня место, то увидел, что там уже работают люди и техника по разборке разрушенных частей здания и точное место взрыва определить невозможно. Из всех моих одногодков, кого к концу 1944 г. забрали на фронт, живым почти никто не вернулся. По рассказам очевидцев, многие полегли еще не добравшись до передовой, попадая в окружения и бомбежки, и мое ранение спасло меня от призыва в армию в конце 1944 г. и, возможно, сохранило жизнь...

Еще когда я лечился в клинике профессора Кобозева, военврач-окулист, которая входила в эту комиссию, обратилась ко мне с просьбой организовать из 15-20 человек молодежи отряд для проведения политинформаций среди раненых в госпитале Филатова, где я лежал в первые дни после моего ранения. Она сказала, что почти все больные в госпитале находятся довольно длительное время и при этом лишены возможности читать газеты, но очень интересуются ходом военных действий, международными событиями и жизнью внутри страны, а радио в госпиталь еще не провели. Было бы очень полезным, если бы молодежь проводила в палатах госпиталя раз в день читку газет, которыми нас обеспечат. В нашем дворе жила и поддерживала со мной дружеские отношения девушка, инструктор райкома

комсомола. Ей я и рассказал о просьбе врача из госпиталя и она активно включилась в эту работу. Вскоре под ее руководством была создана группа из школьников 13-14 лет, которые взяли шефство над отдельными палатами госпиталя. Нужно сказать, что раненые с большим одобрением отнеслись к нашей работе и встречали нас всегда очень радостно.

Через несколько дней меня позвала к себе врач и сказала, что у них есть один очень тяжело раненный, который просил, чтобы к нему прикрепили кого-то из мальчиков для читки газет и обсуждения новостей. Она попросила меня взять это на себя. Этот раненый – летчик, подполковник и ему всего 24 года. Он Герой Советского Союза, имеет восемь боевых наград. Ранение у него очень тяжелое, говорить он может свободно, но ничего не видит. По всей вероятности, дни его сочтены, поэтому следует уделить ему максимум внимания. Лежит он в отдельной маленькой палате, затемненной, но на тумбочке возле кровати имеется настольная лампа. Учитывая его состояние, ему обеспечен особый режим и отдельное питание. Для поддержания активности кровотока он ежедневно получает 250 грамм коньяка и ко мне будет просьба – наливать ему его порцию в первой половине дня. Кроме того, он иногда просит написать письмо матери, но о состоянии здоровья лучше не упоминать либо обойтись общими фразами. Затем врач записала мои биографические данные и сказала, что завтра познакомит меня с ним и просила обо всех трудностях сообщать лично ей.

Когда на следующий день я приехал в госпиталь, то меня провели в маленькую темную палату на первом этаже, в которой стояла одна хирургическая кровать, тумбочка и две табуретки. На кровати лежал человек небольшого роста, лицо которого почти полностью было закрыто белой повязкой, а свободная часть лица имела землисто-серый цвет кожи. Я остановился на пороге, не зная с чего начать разговор с моим подопечным, но он сам тихим голосом обратился ко мне:

– Ты, Гена, садись и давай знакомиться. Меня зовут Анатолий. Как мне сказали, ты тоже успел здесь побывать, так что мы с тобой, можно сказать, побратимы. Вот и давай так и относиться друг к другу...

Несмотря на отличную память, я не могу поручиться за полную достоверность передачи наших разговоров. Затем он рассказал, что на войне уже четвертый год, а на фронт попал сразу после окончания летного училища весной 1941 г. Был уже однажды ранен, но отделался легко, а вот в этот раз ему не повезло и его прошила пулеметная очередь, следствием чего было 18 пулевых ранений, большинство из которых тяжелые.

Мы договорились, что я буду приходить к нему к 10 часам утра, когда заканчивается утренний туалет, завтрак и обход врачей. Он объяснил мне, что в тумбочку каждый день для него ставят бутылочку коньяка, но сам налить его не может и просит поить его коньяком три раза до обеда (его лечащий врач считает, что именно коньяк его держит на этом свете). Далее он просил читать ему все поступающие в госпиталь газеты – «Красную Звезду», «Комсомольскую правду» и обзор статей из «Известий» и других изданий, которые покажутся мне интересными.

Я вообще-то легко сходилась со многими в чем-то ущербными людьми. Так, одно время я имел довольно доверительные отношения со слепым человеком старше меня на три года. У меня был хромой друг и через пару месяцев я обнаружил, что тоже стал хромать на правую ногу, как и он. В нашем классе был мальчик-заика и его часто дразнили, но со мной он подружился и вскоре стал говорить почти не заикаясь. Вот и Анатолий стал со мной откровенным, рассказывал о своей учебе, о некоторых случаях в боевой обстановке, но никогда не панибратствовал. Однажды дней за пять до своей кончины он обратился ко мне утром:

– Давай вместе посмотрим мои награды. Открой тумбочку и на правой полочке в дальнем углу достань мешочек.

Я вытащил довольно увесистый серый полотняной мешок.

– Теперь разложи их по ранжиру в нижней части кровати.

Как мне показалось, обе ноги ниже колен у Анатолия были ампутированы. Он продиктовал мне, как нужно разложить награды: вначале «Золотую Звезду» Героя Советского Союза и «Орден Ленина», затем орден «Боевого Красного Знамени» и т.д. (за последовательность наград не ручаюсь). Потом он спросил:

– Ну как? Впечатляет?

Я ответил, что подобного количества наград у такого молодого офицера я еще не видел, на что он добавил:

– А я, пожалуй, никогда уже и не увижу...

За 11 дней наших встреч с Анатолием я ни разу ни слышал от него каких-либо жалоб, сожалений или тоски, но общее его состояние все ухудшалось, он в полном смысле слова таял, как догорающая свеча... Когда в последний раз я уходил от него после обеда, он пожал мне руку и сказал:

– Спасибо тебе за доброту, но завтра ко мне не приходи. Это мой приказ тебе!..

Попрощавшись, я с тяжелым предчувствием пошел домой и на другой день с самого утра стал собираться в госпиталь. Пришел я туда немного раньше, чем обычно, и когда подходил к палате, то увидел зажженный свет и сразу все понял. Санитарка снимала белье с кровати Анатолия. Она повернула ко мне голову и сказала:

– Нет больше твоего друга...

Я медленно пошел обратно и слезы текли из глаз. Больше я никогда не приходил в Филатовский госпиталь – не мог...

В июле 1944 г. я записался в школу, в которой определенного плана проведения занятий еще не было, но отбирались наиболее успевающие ученики для ускоренного обучения, чтобы через два-три года они могли бы поступить на подготовительные курсы в вузы и таким образом наладить их работу и, в конечном счете, обеспечить особенно пострадавшие районы инженерно-техническими кадрами взамен не вернувшихся с фронта. Я, как уже писал выше, в 1941 г. окончил пять классов средней школы – все с похвальными грамотами. Во время оккупации учиться было негде, но самостоятельно и с помощью моего товарища по станции юннатов Виктора Срибного за три пропущенных года я усвоил практически все предметы 6-8 классов: алгебру, геометрию, физику, химию, географию и историю и поэтому решил поступать в класс с ускоренной программой обучения: в 1944-45 гг. за шестой, седьмой и восьмой классы. Затем я планировал пройти курс обучения за девятый и десятый классы, чтобы в 1947 г. получить аттестат об окончании средней школы.

В то время положение в школах и вузах складывалось сверхкритическое. По школам и приемным комиссиям вузов носились вербовщики, которые обещали «золотые горы» поступившим именно в их вуз. Мы с моим другом как-то зашли в приемную комиссию Одесского инженерно-строительного института. Там у нас был знакомый студент, который сообщил, что осталось всего полтора месяца до начала занятий, а заявлений от абитуриентов поступило всего 13, но для того, чтобы начать учебный год, требовалось набрать как минимум 300-350 студентов. Доходило до того, что некоторые вузы согласились зачислять школьников, окончивших до войны 5-6 классов, на подготовительные отделения с переводом через год-два на первый курс обучения без сдачи вступительных экзаменов. Но, несмотря на такой дефицит абитуриентов, в Институт инженеров морского флота был конкурс по пять-шесть человек на место, такой же высокий был барьер для поступления в медицин-

ский институт, причем в медицинский пришли в основном одни девушки, которые в войну все же где-то как-то учились, но приемные комиссии старались как можно больше набрать в медвузы парней.

Большое значение для выбора вуза для поступающих имело наличие общежития, обеспечение форменной одеждой и питанием. Значительную часть поступающих в тот период составляли демобилизованные из армии по ранению или хроническим болезням. В Одессе к моменту освобождения города от оккупантов около трети домов было разрушено, рабочих мест на первых порах было мало, к тому же через два месяца сняли ограничение для возвращения эвакуированного населения и в город хлынули потоки выехавших в 1941 г. в южные республики Советского Союза. При этом, если из города выезжала семья из двух-трех человек, то возвращались уже впятером-вшестером! Многие квартиры выехавших в период оккупации были заселены теми горожанами, у которых были разрушены во время бомбежек дома и им негде было жить, а квартиры эвакуированных стояли пустые. В результате в городе начались междоусобные стычки, и тех, кто перенес все тяготы оккупации, приехавшие хозяева квартир просто выставляли на улицу! Для нас с матерью наступили тяжелые времена. Со дня на день мы со страхом ожидали возвращения хозяина. Но трудно было и вернувшемуся из Ташкента хозяину этой давно не отремонтированной темной квартирki. Его жена и две дочери ни за что не хотели уезжать из Одессы и впоследствии в один их первых дней 1942 г. немцы их арестовали и вывезли в лагерь смерти, откуда они уже не вернулись.

Мать обратилась за помощью в райисполком, но там ей ответили, чтобы она самостоятельно искала свободную квартиру и чем-то помочь администрация города ей не может. Так как хозяин квартиры вернулся из эвакуации один, а в городе у него имели родственники, которым вернули большие квартиры, то он согласился подождать несколько месяцев, пока мы что-нибудь подыщем для себя. «Попросили» из квартиры и нашу тетку Женю, хотя ей вскоре удалось вселиться в какой-то заброшенный подвал, где были две комнатки, кухня и одно маленькое окошко, так что приходилось круглые сутки жить при искусственном освещении. В этом «подземелье» ей с дочкой пришлось прожить более 10 лет.

Еще в конце апреля знакомые ребята предложили мне поступить на учебу в химико-технологический техникум с досдачей нескольких предметов за второй курс, затем через полгода

сдать еще несколько предметов и перевестись на третий курс, т.е. за два с половиной года можно было получить среднее образование и поступить в вуз по тому же профилю.

Выезд на сельхозработы в освобожденные районы

Когда я пришел в техникум после своей госпитализации, нас собрали и сообщили, что необходимо срочно выехать на сельхозработы, так как зерно уже начало сыпаться из колосьев, а в селах собирать урожай некому. Для поездки была отбрана бригада из 35 человек, в основном парней, и нескольких девушек, в том числе трех демобилизованных из армии. Главой этой бригады был назначен незнакомый нам преподаватель, как потом оказалось из числа тех, кого называют «ни рыба, ни мясо». При этом нас уверяли, что кормить будут бесплатно и хорошо, молоко и мед – ежедневно и при отъезде дадут по пуду белой муки. Поедем мы поездом на самый север Одесской области, на границу с Кировоградской – до станции Ольшанка, которая находится от Одессы на расстоянии около 320 км. Поскольку за всю свою почти 17-летнюю жизнь я из города никуда еще не выезжал, никогда не видел ни реки, ни леса, то был рад предстоящей поездке. Перед отъездом я зашел в свою глазную больницу, где меня предупредили, чтобы ничего тяжелого не поднимал и обязательно носил темные очки на солнце.

Выезд был назначен уже через два дня. Наш поезд отправлялся с центрального вокзала ближе к вечеру и нам была дана команда явиться со всем необходимым за час до отхода поезда. Вокзал я знал хорошо, так как моя мать работала там около пяти лет до войны. Однако после освобождения Одессы от оккупантов я там ни разу не был и меня поразило, что на месте большого красивого здания вокзала высилась груда обломков, а посадка в поезд проводилась с удаленных боковых путей. Я конечно слышал, что немцы перед уходом взорвали вокзал, но их саперов поймали, судили военно-полевым судом и повесили публично перед развалинами вокзала, но не представлял себе, что настолько был разрушен памятник архитектуры, который был сохранен в период блокады Одессы и ее оккупации.

Наш поезд подали для посадки с опозданием. Состоял он из 15-16 двухосных теплушек, так узнаваемых из кинофильмов о гражданской войне. Народу в вагоны набилось порядком, но вполне терпимо. Как было характерно для последних лет войны, большинство пассажиров составляли офицеры и солдаты.

К концу войны демобилизованным из действующей армии военным было разрешено носить форму с соответствующими их званию знаками различия. Три наших «военных» девицы пришли в ладно подогнанной форме: юбочках, гимнастерках, кожаных сапожках и лихо одетых набекрень пилотках. У всех трех имелись золотые нашивки за тяжелые ранения. Одна из них оказалась старшим лейтенантом, две другие – просто лейтенантами. Мне более 10 раз приходилось ездить во время войны в «пятьсот веселых» составах (теплушках), но ни разу я не видел в них ни одного офицера в звании старшего капитана.

Наличие демобилизованных девушек в нашем отряде в ряде случаях оказалось весьма полезным. Так, когда в вагоне один хорошо уже поддатый сержант стал безо всякого стыда и совести приставать к нашей девице, то три наших «офицерши» прижали его к стене вагона и заявили, что если он сейчас же не успокоится, то на ближайшей станции будет сдан в комендатуру, откуда ему светит прямая дорога в штрафной батальон. В результате на следующей станции баламут незаметно исчез из вагона.

Через три часа после отправления из Одессы мы уже подъезжали к станции Раздельная. Меня поразило необычайно большое количество сортировочных путей, число которых наверняка составляло несколько сотен. Когда наш поезд остановился, то впереди четко слышались взрывы авиабомб и стрельба зениток. Вскоре наш поезд пошел по боковым путям, а справа от нас стали видны горящие вагоны и редкие вспышки взрывов. Постепенно поезд стал выходить из зоны бомбежки и где-то через полчаса набрал скорость. Вскоре наступила полная темнота и вся наша бригада улеглась у одной из стенок вагона буквально вповалку. Ночью мы проехали почти половину пути и утром прибыли на станцию Котовск, где простояли довольно долго и часам к двум дня приехали в г. Первомайск, при подъезде к которому пришлось проезжать по временному деревянному мосту через реку Южный Буг. Мост был высокий и поезд шел по нему со скоростью 3-4 км/ч, а он при этом немного кренился то в одну, то в другую сторону и очень неприятно скрипел. После Первомайска была уже наша станция – Ольшанка, находящаяся в 15-20 км от границы Одесской области, уже на территории Кировоградчины, куда мы к вечеру и прибыли. Погода была по летнему жаркая и солнечная.

Когда мы выгрузились из своего телячьего вагона, то на перроне нас встретил представитель сельсовета из Ольшанки, которая находилась в 12 км от железнодорожной станции. Нам

предстояло быстро собрать свои вещи и бегом отправиться на конечную станцию узкоколейной железной дороги, которая соединяла с. Ольшанку с железнодорожной станцией. Когда мы добежали до последних вагонов состава узкоколейки, поезд уже начал медленно набирать скорость на подъеме. Мы буквально на ходу попрыгали в вагоны, чем, очевидно, вконец подорвали подъемные силы нашего паровозика – он прополз еще около ста метров, остановился, подумал и плавно пошел вниз с пригорка, набирая скорость. Через несколько минут мы были опять у того места, откуда отправились. Проводники побежали вдоль состава и стали выгонять из вагонов пассажиров, требуя от них внести посильный вклад в подъем поезда на труднодоступном участке, т.е. попросту толкать его до тех пор, пока он не начнет подавать гудки и не остановится. Теперь разгон поезда сопровождался свистом, криками и возгласами «Давай! Давай!». Все это помогло паровозу перетащить наш состав через «перевал». Немного отдохнув на «перевале» и собрав обратно всех пассажиров, наш локомотив лихо свистнул и понесся, как необъезженный конь, под уклон. Оказывается, дальше был следующий подъем, на который мы должны были взлететь за счет разгона, при этом весь состав гремел, скрипел и визжал, как будто это был его последний рейс. Однако все кончилось благополучно и через несколько минут мы прибыли на станцию Ольшанка-2, быстро выгрузили свои вещи, а состав, свистнув на прощание два раза, покатиł на лесозаготовительный участок и небольшие торфоразработки, которые во время войны почти не действовали, но люди в нескольких бараках продолжали там жить.

Возле станции нас ждала телега, на которую мы погрузили вещи и поехали к сельсовету, где нас приветствовал «голова сельгоспруды» и сказал, что сегодня мы переночуем в разных домах у селян, а утром позавтракаем и двинемся своим ходом до села Добрянка, которое находится в 45 км от Ольшанки. При этом пути наши разойдутся – наша бригада пешком пойдет вдоль р. Синюха, а телега поедет по грунтовой, частично мощеной дороге в Добрянку. Длина обоих маршрутов почти одинакова, но для телеги проезд вдоль реки затруднен, а пеший путь очень даже приятный – мы можем искупаться в Синюхе, вода в которой прозрачная и прохладная, ее можно пить. Еще нам предстояло пройти семь километров до небольшого села и там уже разместиться окончательно.

По предварительной договоренности мы должны будем отработать 22 дня, но два из них отведены на дорогу туда и обрат-

но. Денег в колхозе нет ни копейки – вся надежда на зерновые, которые уже перезрели, но за работу нам выдадут по пуду белой муки и по 12 кг свежего меда, поэтому надо заранее заказать в добрянской мастерской жестяные бидоны. Последние его слова были выслушаны всей бригадой с большим воодушевлением, особенно о меде – для тогдашнего времени это был царский подарок.

Перед выходом накормили нас действительно по-барски: свежий творог со сметаной, вареная картошка, еще теплый белый хлеб, отдающий каким-то лекарственным запахом и имевший горький привкус. Нам объяснили, что это из-за сильной засоренности посевов зерновых несколькими видами полыни, которая являлась следствием плохой обработки земли и зарастания полей сорняками. После одесского «поста», когда на один талон хлебных карточек выдавали полкило черного как жженая резина хлеба, в котором как минимум половину веса составляла вода, ольшанский белый подовый хлеб, хоть и с привкусом горькой полыни, казался верхом хлебопекарного искусства. Наше городское начальство объясняло «негритянский» цвет хлеба тем, что перед отступлением немцы подожгли одесский элеватор, потушить же горящее зерно очень сложно, а уничтожить его никто не позволит, хотя даже на корм скоту оно уже не годилось...

Поев, мы погрузили наши скромные пожитки на «тройку в один лошадь» и она двинулась по столбовому пути, а мы всей бригадой – берегом Синюхи по хорошо утоптанной тропе вверх против течения реки. Погода была солнечной, безветренной. Впервые в жизни я шел по берегу настоящей реки и был весь исполнен радости, что впереди нас ждут новые интересные места. Главной моей целью было попасть в настоящий лес, который я вообще плохо себе представлял.

Вскоре вдоль берега начались сплошные вишневые сады, урожай в который был в том году необычайно обильным. Ветви у деревьев прогибались под весом уже почти черных вишен, но никто их не собирал. Многочисленные крестьянские усадьбы представляли собой остовы почти полностью сгоревших домов, над которыми одиноко возвышались обгоревшие кирпичные трубы. Как позднее нам рассказали местные жители, немцы перед отступлением ввели тактику «выжженной земли», когда местное население вывозили в Германию, а их дома сжигали. Однако вскоре ход событий показал, что эта задача оказалась для них невыполнимой, так как наступление советских войск часто развивалось так быстро, что оккупанты сами едва успева-

ли уносить ноги, но в той местности, где мы шли, их план очевидно оказался более успешным. На всем 45-километровом пути мы не встретили ни одного местного жителя. Какое-то противоестественное сочетание буйной зелени, обильного плодоношения вишневых садов, игривого переливания прозрачной воды на небольших «водограях» и гранитных валунах с черными обуглившимися остатками домов, вызывало холод в душе и мысли о бренности человеческой жизни...

Несмотря на то, что вишни уже перезрели и отличались особой сладостью, через час у нас уже появилась оскомина и очередная пригоршня их поглощалась с трудом. Солнце поднималось все выше и шли мы уже не столь бодро, как с утра, к тому же у воды парило и мы буквально обливались потом. К полудню решили сделать привал и искупаться в таких манящих к себе водах Синюхи. Нашли участок берега, сплошь устланный гладкими серыми валунами, разделись и бросились в быстрые прозрачные воды. И здесь опять отличились наши «фронтные подруги» – на них оказались самые настоящие яркие купальники, а на головах – шапочки. Остальные были одеты кое-как, а один горбатый, уже женатый «мужик» купался в белых кальсонах. Вода была теплая, но из-за сильного течения приятно охладила наши перегретые тела. Опять-таки я впервые в своей жизни купался в пресной воде, удивлялся, что ее можно пить, но при нырянии она, в отличие от морской, резала глаза. После купания разгорелся аппетит и мы с удовольствием подкрепились тем про запасом, которым нас снабдили добрые селяне в Ольшанке. Все было хорошо, но мы не прошли и трети пути, поэтому решено было ускорить наше продвижение.

Пока мы отдыхали после купания и «перекуса», на небе появились темные тучи, загредел гром и через несколько минут полил сильный теплый дождь. Укрыться было совершенно негде, и мы решили идти под дождем. Через полчаса он неожиданно прекратился и вскоре мы шли в уже совершенно сухой одежде. Снова выглянуло солнце и все вокруг засияло от цветных переливов капель. Пройдя еще около 10 км, мы хотели сделать передышку, но, посоветовавшись, решили идти дальше, так как нам предстояло пройти еще больше половины пути. Потянулись все удлиняющиеся километры, вишни уже никто есть не мог, а солнце палило нещадно и неумеренное потребление воды из Синюхи только усиливало нашу жажду. Стих смех, не раздавались больше зазорные песни... Наконец к шести часам вечера на пригорке показались первые домишки столь же

ланной нами Добрянки. Нужно было пройти еще около семи километров до небольшой деревни, где мы должны были расположиться на 20 дней.

Из последних сил мы двинулись в этот марш-бросок, но вскоре резко снизили его темп. Стало быстро темнеть. Вскоре на тропе мы встретили небольшое стадо коров и погонявшая их старуха объяснила нам, что до деревни еще километра два, но если мы пойдем через болото, то не более одного километра. Так как все изрядно устали, то решили идти через болото, но забыли спросить бабуку, где нужно свернуть с тропы на болото. Совсем стемнело, а нужную тропинку мы все никак не могли найти и решили послать в разведку трех человек, так как один раз справа от нас послышался отдаленный лай собаки, к тому же мы наткнулись на большой стог теплого сухого сена и договорились ночевать в этом стогу, если не найдем тропу через болото, а утром уже быстро выйдем к нашей деревеньке. Разведчики вернулись с мокрыми по колено ногами, но перехода через болото не нашли. Быстро истребив последние продуктовые запасы, мы повалились на сено и через несколько минут вся бригада дружно погрузилась в крепкий сон. Когда мы утром проснулись, ярко светило солнце, а возле стога стоял наш возчик и рассказывал, как пошел ночью нас искать, но не нашел. Оказывается, в темноте мы проскочили поворот на болото, а обнаружил он нас в 400 м от деревни.

До обеда время у нас ушло на размещение по домам в деревне. Я с тремя друзьями попал на постой на сеновал пасечника, который жил вдвоем с женой, а их сын с 1941 г. был на фронте. На пасеке стояло более 100 ульев и дед едва успевал качать из них мед. Мы не раз помогали ему в этой далеко не легкой работе. Меду он с первого же дня стал выдавать по два литра на четырех едоков, нам же – неограниченно. Вообще, до войны моя мать часто покупала мед, но не в таких количествах, поэтому я не представлял всего коварства свежего меда. Первые два-три дня мы съедали полный котелок, добавляя в мед мелко нарезанные мягкие яблоки. На вторую ночь я проснулся от какой-то тяжести во всем теле и когда провел рукой по животу и другой руке, то убедился, что они липкие и на поверхности кожи сладкие капли меда. За два дня мы буквально насквозь пропитались медом. Еще через несколько дней у всех «медоедов» сильно разболелись зубы, особенно когда мед ели в сотах. Пришлось наш медовый рацион сильно ограничить.

Следующие два дня я работал на веялке и сортировке зерна на открытых площадках, и хотя жара не спадала, значительно усилился ветер. Работали, как правило, полуголые – без рубашек и маек, и к вечеру у меня сильно разболелась голова и стало лихорадить. Вечером я заснул рано, ночью проснулся и хотел повернуться на спину, но все тело пронзила сильная боль и я смог кое-как лечь только на живот. Утром проснулся с температурой 38,5° (благо, у деда оказался термометр). Все попытки снять с себя рубашку, которую я ночью надел на себя, ни к чему не привели – за ночь рубашка вся пропиталась кровью, которая коркой засохла по всей спине и при попытке снять ее ткань отрывалась вместе с кожей. Дед и бабушка, увидев мою спину, в один голос заявили: «Тебе, парень, потребно ийты у Добрянку, до фершалицы нашой». Делать было нечего, и пока еще не стало очень жарко, я двинулся своим ходом в Добрянку, куда пришел к 11 часам утра.

Осмотрев меня, фельдшер установила ожог кожи III степени. Смочив спину через рубашку и майку какой-то жидкостью, сказала, что придется полежать на животе минут 45, а тем временем она приготовит мне мазь, которую даст с собой. Пока я лежал, она расспрашивала меня, как в Одессе относятся к тем, кто был в оккупации. Я ей сказал – по-разному, но обид у населения много. Оказалось, что мы здесь чуть ли не первые городские жители после ухода немцев. Она рассказала, что во время оккупации больше всех здесь свирепствовали местные полицаи, многие из которых бежали с немцами, а некоторых успели схватить партизаны и наши передовые части. Их всех вскоре вывезли из села. Еще она сказала, что когда отступала Красная Армия, то почти всех медработников мобилизовали в госпитали, но она не могла уйти, так как у нее двое маленьких детей, а муж в 1941 г. ушел на фронт и с тех пор его судьба неизвестна и, к тому же, на руках мать-старуха. Теперь ее называют «немецкой овчаркой» и пожаловаться некому...

После часа отмокания майка и рубашка местами все же не отлипли от кожи спины и фельдшер предложила мне разрезать их на куски и потихоньку отдирать от кожи. Еще через час операция была окончена и вся спина покрылась потеками крови. После этого фельдшерница тщательно обработала ее какой-то противоожоговой мазью немецкого производства. В качестве одежды вместо майки и рубахи мне был выдан чистый белый медицинский халат, в котором я и явился в наш временный дом. Мне было выдано освобождение от работы на неделю, но на второй день я уже вышел в поле, а белый халат оказался

весьма удобной одеждой для работы на солнце. При уходе из фельдшерского пункта я узнал, где можно купить жестяной бидончик на 6-8 литров и по дороге домой приобрел весьма аккуратную емкость под мед. Фельдшернице я рассказал, что никогда не видел леса и как выдастся выходной день – схожу посмотреть местный лес. Она предупредила меня, что к лесу проторенной дороги нет и идет только тропа через поля, сплошь заросшие чертополохом, и вообще люди предпочитают туда не ходить, так как есть подозрения, что в нем до сих пор скрываются беглые полицаи.

Вскоре к нам прибыло пополнение – около 20 человек из Одессы, которые разместились в соседнем с нами небольшом сельце. Моя обгоревшая спина вскоре стала подживать и я потихоньку сдирал с нее кусочки обгорелой кожи. Дед ежедневно смазывал мне спину каким-то снадобьем на основе пчелиного молочка. Однажды мы вернулись с тока на обед, а деда дома не оказалось. Бабка сказала, что он просил, как мы придем, подойти на пасеку и погрузить на телегу несколько бидонов с медом. Мы сразу же побежали под горку на пасеку, которая протянулась вдоль небольшой речки. Прибежав, мы увидели странную картину – навстречу нам на четвереньках полз дед в защитной сетке, его курильница валялась на дорожке, при этом руками он делал нам какие-то непонятные знаки... Кто-то еще успел пошутить: дед к партизанам пополз, но вдруг подпрыгнул и заорал диким голосом. Тут мы заметили, что вокруг деда вьется клубок пчел, а часть из них уже пошла в атаку! Пчелы залезали в волосы, впивались в кожу за ушами, заползали под майки и через несколько секунд сотни их налетели на нас.

Мы как могли отмахивались от пчел, прыгали в разные стороны, и тут я сообразил, что мы находимся метрах в пятидесяти от речки. Я первым помчался к реке и нырнул с головой в воду. За мной последовали мои товарищи и вскоре наши мучители улетели назад на пасеку. Тем временем дед резво вскочил и помчался к избе. Оказалось, он не заметил, что из одного из ульев вылетел рой пчел, и не успел надеть маску, как пчелы облепили его всего и когда подбежали мы, часть роя ринулась и на нас. Все кончилось благополучно, обошлось только красными бугорками в местах укусов. Несколько лет спустя мне пришлось быть свидетелем нападения шершней на хозяйку дома, в котором мы жили в лесоустроительной экспедиции в Лельчицком районе Мозырской области (Белоруссия). Когда она пришла домой – я ее не узнал. Она достала листочек бумаги и на нем написала: «Меня укусили в лесу пять шершней. Гово-

речь пока не могу – один ужалил меня в язык. Не пугайтесь, скоро должно пройти». Как нам рассказывал дед, шершни являются смертельными врагами пчел и охотятся на них, особенно в осенний период, когда пчелы готовят запасы на зиму.

Время шло и на десятый день нашей трудовой деятельности нам дали выходной. Я уговорил двоих наших парней отправиться в экспедицию в местные леса – дорогу туда я предварительно разведать у деда. Подготовил небольшую «продзаначку» и утром того же солнечного дня мы отправились в путь, причем дед меня предупредил, что местами нужно продираться через густые заросли чертополоха, который к этому времени стал уже довольно жестким. Об этом, правда, я своим спутникам ничего не сказал. По словам деда, до леса было около 10-12 км, по другим сведениям – 14-15. Действительно, добрались мы до ручья, где обычно поят скот, около трех часов, а это составляло, по словам местного населения, лишь половину пути. Было очень жарко, и чертополох добавлял нам мучений – до крови сплошь исколол руки. Дальше ручья мои спутники идти категорически отказались, а мне вспыхнувшая гордость не позволила повернуть назад, хотя дальше идти одному тоже не очень хотелось. От ручья по полям была протоптана звериная, как мне показалось, тропа. Как сказали нам на привале пастухи, по таким тропам по ночам ходят на водопой дикие кабаны и лесные козы (косули). Действительно, в некоторых местах с влажной почвой встречались следы копыт этих животных. Вскоре пришлось обходить такую густую чащу из чертополоха, что я окончательно потерял тропу.

Присев немного отдохнуть, я услышал сильный шум ломаемых сорняков. Честно говоря, от неожиданности я даже не смог вскочить, а остался сидеть, хотя волосы на голове поднялись дыбом и сразу вспомнились слова фельдшерицы из Добрянки о беглых полициях. Немного подождав и успокоившись, я пришел к выводу, что это, скорее всего, зверь, так как человек вряд ли бы стал поднимать такой шум. В душу закрался страх и я подумал – не повернуть ли назад, сказать, что заблудился и поэтому вернулся, но потом решил, что по моим расчетам, я прошел уже около двух третей пути и по крайней мере через час уже должен быть на краю леса. Решение принял такое: иду еще час, если леса не увижу – возвращаюсь обратно. Скрепя сердце, я поднялся с кочки, на которой сидел, и двинулся вперед. Все местные жители учили меня, что идти надо все время в северном направлении и я старался строго соблюдать эту ориентацию. На часы решил не смотреть, пока не пройду

приблизительно половину оставшегося пути. Тропа была плохо утоптана и временами вообще терялась. И вот когда я выбрался из очередной, казалось бы, непроходимой заросли и глянул вперед, то увидел на горизонте темные тучи, но, приглядевшись, понял, что это и есть цель моего мучительного путешествия – окраина темно-зеленого лесного массива.

Где-то через полчаса, продираясь через заросли огромных колючек, многие из которых были выше меня, я увидел довольно большую поляну, окруженную группками невысоких деревьев. Я тогда плохо знал виды деревьев, но определил, что здесь, на опушке, росли молодые дубы и клены, высота которых на глаз достигала 7-10 метров. Через 50-60 метров я вошел в глубь леса, где было совершенно тихо и прохладно. Высота деревьев здесь достигала 23-25 метров. Я прилег на траву, чтобы дать отдых ноющим ногам, но какая-то тревожная тишина и мысли об обратном пути заставили меня вскоре подняться и двинуться теперь уже в южном направлении. Когда я вышел из леса, то увидел старую, заросшую травой дорогу, ведущую в нужном мне направлении. Я уже знал, что до нашего села никакого населенного пункта здесь больше нет, поэтому как можно бодрее зашагал по этой дороге, исполненный гордости за выполненный долг: я все же увидел лес, хоть и недолго, но побывал в нем и теперь могу считать, что не только достиг своей цели, но и победил собственную слабость – ведь так хотелось повернуть назад, когда товарищи мои сбежали домой! Вернулся я к себе на сеновал, когда солнце уже садилось за горизонт...

Подходило время отъезда домой и вся наша бригада была в заботах – как заработанное нами довести до дома в целостности и сохранности? С большим трудом удалось уговорить руководство колхоза дать нам на обратную дорогу в Ольшанку для доставки багажа не одну, а две телеги, так как груз набирался порядочный. На железнодорожную станцию нам нужно было прибыть к шести часам вечера, пройдя весь обратный путь не более чем за 10-11 часов. К тому же не было уверенности, что узкоколейный поезд прибудет в Ольшанку вовремя и доставит нас без опоздания на магистральную станцию. Перед этим всем нам выдали в сельсовете справки о том, что «продукты получены нами в колхозе за выполнение сельхозработ». В день отъезда обе телеги ждали нас у колхозной конторы и после быстрой погрузки наших припасов двинулись в Добрянку, а оттуда – в Ольшанку, а сама бригада бодро потопала по тропе вдоль Синюхи, но теперь уже вниз по течению. На наше счастье, погода

в этот день выдалась нежаркой, шли мы под уклон, практически весь груз был отправлен лошадиным транспортом, с которым были увезены две наиболее нежные девицы, заодно помогавшие в пути возчикам. Весь обратный путь прошел успешно. В Ольшанке наш командир быстро оформил билеты опять-таки в теплушки. Погрузившись в вагон, мы сложили наш груз в углу, улеглись вповалку и проснулись уже после узловой станции Раздельная, когда до Одессы оставалось всего около двух часов езды.

Приехав на Одесский вокзал (вернее, на то, что от него осталось), мы разделились на группы живущих близко друг от друга и стали искать транспорт для доставки нашего груза по домам. Дело осложнялось тем, что ни у кого из нас не осталось ни копейки денег. Возле перронов были стоянки одесских «кули», которые перевозили багаж на больших двухколесных тачках. Мы договорились с двумя возчиками, что за баночку меда с каждого они отвезут наш груз домой. Закрепив наш багаж на тачку, мы бодро покатали к дому и через полчаса уже были на месте. Все было доставлено в целости и сохранности. Когда моя мать пришла с работы (ее устроили на временную работу через наших знакомых), то радости ее не было предела, как и моей гордости. Вечером мы отвезли тетке Жене мед и муку для подкрепления здоровья. Как я понял из их разговоров, в Одессе обстановка еще более ухудшилась – кроме горелого хлеба по карточкам ничего не давали, людей, занявших чужие квартиры, продолжали выселять без предоставления другого жилья. На базаре уже произошло несколько серьезных стычек с драками. Новое начальство города было на стороне возвращающихся из эвакуации, и наш хозяин квартиры уже заходил, чтобы узнать, когда мы наконец освободим его жилплощадь, объяснив при этом, что к его родственникам приехала еще одна еврейская семья и его самого торопят с переездом в свою квартиру.

ПЕРЕЕЗД В ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ

После возвращения из «сельхозкомандировки» я, как уже ранее писал, взялся за учебу с таким расчетом, чтобы к отъезду (в первой половине декабря) сдать все предметы за шестой-восьмой классы, на новом месте пойти сразу в девятый класс и в 1946 г. окончить среднюю школу. Нужно сказать, что план этот был мною успешно выполнен. К середине ноября у меня была на руках справка, что мною полностью сданы экстерном все предметы, предусмотренные по учебному плану за шестой, седьмой и восьмой классы средней школы, с оценкой «отлично». К этому времени в основном были подготовлены документы для нашего переезда в Западную Украину. Дело это оказалось непростым. Шла война, в Одессе и Западной Украине действовали законы военного времени. Для проезда по железной дороге необходимо было иметь командировочное удостоверение. После освобождения Одессы у нас отобрали паспорта и выдали временные удостоверения личности, а это означало, что мы были в оккупации. На весь переезд от Одессы до места назначения – города Станислава, который позднее был переименован в Ивано-Франковск, ушло 15 дней. На это время нужно было получить талоны на дорожное питание и денежное довольствие. В каждом месте остановки, согласно предписанному нам маршруту, нужно было сделать отметку о прибытии и выбытии в командировочном удостоверении. Учитывая, что ни я, ни мать никуда ранее фактически не ездили, это была для нас непростая задача.

Нужно было выписаться из Одессы, отправить кое-какой багаж, передать комнату в квартире ее хозяину. И все это делалось со всякими неожиданными осложнениями. Так, например, для получения билета на поезд необходимо было получить справку о санобработке, а там оказалась очередь на несколько часов, хотя сама процедура занимала пару минут. В большой шприц набирали белый порошок – дуст ДДТ, из которого затем каждому пассажиру поряточная его порция вдвухалась за воротник, под рубаху, далее расстегивали брюки и остаток по-

рошка продували через исподнее так, что из брюк внизу вылетали облака дуста. В то время все средства информации убеждали, что ДДТ абсолютно безопасен для человека, и порошок при обработке не экономили. Лишь лет через 15 стали писать, что этот дуст оказался вреден даже для пингвинов в Антарктике, куда был занесен в основном из северного полушария!

К 10-12 декабря 1941 г. все было готово к выезду. У матери имелось направление из Одесского обкома ВКП(б), в котором говорилось, что она вместе с сыном командировается для постоянного проживания и устройства на работу в советских и административных органах в г. Станиславе. Это направление нам очень помогло в ряде случаев, и особенно в обеспечении проездными документами и продуктовыми талонами. Фактически же моя мать никогда в партии не состояла. Особенно нам импонировала после одесских мытарств приписка в конце направления «с гарантией предоставления благоустроенного жилья». Первым пунктом нашей поездки был г. Киев, где мы должны были пройти регистрацию в спецотделе Совмина Украины и получить пропуска для въезда на территорию Западной Украины.

Приехали мы в Киев к исходу пятых суток, причем с приключениями. В Одессе у нас были билеты в плацкартный вагон, где были пронумерованы все места, в том числе и сидячие, хотя, как потом оказалось, все занимали любые свободные места и в основном стремились попасть на вторую полку. Мы же сели на свои нижние места. К концу второго дня в проходах между полков вновь забравшиеся пассажиры уже спали прямо на полу, в том числе и с детьми. Пробираться в туалет приходилось чуть ли не по головам спящих. Ночью на третий день на какой-то небольшой станции в вагон буквально ворвались несколько бойцов с автоматами и скомандовали: «Всем выйти из вагона, вещи с собой не брать, будем грузить раненых!». Но, несмотря на столь грозную команду, никто выходить из вагона не спешил. На улице мела метель, а у вагона уже собралась очередь из носилок и раненых на костылях, некоторые были в одних тонких халатах... Тогда старший из команды сопровождения приказал бойцам – «выбрасывайте всех гражданских из вагона из обеих дверей!».

Солдаты передали свои автоматы медсестрам и принялись выполнять команду – выбрасывать всех подряд из вагона. Через несколько минут на перроне собралась кричащая, причитающая толпа, а в вагон стали заносить носилки и поднимать раненых. При этом, если на полке сидело по три или даже

четыре пассажира, помещались только одни носилки, и вскоре вагон был загружен полностью. Прибежал начальник станции и потребовал дать разрешение на отправление поезда, но все выброшенные из вагонов подняли такой шум, что начальник даже опешил. Одна из полураздетых женщин схватила двоих своих детей и полезла под вагон, крича, что пусть их зарежут, но они вернутся только в свой вагон. Начальник станции побежал искать командира эвакокоманды. Вскоре они вернулись и огласили нам свое решение – пассажиров с детьми вернуть в вагон, а всем остальным разрешить расположиться в обоих тамбурах, но в вагон не пускать. В тамбурах бездетных набилось как селедок в бочках. Всю ночь мы простояли плотно прижавшись друг к другу. Спали стоя, упасть нельзя было, так как даже свободной щелочки между стоящими не было.

Рано утром раненых стали разгружать из вагона, и вскоре поезд пошел дальше на Киев, а мы в полузабытьи прямо повалились кто куда мог – кто на пол, кто под полки, кто на чемоданы, а проснулись уже к обеду, а кто и позже. Так прошел четвертый день нашей поездки из Одессы в Киев.

На Киевский вокзал поезд пришел к 10 часам ночи, на пять суток со дня выезда из Одессы. Вокзал был полон пассажиров, в огромном зале они лежали и сидели на скамейках, спали прямо на цементном полу, который был холодным как лед. Хотя было поздно, но нам посоветовали сразу же идти в Совмин и там получить направление в гостиницу, иначе нас куда не пустят. Туда же собрались идти еще трое приезжих и мы с ними пошли в Совмин. Там действительно были дежурные сотрудники. Нас зарегистрировали и выдали направление в гостиницу «Ленинградская», а также пропуска для передвижения по городу после комендантского часа. Мы пришли в гостиницу около часа ночи и поняли, что спать нам в эту ночь не придется. На лестнице сидели по два-три человека на каждой ступеньке. Везде, где имелась какая-либо свободная площадь, лежали и сидели командировочные. Пришлось нам постоять с полчаса, прислонившись к стенке. К этому времени освободилась одна ступенька на лестнице, мы быстренько заняли ее и через несколько минут крепко спали.

Утром нас разбудила дежурная и сказала, что скоро освободятся два места в четырехместном номере и она нас туда поселит. Еще при регистрации нам выдали пока на один день талон на питание и «сухой паек». В столовой недалеко от Совмина мы позавтракали, причем довольно обильно: нам дали по две сардельки с макаронами, по одному яйцу и кусочку сли-

вочного масла, а также по два кусочка белого хлеба. Такого завтрака мы не видели уже несколько лет. Обратив внимание на наше удивление, соседка по столу тихонько сказала – это ведь столовая Совмина! Соответственным был и сухой паек. После обеда нам была назначена встреча в Совмине. Там матери сообщили, что в настоящее время, когда еще идет война, в Западной Украине обстановка осложнилась из-за выступления украинских националистов, которые требуют образования «самостийной» Украины. Местное население, запуганное бандами из УНРА (Украинской национальной революционной армии), ОУН (Организации украинских националистов), вооруженных объединений бандеровцев, мельниковцев вынуждено оказывать им существенную поддержку, укрывать их от частей пограничных войск и вооруженных отрядов МВД. Однако, по всей вероятности, через три-четыре месяца война будет окончена полной победой Советского Союза и в Западную Украину будут направлены боевые фронтовые части, все эти националистические формирования будут ликвидированы и жизнь в Западной Украине будет нормализована.

Беседующий с матерью сотрудник Совмина Украины пояснил ей, что переезжающие на работу в Западную Украину будут обеспечены благоустроенным жильем, им выдадут карточки с повышенными нормами отпуска продуктов, что вообще там цены на продукты на рынках в среднем в два – два с половиной раза ниже, чем в Восточной Украине, что для русских детей там имеются русские школы. Все приехавшие по направлениям партийных и советских органов будут устроены в течение двух недель на работу в соответствии с их пожеланиями и опытом. На следующий день нам предложили с утра оформить свои «продуктовые» и денежные дела, приобрести билеты на поезд до Львова, откуда нам нужно будет уже добираться до Станислава. Билеты следует приобрести на вокзале в кассах для командированных по проездным удостоверениям, которые нам тоже выдали в Совмине УССР. Определенных графиков движения поездов еще не было и на дорогу, по совету инструктирующего нас сотрудника, следовало запланировать четыре-пять дней до Львова и два-три дня от Львова до Станислава, т.е. всего шесть-восемь дней. В настоящее время поезд от Киева до Ивано-Франковска идет не более суток.

Следует отметить, что еще до поездки нам в Одессе рассказывали, что немцы перед уходом с Украины большинство магистральных железных дорог разрушали специальным устройством, состоящим из огромного железного крюка, который та-

щили за собой два паровоза и который разрывал пополам шпалы. И действительно, когда наш поезд пошел по левобережью Днепра, участки разрушенной с помощью подобного варварского приспособления колеи стали часто встречаться. Новую колею прокладывали рядом со старой, но шпалы и рельсы приходилось менять. По обеим сторонам колеи целыми километрами тянулись «заборы» из железнодорожных вагонов, часть которых была перевернута и создавалось впечатление, что мы вот-вот врежемся в них. На пристанционных площадках высились целые горы металлолома – «отходов войны». Здесь были собраны сгоревшие танки, бронетранспортеры, автомашины, куски фюзеляжей и почти целые обгоревшие самолеты, как немецкие, так и советских моделей. Весь этот хаос создавал картину какого-то неопишуемого столпотворения фантастических чудовищ! На их фоне отдельные фигурки людей, одетых в темные ватники и закутанных в платки и шарфы, выглядели как жалкие создания на фоне заброшенных полей гигантских сражений...

В те времена практически в каждом вагоне ехал хоть один пассажир с баяном или аккордеоном. Света в вагонах не было – над выходом в тамбур горел только тусклый фонарь. И до полуночи звучали чаще грустные и реже веселые русские народные или многочисленные рожденные войной песни. А за окном сыпал снег и проносились черные скелеты сгоревших станционных построек, остатки изломанных стволов частично сохранившихся старых деревьев. Шепотом передавались «последние известия» из совсем уже близкой Западной Украины о зверствах бандеровских банд, о том, что там хуже, чем на фронте. Многие едущие туда надеялись, что война обязательно должна закончиться весной 1945 г., и тогда армия наведет порядок в этих мятежных, диких местах. Следует отметить, что район Львова и Прикарпатья был освобожден от немцев только в конце июля – начале августа 1944 г., в то время когда Киев – уже в начале ноября 1943 г. В прикарпатских лесах помимо украинских националистов бродило немало остатков польских отрядов Армии Крайовой и Армии Людовой, а также небольших разрозненных групп немецких войск. К тому же хорошо вооруженные банды почти свободно переходили через вновь восстановленную государственную границу Советского Союза. Чем ближе мы подъезжали ко Львову, тем больше разрушений и следов боев мелькало за окнами вагона.

Через четверо суток пути наш поезд прибыл на железнодорожную станцию Львов. Вокзал был полон желающих куда-

либо ехать, очереди в кассах огромные, но мы нашли две отдельные кассы для командировочных, где через полчаса получили билеты на поезд до Станислава. Но радость наша была преждевременной – поезд по расписанию уже ушел, а когда будет следующий – неизвестно. Быстрее всего отправят «теплущечный», т.е. состоящий из товарных вагонов... Нам посоветовали пройти в город и устроиться в гостинице где-нибудь поближе к вокзалу. Вскоре я увидел вывеску «Готель «Київ». Мы зашли в него. Там, на удивление, кроме дежурной никого не было. Она нам спокойно объяснила, что места свободные есть, но... в «готеле» не топят и нет электричества. Нам пообещали выдать свечи и по два одеяла. Мы так устали с нашими переездами, что мать предложила остановиться здесь, пойти получить продукты, потом укутаться в одеяла и выспаться спокойно, а уже утром отправиться на вокзал и попытаться уехать в Станислав. Так мы и сделали. Нас неплохо отоварили, а у дежурной был кипяток, так что ужин был быстро съеден и мы стали укладываться на ночь. Вскоре стало холодать и к тому же с улицы слышался сильный шум трамваев, которые проходили прямо под окнами готеля. На окнах были плотно закрытые ставни, и я подумал, что может быть под ними остались незакрытыми форточки и одну из ставен с трудом открыл. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что под ставнями в рамках окна стекол не было совсем! А на улице 15-градусный мороз! Пришлось укутаться в выданные нам одеяла и кое-как переждать «оледенение» до утра. Утром мы наскоро перекусили и пошли на вокзал с твердым решением уехать сегодня в Станислав и на этом завершить наше почти двухнедельное путешествие.

На вокзале нам сообщили, что около полудня пойдет «теплущечный» поезд в Станислав. Билеты наши были на него действительны и мы потащились на перрон. Поезд уже был подан под посадку, однако во всех вагонах двери изнутри были закрыты, и на наш стук из вагонов неслось одно и то же: «Місце нема!». Мы дважды прошли вдоль состава, едва тащась со своими пожитками. Вернувшись от головы поезда, мы так и не нашли ни одного вагона, куда впустили бы нас ранее занявшие в них все места, хотя у многих из них, как потом оказалось, вообще никаких билетов не было. Моя мать остановилась и обратилась ко мне, что будем делать? И слезы полились у нее из глаз, а следует отметить, что все время дул холодный пронизывающий ветер и мы в своей одесской одежке чувствовали себя очень неудобно...

В этот момент к нам подошел комендантский патруль – два солдата и один офицер. Они попросили нас предъявить документы, и когда увидели, что у нас направление из Одесского Обкома партии, весело воскликнули: «Так вы, значит, наши!». Я впервые услышал подобное обращение – «наши» и на душе как-то стало теплее. Офицер тут же дал приказ солдатам: «Немедленно разместить в любом вагоне, если будут возражать – вызвать подмогу». Солдаты подхватили наши вещи, подошли к первому же вагону, прикладом раза три грохнули в дверь и потребовали открыть. Из вагона не раздалось ни звука, тогда один из них взобрался на лесенку вагона и в таких крепких выражениях обратился к находящимся внутри вагона пассажирам, что дверь немедленно открылась. Оба наших конвоира забрались в вагон, и оттуда послышались вопли и просьбы «панов не выкидаты их из вагонов», а мест на двух пассажиров еще здесь хватит. Тут же было освобождено место для нашего багажа и нас самих. Дверь вновь закрыли и вскоре поезд пошел. К середине следующего дня мы уже были в Станиславе, где было еще холоднее, чем во Львове. С вокзала мать позвонила в Станиславский Облисполком, через полчаса за нами прибыла конная телега и вскоре мы уже в тепле пили чай и глаза наши закрывались сами собой. Ночевать нас оставили в кабинете зам. председателя Облисполкома – мать на его диване, а мне достался очень пушистый красивый ковер на полу.

Наутро нас принял хозяин кабинета и объяснил, что в последние дни много прибыло в Станислав командированных из восточных областей Украины, с квартирами стало довольно трудно и с рабочими местами тоже. Он предложил нам совершить еще один переезд, сравнительно небольшой, около 80 километров из Станислава в город Коломыю, где с квартирами вообще нет проблем, а работу мать может выбрать ту, что ей будет ближе по предыдущему опыту и желанию. А главное, что там все продукты намного дешевле, да и места более красивые, так как Коломыя находится в предгорьях Карпат, и климат там лучше, чем в Станиславе. Выслушав эту речь, мать посмотрела на меня и спросила: «Ну как, едем дальше?». Наш начальник рассмеялся, сказал, что если возникнут какие-либо сложности, звонить сразу же и дал номера своих телефонов. При разговоре я обратил внимание, что в его кабинете находилась небольшая арсенал оружия. В углу за шкафом висел автомат ППШ, под пиджаком у него был в кобуре пистолет, а когда он открывал боковые дверцы в тумбах письменного стола, то там виднелись две или три гранаты-лимонки. Позднее я

убедился, что здесь все мало-мальское начальство было обязательно вооружено.

На следующий день мы переадресовали свой жалкий багаж на ж/д станцию Коломыя и где-то около 16 часов погрузились в товарняк, хотя пассажиров было сравнительно немного. В вагоне топилась углем чугунная «буржуйка», запас топлива также имелся в железном бачке. Погода была холодной и ветреной. Мы уже так устали от этой поездки на перекладных, что были готовы отправиться хоть черту в зубы, но чтобы это было уже последней пересадкой. Поезд наш с большим трудом одолевал крутые подъемы, а иногда, чтобы взять очередной затяжной подъем, ему приходилось сдавать назад, а потом рывком набирать скорость. На одном из таких маневров наш вагон едва не загорелся. Печку хорошо расшуровали докрасна, все были довольны, но когда поезд применил «прыжковый» метод разгона, при толчке раскаленная печь сорвалась со своего места и покатила по вагону, рассыпая по пути горящий уголь, а так как большая часть багажа находилась на полу, угли закатывались под ящики, коробки, мешки, одежду.

Весь вагон сразу же заполнился едким дымом и угаром, все пассажиры заметались по вагону, спасая свои пожитки, и в панике никак не могли открыть дверь, хотя вскоре с ней справились. Наши вопли и призывы о помощи были услышаны, и поезд остановили. Всю поклажу, что была на полу, быстренько разгрузили на снег, кое-как затушили все возгорания, а печь водрузили на прежнее место. Из леса притащили сухие куски древесины для растопки угля, погрузили выброшенную из вагонов поклажу, на что ушло не менее часа. Причем все опасались, что не дай бог бандеровцы обнаружат нас и перестреляют как куропаток... А то, что это опасение было не лишено основания, показал случай, когда мы ехали из Львова в Станислав и на подъеме наш поезд обстреляли из автоматов. Поезд остановился, а из вагонов повыскакивали бойцы и офицеры, которых было, пожалуй, не меньше половины пассажиров. Предварительно они приказали всем гражданским лечь в вагонах на пол, а сами открыли ответный огонь. Через минут пять стрельба прекратилась, поезд дал гудок и начал разгон на подъем. Наши защитники быстро, уже на ходу поезда, заскочили в вагоны. К счастью, в этой перестрелке никто из пассажиров поезда не пострадал. Уже тогда мы с матерью пришли к выводу, что, пожалуй, попали «из огня да в полымя»...

К обеду мы наконец-то подъехали к небольшому, но красивому вокзалу с довольно чистеньким перроном. Здесь нас встре-

тили и отвезли в гостиницу, которая находилась в самом центре этого городка напротив бывшей ратуши. В 50-60 метрах от центральной площади располагался рынок (ярмарка). Знакомство с городом мы отложили на следующий день, а день приезда решили посвятить приведению себя в порядок и отдыху после полумесячного переезда по маршруту Одесса – Киев – Львов – Станислав – Коломыя. Следующий день был воскресеньем и на ярмарке было полно народу. Наскоро позавтракав, мы с матерью отправились осваивать местные правила торговли, о которых нам уже кое-что сообщили. Прежде всего нас поразили необычайно низкие, по сравнению с Одессой, цены на продукты и обилие продаваемых «даров природы»: масло сливочное, сметана, творог, сыр домашний, мясо, особенно баранина, картофель разных сортов, большое разнообразие яблок, яйца, куры. Довольно много было на рынке различных изделий из дерева, в том числе красиво украшенных резным орнаментом и инкрустированных различными породами древесины.

На рынке прежде всего нужно было освоить местный вариант украинского языка, значительно обогащенного немецкими и польскими словами. Нужно было привыкнуть к бесконечному обращению «прошу пана» и «прошу пани». Жидкости измерялись в объемных и весовых единицах. Так, просьба налить кружку пива звучала так: «Прошу пана наляты гальбу пива» (от немецкого Halb – половина), а керосина – «прошу пани, пивкиля нафты». Кроме одного и двух рублей в ходу была еще ценовая «единица» в полтора рубля, которая называлась «пивтрики». Яблоки продавались чаще всего на десятки. Масло сливочное продавалось в виде овального куска, завернутого в капустный лист, обязательно свежее, сбитое только накануне продажи. Вес его считался один фунт, хотя как правило проверить это было не на чем. В подобной «упаковке» продавался и творог. Здесь впервые мы увидели местное население – гуцулов, в национальной одежде. Многие мужчины были в шляпах, в белых длинных домотканых рубахах и таких же штанах. Поверх рубахи надевалась безрукавка, сшитая из овечьих шкур. Вдоль бортов безрукавки шла довольно широкая полоса очень красивой вышивки, часто инкрустированной различными металлическими изделиями. Когда шел мокрый снег или дождь, безрукавку (которая называлась киптарик) выворачивали наизнанку, мехом наружу. Особенно ценились туфли (мешты), которые обычно по дороге гуцулы несли на перевязанных шнурках на плече, даже если на дороге лежал снег, и одевали их только перед самой ярмаркой. Обратное шли также босиком. Если же

было очень холодно, то на ноги надевали белые шерстяные носки и поверх них подобие кожаных лаптей. При этом на ярмарку шли пешком даже за 30-35 километров.

Гуцулки также часто носили на голове фетровые шляпы, белые домотканые вышитые кофты, несколько нижних юбок (спидницы) и несколько красивых, покрытых яркой вышивкой запашок (полуюбок), которые напоминали большие передники, запахивающиеся спереди и сзади. Следует отметить, что в те времена, когда мы приехали в Коломыю (сороковые годы XX века), нижегоя белья гуцульские женщины не признавали. Весьма примечательно, что многие пожилые гуцулки курили небольшие, изящно изогнутые трубки. Как правило, гуцульские села были сильно растянуты, а усадьбы разбросаны по горным склонам. Вокруг домов часто имелись довольно большие сады, в основном яблоневые, реже из вишен и груш. На опушках леса встречались дикие черешня и груша. Черешня, как правило, была очень горькой, а груши можно было есть только после их опадения на землю (падалку).

Западно-украинский язык во многом отличался от восточно-украинского. Хотя я изучал украинский язык и литературу с первого по пятый класс, перечитал в детстве на украинском языке книг больше, чем на русском, первое время далеко не все понимал при общении с местным населением. Меня удивляло, что частица «ся» в местном языке могла свободно перемещаться при разговорной речи. Так, один из первых вопросов при встрече со знакомым человеком был «як ся маєшь?», т.е. «как себя чувствуешь?». До прихода русских в местном языке не было матерной ругани. Самым грубым ругательством было (пусть читатель меня извинит) «Твий батько злодій, а мама – курва». Слово «злодій» обозначало «вор», ну, а второе каждому русскому и так понятно. Любой учитель в школе величался как «пан профессор». Холостой мужчина, даже в возрасте 60-70 лет назывался «пан кавалер». Интересно, что у женщин могли быть и мужские имена: «пани Василина, Иванна, Степанида». Много слов было явно древнеславянского происхождения. Я постарался усвоить местный язык и вскоре мог свободно объясняться на западно-украинском диалекте, но фонетика ряда слов не всегда удавалась.

Ну, это я забежал вперед наших событий на новом месте, главным, конечно, были работа для матери и место для жительства. Здесь возник ряд неожиданных осложнений. Нам предлагали прекрасные коттеджи, часто даже двухэтажные, но расположенные, как правило, на окраинах города, что было дале-

ко не безопасно в то время, а в центре все жилье было уже распределено между приезжими. Однажды нас привезли в одинокий домик, вокруг которого имелся ухоженный сад и газоны. В доме было две комнаты, большая кухня, сарай для дров, вода и электричество. Но находился он на окраине города и вблизи него соседних домов не было видно. Очень он нам понравился, но мы колебались – соглашаться на поселение в нем или нет. Во время разговора с сопровождающей нас пани я посмотрел на потолок в большей комнате и увидел, что к крючку, на котором висел небольшой плафон, был привязан кусок обрезанной веревки. Я спросил, а это что? Она замешкалась с ответом, но потом пояснила, что пани, проживающая здесь до нас, недавно повесилась в этой комнате... После этого разъяснения нас как ветром сдуло из этого одинокого домика с такой печальной судьбой.

В отношении работы для матери, вопрос также пока повис в стадии разрешения: в направлении было написано, что она имеет опыт работы по специальности бухгалтера-счетовода. Подобные вакансии имелись в двух организациях – на пивзаводе, который находился в шести километрах от города, и в шахтоуправлении «Львовуголь» в 25 километрах. И в одну, и в другую организацию работающих из города ежедневно отвозили к месту работы и назад на своем транспорте, но на шахты нужно было ехать в четыре раза дольше, что, учитывая плачевное состояние дорог, было безразлично. Когда мы вернулись к начальству после поисков жилья и рассказали о его результатах, то неожиданно в разговор вмешался находившийся в кабинете мужчина, который оказался директором пивзавода.

Он предложил матери оформляться на работу к нему на завод, а он предоставит нам треть особняка, который занимает с женой и дочкой. У них довольно большая комната стоит пустая. В доме есть кухня, в которой много свободного места, есть вода, туалет, электричество. Зарплата у них меньше, чем на шахтах, но в конце каждой недели было разрешено отпускать своим работникам одну бочку пива по госцене, которую они могут продать в одну из городских пивных, но уже по договорной цене. Кое-какая мебель для нас на первое время у них найдется. Дом стоит в самом центре города – напротив ратуши, недалеко от дома находится Русская средняя школа, рядом рынок. Мы не стали более испытывать судьбу и сразу же согласились на его предложение. Действительно, оно было очень заманчивым, к тому же директора ежедневно отвозил свой транспорт на работу и обратно, и матери было удобно ездить с ним.

Но одного он нам не сказал – две недели назад на заводе бандеровцы убили предыдущего директора и двух рабочих, а его только неделю как перевели на место погибшего. Сам он был родом из Киева, имел чисто украинскую фамилию – Вареник (имени и отчества его, к сожалению, не помню). Два года он провоевал на фронте, потом был ранен и переведен в «нестроевые», а в сентябре 1944 г. направлен по партийной линии на работу в Западную Украину.

Факт убийства работников пивзавода конечно оказал на нас гнетущее впечатление, но несколько успокаивало то, что до этого случая банды завод не трогали. Была надежда, что и в дальнейшем они обойдут его своим вниманием. Так или иначе жизнь начала входить в нормальное русло. Пока все складывалось для нас благоприятно. Через пару дней я пошел в школу, где очень приветливо был принят директором, тут же оформлен в девятый класс и директор повел меня знакомиться с одноклассниками, которых оказалось трое – все довольно боевые девицы, дочери ответственных работников (секретаря горкома, начальника Коломыйского отделения железной дороги и военкома города). В классах было очень холодно, как и вообще в школе. Топились печи дровами, которые были свежей заготовки, очень сырые и горели плохо. Распиловку и колку дров осуществляли сами ученики. Мои соученицы окружили меня и стали расспрашивать, как мы с матерью остались живыми после трех лет немецкой оккупации, состою ли я в комсомоле и тут же обязали меня подготовить все необходимые документы, а дочь секретаря горкома взяла на себя организационную сторону дела, и через две недели я был принят в комсомол на заседании бюро горкома комсомола.

Все, как казалось мне, складывалось хорошо, но вечером к нам в комнату пришел сосед и принес трагическую новость: наш пограничный отряд, отправившийся на операцию в район села Космач (в 30 километрах от Коломыи) на двух автомашинах, попал в засаду и в живых осталось только несколько человек. Но самое трагичное состояло в том, что около 10 человек попали в плен к бандеровцам живыми. Их изувеченные тела привезли в город и поместили в одном из залов в горсовете. Один боец был сожжен заживо, и его тело было без головы, покрыто белой марлей. У другого бойца – отрезаны нос и уши, а на груди вырезана большая звезда. Всего было выставлено шесть обезображенных трупов. Горком партии и военное командование решили показать погибших бойцов-пограничников работникам государственных учреждений, в том числе и уче-

никам старших классов Русской школы. На второй день нас привели на траурный митинг, после которого несчастные жертвы были похоронены в сквере в центре города, и весь гарнизон поклялся отомстить бандитам за издевательства над пленными бойцами.

Прошло две или три недели, как по городу разнесся слух, что около десятка бандитов были пойманы и на днях часть их будет публично казнена на базарной площади. Нам вскоре объявили, что через два дня четыре наиболее злобных бандита будут казнены на рыночной площади через повешение, и ученики старших классов нашей школы будут при этом присутствовать. На следующий день на рынке стали рыть ямы для установки двух виселиц, каждая для двух бандитов. За день обе виселицы были установлены, торговые ряды вокруг них убраны. Напротив виселиц была установлена небольшая деревянная трибуна.

В 12 часов дня на нее поднялся член военного трибунала. Перед этим под обе виселицы задним ходом были подогнаны две грузовые машины с опущенными бортами, и по приставным лесенкам на них поднялись по два солдата на каждого осужденного, которых подвели под перекладыны виселицы и надели им на шею петли из толстых веревок. Руки у бандеровцев были связаны за спиной. Нас поставили впереди машин, а вся площадка была окружена несколькими рядами бойцов-пограничников. Член трибунала зачитал постановление военного суда о приговоре к смертной казни участников бандитской расправы с военнослужащими Красной Армии. Раздалась громкая и частая барабанная дробь. Обе машины медленно поехали вперед, а все четыре бандита повисли, слегка раскачиваясь на веревках, с высунутыми языками. На груди у каждого из них висела табличка с надписью «Собаке – собачья смерть». Признаюсь честно, что в самый критический момент я закрыл глаза. Хотя я уже второй раз присутствовал на публичной казни, смотреть на последние секунды жизни человека мне все же не хотелось.

Когда барабанная дробь сменилась маршем, военные строем отправились в свои казармы, а мы поплелись в школу, где продолжали обсуждать только что увиденное. Все это происходило в середине февраля 1945 г., но зима в том году была довольно холодная и ветреная. Казненные еще пять дней раскачивались на виселице порывами ветра и только на шестой день их убрали. Еще долго местные жители крестились, проходя возле этого «лобного места». Вообще, население западных об-

ластей Украины отличалось высокой набожностью. Встречные на улицах, даже совсем незнакомые, снимали с головы шляпы и произносили, крестясь «Слава Иисусу!», на что также нужно было снять или хотя бы приподнять головной убор, перекреститься и ответить «Навики слава!». Последнее наши подростки (я имею ввиду русских) перефразировали на «Навики Сталину!». Проблема религии была в Западной Украине давней и весьма сложной. Немало слез и крови пролилось там по этой причине. Несколько позднее я более подробно остановлюсь на ней.

ПОБЕДА! ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ...

Какие странные совпадения бывают в нашей жизни... Сегодня, 9 мая 2007 г. начал раздел рукописи этой книги, посвященный дням Победы, которую мы, все советские люди, все же дождались и отмечали кто как мог, в данном случае я – в небольшом западно-украинском городе Коломые 62 года назад. В школе наш директор поздравлял всех учеников с Днем Победы дважды – 2 и 9 мая 1945 г. По служебной связи ему позвонили из Станислава утром 2 мая и сообщили, что Германия подписала капитуляцию в ночь с 1-го на 2 мая. Но в процессе этого, воистину мирового события, были допущены, по мнению И.В. Сталина, определенные нарушения порядка самого подписания договора о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии, принижающие роль Советского Союза в этой мировой войне, принявшего на себя основную тяжесть разгрома фашистских войск, понесшего неисчислимые людские и материальные потери. Пока шел процесс согласования процедуры подписания договора, никакой конкретной даты ее проведения не называлось.

Каждый день мы ждали этого сообщения от Советского информбюро, но прошла уже неделя после 2 мая, а радио все молчало об этом столь ожидаемом всей страной историческом событии. Как всегда, поползли слухи, что маршал Жуков предложил не останавливаться в Берлине, а двинуть все танковые силы до Ла-Манша, а потом установить границу «запад-восток»... По радио ОБС (одна баба сказала) шли слухи, что бандеровцы в День Победы могут устроить бойню в городе, тем более, что недавно отдельные банды напали на ряд учреждений в Станиславе, поэтому ждали этого дня с определенными опасениями. 9 мая я проснулся около 6 часов утра от звуков сильной стрельбы на площади в центре города, недалеко от нашего дома. В небо неслись очереди трассирующих пуль, раздавались залпы зенитных орудий. Первой моей мыслью было, что на город напали бандеровцы, но выскочив на улицу, я обнаружил там нашего соседа в одном нижнем белье и с автоматом в руках. Не

успели мы обменяться с ним двумя словами, как к нашему крыльцу подлетел «студебеккер», полной солдат и офицеров, которые тут же открыли огонь в воздух из автоматов, пистолетов и винтовок. На площадь перед ратушей подкатил «Додж», в кузове которого находился крупнокалиберный пулемет, тут же присоединившийся к общему стихийному салюту. Отовсюду неслись громкие возгласы «Победа! Победа! Мы победили!». Все обнимались, целовались, поздравляли друг друга, хотя я обратил внимание на практически полное отсутствие на улицах города местного населения.

Директор школы отпустил всех учеников с занятий на три дня. Мы тут же отправились на стрельбище к знакомым парням-пограничникам, которые охотно давали нам пострелять из карабинов и автоматических винтовок СВТ-10. На следующий день пограничное начальство это «братание» прекратило. В горах зашевелились «самостийники», в город опять стали привозить изуродованные трупы. Когда мы на второй день собрались возле школы, то решили идти на реку Прут, которая протекала недалеко от города. В нашей компании собралось пять человек и мы решили порыбачить на реке, но снастей ни у кого не оказалось... Тогда один из нас, самый находчивый, сын военного врача, заметил: «А у меня в сарае лежит противотанковая мина, есть взрыватель к толовой пашке и бикфордов шнур». Все оживились – будем глушить рыбу. Через сорок минут наш отряд уже шагал к реке. Там мы быстро нашли протоку, довольно глубокую. На берегу, напротив водоворота, имелась старая огневая точка – круглый окоп с двумя ответвлениями. Я сказал ребятам, чтобы они выбросили из окопа гнилые ветки, немного подравняли бруствер, а сам с одним парнем занялся подготовкой взрывного устройства. Конечно, у мины имелся специальный взрыватель, которого у нас не было, поэтому мы приспособили к ней толовый взрыватель, а к нему провели около 2 м бикфордового шнура. Предварительно проверили скорость его горения. Вроде все было готово к взрывной рыбалке...

Следует отметить, что к концу войны все ребята 12-15 лет уже хорошо разбирались в военной технике, взрывных устройствах и т.д. и многие из них остались без рук, ног, ослепли и просто погибли. Недаром говорят, что сапер ошибается лишь один раз! Я, как самый старший по возрасту, собственноручно собрал минный «глушитель» и мы с помощником понесли его к воде, подожгли шнур и аккуратно опустили мину на дно водной ямы. Все, в том числе и я, попрыгали в окоп, присели в нем и стали ждать взрыва. Танковая мина тем хороша, что не

дает осколков, а приводит к сильному фугасному взрыву. Прошло минут пять, потом еще столько же, но взрыва все не было. Я решил нырнуть в яму, чтобы вытащить наше устройство, проверить его и собрать заново. Остальных четырех «подрывников» я все же загнал в окоп, а сам вылез на бруствер и стал раздеваться. Когда я снял брюки, рубаху и стал стягивать майку, то с ужасом увидел, как почти рядом со мной посередине водотока совершенно бесшумно стал вздуваться большой пузырь! Я прыгнул в окоп и в тот же миг раздался сильный грохот. Сверху на нас посыпались листья и ветки с прибрежных кустов, оглушенная рыба и комья ила. Опоздай я хоть на мгновение, то вместе с ними полетели бы и мои останки. Сам не в силах идти, я послал наших рыбаков побыстрее пробежать вдоль протоки и собрать улов. При этом голос мой звучал какой-то «дробью», которая вскоре прошла... Я сразу же вспомнил, что скорость горения бикфордова шнура в воде намного меньше, чем на воздухе. Ребята принесли нашу добычу – килограмма два рыбы, и уха была обеспечена. В этот раз Бог пощадил мою юную душу и бестолковую голову.

Дни Победы пришлись на солнечное весеннее время, когда уже цвели многие деревья и цветы на газонах, было очень тепло и необычайно радостно – больше не будет бомбежек, артобстрелов и охоты на здоровых, крепких мужчин. Мы были молоды, полны энергии и планов на будущее... С тех дней прошло 62 года, у меня «на носу» восьмидесятилетний юбилей, а на душе так тяжело, что прожита долгая и тяжелая жизнь, а по телевизору по несколько раз в день показывают трупы, несчастные тельца изнасилованных и удушенных 4-6-летних детей. В стране господствует мафия и толстосумая олигархия, по помойным ящикам шарят представители нового класса, порожденного «русской демократией» – бомжи, которых в стране уже миллионы. Воруют все – снизу доверху, русской капитал свободно широкой рекой течет за границу, а в самой России количество беспризорных детей и стариков в разоренных селах и деревнях все растет. Особенно тяжело все это видеть в солнечные дни Победы. Невольно напрашивается вопрос – ради кого и чего четыре года лилась эта река крови, эти неизмеримые разрушения многих городов и сел, кто же победил в этой кровавой войне? Достаточно посмотреть на чистенькие, процветающие европейские, азиатские, северо- и даже южно-американские страны. Действительно, Россию умом не понять... И все же победили мы! Но какой ценой...

У нас в России главное – говорильня (вспомним Новгородское вече) по любому поводу, часто звучит чисто русская поговорка – «когда и дураку ясно!». Но каждый год в дни Победы по радио, телевидению, в выступлениях наших «вождей» звучит я бы сказал издевательская фраза: «Нельзя считать войну законченной, пока последний погибший солдат не будет похоронен!». Очень красиво, но кто бывал на бывших полях сражений, может с уверенностью сказать, что в наших лесах и болотах, на безымянных высотах лежат еще миллионы уже заросших и постепенно уходящих в почву останков наших воинов. Благо, что хоть дети и подростки почти без всяких средств собирают на местах боевой славы косточки наших защитников. Мы дождалась того, что дорогие для миллионов людей, в большинстве уже ушедших в мир иной, останки эти начинают выкапывать, а памятники героям войны убирать, переносить на общие с фашистскими прихвостнями кладбища, мотивируя это тем, что перед смертью все равны. Но перед совестью и историей все равны не были никогда. Достаточно вспомнить детский (!) концлагерь Саласпилс под Ригой, Хатынь в Белоруссии, деятельность забытого сейчас «Отряда 31» японской Квантунской армии, где на людях, посаженных в клетки, испытывались бактериальные препараты и психотропные химические вещества. Вот этого нельзя забывать, как и того, что Хатынь – дело рук не немецких фашистов, а украинских националистов. Еще первый президент Украины Кравчук, придя к власти, обратился к белорусскому правительству с просьбой не раздувать проблему Хатыни, которую полностью стерли с лица земли в 1943 г. (149 жителей, в том числе 75 детей) украинские фашиствующие каратели. Нужно учесть, что возврат к капитализму, «гегемону накопительства» начался задолго до 90-х годов прошлого столетия. Не случайно в числе наиболее одиозных «перестроечников» оказались в основном комсомольские кадры, возвращенные в 70-х годах, которые с яростью голодных волков бросились рвать на куски почти все отрасли народного хозяйства огромной страны, началась безудержная ваучеризация и «прихватизация», развал основы независимости страны – ее вооруженных сил. Нет и никогда уже не будет народного прощения этим перевертышам, продавших за золотого тельца честь и память своих отцов, опозоривших их доброе имя! Почти полвека нужно было, чтобы прийти к этим событиям после тех солнечных дней Победы 1945 года...

После 9 мая прошло несколько дней, и страсти по поводу Победы стали утихать. Местное население в очередной раз пе-

рекрестилось, в селах продолжали хозяйничать бандеровские части, а наши слабые отряды МВД и пограничников несли постоянные потери. Так прошло около трех-четырёх недель, мы сдали экзамены и все вчетвером перешли в выпускной 10-й класс. В одно прекрасное утро весь наш небольшой городок буквально наводнили колонны войск, возвращающихся на родную землю из Германии, Венгрии, частично из Карпатских регионов Румынии, Чехословакии, Польши. Наиболее удобные пути для прохода из этих стран сухопутного транспорта пролегли через нашу небольшую Коломыю. Весь город был заполнен все прибывающими «студебеккерами», «доджами», «шевроле», чешскими «шкодами» и «татрами», немецкими «опелями» и в том числе сравнительно немногими нашими полуторками и ЗИСами. Что только ни везли на них, начиная от поношенных трофейных костюмов, пиджаков, брюк, платьев, юбок, до фарфоровых сервизов, аккордеонов, даже ванн. Говорят, что при выезде из пограничных зон, к которым тогда относилась и Коломыя, большую часть всего этого барахла у возвращающихся отбирали и уничтожали, но торговля шла днем и ночью. Денег никто не брал – шел прямой обмен на водку, вино и пиво, и конечно на «цуйку» – гуцульский самогон. Мать выменяла мне на бутылку водки почти совсем новую английскую офицерскую шинель, в которой я проходил около 10 лет.

Часть военных подразделений оставалась в Коломые практически на постоянной основе. Это были танковый корпус и авиационная дивизия, состоящая в основном из легких бомбардировщиков Пе-2, значительно усиливались части МВД, в несколько раз была увеличена численность персонала военного госпиталя. Но самой большой бедой для нас было размещение на окраине города большого госпиталя для тяжело раненных и инвалидов войны – это были молодые еще люди без ног, без рук, слепые, у которых никаких надежд на излечение не было. Там их как могли подлечивали, кормили, но денег выдавали совсем немного, так как пенсии назначались тогда мизерные. А всем хотелось выпить! Рынок был наводнен инвалидами, продававшими все, что могли достать, просившими помощи у солдат, к концу дня они обычно уже крепко набирались. Начинались ожесточенные, зверские разборки – в ход шли костыли, палки, протезы. Эти драки не раз кончались смертью кого-либо из сражающихся. Вмешиваться в них, как правило, никто не хотел, даже комендантские патрули – бить озверевших инвалидов даже у них не поднималась рука, зато сами инвалиды в боевом запале были беспощадны.

Прошло уже три-четыре недели после начала массового возвращения наших войск на родную землю. Поток их несколько иссяк, но образование новых служб и организаций в городе продолжалось. Шло массовое заселение всех свободных квартир и особняков в основном демобилизованными офицерами, которые по тем или иным причинам не хотели или не могли возвратиться в родные края. Значительное количество офицерского состава за четыре года войны сумело найти себе новых молодых фронтовых жен, у многих уже появились дети, а дома их ждали оголодавшие семьи, от которых они уже успели отвыкнуть... Вскоре квартирные проблемы усложнились, так что некоторым вновь прибывающим в город приходилось расселяться в самых окраинных домах или снимать комнаты у местного населения. Наплыв приезжих, в особенности демобилизованных военнослужащих, обладающих, как правило, значительными суммами денег, привел к быстрому росту цен на рынках, хотя в западных областях Украины они оставались значительно ниже, чем в восточных.

Работа в городской газете

В конце учебного года меня пригласили в горком партии ко второму секретарю. Он поинтересовался, знаю ли я украинский язык, хорошо ли пишу и читаю на нем, какие оценки были у меня по украинской литературе. Я сказал, что читаю и пишу по-украински свободно, а вообще у меня оценки, кроме поведения, были только отличные. Тогда он предложил мне на время летних каникул пойти на работу в местную городскую газету «Червоний Прапор» («Красное Знамя»). Мне дадут, по его словам, продуктовые карточки повышенной категории и оклад 500 руб. в месяц. В редакцию газеты я буду принят в должности литературного сотрудника. Секретарь попросил меня подождать в приемной, пока он подготовит для меня рекомендательное письмо в редакцию. Через полчаса это письмо мне вручили, и я направился к своему месту работы, где меня уже ждал редактор газеты Давыденко (к сожалению, его имя и отчество я забыл). Он мне сказал, что в городе много молодежи, но подходящей кандидатуры, кто хорошо был знал украинский язык, нет. Для проверки он продиктовал мне небольшой текст на полстраницы, проверил его и не нашел ни одной ошибки. На прощанье он сказал, чтобы я со следующего дня выходил на работу к 9 часам утра и первым моим заданием будет подготовить

краткую информацию на две – две с половиной страницы о фабрике щеточных изделий, где работают около 150 человек.

Когда на следующий день я пришел в редакцию газеты, то меня встретил литературный редактор и сказал, что я буду работать в его подчинении. Он спросил меня, подготовился ли я к встрече с руководством фабрики. Вообще-то я накануне вечером составил ориентировочный план посещения фабрики и сбора материала для статьи. Я показал ему свой вариант плана статьи и он его одобрил. Посоветовал держаться попроще, но при этом не бояться задавать вопросы, на которые обычно не любят отвечать руководители того или иного предприятия. Когда я вернулся в редакцию, то литредактор отвел меня в свой кабинет и сказал – пиши! Всегда старайся оформить собранный материал, пока у тебя еще не выветрились из памяти свежие факты и впечатления. Я первый раз в жизни засел за творческую работу. Статью я переделывал дважды, и через день она была помещена на первом развороте газеты, правда, внизу полосы, но подпись была набрана полужирным шрифтом – Г.М. Козубов. Это было в середине июля 1945 г.

Итак, 62 года назад началась моя литературная, если ее можно так назвать, деятельность. В тот год я проработал в редакции не два, как планировалось, а четыре месяца. За это время я значительно укрепил наше с матерью материальное положение и обеспечение продуктами. К тому же мать получила на работе талон на пальто и мы обновили ее гардероб, так как она носила пальто, купленное ею еще в 1938 году. За эти четыре месяца работы в редакции я побывал почти на всех предприятиях Коломны, которых было немного. Круг моих знакомых в городе значительно расширился. Особенно заинтересовала меня работа типографии, которая была при редакции газеты. В ней как раз установили первый в городе линотип. Редактор был мною очень доволен и сказал, что если я по какой-либо причине не поступлю в институт, то он обязательно примет меня к себе в газету. Он прямо как в воду глядел, так как на следующий год на меня неожиданно посыпались одна за другой беды, которые, как говорится, выбили меня из нормальной жизненной колеи.

В 1945 г. в наш класс пришло большое пополнение – вместе четырех учеников в 1945/46 учебном году в 10 классе насчитывалось уже 28 человек. Больше половины учеников были демобилизованными из армии, среди которых был даже один 26-летний майор. Как правило, все новички были слабо подготовлены, так как за время войны многое из полученных ранее

знаний забылось. Среди вновь поступивших в наш класс было несколько ребят из семей крупных военных чинов: дочь генерала, командующего летным полком; сын полковника, начальника СМЕРШа; сын полковника, начальника контрразведки танкового корпуса и некоторые другие. У всей этой элиты были шикарные, обставленные трофейной мебелью квартиры, личные шоферы и адъютанты, а главное – целые коллекции различного оружия, начиная от кинжалов и до многозарядных маузеров. Держались они обособленно, поскольку перед переездом в Коломню многие из них уже пожили за границей и были хорошо обеспечены. Но ко мне они относились с уважением, так как часто обращались за помощью в решении заданий, особенно по тригонометрии, физике и органической химии.

Обычно после занятий в школе мы собирались то у одного, то у другого из членов этой компании и изучали имеющееся у них оружие. Это были крошечные никелированные «вальтеры», армейские немецкие «парабеллумы», плоские чешские «беретты», наши «ТТ» и наганы, «маузеры» с деревянными прикладами и длинными тонкими стволами, американские «браунинги» и т.д. Иногда мы брали пару пистолетов, к которым было побольше патронов, и шли к реке, где в старом карьере у нас было что-то вроде «персонального стрельбища». Но недаром говорят, что и незаряженное ружье раз в год все-таки стреляет. Как-то всю нашу компанию пригласила к себе домой ученица из нашего 10 класса – Люба Лебеденко. Ее отец был начальником железнодорожного отделения и у него была одна из наибольших коллекций оружия. Вместе с нами был и ее младший брат, который решил подучиться – взял дамский «вальтер», наставил на сестру и нажал на курок. Раздался выстрел, Люба закричала и по ее виску потекла кровь. Все вскочили и бросились к ней. На ее счастье, пуля прошла по касательной, вырвала клочок волос, но какого-либо серьезного вреда не причинила. Ее братик, который учился в восьмом классе, выбежал в соседнюю комнату и там, уже ничего от страха не соображая, еще дважды выстрелил – одна пуля ушла в пол, а вторая прошла через дорогой немецкий аккордеон, который стоял на комоде и при попадании в него пули издал протяжный стон. Только после этого наш «стрелок» бросил пистолет на пол и разразился истерическими рыданиями.

Все испугались не на шутку: во-первых, отец девочки обнаружит, что из пистолета стреляли, во-вторых, придется ремонтировать аккордеон, в-третьих, надо будет признаться, что в

доме без разрешения охраны, которая в этот день почему-то отсутствовала, были посторонние. Мы договорились молчать, а уж перед родителями брат и сестра как-нибудь оправдаются. В какой-то мере был виноват и сам отец, так как оружие при хранении не должно быть заряженным, да еще со спущенным предохранителем. В другом случае автором ЧП с мелкокалиберной винтовкой оказался я, так как не проверил наличие в ней патрона в магазине, нажал на курок, раздался выстрел. Пуля, от ricochetив от стены, пролетела у самого уха Марата (сына хозяина квартиры) и даже слегка зацепила его. Отец у него был начальником контрразведки танкового корпуса, полковник, и мне светила долгая командировка в северные края. После этих случаев в нашей компании было принято решение – оружия больше не трогать. К тому же я еще два месяца после начала учебного года работал по совместительству в редакции газеты и свободного времени у меня было очень мало.

В середине 1945 г. двух женщин, проживающих в Коломые и имевших 10 и более детей, наградили орденами «Мать-героиня». Меня вызвал к себе наш редактор и дал срочное и ответственное задание – отправиться к одной из них и организовать от нее благодарственное письмо Советскому правительству и лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, которое будет помещено в нашей газете вместо передовой статьи. При этом он предупредил, что это задание горкома партии и сделать его нужно быстро и главное, чтобы по тексту чувствовалось, что написала его действительно простая многодетная женщина. Я стал отказываться как только мог, но редактор уперся, что кроме меня никто в редакции это задание выполнить не сможет. Никакие из моих доводов не помогали, но тут мне пришла в голову, как тогда показалось, прекрасная мысль – я сказал редактору, что эти матери-героини, по всей вероятности, вообще ни писать, ни читать не умеют! На это Давыденко спокойно ответил – скажем, что ты записал текст с их слов и немного подредактировал его.

На следующий день я отправился выполнять «правительственное задание». Обе матери-героини жили фактически в сельских пригородах Коломыи, и я выбрал ту, что жила поближе к городу. В сравнительно небольшом деревянном доме жила семья, состоящая из хозяина и хозяйки (вуйка и вуйны), двух стариков и десяти детей, а сама хозяйка ожидала уже 11-го ребенка. Зажиточной эту большую семью было не назвать, хотя на подворье и в самой хате царили порядок и чистота. Разговор с многодетной матерью у меня не складывался, хотя я как можно

осторожнее объяснил, что «письмо в газету» может помочь им получить от государства большую помощь – новую благоустроенную квартиру или даже целый дом, где будет вода, отопление, канализация... Но переезжать куда-либо хозяева не хотели: здесь у них был большой приусадебный участок, сад, куры, поросенок и овцы. Бросить все это хозяйство они не намеревались и что-либо писать вообще отказались, так как были малограмотными.

Видя, что мы никак не найдем общего языка, я предложил, чтобы родители такого многочисленного семейства просто рассказали мне о своей жизни «при Польщи» и при Советской власти, на кого они хотели бы выучить своих детей и как они видят их дальнейшую судьбу, как дети восприняли награждение матери орденом, а я литературно обработаю их рассказ, чтобы напечатать его в городской газете, которую читают тысячи жителей Коломыи. С трудом, но я убедил их, что рассказ этот никакого вреда им не принесет, а наоборот, сделает их известными и уважаемыми в городе людьми. Мы договорились, что рассказывать будет сама мать-героиня, а дополнять ее, если потребуется, ее муж. Первые же слова этого рассказа привели меня в большое замешательство. Рассказчица начала с того, как хорошо они жили при польской власти, когда ее муж работал на лесопильном заводе и его зарплаты хватало всему семейству на нормальную жизнь, а сейчас он работает почти задаром, хорошо еще, что получает там карточки на продукты. Главное, что их кормит – это домашнее хозяйство, дети помогают в работе на приусадебном участке. Во всем нужно экономить. Может быть, хоть теперь повысят помощь от государства на детей...

Я понял, что мои планы трещат по всем швам и срочно нужно искать другой выход. Попрощавшись с многодетной семьей, я отправился в редакцию, где меня уже ждал редактор. Объяснив ему положение дел, я сказал, что не вижу никакого выхода из сложившейся ситуации. В ответ он мне сообщил, что сегодня к 16 часам текст письма должен быть в горкоме. Заодно он пояснил, что наша газета является органом горкома партии, а задание на публикацию злополучного письма поступило из Станиславского обкома партии и невыполнение его может стоить ему партбилета и, соответственно, места работы, что еще не самое худшее из возможного... Поэтому нужно садиться и писать письмо. Мы знаем, что ждут от матери-героини, и поэтому чем проще и примитивнее будет его текст, тем лучше.

Начать мы решили с перечисления того, чего не имели украинцы при Польше и что им дала Советская власть, какие перспективы открываются перед местным населением в будущем, как будут жить их дети в новых условиях. Надо сказать, что когда я приехал в Западную Украину через 30 с лишним лет с того момента, то села, в особенности в Прикарпатье, стали неузнаваемыми. Это были почти сплошь двух- и трехэтажные кирпичные дома и хозяйственные постройки, практически в каждой семье имелись телевизор и легковая автомашина. Огромные конкурсы были для поступления в вузы. Хотя следует признать, что колхозное сельское хозяйство оказалось бездонным источником благосостояния, из которого местное население черпало почти бесплатно все необходимое для приусадебных участков. При этом следует отметить, что украинцы вообще, а западные в особенности, отличаются необычайным трудолюбием в собственном хозяйстве. Я много ездил как по районам Западной, так и Восточной Украины. Среднее хозяйство в Западной Украине (при Советской власти) в 70-х годах XX столетия состояло из 30-40 соток земли, 10-15 соток фруктового сада, коровы и теленка, двух-трех поросят, пяти-шести овец, 10-15 индюков и кур-несушек. Соотношение живности могло несколько отличаться по отдельным районам в зависимости от местных условий. Работы по домашнему хозяйству начинались в 5 часов утра и завершались около 8 часов вечера. Несмотря на изобилие продовольствия, продолжительность жизни населения в Западной Украине оставалась низкой, велика была заболеваемость и больницы здесь были всегда переполнены.

Но вернемся к нашим мукам с письмом Сталину «от многолетней матери-героини». К четырем часам дня я все же отнес его для просмотра первому секретарю горкома партии, а на следующий день оно уже было опубликовано в «Червоном Прапоре». Не знаю, как восприняла сама героиня это письмо, но каких-либо неприятных последствий ни с одной, ни с другой стороны для нас не было, хотя я и побаивался случайной встречи с «автором» этого письма – Коломыя город маленький. Если бы наша героиня подняла шум, что она вообще ничего не писала, тем более Сталину, то наше самовольство не прошло бы без последствий для редакции и в основном для редактора газеты. Мы с ним договорились, что в случае чего я беру всю ответственность на себя. Я не член партии, работаю в газете временно, и школьнику вряд ли будут выносить какое-либо порицание, тем более, что перед публикацией текст письма прочитал сам первый секретарь горкома. Но впредь я уже никогда не

брал на себя подобных поручений. Перед моим уходом из редакции меня пригласили на работу на следующий год, а редактор посоветовал после окончания школы поступать в Институт Красных журналистов в г. Харькове, добавив, что его выпускники пользуются большим авторитетом в стране, а многие рекомендуются для работы за рубежом. Но я отказался, так как всю сознательную жизнь мечтал стать геологом, ездить в экспедиции, путешествовать по нашей стране. Он спросил меня, куда я уже успел попутешествовать за свою жизнь, на что я смело ответил: «Из Одессы в Коломыню!», чем очень его рассмешил...

Через несколько дней, в конце сентября 1945 г. должен был состояться товарищеский матч по футболу между школьными командами г. Коломыи и районного центра г. Гвоздеца. В состав футбольной команды от Коломыи входили несколько учеников нашей школы, в том числе и местная знаменитость – великовозрастный ученик 9-го класса 19-летний Леонид Сальский. Он обладал редким по силе и красоте голосом. Когда он пел где-нибудь на вечеринке, а иногда просто на балконе дома, послушать его собирались десятки, а иногда даже сотни человек. Его мать погибла во время бомбежки в Восточной Украине и жил он с отцом, который заведовал конторой «Заготзерно». К сожалению, его редкий талант и явился причиной будущих печальных событий. С 15 лет он, по его словам, уже мог выпить бутылку водки и продолжать петь. Был он довольно рослым парнем, с юных лет любим и избалован женским полом. К школе он был только приписан, и на занятия последние два года вообще не ходил. Отец считал его взрослым и давал полную свободу. Как натура импульсивная, Леонид страстно любил футбол и конечно поехал в Гвоздец в составе нашей команды коломыйских школьников.

Матч мы выиграли и возвращались домой в приподнятом настроении. Ехали в кузове грузовой машины, пели песни, веселились. И вот уже недалеко от Коломыи машину обстреляли из автоматов. Никто не пострадал, кроме Лени Сальского – пуля попала ему в сердце и он умер мгновенно. Как-то незадолго до этого он сказал ребятам, что если придет кончина, то чтобы похоронили его на православном кладбище и поставили на могиле крест. В Коломые были два больших кладбища – роскошное католическое и более скромное православное, где и упокоился прах этого неугомонного, необычайно талантливого, так рано ушедшего из жизни человека. Хоронить его пришли несколько сот человек, а когда через несколько лет я приехал

на каникулы в Коломыю из института и с двумя бывшими соучениками решил проведать могилу Сальского, то мы ее еле нашли. Она заросла кустарником и, по всей вероятности, уже давно стояла без ухода. Память народная коротка...

К концу 1945 г. положение с продуктами на рынках Прикарпатья ухудшилось, цены продолжали расти, но снабжение по карточкам улучшалось. В государственных магазинах появилась американская тушенка и фруктовые соки (апельсиновый, лимонный, грейпфрутовый), причем очень дешевые – 1.5-литровая металлическая банка сока стоила полтора-два рубля. Периодически нам выдавали американские солдатские рации – картонные коробки, в каждой из которых содержался набор продуктов на одного человека на три дня. Особым успехом пользовалась жевательная резинка. Смешно было смотреть, когда весь класс дружно жевал эту резинку на контрольных по математике, лабораторных работах по физике, при написании сочинений по литературе и т.д. Жаль только, что, по нашим меркам, продуктов было в этих коробках маловато. По доходящим до нас слухам голод охватил уже Брянскую, Ивановскую, Калининскую, Тульскую и другие области России, ряд областей Восточной Украины, Белоруссии и др.

Особенно трагическая обстановка с обеспечением населения продуктами сложилась в Молдавии. Оттуда люди стали разбегаться в другие республики и области страны, но и там для них не было ни работы, ни жилья, и продовольственные карточки им также не выдавали. Началось массовое вымирание населения республики. Положение становилось катастрофическим – вымирали целые села и районы. Однажды в Коломыю пришел из Молдавии состав порожняка из полувагонов под лес и уголь, в которых находилось около 70 трупов умерших в дороге молдаван. Когда через 30 с лишним лет я приехал в Прикарпатье и встретил кое-кого из бывших одноклассников, которые закончили Ивано-Франковский медицинский институт и остались в нем работать, рассказывали мне, что у них до сих пор студенты в анатомичках режут трупы молдаван, которые больше 30 лет пролежали в формалине, и еще лет на 15-20 они обеспечены анатомическим материалом, поступившим в резекторский архив в тех далеких 1945-1946 гг.

Однажды в начале 1946 г., морозным утром, я собрался пойти в школу пораньше, и до меня из нашего дома еще никто не выходил. Как я ни старался, но входную дверь открыть не смог. Тогда я позвал нашего соседа, который тоже собирался идти на работу, но даже двоим нам дверь не поддалась. К этому

времени за соседом уже подъехали сани и через форточку мы позвали возчика и попросили его помочь нам открыть дверь снаружи. Он попросил у нас лопату и через несколько минут открыл дверь. Мы вышли и обомлели – на пороге лежал примерзший к крыльцу, засыпанный снегом молдаванин. Сосед тут же позвонил в милицию и вскоре приехали два храбрых милиционера, которые кое-как упаковали в брезент тело и при этом сообщили, что каждое утро они собирают по городу несколько трупов.

Вскоре Верховный Совет Молдавской Республики обратился в Верховный Совет СССР с просьбой о выходе из состава Советского Союза, ибо в Молдавии создалась обстановка, способствующая вымиранию населения и полному развалу республики. После этого правительство СССР приняло ряд решений по оказанию помощи бедствующей республике, в которой в течение трех лет подряд были жестокие засухи, сопровождавшиеся в ряде мест полным неурожаем основных сельхозкультур. Однако быстро изменить к лучшему обстановку в Молдавии не удалось, тем более что от голода страдала также значительная часть европейских регионов страны.

В середине 1945 г. вновь обострилась внутренняя обстановка в Западной Украине, особенно в Прикарпатье. В июне этого года была достигнута договоренность о вхождении Закарпатской Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Соответственно внешняя граница СССР в этой части Украины была передвинута на запад и все пограничные отряды на этом участке Прикарпатья были переведены в Закарпатье. Это, в свою очередь, значительно ослабило наши силы в борьбе с бандеровцами. Войска, что были дислоцированы в районе Коломыи (танковый корпус и авиационный полк) не были обучены борьбе с бандформированиями. В то же время, пользуясь тем, что новая граница еще не была обустроена, члены банд при их преследовании почти свободно уходили за границу, а закарпатская Украина при протяжении внешней западной границы всего около 200 км граничит с Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией. Все это приводило к тому, что в сельских районах, особенно горных, местная власть фактически находилась в руках бандеровцев. Жестокая и непримиримая война продолжалась. К тому же возвращение после Победы большого числа демобилизованных и инвалидов войны в полуразрушенные города и села в значительной мере ухудшило социальные условия жизни местного населения, особен-

но в районах, подвергшихся оккупации немецкими войсками и их союзниками.

Безусловно, на общее экономическое положение страны оказывала отрицательное влияние «скоростная» подготовка к войне с Японией. За два с половиной месяца с западных границ через всю страну необходимо было перебросить на восток сотни тысяч солдат, десятки тысяч единиц военной техники, огромные объемы боевого снаряжения и боеприпасов. Уже 9 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии. В этот же день американская авиация сбросила на японский город Нагасаки вторую атомную бомбу, а 2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции. В то время для редакций районных и местных газет три раза в день Радио-телеграфное агентство Украины (РАТАУ) передавало информационный материал о последних новостях для помещений их в газеты. В те дни (8 и 10 августа) я был в редакции дежурным и принимал новости по радио. Сообщение о бомбардировке Японии с применением атомных бомб было представлено маленькой заметкой из 10 строк. В ней говорилось, что 6 и 9 августа на японские города Хиросима и Нагасаки были сброшены атомные бомбы, сила взрыва которых составила 20 килотонн в толовом эквиваленте каждая, имеются многочисленные жертвы среди мирного населения.

Когда я показал это сообщение редактору, он спросил: «Это много? Как они смогли поднять такую массу – 20 тысяч тонн – на одном самолете?». Я объяснил ему, что вес самой бомбы намного меньше и при этом вспомнил, что еще до войны (году в 1939-м или 40-м) на эту тему было опубликовано несколько статей в журналах «Знание – сила» и «Техника – молодежи». Потом меня не раз спрашивали, что представляет собой такая бомба, и я тогда отвечал, что саму конструкцию ее, вероятно, очень мало кто знает, а в газетах кроме таких маленьких сообщений ничего нет. Однако стало ясно, почему наше руководство так спешило с переброской войск на Дальний Восток – в эти дни решалась будущая судьба Китая, Кореи и в перспективе – Монголии, хотя большинство населения нашей страны тогда не сразу это поняло.

В 1945 г. после подписания Германией Акта о безоговорочной и полной капитуляции в нашей печати промелькнуло очень краткое сообщение о параде союзных войск-победителей, в котором принял участие и маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, который 8 мая 1945 г. от имени Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина подписал Акт о ка-

питуляции фашистской Германии. Однако И.В. Сталин высказал мнение, что Парад Победы должен проводиться в Москве 24 июня 1945 г. и командовать им будет маршал Г.К. Жуков. Вообще-то в 1945 г. разобраться в событиях, происходящих в последние дни существования Третьего Рейха, было трудно. В конце апреля в большинстве средств массовой информации было сообщено, что Знамя Победы водружено на здание рейхстага в Берлине, причем в некоторых газетах даже появились фотографии бойцов с этим знаменем на куполе рейхстага. Но через несколько дней были опубликованы статьи о том, что Знамя Победы на рейхстаге водрузили 30 апреля 1945 г. М.А. Егоров и М.В. Кантария, причем по поводу второго водружения ходили слухи, что И.В. Сталин распорядился, чтобы «один был русский, а второй – грузин» (М.В. Кантария на самом деле – абхазец). После войны он жил в Сухуми и работал директором универмага, а М.А. Егоров уже после войны погиб в автомобильной аварии.

Как уже упоминалось выше, о Дне Победы сообщалось дважды – 2 и 9 мая 1945 г., причем оба раза Акт о безоговорочной капитуляции Германии подписывал от Советского Союза Г.К. Жуков. Как видно, Парадов Победы тоже было два, но, безусловно, настоящим парадом победителей был именно Парад на Красной площади в Москве. Очень впечатляющим моментом этого парада явилось выбрасывание немецких военных знамен к подножию Мавзолея, хотя не все знают, что это были копии военных знамен и геральдических знаков, сами же подлинники хранятся в Музее Красной Армии в Москве и ни разу оттуда не выносились... 2 сентября 1946 г., когда я уже поступил в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, помню, как всех нас, студентов-новобранцев, предупредили, что 6 сентября мы должны принять участие в демонстрации на Красной площади по поводу годовщины победы над Японией. Так как наш институт находился напротив Кремля (на ул. Моховой), то мы построились колонной и перешли Манежную площадь, а там нас разместили так, что мы очутились в 12-м ряду от Мавзолея и нам практически ничего не было видно, что там происходит и кто стоит на Мавзолее. Позднее, по моему, день Победы над Японией больше не отмечался.

В конце 1945 г. во всех газетах было опубликовано сообщение о проведении в стране 10 февраля 1946 г. всеобщих выборов нового состава Верховного Совета СССР и местных советских органов. Это были вторые выборы после принятия в СССР 5 декабря 1936 г. Сталинской конституции. В работу по подготовке

этих выборов были вовлечены практически все ученики старших классов нашей школы. В Западной Украине выборы в Верховный Совет СССР вообще проводились впервые. Особую сложность представляло составление списков избирателей, которое фактически превратилось в перепись населения старше 18 лет. Далеко не у всех были в порядке дела с пропиской, в особенности у стариков, которые часто проживали в городе у кого-либо из детей, а прописаны были в сельсоветах, где находились их дома. В пригородных селах еще немало скрывалось нигде не числившихся уголовников, да и нередко бывших пособников немцев, все еще поддерживающих связь с украинскими националистами.

Требования к нам, работающим на избирательных участках, предъявлялись жесткие: мы должны были не пропустить в списках избирателей ни одного гражданина СССР, имеющего право на голосование, в день выборов явка на участки должна быть не менее 99.8% избирателей и основная их масса должна проголосовать уже к 12 часам дня. Начало голосования было в 6 часов утра. К тому же весной 1946 г. нам, десятиклассникам, предстояло впервые в СССР сдавать экзамены на аттестат зрелости, что тоже требовало хорошей подготовки. Уточнять, а чаще всего составлять заново списки избирателей нам рекомендовали после окончания рабочего дня, в вечернее время. Обычно эту работу выполняли два переписчика в сопровождении одного сотрудника милиции или КГБ.

Новогодний бал с автоматным салютом

Ко всему прочему приближался первый послевоенный Новый год в мирное время, хотя для нас это время и не было мирным... Было решено для учеников 9-го и 10-го классов провести новогодний бал и для наших девиц это стало основной проблемой. До этого ни разу ничего подобного в нашей школе не проводилось. Мы сами выбрали в лесу и привезли в школу красивую елку, хотя в Западной Украине население традиционно ставит на Новый год пихту, у которой хвоя при засыхании не осыпается. Мне было поручено осветить елку электрической гирляндой. Нужно сказать, что на вечере на столах ничего алкогольного не было, даже пива. После небольшого «закусона» начались танцы, которые я в то время не принимал и чаще всего сидел в одиночестве. Бал продолжался до 11 часов вечера и после его окончания все стали собираться домой. В это время ко мне подошла одна из новеньких – Инна. Это была

небольшого роста очень хорошенькая черноглазая девочка, дочь майора-пограничника, и жили они на той же самой улице, что и мы, но на другом ее конце. Она робко попросила меня проводить ее домой. Я, конечно, согласился, хотя конкурентов у меня нашлось бы немало. Когда мы вышли на улицу, то попали в густой, крупный и белый как вата снег. Было очень тихо и почти ничего не видно, вокруг царило «белое безмолвие».

Когда до дома моей дамы оставалось метров 200-250, с противоположной стороны улицы послышалась приглушенный разговор и сразу же вслед за этим раздалась длинная автоматная очередь, направленная в нашу сторону. Улица, по которой мы шли, при немцах была частью еврейского гетто и все дома вокруг нас были разграблены и частично разрушены. Когда над нашими головами по стене зацелкали пули, я схватил Инну за руку и бросился в находящуюся рядом парадную дверь. Как только мы туда заскочили, то Инна, которую я пропустил первой, тут же исчезла. Хорошо, что у меня был фонарик. Я зажег его и ужаснулся – в полуметре от меня начинался провал, и Инна в своем новом пальто и нарядном новогоднем платье лежала в двухметровой яме на куче битого стекла, кусков штукатурки и прочего мусора и выглядела так «эффектно», что я невольно рассмеялся. Удивительно, что ни одной царапины ни на лице, ни на руках Инны не было. Я прыгнул в яму и помог испуганной и плачущей девушке выбраться из нее, а следом вылез сам. Оказалось, что коридор, куда мы заскочили, проходил через весь дом и имел второй выход на улицу, параллельную нашей. Мы быстро вышли на нее, побежали вперед к дому Инны и вскоре уже звонили в ее дверь. На звонок вышел отец, который уже собирался идти в школу за дочерью. Выслушав нас, он позвал своего ординарца и приказал ему проводить меня до дома, где моя мать давно уже ждала меня. Мне пришлось все рассказать ей о своих новогодних приключениях. Вот так и закончился мой первый в жизни Новогодний бал, под автоматный салют. На следующий день мы с другом пошли осмотреть место нападения на нас. Очередь ударила в стену немного левее от нас и на полметра выше моей головы. Опять-таки повезло!..

ТРИ ГОДА НЕВЕЗЕНИЯ (АВГУСТ 1946 – АВГУСТ 1949)

Наступил новый 1946 год, а положение в нашем беспокойном районе не изменилось, правда, появилось больше подразделений по борьбе с бандитизмом. Из числа комсомольцев и демобилизованных военных, в основном рядовых бойцов, создавались отряды «ястребков», которые совместно с войсками МВД участвовали в боевых действиях, что в свою очередь привело к увеличению числа жертв, а бандеровцы все так же хозяйничали по селам и мелким поселкам. Часть из них сдала оружие и вернулась домой, но по ночам продолжала зверствовать вместе с «регулярными» бандитами. В конце января был убит из засады первый секретарь Яблоновского райкома партии, отец нашего соученика Васи Саренко, хотя проработал он в этой должности не больше полугода. Так начался 1946 г., фактически второй год нашей жизни в Западной Украине.

Выборы в Верховный Совет СССР

Главной заботой для всей страны в тот период были наступающие 10 февраля 1946 г. выборы в Верховный Совет СССР. Практически все комсомольцы старших классов нашей школы были назначены агитаторами на один из самых удаленных от центра города избирательных участков. За три недели до выборов все агитаторы должны были ежедневно дежурить на участке. Дежурство начиналось с 5 часов вечера и продолжалось до 9 часов. Начиналось оно с проверки списков избирателей – сколько избирателей еще осталось не внесенными в списки, правильно ли записаны их паспортные данные. Затем одного-двух агитаторов оставляли на избирательном участке, а остальная группа в сопровождении работника МВД или КГБ шла по квартирам и проверяла, все ли избиратели знают, за кого они будут голосовать, где будут проходить выборы, есть ли у них какие-либо вопросы по проведению выборов и т.д. В большинстве случаев

вопросы касались условий проживания, отмены карточек и т.п. В январе, да и в феврале 1946 г. в Прикарпатье была отвратительная погода – практически каждый день шли дожди, чередующиеся с густым мокрым снегом. Наш избирательный участок располагался в окраинной части города, где дома стояли редко, фонари на улицах не горели, а на дорогах образовывались большие глубокие лужи. После каждого такого похода мы возвращались в насквозь промокшей обуви и проклинали все на свете...

Эти выборы были для меня знаменательными – 5 февраля 1946 года мне исполнялось 18 лет, а 10 февраля я первый раз в жизни должен был участвовать в голосовании. Всем нам (агитаторам) приказано было прийти на избирательный участок к 5 часам утра и, в зависимости от хода выборов и сообщений от голосующих, выезжать на квартиры с членом избирательной комиссии и одним милиционером для оформления голосования на дому, если избиратель заболел или по каким-то другим причинам не мог сам добраться до участка. Однако я никак не мог явиться на этот избирательный участок к 5 утра, так как должен был голосовать на своем участке, который находился довольно далеко от подшефного. К тому же меня предупредили, что после 6 часов утра меня и еще одну девушку-комсомолку будут фотографировать для газеты (в которой я работал летом и осенью 1945 г.), когда нас будет поздравлять с первыми в нашей жизни выборами председатель избиркома. Меня отпустили для голосования на свой участок, но с условием, что я сразу же вернусь назад. На улице шел мокрый снег и я за эти две пробежки основательно промок. Вернувшись к месту «основной работы», я прежде всего обнял хорошо истопленную печь и быстро отогрелся.

Все шло вроде бы нормально, но как оказалось, без сюрпризов дело не обошлось. Первый сюрприз преподнесла нам бабуля, которая внимательно прочла бюллетени (их было несколько), потом аккуратно сложила их в свою сумочку, а паспорт бросила в урну! Уже выходя на улицу, она поняла, что сделала что-то не так и бросилась ко мне, голося на весь участок: «Шо це я наробила!». На беду, это оказалась «моя» избирательница и мы с ней пошли искать председателя избиркома. Он долго тер себе лоб, потом изрек: «Мы боремся за каждый голос, поэтому пусть бабка бросит бюллетени в урну, а паспорт ты ей отвезешь завтра, так как урна опечатана и вскрыть ее мы можем только в 12 часов ночи, когда закончится голосование». На это бабка ответила, что она никуда не уйдет, пока ей не

отдадут ее паспорт. Я подробно объяснил ей, что это может произойти не раньше двух часов ночи и добираться до дома ей придется одной. После всех уговоров она согласилась ждать меня с паспортом у себя дома на следующий день утром.

За день несколько раз пришлось выезжать к больным для голосования на дому. При этом мне и милиционеру приходилось ехать в открытом кузове полуторки, а в кабине с шофером сидел член избиркома с опечатанной урной. К полудню на моем участке проголосовали все избиратели, внесенные в списки, кроме одной болевшей старухи. Она жила одна, а ее дом стоял в стороне от проезжей части дороги, поэтому приходилось пробираться по залитой водой земле к ее дому и обратно. Мы уже три раза были у ее крыльца, но дверь все время была закрыта. Вернувшись от неуловимой старухи в третий раз, я рассказал председателю избиркома о нашей беде. Он отозвал меня в сторону и тихо сказал: «Если она не проголосует, то это будет ЧП. Она должна проголосовать, а как – это уже не наше дело. Бери машину, члена комиссии, а милиционера я сам приведу к тебе и с шофером тоже сам переговорю. Для очистки совести наведайтесь к старухе еще раз, и если ее опять нет, на обратном пути сами решите эту проблему». Так мы и сделали – член комиссии дал мне бюллетени, которые я бросил в урну, милиционер расписался за старуху в ведомости и мы, чуть живые от холода, вернулись на участок. Там меня вызывал к себе председатель избиркома и сообщил, что старуха нашлась... в морге. Оказывается, она умерла еще утром, а родственники обнаружили ее тело около трех часов дня, т.е. проголосовать она якобы могла в один из наших приездов к ней.

Никто в этой ситуации разбираться не стал, так как на нашем участке произошло событие пострашней. Около 10 часов ночи нас отпустили по домам, а комиссия осталась дожидаться полуночи, чтобы начать подсчет голосов. О произошедших на избирательном участке после нашего ухода событиях мы узнали только через несколько дней от хорошо информированных деток высокого начальства. На первых выборах после войны на избирательных участках были шикарные по тем временам буфеты, в которых продавались хорошие вина, коньяки, бутерброды, не виданные нами уже несколько лет, и многое другое. В основном эти буфеты обслуживали избиркомы. Руководство нашей комиссии и прикрепленные к участку работники спецорганов, а также командир взвода охраны участка, решили за эти два часа расслабиться и принять чего-нибудь «крепкого», так как находились на ногах фактически с 4 часов утра,

то быстро захмелели. Конечно, начались выяснения – «кто ты такой, а ты кто такой?»... В результате ответственный офицер из КГБ – капитан, схватил переносную урну и треснул ею по голове председателя избиркома. Так как удар оказался довольно сильным, а урна вовсе не была рассчитана на такое обращение с ней, то она развалилась на части и бюллетени разлетелись по всему кабинету. Дежурившим на участке бойцам из войск МВД пришлось усмирять разбушевавшееся начальство. Итог оказался плачевным – капитана КГБ исключили из партии и осудили на 15 лет тюрьмы. Председателя избиркома также исключили из партии, он вскоре куда-то уехал и в Коломне больше не появлялся... На следующий день после выборов в «Червоном Прапоре» появилась наша с девицей фотография с подписью «Они голосуют впервые».

Накануне выборов на встрече с избирателями в Московском высшем техническом училище им. Н.Э. Баумана с большой речью выступил И.В. Сталин. Он подробно остановился на обстановке, сложившейся в стране в результате нападения на СССР фашистской Германии, рассказал о потерях, которые понесла страна в этой войне (насколько я помню, он назвал цифру – 5 млн. человек). В дальнейшем она не раз пересматривалась и доходила до 42 млн., но все же ближе к истине оценка наших потерь в Великой Отечественной войне в 24 млн. человек. Но, по всей вероятности, действительных потерь в этой войне мы никогда не узнаем, так как у нас просто нет таких данных. Работая в экспедициях в лесах Карелии, в альпинистских походах в горах, на побережье Балтики и т.д., не раз приходилось находить останки наших воинов, о которых мы, при возможности, сообщали в местные органы власти.

В своей речи И.В. Сталин особо оценил заслугу в победе над фашистской Германией русского народа, который понес наибольшие потери. Он назвал русских людей «винтиками», благодаря которым была достигнута Победа. Речь Сталина началась в 8 часов вечера и продолжалась полтора часа. Я прослушал все выступление нашего вождя, и мне, как и многим другим русским людям, особенно участникам войны, не понравилось сравнение русского человека с малозначительным винтиком. После этой речи еще несколько недель в сотнях и тысячах выступлений по радио и в газетных статьях эти «винтики» назойливо повторялись и вызывали бурные аплодисменты в залах, на собраниях и различных митингах. В конце своей речи И.В. Сталин дал согласие баллотироваться на выборах в Верховный Совет СССР по Бауманскому избирательному округу

№ 1 (г. Москва). Причем по всем избирательным округам на предвыборных собраниях прежде всего выдвигали кандидатуру И.В. Сталина, а затем вторым уже кандидатом – того, кого действительно будут избирать по тому или иному округу.

Выпускные экзамены. Поступление в институт

Выборы, слава богу, прошли успешно – общий счет был в среднем 99.99% от числа проголосовавших. Жизнь потекла дальше, для нас же следующим ответственным этапом была сдача экзаменов на аттестат зрелости, которые впервые в СССР были введены в 1946 г. На Украине, согласно решению Министерства просвещения УССР, для получения аттестата зрелости нужно было при отличном поведении сдать экзамены по русскому языку и русской литературе, украинскому языку и украинской литературе, общей истории, физике, химии, географии, астрономии, Конституции СССР и УССР. Кроме того, в аттестат вносились оценки по следующим предметам: алгебре (с арифметикой), геометрии, тригонометрии, истории СССР, естествознанию, иностранному языку, черчению и военной подготовке. Экзамены прошли для меня без всяких осложнений – по всем предметам у меня были «пятерки» – к этому времени уже была введена пятибалльная система оценок. 9 июля 1946 г. в нашей школе был впервые проведен выпускной бал, на котором в первом отделении нам вручили справки, подлежащие обмену на аттестаты зрелости. Сами аттестаты и медали были вручены только в конце января 1947 г. Я вообще идти на этот «бал во время чумы», когда вокруг был голод (правда, в Западной Украине положение с продовольствием было одним из наиболее благополучных в Союзе), не хотел. Но меня специально вызвал директор школы и наши учителя уговорили прийти и получить документ об окончании школы «с золотой медалью». На другой день об этом событии была помещена заметка с моей фотографией в городской газете.

Выглядел я, конечно, весьма скромненько в своей изрядно поношенной одежде среди наших «птенцов из высокопоставленных гнезд» – в новых костюмах и при галстуках. Но больше всего меня возмутило громогласное заявление расфуфыренной мамыши одного из моих неудачливых конкурентов на золотую медаль, отец которого был полковником СМЕРШа. По существу тогда положению его звание приравнивалось к воинскому званию генерал-лейтенанта. По мнению этой дамочки, уже то, что я три года был на территории, оккупиро-

ванной фашистами, лишает меня права на получение золотой медали! Когда вручали уже настоящие аттестаты и медали, директор школы при встрече обнял меня и рассказал, что этот подлец-полковник поехал к первому секретарю Станиславского обкома партии и заявил там, что он сам займется расследованием – почему директор школы, который во время войны находился в окружении, а затем два года в партизанском отряде, был членом партии и командиром Красной Армии, в ряды армии так и не вернулся. Поэтому, мол, директор и старается пригреть таких, кто был в оккупации (имея в виду, конечно, меня). Еще он требовал, чтобы школу обязали пересмотреть под контролем Областного отдела народного образования результаты экзаменов и отдать медаль его сыну. А мнение полковника СМЕРШа имело значение даже для первого секретаря обкома.

По распоряжению первого секретаря обкома была создана комиссия для разбора жалобы от родителей о нарушениях на экзаменах на аттестат зрелости в Коломыйской школе № 12. Комиссия несколько раз перепроверила мои ответы на экзаменах (они все были в письменном виде), но никаких нарушений не нашла. Тогда кто-то из членов комиссии предложил считать орфографической ошибкой букву «у» в слове «эксплуататоры», которое я употребил в своем сочинении, т.е. по его мнению, нужно писать «эксплоататоры», хотя во всех словарях приводились два равноправных написания этого слова. По положению, медаль не присуждалась, если по русской литературе (сочинению) получена оценка «4». Директора школы предупредили, чтобы он «не возникал», так как речь может пойти о пребывании его в рядах партии. Однако все учителя-экзаменаторы отказались подписывать исправленный аттестат. Кое-какие остатки совести у членов комиссии, очевидно, сохранились и они приняли решение справку о сдаче всех экзаменов на «отлично» и присуждении золотой медали у меня оставить и выдать аттестат, но без награждения медалью. Под конец разговора директор еще раз обнял меня и сказал, что если его уволят и исключат из партии, то на работу его больше никто не возьмет, а у него двое детей...

После некоторых размышлений я все же решил поступать в Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе. В середине июля 1946 г. я выехал в Москву для поступления в институт. Так как никаких родных и знакомых у меня в Москве не было, то я решил зайти в Коломые на квартиру генерала-летчика, дочь которого училась со мной в одном

классе. Сам генерал в это время находился на обучении в Академии Генерального штаба Красной Армии им. К.Е. Ворошилова и жил в общежитии Академии вместе с дочерью, которая тоже поступала в институт. Я несколько раз бывал в их семье, помогая дочери в решении задач по физике, тригонометрии и химии, поэтому спросил у супруги генерала, можно ли будет остановиться у них в Москве на одну ночь. Она ответила, что позвонит мужу в Москву, предупредит о моем приезде и заверила, что приютят меня с радостью. Обращаясь с этой просьбой, я был уверен, что генерал получил в Москве солидную квартиру и мое присутствие нисколько их не стеснит, тем более всего на одну ночь.

Когда я приехал в Москву, то первый же милиционер, к которому я обратился, сразу же подробно рассказал мне, как проехать к Академии Генерального штаба. К вечеру я добрался до общежития Академии. Это был большой четырехэтажный красновато-коричневый дом, внутри которого было трудно сориентироваться, но вскоре я все же нашел нужный мне блок и «квартиру» генерала, которая, оказывается, состояла из одной комнаты и крохотной прихожей. Все удобства находились в конце коридора, а кухни были рассчитаны на 15-20 комнат и в каждой горело по 15-20 примусов. Приняли меня очень гостеприимно, но на всякий случай я предупредил, что завтра же уеду. Я был удивлен убожеством этого жилья, где высшие армейские чины вынуждены будут прожить три года. Правда, лет через 7-8, когда генерал уже был в чине генерал-лейтенанта, его семья размещалась в просторной четырехкомнатной квартире на Ново-Песчаной улице. Под Москвой в сосновом бору он имел большую дачу, а для развозов в его распоряжении была «Волга».

Утром я собрал свой небольшой багаж, который весь помещался в маленьком чемоданчике, попрощался с гостеприимными хозяевами и поехал в Институт. Согласно полученным инструкциям, часть пути я проделал на метро и вышел на станции им. Л.М. Кагановича (в сторону ул. Моховой). Первое, что бросилось в глаза – огромный звездно-полосатый флаг, который развевался на уровне второго этажа старинного здания – посольства США. Несколько дальше, на углу Моховой и ул. Горького находился самый фешенебельный в Москве ресторан «Метрополь». По диагонали от них возвышалось здание правительственной гостиницы «Москва», знакомое всем жителям Советского Союза по этикетке на бутылке водки «Столичная». Как видно из вышеперечисленного, окружение геологоразве-

дочного института было далеким от суровой профессии геолога. Объяснялось это тем, что институт размещался в здании бывшего геолого-почвенного отделения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (старого).

Принял меня для беседы декан факультета профессор В.В. Белоусов, который поинтересовался, почему меня привлекла именно геология, настолько я знаком с проблемами современной геологии? Я сказал, что прочел много книг по геологии, в основном работы академика В.А. Обручева – «Общую геологию», «В дебрях Центральной Азии», «Земля Санникова», «Плутония» и др., а также описания путешествий и научных экспедиций Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, С.П. Крашенинникова, П.К. Козлова и др. Он выслушал меня и сказал: «Вижу, что теоретически вы подготовлены неплохо, а остальное покажут ваши оценки в институте» и тут же подписал мои документы для приема в институт с обеспечением общежитием в городе.

Оформив в институте необходимые документы, я поехал на метро на вокзал, где узнал, что из Москвы есть в тот же день прямой так называемый «пятьсот веселый» поезд (товарняк). Идет он без расписания и определенного маршрута, но конечная его остановка – г. Станислав. Меня это вполне устраивало, так как билеты на него всегда в кассах были, чисто символической стоимости – не более 18 руб. (от Москвы до Коломны). До отправления поезда оставалось еще около пяти часов и я решил немного пройтись по городу, посмотреть хотя бы центр Москвы. Хотелось есть, и я купил брикет сливочного мороженого за 40 коп., свежую французскую булочку и двинулся вверх по ул. Горького. Было жарко, улицы заполнены куда-то спешащим народом. Поразило меня огромное количество транспорта, без конца сигналившего. Особенно удивили двухэтажные троллейбусы, выглядевшие как заблудившиеся верблюды среди стада овец. На большинстве перекрестков орудовали регулировщики движения в ослепительно белой форме. На тротуарах местами были разбиты цветники, но деревьев на ул. Горького в то время не было, знаменитые липы были высажены позднее. По дороге я зашел на Центральный телеграф и дал домой телеграмму, что у меня все хорошо и приеду домой дней через четыре-пять. Все вроде бы действительно было в порядке, но на душе было беспокойно. Москва произвела на меня какое-то тягостное впечатление и даже втайне от самого себя я подумывал, как бы больше сюда не приезжать. Предчувствия не обманули – этот город был не для меня...

К 8 часам вечера я уже забрался в свой «телячий» вагон, в котором даже нашлось свободное место на нарах. Вскоре наш поезд набрал скорость и я крепко заснул. Проснулся уже в Брянске. На вокзале было многолюдно и особенно бросались в глаза стайки грязных, оборванных ребятишек, бежавших за пассажирами и просивших кусочек хлеба... Здесь уже начиналась «зона голода». Просили помощи не только дети, но и инвалиды войны, старики и старухи. И это через год после нашей Победы! Смотреть на это несчастье было очень тяжело. Когда проезжаешь через брянщину, невольно вспоминается широко известная тогда песня «Шумел сурово брянский лес». Недавно я с удивлением прочел, что в годы немецкой оккупации помимо власовцев, антисоветское правительство со своими военными частями было сформировано и в брянских лесах. Целью этого формирования была борьба с немцами и коммунистами, за Россию без советской власти. Нигде ни до, ни после этой книги я ничего подобного не читал. Немало темных страниц в нашей истории, в том числе и о Великой Отечественной войне, очевидно так и останутся неизвестными для нас.

Обратный путь из Москвы в Коломью длился пять суток. Погода все эти дни стояла жаркая и чтобы немного охладиться, молодежь, которая собралась в вагоне, периодически забиралась на его крышу. К сожалению, наш вагон был третьим или четвертым от паровоза и вся сажа из его трубы летела на нас, поэтому приехали мы грязные и черные как негры. Основным желанием было помыться и переодеться во все чистое. Когда я разогревал колонку, чтобы помыться горячей водой, то обратил внимание, что запас дров на зиму у нас совсем небольшой, а до моего отъезда в Москву времени остается около месяца. Тут я только осознал, что мать остается совсем одна и многое, что я выполнял по дому, теперь ляжет на ее плечи. Я решил оставшееся до отъезда время посвятить в основном разделке «долготья» – четырех-пятиметровых бревен, в основном буквых, дубовых и немного грабовых. Эти породы дерева трудно распиливаются, а еще труднее колются. Я приспособил поперечную пилу для распиловки бревен в одиночку, а для расколки использовал топор-колун и два стальных клина. Один из них вместо чурки чуть не расколол мне голову. Все эти бревна были сильно сучковатые и часто имели неправильную, изогнутую форму. Один из таких чурбачков никак не поддавался расколке. Я загнал в него уже оба клина, но он зажал их, как в стальных тисках. Когда я стал выбивать один из клиньев, он с неожиданной силой выскочил из раскола и попал мне в голову,

проскользнув по затылку. От удара у меня закружилась голова и я минут десять приходил в себя. В доме в это время никого не было, и я сам наложил себе на голову мокрую повязку. Постепенно, но верно продвигалась разделка бревен и к моему отъезду дров должно было хватить матери по крайней мере месяца на три.

Неудачный выезд на учебу в Москву

Из института мне вскоре пришел вызов прибыть к 30 августа в Москву. Когда мы уезжали из Одессы, то купили в дорогу фанерный, обтянутый лидеринном чемодан. Вот его я теперь и готовил к поездке в Москву. У меня была с собой сумка с продуктами в дорогу и вот этот чемодан, в котором свободно разместился весь мой гардероб. Из Коломны в Москву мы, трое выпускников из одного класса, ехали вместе. Заранее купили билеты до Москвы, причем во Львове нам предстояла пересадка на скорый поезд Львов – Москва. Все трое отъезжающих в сопровождении мам и кого-то из близких (у кого они были) собрались на перроне к 16 часам – времени прибытия поезда, но прождав два часа, узнали, что при проезде через один из туннелей произошло ЧП и наш поезд прибудет не раньше 11 часов вечера. Пришлось ждать, но вся беда была в том, что скорый поезд Львов – Москва ко времени нашего предполагаемого прибытия во Львов будет уже около четырех часов в пути на Москву. На Львовском вокзале нам сказали, что мы можем ехать на любом ближайшем поезде, но реально через четыре-пять часов в Москву отправится только добавочный состав и можно ехать на нем, так как на него билеты есть всегда, а на скорый нужно покупать их заранее.

Мы сдали вещи в камеру хранения и пошли прогуляться по Львову. Настроение было никудышное из-за возможного опоздания в институт. Мои тяжелые предчувствия в отношении Москвы начали оправдываться. Около 10 часов вечера мы пошли на посадку в наш поезд. В вагоне не было никого. Сложив все свои пожитки на нары в самый угол вагона, мы кое-как устроили себе лежачие места, закрыли вагон изнутри и буквально провалились в глубокий сон. Часа через полтора к нам в двери вагона стали стучать, пришлось открыть. В вагон ввалились пять человек с какими-то узлами – три мужика и две женщины. Они расположились в противоположной стороне вагона и закрыли двери изнутри. При этом они сказали, чтобы мы не тревожились, если что, то они сами откроют и закроют

вагон. Через 10-15 минут мы уже дружно спали. Так прошло часа два, а может быть, и больше. На улице стало светать, что было видно через полуоткрытую дверь вагона. В самом вагоне кроме нас никого не было.

Вставать не хотелось, и я решил подремать еще немного, тем более, что мои спутники все еще спали. Но тут мне пришло в голову – почему дверь открыта, а попутчиков наших в вагоне нет? Я вскочил и сразу же заметил, что количество наших вещей значительно убавилось! Я понял, что нас обокрали, и быстро растолкал своих спутников. Мы обнаружили, что нет моего одесского чемодана, пропал чемодан у моего друга Вилен, а у третьего нашего товарища украли сумку с запасом продуктов и часть вещей, упакованных в фанерный ящик, зато сохранился его здоровенный сундук, обвязанный веревкой, который мы втроем еле затащили в вагон. Когда его хозяина спросили, что за кирпичи он везет в Москву, тот гордо ответил – учебники! Воры на этот интеллектуальный груз не покусились. В это время поезд подошел к перрону какой-то небольшой станции и дежурный сказал, что стоянка поезда – 40-50 минут. Мы с Виленом побежали в милицейский пункт и там рассказали, что нас обокрали. Дежуривший милиционер предложил нам написать заявление в милицию и тогда нам выдадут справку, что нас действительно обокрали такого-то числа вблизи станции Красне. На это нужно было время, поэтому нам придется уехать следующим поездом. Мы с Виленом помчались к своему вагону, чтобы забрать оставшиеся там наши вещи. Владелец сундука с «макулатурой» решил ехать дальше до Москвы.

Пассажиры из соседних вагонов рассказали нам, что видели, как из дверей нашего вагона на ходу поезда выбрасывали наши вещи и свои узлы, а затем и выпрыгнули сами все пятеро наших попутчиков. Поезд шел на подъем на малой скорости, однако одна из женщин при прыжке повредила ногу, и два мужика под руки волокли ее подальше от железнодорожной линии. Есть же Бог, который все видит, но почему он не разбудил нас пораньше? Пока мы оформляли факт кражи наших вещей и получали справки от железнодорожной милиции, давали домой телеграмму о нашей беде с просьбой выслать нам в Москву на главпочтамт немного денег «до востребования», на станцию поступило сообщение, что скорый поезд № 47 Львов – Москва сделает остановку на станции Красне, где необходимо забрать несколько пассажиров, пострадавших в аварии. Обычно скорые поезда на этой станции не останавливаются. В кассе наши билеты перекомпостировали на этот поезд, хотя у нас и

были билеты именно на него, но на позавчерашнее число, а задержка в пути была вызвана не зависящими от нас причинами. В милиции нам сообщили, что несколько дней назад в 10 км от станции Красне в сторону Москвы произошла большая авария. Скорый поезд Львов – Москва шел на большой скорости, к тому же по насыпи с крутым поворотом. Железнодорожные пути оказались разобранными на значительном протяжении и состав был буквально разметан, более или менее сохранились только последние три вагона. Жертв было много, но конкретных цифр никто не знал. Даже железнодорожная милиция, обслуживающая этот участок пути, какой-либо детальной информацией не располагала.

Когда поезд подошел, то пятерых человек (один мужчина и четыре женщины) с многочисленными повязками и нас с ними вместе посадили в один вагон, где все пассажиры собрались вокруг нас. Пострадавшие рассказали, что в первых двух вагонах ехало много военных, в основном офицеров. По их словам, в этих вагонах почти все пассажиры погибли и вообще жертв было очень много, но никто никаких подробностей рассказать не мог. Часть пассажиров с легкими травмами отвезли в ближайшие больницы, в том числе и наших новых попутчиков. Кто быстро поправлялся, тех сразу небольшими партиями отправляли дальше в Москву. Вскоре мы подъехали к месту аварии и поезд очень медленно проследовал через это «поле битвы», где повсюду были разбросаны остатки вагонов. Даже трудно было себе представить, что эти страшные обломки могли быть раньше чем-то, способным быстро нестись «по рельсам чугунным» (но рельсы были стальные, а колеса – чугунные).

Второй вагон прошел сквозь первый как через спичечный коробок. От нескольких вагонов остались только железные платформы с колесными парами, самих вагонов не было вообще. Я и не представлял себе, что все довоенные пассажирские вагоны имели деревянные каркасы и только снаружи были покрыты листовым железом. Некоторые вагоны были как бы наполовину срезаны, другие – скомканы в бесформенные груды металлолома. Никогда до этого я не мог даже вообразить себе, что нарядный голубой состав-экспресс может превратиться в подобное нечто, в котором нашли свою гибель многие десятки ничего не подозревающих несчастных пассажиров. Невольно пришло в голову, что мы здесь убиваемся от горя, что пропало наше барахлишко, но что могло бы быть, если бы мы сели на этот поезд несколькими днями раньше? Через много лет мне однажды пришлось ехать в поезде на Север в одном купе СВ с

железнодорожным начальником и я рассказал ему о своих впечатлениях от катастрофы с этим скорым поездом Львов – Москва, последствия которой мне пришлось увидеть. Он мне ответил, что это известная в кругах специалистов трагедия, однако и почти через 25 лет ее причины и число жертв держатся в секрете.

В Москву мы с Виленом попали с опозданием почти в три дня. Он с вокзала сразу поехал в Московский институт стали и сплавов, а я – в свой МГРИ. Встретили там меня довольно прохладно. Мест в городском общежитии уже не было и мне предложили поселиться в пос. Никольское по Курской железной дороге, в 35 км от Москвы, где институт арендовал комнаты в частных домах. Это был далеко не лучший вариант, но ничего другого не было. Я опоздал, да еще не догадался дать телеграмму, заверенную милицией, из Красноярска. Меня поселили в комнате на пять человек, все – первокурсники. Кроме меня, остальные четверо были из близлежащих сел, здоровые сельские парни, которые не верили, что одессит мог добровольно поступить в геологоразведочный институт, когда в Одессе полно своих институтов. С первого же дня у нас не получилось надлежащего контакта.

Осень 1946 г. в Москве и Подмоскowie выдалась довольно холодной и дождливой. Первый курс занимался во вторую смену и занятия у нас оканчивались около девяти часов вечера. После этого нужно было ехать на метро до станции «Курский вокзал», оттуда на электричке около получаса до ж/д станции Никольское, а там еще около полутора километров шлепать по грязной дороге до нашего дома, чаще всего в полной темноте (лампочки в фонарях регулярно били). В лучшем случае на дорогу уходило полтора-два часа. Как я уже писал выше, остальные четверо моих «сожителя» были родом из близких к Москве сельских районов, откуда они регулярно привозили продукты и питались из «общего котла», к которому меня никто не приглашал, а сам я проситься «в долю» не стал, да и не было у меня чем делиться. К тому же занятия у нас проходили в нескольких местах: общекурсовые лекции читались в самом институте и в аудиториях Московского университета на Моховой, лабораторные занятия по химии – в Институте нефти и газа им. акад. И.М. Губкина, военно-дело и физкультура – возле Московского зоопарка на Красной Пресне. Кроме посещения занятий, мне нужно было срочно прописаться, а паспортный стол, обслуживающий пос. Никольское, находился в г. Балашиха, куда нужно было добираться по другой ветке электрички.

К тому же требования в институте были высокие. Первый месяц я мотался по всем этим инстанциям как загнанный заяц, но на втором месяце ликвидировал свои отставания по некоторым предметам, в основном лабораторным работам, и решил, что в ноябре вполне войду в график. Накануне я получил на весь месяц карточки и талоны ДП (на обед) – дополнительное питание, а также стипендию. Сложил все это в бумажник, который засунул в задний карман брюк. Как сейчас помню, день был на редкость солнечный, воскресенье, и я решил съездить в Москву, купить себе хоть одну новую рубашку, носки и кое-что по мелочи. Когда я пришел на станцию, то увидел там массу пассажиров как на платформе «В Москву», так и на противоположной – «Из Москвы». Я спросил, в чем дело. В ответ стоявшая рядом женщина сказала мне, что около Москвы большая авария, есть много жертв. Через несколько минут по радио объявили, что через 15-20 минут электрички пойдут в Москву, но несколько первых электропоездов пройдут через ст. Никольское без остановки и пассажиров просят не подходить близко к краям платформы. Я уже собрался возвращаться назад, когда через станционные пути пронеслась первая после перерыва электричка в сторону Москвы. Пассажиры на ней висели на подножках, на воздухопроводных шлангах, везде, где можно было хоть как-то зацепиться за вагон. Через некоторое время прошла вторая, а затем и третья электричка. Я решил, что четвертая пройдет уже с остановкой у нашей платформы, а на пятой-шестой я смогу уехать в Москву. Сколько раз я давал себе слово не менять принятого решения, но, как говорится, горбатого могила исправит.

В шестую по счету электричку я кое-как влез, вернее, меня в нее затолкали. Пассажиры на площадке стояли так плотно, что даже просто шевельнуться не было никакой возможности. Мы проехали несколько станций, а народу только прибавлялось. Наш поезд уже подходил к остановке «Ново-Гиреево», где обычно начинало выходить много пассажиров. Когда электричка уже почти остановилась, я почувствовал, что кто-то вытаскивает мой бумажник из заднего кармана брюк (куртка на мне была короткая). Я рванулся, чтобы повернуться лицом к карманнику, но тут два парня, что стояли возле меня, «спрессовали» мое тело с двух сторон и втолкнули внутрь вагона, а сами протиснулись к выходу и соскочили с поезда. Я попытался выбраться вслед за ними, но плотная масса штурмующих электричку людей опять загнала меня внутрь вагона, а поезд уже стал набирать скорость... Я понял, что меня «обработали»

как деревенского недотепу. В считанные секунды я остался без стипендии, которую только что получил, без проездного билета на электричку, студенческого билета, но главное – без хлебных карточек и талонов на обеды. К тому же мой осенне-зимний «гардероб» был похищен в поезде еще по дороге в Москву. Выход из этой ловушки, в которую я попал, был один – бежать из Москвы назад, к маме!..

Мои мечты о карьере ученого-геолога, получившего образование в одном из лучших столичных вузов, лопнули, как мыльный пузырь. Если бы мы были хоть немного опытнее, то, во-первых, зная, как ходят поезда в то время, поехали бы в Москву дня на три-четыре раньше, во-вторых, вещи в вагоне положили бы рядом с собой, чтобы всегда были на глазах. В любом случае нужно было иметь в запасе хоть 400-500 рублей, и уж конечно не держать бумажник с деньгами, карточками и талонами на обед в таком месте, которое называют «карман для вора». Первые мои впечатления о Москве оправдались – этот город мне не подходит. Я твердо решил, что нужно уезжать, и чем быстрее – тем лучше, так как через три-четыре дня я останусь без гроша в кармане и куска хлеба. В бюро комсомола института мне дали на три дня талоны на дополнительное питание, а с карточками дело оказалось сложнее. Я вовремя не заявил в милицию о краже и теперь в любом случае новых талонов надо будет ждать до конца месяца.

Я подал декану факультета заявление с просьбой отчислить меня из института. Он вначале предложил мне подумать и попытаться раздобыть где-то денег в долг, а потом отдавать постепенно, но когда я подробно рассказал ему о наших злоключениях по дороге в Москву, о краже денег и карточек уже после приезда, он вздохнул и, ни слова не говоря, подписал мое заявление. Несколько дней ушло на сдачу книг в библиотеку, выписку в паспортном столе и другие дела (снятие с комсомольского учета, сдачу белья). Перед этим я съездил к Вилену, который жил в Москве на Втором Донском проезде в огромном общежитии Института стали и сплавов. Здание было построено еще в начале 30-х годов по проекту французского архитектора-модерниста Корбюзье. В нем было около тысячи комнат-ячеек, широкие коридоры, но лифт, как обычно, не работал. Я смело двинулся своим ходом, но на шестом этаже у меня закружилась голова, я присел на лестницу и потерял сознание... На мое счастье, в это время к Виле (как обычно мы звали его между собой) приехала еще одна наша ученица, Инна, с которой я попал под обстрел после новогоднего бала. Она увидела меня,

сидящего на лестнице, и вначале подумала, что я пьян, но вспомнила, что я никогда не пил и не курил, стала будить меня, побежала к Вильке и они вдвоем кое-как затащили меня в его комнатуху. Придя в сознание, я рассказал им о своих проблемах и о том, что уже третий день почти ничего не ел...

Через полчаса, выпив горячего сладкого чая с булочкой, я немного оклемался и сказал, что через день-два уже могу ехать домой, но у меня нет ни копейки денег, и если они дадут мне на дорогу небольшую сумму, то я сразу же их вышлю, как только доберусь до Коломны. Ребята признались мне, что еще несколько дней назад расписались в ЗАГСе и теперь уже муж и жена, но боятся сообщить об этом родителям, так как отец у Инны очень строгий, а у Вильки мать – военврач, капитан, и привыкла во всем командовать, а отца у него нет. Они очень просили меня, чтобы когда я приеду в Коломну, никому ничего о них не говорил, а уж потом они сами как-нибудь все расскажут родителям. Виля был очень дружен со мной, но в Коломне ни разу ни словом не проговорился о своих отношениях с Инной. По приезде домой я сразу же выслал им взятую в долг сумму, наши жизненные пути больше никогда не пересекались и как сложилась судьба совсем юных молодоженов я так и не узнал.

Мать была так рада моему возвращению из Москвы, что только ради одного этого следовало бы приехать назад в свой домашний уголок. Ведь мы с ней все 18 лет до этого ни разу не разлучались и все военные беды прошли вместе. По дороге я решил, что найду работу, хоть немного приоденусь, так как после ограбления из одежды у меня осталась всего одна приличная рубашка, одна застиранная гимнастерка и куртка-бобочка, пара брюк и видавшие виды ботинки. На зиму были еще свитер, шинель и шлем, да две пары солдатского белья. Многие тогда не блистали нарядами, а большинство мужчин и молодых парней щеголяли в поношенном военном обмундировании, ведь после войны прошло всего полтора года. Не прошло и двух недель после моего возвращения, как мне домой позвонила заведующая горно А. Величай (ее отчество за давностью лет забыл) и сказала, чтобы после обеда я пришел к ней в отдел. Она знала меня по школе, так как преподавала у нас русскую литературу. Почти три года она была на фронте, имела звание капитана и несколько орденов, ходила на работу в военной форме, но без погон. Это была довольно обаятельная, на редкость смелая и решительная женщина в возрасте около 30 лет.

Моя первая административная должность

Когда я уже собрался идти к А. Величай, она опять позвонила мне (телефон был у нашего соседа – директора пивзавода) и перенесла встречу на утро следующего дня. К 9 часам утра я уже был в ее приемной и она пригласила меня в свой кабинет. Там спросила, в чем причина моего возвращения, и когда я рассказал ей о всех моих московских приключениях, сказала, что я все сделал правильно, тем более что после одесской контузии был освобожден от армии. Затем она спросила, исполнилось ли мне 18 лет, на что я ответил утвердительно. Она объяснила, что хочет предложить мне очень ответственную работу – директором Дворца пионеров, который уже около двух лет находится на балансе горono. Я не раз проходил мимо этого оригинального здания в стиле рококо и тоже удивлялся, почему он стоит пустой с забытыми фанерными листами и досками окнами. Само здание ранее принадлежало бежавшему польскому магнату.

Чтобы я лучше представлял себе положение дел, Величай предложила мне пройти ко Дворцу пионеров и там осмотреть все на месте, тем более что идти было недалеко – два квартала. По дороге мы с ней проходили мимо тоже весьма представительного здания, на котором висела красивая вывеска «Дворец офицеров», но когда подошли ближе, то убедились, что здание находится в запустении, хотя окна были застеклены и на дверях висели многочисленные замки. Я пошутил, что в городе можно открывать «Музей дворцов», тем более, что оба дворца находились почти рядом.

Когда мы с Величай вошли внутрь Дворца пионеров, где нас ждала единственный сотрудник администрации – бухгалтер, то увидели, что внутреннее его состояние довольно запущено. Электричество было отключено и стоял «полярный холод» давно не топленных помещений. Каких-то значительных, капитальных работ по ремонту в нем не требовалось. Как мне помнится, я сказал, что начинать надо с остекления и отопления, а затем уже, при помощи горono, все остальное. Эти слова мое будущее начальство приняло, как знак согласия.

Часа через полтора я получил на руки «Наказ № 725 по Коломыйскому горono от 6 декабря 1946 г. Назначаю тов. Козубова Г.М. директором Дворца пионеров с 7 декабря 1946 г. Прием и сдачу оформите актом. Зав. горono – А. Величай». Когда утром следующего я первый раз шел на работу в должности директора (в возрасте 18 лет и десяти месяцев), то, с одной

стороны, ощущал удовлетворение, что в меня верят, а с другой – меня угнетала мысль, не буду ли я очередным беглецом с этого поста?

После знакомства с бухгалтером я выяснил, что в штатное расписание Дворца пионеров на 1947 г. включены семь единиц: директор, бухгалтер-кассир, музыкальный работник, руководители хорового и танцевального кружков, изостудии, стрелково-оборонного кружка и уборщица. Мне нужно было срочно оформить чековую книжку, составить на 1947 г. смету расходов, план работ, подготовить перечень необходимого оборудования и инвентаря. Когда я спросил о стекле, то мне сразу же объяснили, что это самый дефицитный в послевоенные годы материал. А дрова нужно везти из леса, а там все еще оставались необезвреженные бандиты. Короче говоря, такие проблемы возникали у всех, кто осваивал и ремонтировал в то время поврежденные при военных действиях здания. Тут я вспомнил, что во Дворце офицеров все окна остеклены, хотя вообще-то похоже, что после освобождения Коломыи от немцев зданием еще никто не пользовался. Я следующий день я обошел все здание этого Дворца. Осмотрел все доступные снаружи подходы и нашел двери, которые были закрыты на замок, еле держащийся на хилых кольцах. По всей вероятности, во Дворец офицеров жулики боялись забираться, учитывая, что оно принадлежит командованию войск в Коломые. На всех окнах в нем стояли двойные рамы и если снять только внутренние стекла, то вряд ли кто-то это заметит в ближайшее время. Размеры офицерских стекол подходили к «нашим» окнам во Дворце пионеров.

Когда я пришел к Величай со своим секретным планом добычи стекла для окон, то надежды, что она его поддержит, у меня почти не было. Но, зная ее смелость, я все же решил попробовать склонить ее к этому делу. Когда я рассказал, что предлагаю «раздеть» Дворец офицеров, она расхохоталась и сказала: «Я пойду с тобой! Подбери четыре-пять человек, которым можно доверять. С собой возьмем директора вашей школы. Только нужно заранее подготовить инструменты, фонари и веревки для обвязывания стекол при переноске». Перед этим я узнал, что сторожа во Дворце офицеров нет уже давно, расстояние между обеими Дворцами составляло около 70 метров. Начало операции назначили на 11 часов вечера и решили, что будем вынимать стекла только из вторых, внутренних рам. В одной из комнат, в которой не было окон, выходящих на улицу, установили стол для вынимания стекол из рам и обвязки

по два стекла вместе толстой веревкой. Операцию в шутку называли «шефская помощь». Стекла в рамках крепились рейками, которые, к нашей радости, снимались довольно легко. К трем часам ночи операция была закончена. Было решено, что сейчас стекла мы вставлять не будем, а все подготовим и перед Новым годом вставим сразу все, пока только в наружные рамы, на сколько хватит окон. Для этой работы нужно будет найти двух хороших стекольщиков. Что интересно, владельцы Дома офицеров до весны так и не обнаружили пропажи.

Второй проблемой стали дрова. В лесхозе нам предложили уже распиленные на чурки дрова по невысокой цене. Оплата их не представляла никакой сложности, проблема была в том, что лежали они в лесу в 15 километрах от города. Сам район относился к «беспокойным» и ехать туда за дровами никто не хотел. К тому же проехать к дровам можно было только на лошади с санями. За деньги работать никто не соглашался, и председатель сельсовета, разбитной местный «вуйко», предложил производить расчет товарами, например, ботинками. Когда я рассказал об этом Величай, она обрадовалась и сообщила мне, что на промтоварный склад поступили американские армейские желтые ботинки, которые стоят дешево и пар 40-50 мы можем закупить для обмена. Решили установить «цену» – две пары ботинок за воз плотно уложенных чураков, доставленных в город, ко Дворцу пионеров. При этом председатель сельсовета попросил выделить лично ему пять пар ботинок (хитро улыбнувшись, он заметил, что это будет «госпошлина» за вывоз дров из леса). Вторым его условием было то, чтобы я привез ботинки в село и сам осматривал, как загружены сани, а погрузку дров в лесу и выгрузку в городе произведут возчики. Я договорился с Величай, что за получение ботинок должен расписаться каждый возчик и сам председатель сельсовета. Одну пару было решено отдать председателю сельсовета, пять пар ушло на оплату «безопасности проезда» и 44 пары будут обменены на 22 воза дров. Выехали мы из города на своих санях в 8 часов утра, приехали в село к 10 часам, где нас уже ждали 22 воза с дровами. Операция с обменом закончилась около полудня и уже к трем часам дня дрова были разгружены у Дворца пионеров, а возчики, довольные «заработком», поехали домой. При прощании один из них подошел ко мне и сказал: «То вы добре зробили, що 5 пар обувки виддали нашим хлопцям. Колы ще потрібни будут дрова, то приезжайте!».

С 7 декабря 1946 г. я начал работать директором Дворца пионеров, а уже к 31 декабря один зал был очищен от хлама,

паркет блестел, а в центре стояла наряженная елка. С помощью Величай в наш Дворец был доставлен красивый австрийский рояль с отличным звучанием. Мы добились разрешения временно подключить Дворец пионеров к электролинии резиновым кабелем. Когда на детский утренник к нам пришли сама Величай, секретарь горкома комсомола и некоторые другие гости, то они были поражены, что мы за три недели практически подняли здание «из руин». Я объяснил, что немалую помощь в этом нам оказала А. Величай и если она не потеряет к нам интерес, то Дворец пионеров будет жить.

Дней через 20 после встречи Нового года ко мне пришла молодая миловидная женщина и сообщила, что она окончила Московское хореографическое училище, вышла замуж, и вот ее мужа направили на службу в КГБ в Коломыю, куда за ним приехала и она. Обратилась в театр, но свободных вакансий там не оказалось, а ей хочется работать, вести детский танцевальный кружок и она согласна на любой оклад. Я сказал, что Дворец пионеров еще только начал свою работу, поэтому сначала ей придется заняться организационной деятельностью, установить контакты с пионерскими организациями школ, отобрать способных детей и обеспечить будущий кружок необходимым инвентарем. Она согласилась на все и вскоре у нас начал работу танцевально-хореографический кружок. Через несколько дней ко мне обратилась уже немолодая настоящая польская пани, прекрасно говорившая по-русски, профессионально игравшая на рояле и гитаре, хорошо певшая. Несмотря на свои 60 лет, она была очень подвижна, часами могла играть на рояле, причем сама подбирала нужные мелодии. Она сразу же сообщила мне, что ее муж – настоящий польский буржуй и ненавидит советскую власть, а она влюблена в новый политический строй и согласна работать даже бесплатно, только чтобы быть среди детей и молодежи. Вскоре она стала нашей «музыкальной душой». Она пела, играла любое музыкальное сопровождение для наших танцевальных постановок, но особенно любила устраивать танцевальные вечера.

В марте А. Величай удалось получить через Коломыйское МВД для организации стрелкового кружка во Дворце пионеров 10 мелкокалиберных винтовок ТОЗ-8 и разрешение на получение 10 тыс. патронов к ним. Сами винтовки мы получили на складе милиции в Коломые, а на патроны мне выдали доверенность для оформления в магазине «Динамо» в Станиславе и доставки их в Коломыю. Пришлось ехать в Станислав, причем я не учел того, что 10 тыс. патронов, хоть и мелкокалиберных,

весят 75 кг (ящик был в фабричной упаковке). Когда я оформил в Станиславе все документы на получение и перевозку патронов в Коломыю, мне предложили забрать ящик с патронами самому, однако даже оторвать его от пола я не смог. Попросив, чтобы его пока оставили на складе, я пошел в город найти какой-нибудь транспорт, чтобы отвезти ящик на вокзал. Из города я позвонил во Дворец и передал, что приеду к 6 часам вечера и чтобы меня встречали. К трем часам дня я с патронами был уже на вокзале, в четыре отправлялся поезд на Коломыю, я кое-как погрузился, забился в угол вагона и вскоре заснул, а свой драгоценный ящик засунул подальше под полку.

Почти до самой Коломыи я ехал без приключений, однако у самого города в вагон с двух сторон вошли пограничники и стали проверять у всех багаж. У меня кроме ящика ничего не было. Пограничники уже хотели уйти, но один из них заглянул под полку, увидел мой ящик, пнул его ногой и сразу же спросил меня: «Что в ящике?». Я не стал юлить и честно ответил, что это патроны для мелкокалиберной винтовки. На вопрос «сколько их там» я также честно ответил – 10 тыс. штук, чем поверг бойца в ужас. Пограничники сразу же потребовали все мои документы, тщательно проверили их и убедились, что все в порядке. Но остался маленький нюанс – в пассажирских поездах категорически запрещается провоз взрывчатых и пожароопасных грузов, для них необходим отдельный прицепной вагон с вооруженным сопровождающим. Я рассмеялся и сказал им, что везу патроны для детского кружка, во Дворец пионеров и у меня есть разрешение на провоз патронов для этой цели. Где я возьму специальный прицепной вагон, да еще с охраной? Разрешение мне выдали в городском управлении МВД и насчет отдельного вагона никто даже не заикнулся. К тому же меня сейчас будут встречать, чтобы помочь доставить эти патроны во Дворец. В это время поезд уже подошел к перрону и в вагон запрыгнули двое наших ребят, присланных мне на помощь. Пограничники махнули рукой и разрешили нам вынести ящик с патронами из вагона.

С этим оружием я имел еще немало хлопот. Винтовки и патроны нужно было хранить в железном шкафу с секретными замками. Саму дверь в комнату, где хранилось оружие, надо было обить стальным листом и каждый раз при запираении ее ставить печать. На окнах следовало установить решетки. По мере расходования патронов нужно было списывать с указанием цели использования. Для ребят этот стрелковый кружок был самым любимым, но их очень огорчало ограничение допус-

ка к стрельбе по возрасту (сейчас уже не помню – до 12 или 14 лет). Таким образом, наши труды не пропали даром и Дворец пионеров стал широко известен среди молодежи города во многом благодаря регулярно организуемым по субботам танцевальным вечерам. Эта известность стала причиной вызова меня на заседание бюро горкома комсомола, где мне был задан вопрос – в какое время проводятся танцевальные вечера и каков возраст их посетителей. Я ответил, что вечера проходят с 19.30 до 22 часов, а возраст разный, но не менее 14 лет. В отдельных случаях некоторые девочки, дети высокопоставленных людей, в основном военных, приходят на вечера в сопровождении денщиков или адъютантов их отцов, но только по просьбе самих родителей. Во Дворце пионеров никогда никто не курит. Других вопросов мне не задали, но на всякий случай прочитали ряд нотаций.

Постепенно работа во Дворце нормализовалась – работали пять кружков, во всех комнатах провели электрическое освещение, с помощью учеников старших классов раскололи все дрова, сложили их в подвал в запас на следующую зиму. Но к сожалению, наш Дворец посещали в основном дети русских и восточнукраинских родителей, местных же школьников в кружках практически не было, кроме нескольких девочек в танцевальном. В городе было около 15 школ, из них только одна была русскоязычная. Я попытался установить контакт с учащимися средних классов украинских школ, среди которых были и комсомольцы. Они мне прямо сказали, что посещать Дворец пионеров им запрещают родители, и основная причина этого – религиозная. Население Коломыи в то время в основном составляли западноукраинские народности, исповадовавшие униатскую ветвь православия, фактически представляющую собой смесь православия с католицизмом. Значительная часть населения была представлена поляками, а также потомками смешанных браков, являвшихся большей частью крайне религиозными католиками.

Униатское (греко-католическое) вероисповедание было введено при сильном давлении католицизма и непосредственно Папы Римского в 1596 г. в г. Бресте. После присоединения Западной Украины к УССР в 1946 г. Брестская уния самоликвидировалась фактически насильственным путем, под влиянием православной церкви. Разгром униатской церкви, центр которой находился во Львове, явился, пожалуй, одним из стимулов организации западноукраинского националистического движения (ОУН, УНРА и др.). Население Западной Украины

почти поголовно осталось верным униатскому вероисповеданию, а присланные православные священники часто уничтожались физически. Так, к началу 50-х годов в Западной Украине был убит 51 православный священник. Авторитет униатской религии, насчитывающей более 400 лет своей истории, среди ее сторонников был очень высок. Так, в похоронной процессии во Львове ярого антисоветчика, покойного кардинала Андрея Шептицкого участвовало более миллиона человек. Из доверительных бесед с некоторыми местными жителями, которые вовсе не были убежденными антисоветчиками, но прежде всего опасались своих же братьев-националов, я узнал, что враждебное отношение местного населения к русским и всему советскому прежде всего во многом было обусловлено запрещением униатского вероисповедания при небывалом давлении русской православной церкви и насильственной коллективизацией сельского хозяйства.

Дворец пионеров, как организация политизированная, не имел «базы» среди учеников украинских школ Коломыи, в которых обучались более 4/5 всех детей города. Все, что было связано с обучением в школе, родители воспринимали очень чувствительно и контролировали весьма жестко. Там, где они чувствовали, что это обойдется без особых последствий, использовали любой предлог, чтобы увести ребенка подальше от влияния «советов». Кроме того, все преподавание в украинских школах было в завуалированном виде пронизано национализмом. Как правило, местные выпускники украинских школ поступали в местные вузы – во Львове, Станиславе, Тернополе, Ужгороде, Черновцах и др. После окончания вузов они всеми силами старались остаться работать в западных областях Украины. Подобный «анклав» продолжал существовать и в некоторых случаях даже расширяться в ряде отраслей промышленности и торговли, но наиболее четко выделялся в интеллектуальной области, среди студенчества и интеллигенции.

Но вернемся к нашим пионерским делам. При всех усилиях расширить круг желающих заниматься в кружках из числа детей пионерского возраста украинских школ не удавалось, хотя наблюдался определенный рост активности старшекласников, но опять-таки в основном за счет учащихся русской школы. Конечно, нельзя не учитывать, что Советская власть вернулась в Западную Украину всего около двух с половиной лет назад, военные объединения украинских националистов еще буквально кишели в лесах и селах, причем это были жестокие и беспощадные хорошо вооруженные враги. Их поддерживало большин-

ство местного населения и фактически они являлись основным авторитетом для него. При малейших признаках лояльности к советской власти виновные наказывались путем физического уничтожения, не щадили ни детей, ни стариков. Но запуганное население все больше начинало понимать, что долго такое положение продолжаться не может и союзников у националистов становилось все меньше, а Сталин ничего никогда никому не прощает...

У нас во Дворце не было руководителя спортивного кружка, и, посоветовавшись со своим активом, я решил устраивать в свободное время пробежки до берега р. Прут, что составляло около полутора километров. Там – полчасовая игра в волейбол, затем, если позволяла погода – купание в реке минут 15-20 и обратный бег. На всю эту спортпрограмму уходило около двух с половиной часов. К сожалению, среди нас не было никого, кто бы умел хорошо плавать. Несмотря на то, что я вырос у моря, плавал я плохо и вообще воду не любил, но решил научиться плавать по-настоящему в любую погоду (конечно, летом). В один из дней после купания я всех наших кружковцев отправил назад, а сам остался на реке для освоения азов плавания. Вообще, для себя я решил, что плавать буду ежедневно, но желательно без свидетелей, поэтому когда я бежал на реку один, то выбирал время часов в 4-5 дня, когда как правило на реке никого не было. Прут – река буйная, своенравная, особенно когда в горах выпадало много дождей. Местное население купаться и загорать на берег реки почему-то не ходило.

В тот день, когда я один отправился тренироваться в плавании, погода была пасмурная, а за день до этого прошли сильные дожди, но было тепло. Прибежав на берег Прута, я быстро разделся, сняв с себя все, и решил немного окунуться в воду. Отойдя от берега метров на пять-шесть, я удивился, что вода доходила мне до пояса, хотя обычно в этом месте она едва доставала до колен. Вода в реке явно поднялась, и хотя воздух был теплым, вода стала значительно холоднее, чем обычно, и река явно расширилась. Даже не подумав над этим, я бросился в воду и поплыл. Бурлящий поток легко подхватил меня и понес вниз по течению. С большим трудом я все же добрался до середины реки, чувствуя, что силы меня покидают. Несколько ниже по течению имелся довольно крутой поворот русла реки и я подумал, что если сумею выгрести из этого потока, течение должно отнести меня к берегу. Кое-как мне удалось подгрести поближе к берегу и к большой моей радости поток стремительно понес меня к самой границе излучины. Однако, радоваться

было рано – неожиданно вода стала быстро относить меня к центру стремнины. Я разозлился, из последних сил замолотил руками и ногами по воде и вдруг почувствовал, что под моими ногами гнутся тонкие ветки ивы. Я встал на ноги и потихоньку двинулся к берегу. Вскоре над водой показались верхушки зарослей ивняка. По пояс в воде, я добрался до песчаной косы и свалился почти без чувств. Все тело мелко дрожало, не было сил подняться с песка и я решил некоторое время отдохнуть. Через несколько минут я уже смог подняться и пошел искать брод, который был метрах в трехстах от того места, где начал свой заплыв.

Добравшись до брода, я увидел, что вода здесь поднялась не менее метра, и, учтя только что полученный опыт, нашел крепкий шест и не без опасений вновь полез в холодную мутную воду... Постоянно проверяя глубину, я медленно перебрался на свой берег и побежал к тому месту, где осталась моя одежда, оделся и поплелся домой. Все мышцы болели, особенно ноги и плечи. После такого урока, который преподнесла мне своенравная река, я решил судьбу больше не испытывать, а самообучение плаванию прекратить и исключить из «зарядки» водные процедуры.

Где-то через две недели после моего «заплыва» ко мне зашел знакомый парень, брат моей одноклассницы (тот самый, который случайно чуть не пристрелил ее в прошлом году, о чем я писал выше). Он закончил в этом году школу и мечтал поступить только в Одесский институт инженеров морского транспорта (ОИИМТ), который находился в Одессе на расстоянии одного квартала от нашего бывшего дома. Он принес мне «Справочник для поступающих на учебу в вузы», в котором наряду с Институтом инженеров водного транспорта были приведены данные об Одесском гидрометеорологическом институте (ОГМИ) РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии), в котором открывался новый факультет океанологии. Студенты обеспечивались повышенной стипендией и общежитием. Женька (так его звали) стал уговаривать меня поехать с ним в Одессу. Я поступил бы в ОГМИ, а он – в ОИИМТ. В одиночку он ехать в Одессу побаивался. Билеты на поезд до Одессы он гарантировал (его отец был начальником Коломыйского отделения железной дороги). Сердце мое дрогнуло, так захотелось в Одессу, встретиться там с моей неугомонной теткой Женей, узнать послевоенную судьбу товарищей по школе. К тому же – повышенная стипендия, общежитие гарантируется, сам институт в системе РККА, значит, будет форма, вероятно, морская. Мы с ним до-

говорились встретиться через два дня, а до этого окончательно определиться со сроками поездки – времени для подачи документов оставалось немного.

Буду океанологом!

Мне было необходимо начать обход всех инстанций для предварительного согласования возможного увольнения из Дворца пионеров. Решение А. Величай фактически было основным и я попросился к ней на прием. На следующий день с утра я объяснил ей причины моего увольнения тем, что со временем постепенно начал забывать многое, чему меня учили в школе. Кроме того, еще через год от меня могут потребовать сдачи вступительных экзаменов, так как уже придут «фирменные аттестаты» и моя справка о золотой медали станет недействительной. Она покраснела и тихонько выругалась, хотя я и знал, что она категорически отказалась участвовать в авантюре с изменением оценок в экзаменационных документах несмотря на распоряжение первого секретаря обкома партии. Не хотелось ей отпускать меня, но потом она дала свое благословение и сказала, чтобы документы отсылал, но приготовил все необходимое к передаче. Первую инстанцию я успешно прошел, теперь нужно было убедить мать, что я все же хочу получить высшее образование, против чего она не возражала, но очень хотела, чтобы я поступил в медицинский институт. На это я ответил, что в жизни не собирался резать трупы и изучать скелеты.

За последние два-три месяца у меня накопилось немного денег на дорогу в Одессу. Я написал письмо тетке Жене, что скоро приеду и мы наконец увидимся после двух с половиной лет разлуки. Подготовил все документы для передачи дел во Дворце пионеров, занялся срочно дровами, распилил и расколол к зиме их около пяти кубометров (на большее сил не хватило). Учтя опыт поездки в Москву, договорился с моим спутником выехать на три дня раньше, к тому же нам предстояло до Одессы добираться на трех поездках, хотя расстояние от Коломьи до Одессы было много меньшим, чем до Москвы. Первая часть пути была Коломыя – Черновцы, затем оттуда до Кишинева и уже от Кишинева – до Одессы. В Черновцах мы пробыли с утра до 4 часов дня, обошли весь центр города, побывали в университете, где нас приглашали остаться у них и не ехать в Одессу.

Черновцы – город небольшой, в то время там проживало около 200 тыс. человек. Все в нем было изящным и миниатюрным: небольшой вокзал, очень чистый и красивый, трамвайчики, в которых помещались не более 15-20 пассажиров и носились они по спускам и подъемам с невероятной скоростью. Оперный театр напоминал Львовский, но был раза в два меньше. Город от войны практически не пострадал, в центре было только одно сгоревшее здание – еврейская синагога. Удивил нас способ переноса тяжестей женщинами на рынок и с рынка – весь груз находился в широких плоских корзинах, покоящихся на их головах. На улицах было много цветов, в центре города имелся старинный парк. Это был настоящий процветающий западноевропейский город. Интересен этнический состав населения Черновицкой области. Мне попалась книжка стихов одного из местных поэтов. Несколько строк из приведенных в ней стихотворений запомнились мне на всю жизнь (отрывок из письма солдата домой): «Чом ненька мы не пише, чи вна ще жые?» (почему мама мне не пишет, жива ли она еще?). Корни, безусловно, славянские, из глубокой древности.

Около 5 часов вечера мы заняли места в необычных вагонах: купе были на шесть сидячих мест со стеклянными дверями. Вагоны чистые, но сидеть нам пришлось всю ночь до Кишинева. Поезд шел долго еще и из-за того, что мы дважды пересекали границу с Румынией, довольно долго стояли на вокзале в Яссах, но пограничники никого из вагонов не выпускали. В Кишинев поезд прибыл к полудню. На вокзальной площади народу было очень много, в основном это были дети, женщины, инвалиды и все просили кусочек хлеба... Мы отошли в сторону от вокзала и присели, чтобы перекусить, но через несколько минут нас окружила целая толпа худых, черных от грязи и загара нищих и пришлось почти все наши припасы раздать им. В Молдавии все еще свирепствовал голод...

В Одессу мы приехали во второй половине дня, вышли на привокзальную площадь, оглядели то место, где был вокзал и уже начинались восстановительные работы. От вокзала прошли метров 100 до кольцевой остановки нескольких трамвайных маршрутов, оттуда 23-й номер шел по моей бывшей «родной» ул. Канатной прямо до Института инженеров морского флота (и дальше), на которой Жене нужно было сойти и пройти немного до самого института. Я на той же кольцевой остановке (ст. Куликовское поле) сел на трамвай 17-го маршрута и поехал до пятой остановки «Одесская кинофабрика», слез там и вскоре подошел к Одесскому гидрометеорологическому инсти-

туту. Вокруг был пустырь и посреди него стояло одинокое здание бывшей средней школы, где сейчас размещался ОГМИ. Ранее принадлежащее институту здание на Большой Арнаутской во время оккупации румыны заняли под мужскую гимназию. Однажды мне пришлось туда зайти и я поразился огромной морской раковине, около двух метров в диаметре, которая стояла на полу в вестибюле при входе.

Недаром говорят, что мир тесен. В двух кварталах, если идти направо и вниз от бывшей школы (ОГМИ), началась территория Одесской биологической станции юннатов, куда я ездил в течение двух лет до войны. Вблизи нее находились Каховские казармы, еще дореволюционной постройки. Вокруг них большой участок земли был засажен молодыми деревьями – акацией белой, кленом, ясенем, дубками и др. В этих посадках мы не раз собирали коллекции жуков, бабочек, гусениц. Как я потом узнал, в тот период в этих казармах размещалось закрытое военное училище для югославов, которые изредка приходили в наш институт на танцевальные вечера и некоторые из наших девушек находили свою судьбу в союзе югославского и русского сердец. В 1947 г. отношение И.В. Сталина и И.Б. Тито были еще дружескими, но с весны 1948 г. все заверения в вечной дружбе были полностью забыты. В печати появилась книга «Синие тетради», в которой очень убедительно доказывалось, что Тито, оказывается, был английским шпионом, врагом Советского Союза и т.д. Почему-то все неугодные И.В. Сталину деятели оказывались именно английскими шпионами (видно, здорово насолил ему в свое время У. Черчилль). Недолго думая, Н.С. Хрущев отнес к английским шпионам и Л.П. Берия, который во время войны приложил свою руку к расстрелу сына Хрущева (если верить последним публикациям и телепередачам). Разрыв «братских» отношений между СССР и СФРЮ для югославских офицеров, обучающихся у нас, был большой трагедией. Мы не раз говорили с ними на эту тему и многие были в растерянности – возвращаться ли им домой или остаться в Советском Союзе. В конце концов большинство из них вернулось.

После такого отступления от основной темы вернемся к нашим проблемам. Встретили меня в институте очень доброжелательно, хотя и вынуждены были огорчить сообщением, что жить я буду в самом здании института в 20-местной комнате. К сожалению, других комнат на этаже, отведенном под общежитие, нет. Все это бывшие школьные классы, но зато все учебные аудитории, библиотека, столовая, прачечная и т.п. были в

одном здании. Кроме того, невдалеке от института начинается санаторно-курортный район, так называемый Пролетарский (Французский) бульвар, а в трехстах метрах от нас – дача маршала Г.К. Жукова, который однажды уже побывал в ОГМИ как командующий Одесским военным округом. Трамваи ходят в город регулярно, но обычно сильно переполнены, особенно по выходным дням, так как конечная остановка трамвая находится у пляжа «Аркадия», на котором любят загорать жители Одессы. Я в свою очередь сообщил, что родился и вырос в Одессе, прожил здесь все годы оккупации и два года назад уехал с матерью в Западную Украину, так как наш дом был разрушен, а получить новую квартиру никакой возможности не было. Мне посочувствовали, и одна женщина добавила, что родные стены всегда зовут и если я вернулся, то это навсегда. Однако, как показала моя будущая жизнь, такая примета имеет и свои исключения.

Поскольку я приехал первым из заселяющихся в комнату № 1, то выбрал себе кровать подальше от дверей и расположенную вдоль стенки. Кроме того, между моей и соседней кроватью стоял массивный шкаф и у меня образовалось нечто вроде «собственного пространства». Получив белье, подушку и одеяло, пошел устраиваться и часа через полтора у меня была готова жилплощадь с максимумом удобств, которые можно было придумать в таких условиях. К вечеру для общежития привезли новые тумбочки, и я получил в свое распоряжение одну из них. В конце дня я решил осмотреть окрестности вокруг института. На другой стороне пустыря, напротив нашего здания, имелся продуктовый магазин с хлебным отделом, так что за хлебом далеко ходить не нужно было. Сам институт стоял на пустыре обособленно, в стороне от транспортных путей. Я прошелся по бульвару до следующей остановки и опять вспомнил знакомые мне места – Филатовский глазной институт, где я приходил в себя после контузии, своего подопечного 23-летнего подполковника, наши выступления перед ранеными (в моем репертуаре было два номера – стихотворение М. Горького «Буревестник» и А.С. Пушкина «Анчар»). Стало грустно, я подумал – как встретят меня мои студенты-«сокамерники», как сложатся отношения с преподавателями. Стало уже темнеть и я отправился «домой», с дороги быстро уснул и проспал почти до 10 часов утра.

Утром быстро умылся, оделся и помчался в канцелярию, чтобы узнать, где и как мне сдать документы на пропуску, встать на комсомольский учет, получить карточки и талоны на

дополнительное питание, где найти декана факультета, где есть поблизости почта, чтобы дать телеграмму матери, как записаться в библиотеку, получить пропуск в институт и зачетную книжку. Московский опыт мне пригодился. Потом нужно было поехать к тетке Жене. В общем, «забот полон рот»... В течение четырех-пяти дней все основные проблемы были улажены. К первому сентября наша комната была полна. Коллектив подобрался на редкость «разнокалиберный». Достопримечательностью нашей комнаты были два брата-близнеца, только что окончивших школу – Яша и Абрам. Они были настолько похожи друг на друга, что даже за год совместного проживания никто в нашей комнате не научился их различать. Конечно, при сдаче экзаменов они этим сходством активно пользовались – один тщательно готовился по одному предмету, второй – по другому, и сдавали по два раза один и тот же экзамен.

Рядом со мной расположился демобилизованный 30-летний капитан. Всю войну он прошел в качестве адъютанта одного из известных командующих – вначале с 1941 по 1945 г. на западных фронтах, затем еще полтора года прослужил с ним на Дальнем Востоке. В нашей комнате он имел наибольшее количество правительственных наград. Я как-то спросил его – убил ли он хоть одного врага? «Ну что ты, я же ни разу не был на линии фронта. Мое место было в приемной командующего, но когда составляли списки награжденных, он всегда включал туда и меня», – ответил мне «боевой» капитан. Был он человек по натуре добрым, отзывчивым, никогда не обижался на дружеские шутки. Очень аккуратный, всегда ходил в отглаженной форме, с чистым белым подворотничком. Однако была у него одна слабость – панически боялся мышей и крыс! Несколько раз мы подшучивали над ним, подбрасывая ему под кровать несколько свеколок, тонкие корни которых так похожи на настоящие крысиные хвосты. Еще он очень любил музыку и привез с собой большую коллекцию пластинок, в том числе и японских, сильно удививших меня их необычайной мелодичностью.

Человек шесть-семь из жильцов нашей комнаты были свеженькими выпускниками школ, а остальные – демобилизованными, закончившими десятилетку еще до войны. Их можно было отличить по военной форме, в которой они всегда ходили – у большинства из них просто не было другой одежды. В то время во многих ведомствах и учебных заведениях вводили свою форму: в горном институте, в лесной промышленности, у шахтеров, судей и прокуратуры, у дипломатических работников, на всех флотах и т.д. Вскоре все это почему-то отменили. У нас

в институте форму носили гидрографы и океанологи, но, как правило, только те, у кого она сохранилась с военной службы. Вообще 1946 и 1947 гг. были одними из самых тяжелых послевоенных лет, особенно в сельской местности, где в ряде случаев от колхозов оставались только две-три бригады, состоящие в основном из стариков, инвалидов и детей. Немалые потери понесло население страны уже в эти годы. Повышенная стипендия в нашем ОГМИ составляла 320 руб., а в университетах и гуманитарных вузах – 220 руб. в месяц. По карточкам давали 500 г хлеба в день. В нашей столовой были еще обеды, хоть и жиденькие, но все же... Жить было можно.

К тетке Жене я выбрался только на четвертый или пятый день после приезда. Она была дома и строчила на своей машинке. Увидев меня, бросилась обнимать и целовать, причитая, что так скучала по мне и маме. За это время она спасла от голодной смерти демобилизованного моряка-мичмана, выходила его, а затем женила на себе. Мужик он был хороший, из Подмосковья, воевал с 1941 г. вначале в Севастополе, а затем в Новороссийске. После освобождения Одессы их часть перевели сюда и в 1946 г. его демобилизовали. Он рассказал мне, что последним покинул Севастополь, хотя об этом никто ничего не писал. К началу июля 1942 г. немцы вытеснили на косу, уходящую в море, остатки войск, обороняющих Севастополь. Иван (так звали мичмана) был среди последних моряков, которые были вынуждены или погибнуть, или сдать в плен немцам.

Когда уже стемнело, неожиданно вблизи косы приводнился гидросамолет, который прилетел, чтобы забрать раненого генерала. Самолет находился недалеко от берега, летчики принесли носилки для раненого и несколько солдат понесли генерала на носилках к самолету, но когда они загрузили генерала, то их выстрелами отогнали от самолета, носилки втащили внутрь и сразу же стали заводить мотор. Иван недолго думая бросился в воду, подплыл к самолету, ухватился за «ногу» поплавок двумя руками и прижался к нему всем своим телом. Самолет взлетел и, как потом оказалось, летел до Новороссийска около 40 минут. Когда он приводнился, летчики с удивлением обнаружили на поплавке человека. Он был без сознания, но крепко держался за стояк на поплавке и оторвать его от самолета смогли только через полчаса после приземления. Иван был хоть и среднего роста, но состоял из сплетения железных мускулов. После демобилизации он оказался в Одессе без жилья, работы, денег и карточек. Как член партии, имеющий пять правительственных наград, прошедший всю войну, он обратился за помо-

щью в райком партии, но там его только записали в очередь для устройства на работу и сказали прийти через неделю, затем, когда он уже еле передвигал ноги, еще через неделю... Иван швырнул на стол партийного работника свой партбилет, обматерил его и сказал, что если бы тот попался ему на фронте, он был шлепнул его без всякой жалости. После такого фортеля путь в партийные органы ему был закрыт навсегда. Через несколько дней, опухшего от голода, его нашла на улице моя тетка Женя, и конечно, ее доброе сердце не позволило равнодушно пройти мимо умирающего моряка...

Женя обучила своего «найденыша» обращаться с обувной швейной машинкой, он ее быстро освоил и стал тетке хорошим помощником, что позволило им даже немного улучшить свое материальное положение. Жили они все в том же подвале, в котором Женя обосновалась еще до нашего с матерью отъезда из Одессы. Квартира состояла из двух небольших комнат, практически без солнечного освещения. Проживали там сама тетка Женя и ее дочь от первого брака Света, 1936 года рождения, теперь добавился и Иван. Мы с ним быстро нашли общий язык, он много рассказывал о своей фронтовой жизни, и когда узнал, что нам разрешают носить флотскую форму, подарил мне черные клеши, офицерский китель, фуражку с «крабом» и черные флотские ботинки. Когда я появился в общежитии в этой форме, то меня сразу же прозвали «наш адмирал», но так как не меньше трети студентов ходили в морской форме, я не очень-то выделялся среди них. К сожалению, жизнь сложилась так, что Иван очень тосковал по своему Подмосквью, а Женя никуда из Одессы уезжать не хотела, поэтому брак их распался. Через несколько лет Иван уехал из Одессы, оставив Жене на память вторую русскую фамилию.

Учиться в ОГМИ мне было интересно, так как там преподавали усложненную высшую математику, гидрологию и гидродинамику, термодинамику, географию морей и т.д. Преподаватели были высокой квалификации, почти все лекции читали профессора. Так как институт был в ведении Красной Армии, то на первом курсе четыре раза в неделю была военная подготовка. Мы изучали Полевой Устав РККА, стрелковое оружие (за 15 минут должны были разобрать 45-миллиметровое оружие, а затем за такое же время собрать его). Довольно подробно нам преподавали боевые особенности бронетехники (на примере танка Т-34, КВ, ИС и др.), устройство противотанковых ружей и минометов. Именно тогда я с удивлением узнал, что наш лучший танк Т-34 в среднем совершал всего четыре боевых

выхода... Все эти занятия проходили в аудиториях и кабинетах военной кафедры и всегда вызывали большой интерес. Но занятия по строевой подготовке были истинной пыткой для студентов, особенно девушек. Проводили их, как правило, служаки старой закалки, которые считали своим долгом превратить нас в бессловесных ходячих манекенов. Но они не учли, что студенты – это не солдаты. Первыми вышли из подчинения участники войны, которые уже давно прошли эту муштру. Они добились освобождения от строевой подготовки. Это еще больше обозлило наших «строевиков» и они выдумывали для нас особо неприятные команды, например, 10-15 раз «лечь-встать» на мокрой земле, да еще и ползти по ней!

Тогда мы решили провести «итальянскую забастовку» и договорились, что после двух-трех подобных команд мы перестанем их выполнять, будем лежать на земле сколько выдержим, а потом встанем и строем пойдем в институт, горланя по пути какую-нибудь «приблатненную» песню типа «Прощай, Маруся...». Когда наступил день строевой подготовки, погода была пасмурная, накрапывал мелкий дождик, но желание проучить наших мучителей было столь велико, что мы решили не отменять нашу акцию. Занятия по строевой подготовке проводились недалеко от института. Наш майор вывел нас на стартовую прямую и начал, как обычно, свою «дрессировку» студентов с команды «бегом – марш». Мы добежали до конца дорожки, последовала команда «стой», потом «кругом», и уж затем любимая команда – «ложись». Все упали на землю, а наш майор прямо-таки светился от удовольствия. Он скомандовал «встать», но ни один студент даже не пошевелился. Майор зарорал уже во весь голос: «Вста-а-а-ть», но опять никто даже с места не двинулся. Тут уж он забегал вокруг нас, то пугая, то уговаривая встать, но в ответ вся группа хранила полное молчание. Наконец наш командир все понял и начал уже буквально упрашивать нас встать, обещая, что никогда больше не будет злоупотреблять своей властью. К этому времени мы уже порядочно замерзли, согласились встать и через несколько минут наш отряд уже маршировал в институт под свою песню. После этого случая отношения нашего «дрессировщика» к нам кардинально изменилось.

Этот приезд в Одессу ознаменовался для меня рядом неожиданных встреч. Через несколько дней, в воскресенье, я решил пройтись по Пролетарскому бульвару и посмотреть на дачу маршала Жукова. Я перешел на левую сторону бульвара в направлении к Аркадии и вскоре вышел к так знакомому мне

Филатовскому глазному институту. Метров через 50-60 впереди меня шел молодой человек с палочкой, хромающий на правую ногу и чем-то мне очень знакомый. Я прибавил шагу и вскоре догнал его. Он обернулся и просто замер на месте. Подобный паралич охватил и меня, еще не веря своим глазам я понял, что это Витька Срибный, мой неразлучный друг во все три года оккупации, благодаря которому я освоил алгебру и геометрию за 6 и 7 классы в домашних условиях. Мы бросились друг к другу, крепко обнялись и даже расплакались. Он кратко рассказал мне свою историю участия в военных действиях. Буквально через неделю после нашего с матерью отъезда в Западную Украину, его отправили на фронт (он был старше меня), под Яссы. Там его вскоре ранили в колено правой ноги. На этом участке фронта наши войска в тот период отступали и его подобрала немецкие санитары.

Витькино состояние было тяжелым и немцы отправили его в госпиталь в Вену, где он пролежал несколько месяцев. К моменту выздоровления его использовали в госпитале в качестве санитаря. В 1945 г. он попал в американскую зону оккупации Австрии и ему предложили уехать на Запад, но он решил вернуться домой, в Одессу. В 1946 г. поступил в Одесский медицинский институт, где до войны его отчим, профессор, заведовал кафедрой нейрохирургии. С началом оккупации Одессы румыны вывезли отчима в Бухарест, где сделали его главным хирургом нейрохирургического отделения Центрального военного госпиталя. После окончания войны Витино отчима, несмотря на высокую квалификацию, зав. кафедрой уже не поставили. Определенная тень в биографии отчима падала и на ни в чем не повинного Виктора. Я вкратце рассказал ему свою историю, и он предложил мне зайти на их дачу, которая находилась невдалеке от того места, где мы встретились, и располагалась вблизи зоны охраны дачи маршала Жукова. Витя предупредил меня, что на даче сейчас находится его жена, с которой он расписался около месяца назад, но никто из его домашних об этом еще не знает. Она была на пять лет старше его и, по словам Виктора, редкой души человек. Когда Виктор меня с ней познакомил, то я искренне пожалел его – настолько она была страшненькая... Мы договорились, что теперь будем часто встречаться, но фактически нам с ним удалось увидеться только через 18 лет...

Время неумолимо текло вперед и вскоре мне пришлось сдавать первые зачеты: начертательная геометрия и техническое черчение, военная подготовка, еще два каких-то, помню, что

их было пять, но какие именно – забыл. В это время (начало декабря) все считали, что вопрос отмены карточек и денежной реформы будет решен буквально на днях, но на каких условиях, ничего не было известно и ходили самые разнообразные слухи. Постановление Правительства о денежной реформе было опубликовано, как мне помнится, где-то 15-го или 17-го декабря. Однако отдельные слухи просочились на несколько дней раньше. В основном, было неясно – как будут обменивать деньги, хранящиеся в сберкассах. По одним слухам, их будут менять 1:1, по другим – 1:3, по третьим – какую-то сумму 1:3, а остальные (до 40 тыс. рублей) – 1:10. Народ заметался. Кто-то побежал срочно сдавать в сберкассу хранящиеся дома деньги, другие – забирать из сберкасс и срочно их тратить на все, что можно долго хранить. Я сам видел, как из аптек тащили ящики по 100 коробок зубного порошка в каждом. Люди с деньгами скупали аккордеоны, фарфор и хрусталь в комиссионных магазинах, один старик с трудом тащил в мешке бронзовую Венеру. Особенно переживали те, у кого было больше 40 тыс. рублей. Ко мне за советом обратился наш капитан: что ему делать – отнести деньги в сберкассу или оставить дома для обмена, а может быть, все быстро потратить? Я спросил его, сколько у него денег? Он ответил – пять тысяч. Деньги по нашим студенческим меркам немалые, потерять их, конечно, было жалко, но, с другой стороны, для государства – это не сумма. Я посоветовал капитану сдать их в сберкассу и спокойно ждать обмена. Он попросил меня съездить в сберкассу вместе с ним.

Мы быстро собрались и через полчаса были уже в сберкассе. Там оказались две почти равные очереди – в одной стояли желающие сдать деньги, в другой – забрать. Капитан приуныл и спросил – может, не сдавать деньги? Но я убедил его, что раз уж приехали, то лучше своего решения не менять. Очереди шли довольно быстро, причем немало владельцев денег постоянно перебегали из одной очереди в другую. После того, как деньги капитана перекочевали из его карманов в сберкассу, он сразу успокоился и произнес: «Трус в карты не играет!»... На следующий день к семи часам утра все общежитие было уже на ногах у репродуктора с ожиданием сообщения – как же все-таки будут менять деньги? И вот Левитан своим траурно-торжественным голосом сообщил нам, что с сегодняшнего дня отменяются все виды карточек и талонов на хлеб, продукты и промышленные товары. Одновременно с сегодняшнего дня начинается деноминация денежных знаков по следующей схеме:

– свободный обмен денежных знаков в соотношении 10 руб. старых – 1 руб. новых;

- деньги, хранящиеся в сберкассах – до 3000 рублей обмениваются 1 руб. старых на 1 руб. новых;
- деньги, хранящиеся в сберкассах от 3001 до 10000 руб. обмениваются в соотношении 3 рубля старых на 1 рубль новых;
- деньги, хранящиеся в сберкассе от 10001 до 40000 рублей – 10 руб. старых за 1 рубль новых;
- деньги в сумме, превышающей 40000 старых рублей, обмениваются в отделениях Госбанка СССР;
- обмен денег производится с 20 по 31 декабря 1947 г.

Вскоре нам объявили, что стипендии новыми деньгами нам выдадут в этот же день с 14 часов в кассе института. После 14 часов от института к хлебному магазину протянулась цепочка счастливых обладателей новых денег, на которые там приобретали по буханке хлеба и одному белому батону фактически за копейки (в сумме их стоимость составляла около 40 или 50 копеек). К тому же было объявлено, что мелочь (от одной копейки до 20) обмену не подлежит и остается в обращении с сохранением своего номинала. Мой сосед буквально прыгал от радости, что послушался меня и сдал свои пять тысяч в сберкассу. Теперь у него на книжке оказалось 3666 новых рублей вместо 500, если бы он все свои деньги оставил при себе, т.е. в семь с лишним раз больше. В общежитие в этот день царило хлебное изобилие. Подобное явление наблюдалось у нас в конце ноября, когда около 11 часов вечера в общежитии появился наш директор и сообщил, что нам выделили пшеничную муку по 2 кг на студента, но получить ее мы должны прямо сейчас в хлебном магазине, находящемся от института в полутора километрах. Почти в полной темноте вереница студентов с сумками ускоренным шагом продвигалась к сюрпризу, ожидавшему нас впереди. Когда мы поинтересовались, почему именно ночью нам выдают муку, то ответ отказался очень простым – днем нам было бы к магазину не пробиться и не избежать неприятных инцидентов с местным населением.

К двум-трем часам ночи практически все студенты уже вернулись в общежитие с двумя килограммами пшеничной муки, а студент всегда и во все времена постоянно голоден, о чем очень колоритно было сказано в нескольких строках народного творчества:

*... Мороз и солнце, день холодный.
Бежит студент, как волк голодный.
Бразды пушистые взрывая,
Несется он быстрее трамвая.
А на штанах его давно
В Европу протерто окно...».*

Принеся муку, почти все тут же бросились печь блины, оладьи и просто пресные лепешки. В ход пошли все имеющиеся в комнатах электроплитки, сковородки и все виды масел и жиров, в том числе и рыбий... У меня часто бывала изжога, поэтому я всегда возил с собой питьевую соду. В этом случае она оказалась очень кстати. Почти до утра во всех комнатах общежития праздновали «хлебную ночь».

Тем временем всесоюзная операция по обмену денег продолжалась. Наш институтский народ был практически безденежный, но у многих семей имелись солидные денежные накопления, не всегда собранные честным путем. Многие, поверившие, что обмен денег будет продолжаться до 31 декабря 1947 г., не спешили обнародовать свои суммы, и вдруг через пять дней с начала обмена по радио передали неожиданную новость – «по просьбе трудящихся» Правительство СССР приняло решение прекратить обмен денег с 26 декабря 1947 г. Это был иезуитски хитрый ход. В стране уже все привыкли, что обещания И.В. Сталина безукоризненно соблюдаются, поэтому наиболее богатые представители населения считали, что у них еще есть в запасе время. Малоимущие же слои, которых было подавляющее большинство, свои скудные сбережения обменяли в сберкассах в первые же дни начала обменной кампании. Денежные тузы попались в ловушку, хотя следует признать, что от такого неожиданного обрыва обменных операций пострадали и высокооплачиваемые артисты, военные, научные работники и т.п. Однако в то время прослойка таких людей была очень малочисленная. В целом отмена карточной системы и денежная реформа сыграли положительную роль в улучшении социально-экономического положения в стране. К тому же с 1 апреля 1948 г. было объявлено о снижении цен на ряд товаров, которое впоследствии объявлялось в этот день ежегодно, вплоть до смерти И.В. Сталина.

Первую экзаменационную сессию я сдал на пятерки и мне в качестве поощрения выдали бесплатную путевку в Дом отдыха на 24 дня. Вместе со мной такую же путевку получил студент из нашей группы, демобилизованный капитан-лейтенант, которого звали Василий. Он, как и я, всегда ходил в морской форме (ничего другого у нас просто не было). Оба мы жили в основном на стипендию, благо она была у нас повышенная, кроме того, мать мне обычно высылала 100 рублей в месяц. Когда мы с ним получили путевки в профкоме, я посмотрел свою и рассмеялся – путевка была в бывший санаторий (сейчас Дом отдыха) профсоюза железнодорожников, где моя мать работала два

месяца в 1940 г. и на территории которого меня арестовывали во время общей облавы по городу в ноябре 1941 г. И вот сейчас я опять попадаю в этот же памятный для меня санаторий.

В Доме отдыха находилось одновременно около 100 человек. Кормили нас хорошо, но каких-либо развлечений почти не было. По вечерам крутили старые кинофильмы и устраивали танцы под аккордеон. Я в то время танцевать не умел, да и стеснялся. Зато Василий смело приглашал дам, но получалось у него это как-то неуклюже, но так как почти две трети отдыхающих были дамы, а молодых мужчин вообще было не больше десятка, то он пользовался большим успехом, однако этим не злоупотреблял и после отбоя послушно шел в нашу комнату, где мы часто перед сном рассказывали друг другу интересные истории из своей жизни. Конечно, он имел большой жизненный опыт, так как был почти на пять лет старше меня. Всю войну он прослужил на Черноморском флоте, имел ранение и пару орденов. Перед экзаменационной сессией меня несколько раз приглашала к себе домой одна из наших студенток с просьбой помочь ей в выполнении курсовых работ. Жила она в шикарной трехкомнатной квартире вместе с престарелыми родителями. У них было пианино, на котором она неплохо играла. Я не хотел ходить к ней один и брал с собой Васю. Перед нашим походом в гости он тщательно наглаживал свою единственную морскую форму, до зеркального блеска начищал ботинки, надевал свои ордена и медали. Так мы с ним ходили в гости раза три, пели модную в то время «Студенточку» и нас там обычно хорошо угощали.

Я не придавал этим посещениям никого особого значения, но однажды эта девушка спросила меня: «Зачем ты приводишь с собой этого Васю. Он сидит и все время молчит». Конечно, Васе я ничего об этом не сказал, но сам понял, что расчет здесь велся не на Васю. В Доме отдыха мы с ним как-то разговорились на эту тему и он попросил меня больше не приходить к этой студентке, он сам будет помогать ей в учебе. Оказалось, что он имеет определенные планы на свое будущее и ей отведена в них особая роль. Он сказал, что у него фактически нет никаких родственников, способных хоть в чем-то помочь ему, нет и жилья, а есть только единственный костюм и учеба на все пятерки, а эта студентка хоть и не блистала красотой, однако была обеспеченной и он был согласен жениться на ней. Вообще он был уверен, что со временем сделает хорошую карьеру. Мое же присутствие, по его мнению, ставит его в невыгодное положение и он видит, что симпатии ее родителей на моей стороне.

Мы договорились, что я под разными предложениями буду избегать приглашений к нашей сокурнице и ему предоставляется полная свобода действий. Не знаю, удалось ли Васе осуществить свой план устройства личной жизни, так как наши пути вскоре разошлись и мы больше никогда не встречались.

Зима 1947/1948 г. оказалась очень теплой, в начале февраля снег уже сошел и я пригласил Васю совершить поход на 12-ю станцию Большого Фонтана посмотреть на ту дачу, в которой мы с матерью зимовали в 1941-1942 гг. Погода стояла солнечная, дорожки подсохли. Трамвай ходил тогда только до 10-й станции, поэтому мы отправились пешком. Прошли около 300 метров от нашего Дома отдыха и увидели, как на асфальтированную дорожку впереди нас вышла молодая девушка в теплом платке с пустым бидончиком для молока. Пройдя немного впереди, она посторонилась и пропустила нас вперед. Я обернулся и... глазам своим не поверил – это была Лиля, девочка редкостной красоты, которая жила со своей бабушкой в соседней с нами полуподвальной квартире, но с окнами, выходящими во двор, тогда как окна нашей комнаты выходили на улицу. Судьба ее была трагична. Ее деда, контр-адмирала, латыша Якобсона, расстреляли матросы в 1920 г., а отец и мать исчезли где-то в 30-х гг. и с тех пор она жила со своей 85-летней бабушкой. На какие средства они жили, было непонятно, очевидно, у ее бабушки были какие-то ценности.

Лиля была на два года моложе меня. У нее были огромные голубые глаза, пышные золотистые волосы, стройная фигурка. Когда бомба попала в наш дом, то ее бабушка была в комнате одна и лежала на кровати. Сторона дома, обращенная во двор, пострадала намного меньше нашей, хотя все окна и двери в комнатах были выбиты, потолки частично обвалились, но старушка Якобсон осталась жива и ее вытащили из-под обломков мебели, рухнувших перегородок и кусков штукатурки. Когда мы приехали в город с дачи на второй день после бомбежки, то мародеры уже обшарили наши полуразрушенные квартиры, в том числе и комнату Якобсон, не стесняясь, что там лежала полуживая старуха. Когда мы с матерью перебирали остатки нашего добра, уцелевшего после бомбежки, к нам пришла Лиля и сказала, что ее бабушка зовет меня к себе. Когда я подошел к ней, она протянула мне тонкий альбом в кожаном переплете и тихо произнесла: «Геня, через день-два я умру и хочу подарить тебе этот альбом с очень дорогими марками. Береги его, это марки моего адмирала». После этого она закашлялась и потеряла сознание, Лиля стояла рядом и молча плакала. Мы пообе-

щали, что навестим их через два-три дня. Это было в первых числах октября 1941 г., а 15 октября немцы уже вошли в Одессу.

Так получилось, что я смог забежать в наш дом только через неделю. Там я узнал, что бабушка Лили умерла и ее похоронили, а сама Лили ушла после похорон с кладбища и никто ее больше не видел... И вот спустя шесть лет она рыдает у меня на груди и слезы сплошными ручейками текут из ее огромных потемневших за это время синих глаз. Я спросил ее, как она очутилась здесь, на Большом Фонтане, где живет, чем занимается? Она вкратце рассказала мне о своей печальной судьбе. Когда похоронили бабушку, у нее не было ни копейки денег, ни жилья, ни одного родственника и она пошла по городу куда глаза глядят. Три дня она ничего не ела, а потом очутилась возле рынка (Привоза), сама не помня как. Там она потеряла сознание, ее подобрал и привез к себе домой на хутор вблизи от 13-й станции Большого Фонтана какой-то мужик, сбежавший с фронта при отступлении наших войск. Там у него были мать, жена и ребенок. Лилю он привел в дом в качестве работницы, так как у его семейства имелась корова, овцы и куры. Когда она поправилась, то на нее были возложены обязанности по уходу за всей этой живностью. Лили была необыкновенной красоты девушка, хозяин стал приставать к ней и в конце концов ее изнасиловал. Она родила сына. В плохом настроении хозяин бил ее и свою законную жену. Лиле было тогда всего 17 лет. К тому же хозяин очень опасался за свою жизнь. Фактически он был дезертиром, хотя и достал какие-то справки о том, что в момент отступления войск из Одессы был тяжело болен, хотя все соседи знали, что он здоров как бык. Мы с Васей предложили Лиле дать нам ее адрес, мы позовем еще кого-нибудь из демобилизованных, сами оденем форму, втроем придем к ним и допросим хозяина – почему он всю войну просидел дома вместо того, чтобы защищать родину на фронте, потребуем данные о прописанных в доме (у Лили не было прописки), узнаем, почему несовершеннолетняя работает у него без всякого законного оформления. Можем еще припугнуть, что соседи написали на него жалобу, что он систематически издевается над женщинами. Она согласилась, что припугнуть его следует, но не очень, чтобы он после этого ее просто не выгнал, куда она тогда пойдет с ребенком? Мы так и сделали – через несколько дней пришли к этому мужику и спросили: кто здесь живет, кем хозяину приходится Лилия, от кого у нее, несовершеннолетней, ребенок? Пригрозили, что если он еще раз тронет Лилю, то поедет в Магадан как дезертир, сбежавший с фронта (что было истин-

ной правдой). После нашего визита хозяин несколько прижал хвост... К сожалению, с Лилей мне больше не приходилось встречаться, жаль только, что я по своей безалаберности лишился коллеккции марок, которую перед смертью мне подарила старуха Якобсон.

В втором семестре у нас была продолжительная практика по геодезии (около месяца), в связи с чем учебный период был значительно короче, чем в первом семестре. На первомайские праздники в нашем институте намечался ряд торжественных мероприятий, в том числе и возможное посещение института маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. Нам часто приходилось видеть его кортеж, так как путь его автомашины пролегал недалеко от нашего института по Пролетарскому бульвару. Ездил он обычно с небольшой скоростью – 50-60 км в час. В первой и последней машинах находилась его охрана и «спецконтингент», в средней – он сам. Однажды несколько наших студентов, и я в том числе, приехали на трамвае из Аркадии к институту, вышли и увидели, что из города по Пролетарскому бульвару движется кортеж маршала, причем вторая машина значительно отстала от первой и между ними образовался интервал. Мы решили проскочить между машинами на другую сторону улицы. Однако, как только мы бросились перебежать проезжую часть, как средняя машина рванулась со всей мощностью своего мотора вперед, отрезая нам путь, так что мы едва успели отскочить назад на тротуар. Такой вот урок нам преподали...

Первомайские праздники подошли незаметно, на общем собрании коллектива института наш директор сделал довольно обширный доклад, который не обошелся без анекдотичного комментария, хотя мог окончиться весьма печально. В своем докладе директор призывал выпускников института начинать свою работу с Дальнего Востока, Крайнего Севера и сослался при этом на выдающихся русских ученых: С.П. Крашенинникова, И.Д. Черского, Ф.П. Литке, В.А. Русанова, В.А. Обручева, Г.И. Невельского и других, которые начинали свой путь в науку именно в этих отдаленных в те времена регионах. В этот момент с галерки послышался довольно сочный бас: «В наше время они там заканчивают свой путь...». В зале раздался хохот и аплодисменты, а затем наступила полная тишина. По тем правилам, что царили тогда в стране, это была верная «десятка» по 58-й статье. Наш директор не растерялся, промолвил «каждому времени нрав и права», а затем продолжил свою речь. Как видим, смелые люди были и в сталинские времена. О ка-

ких-то карательных мерах и последствиях этой реплики потом не было слышно. После официальной части были танцы, но ни в зале, ни в комнатах общежития не было видно ни одного выпившего. Правда, для небольшого числа выпускников, которые еще до войны окончили два-три курса института, был организован отдельный банкет, но не на территории института.

В конце мая экзамены закончились и началась продолжительная практика по геодезии, включающая теодолитную, нивелирную и мензульную съемку. Работа проводилась бригадным методом, по шесть-семь студентов в бригаде. Работа по съемке полигонов, выделяющихся каждой бригаде, оказалась весьма сложной и, несмотря на все старания, нам пришлось проводить ее для нашего полигона дважды. Во время практики погода стояла жаркая, все загорели как негры, но в конце дня нам все же удавалось искупаться в море, так как наш полигон оказался недалеко от берега. Результаты учебы за второй семестр у меня оказались неплохие, хотя один экзамен я сдал на четверку (векторная алгебра), все остальные – на пятерки. Заполнив зачетки, мы начали готовиться к поездке домой, чтобы вернуться на занятия к 1 сентября 1948 г. Договорились между собой, что тот, кто первым вернется осенью на занятия, занимает уже обжитые нами места. Но, судьба распорядилась иначе и вернуться в ОГМИ мне не было суждено...

В начале августа 1948 г. мне домой в Коломыю пришла повестка, согласно которой я вызывался в медкомиссию Прикарпатского военного округа для решения вопроса о снятии меня с воинского учета по состоянию здоровья. Адрес комиссии был указан во Львове. Я зашел в Коломыйской военкомат и объяснил там, что сейчас учусь в Одессе и мне было бы удобнее пройти эту комиссию там, тем более, что именно в Одессе я и лечился после контузии. Но мне сказали, что во Львове мне нужно быть уже через три дня и не следует осложнять себе жизнь, ведь всю комиссию можно пройти за один день. Я собрал все необходимые документы, взял немного денег (все, что у меня было), купил билет на поезд Черновцы – Львов и на следующий день утром уже прибыл на комиссию во Львовский горвоенкомат. Действительно, весь осмотр я прошел в одном этом здании. По всем показателям я оказался здоров, к службе годен, кроме зрения. Комиссия по зрению была назначена в другом районе города, и если я успею туда, то может быть меня обследуют уже сегодня и если я до шести вечера вернусь в военкомат, то меня сегодня же и отпустят домой.

Я помчался на трамвай и к трем часам дня уже был на комиссии. Здесь повторили поставленный ранее диагноз: «Контузия правой стороны головы. Полная потеря зрения на правый глаз. Разрыв сетчатки. Атрофия глазного нерва. К военной службе непригоден». С этим заключением к пяти вечера я опять был в военкомате. Где-то около часа ушло на оформление документов, и к шести часам у меня на руках уже был «белый билет» – свидетельство об освобождении от военной обязанности. За весь день я не успел ни разу поесть. Подсчитал свои денежные ресурсы, отложил сумму, необходимую на проезд до Коломны, и по моим подсчетам денег хватало на обед и еще бутылку лимонада.

Когда я добрался до вокзала, то до отправления поезда на Черновцы оставалось 10 минут. У кассы никого уже не было, и вытащив кошелек, я хотел достать деньги на билет, которые были отложены в отдельный кармашек, но ничего там не обнаружил! Я перерыл все карманы, проверил все места, куда можно было спрятать десятку в здравом уме, но все было напрасно. Тут по радио объявили, что мой поезд отправляется через пять минут. Я побежал на перрон, но в вагон меня без билета не пустили. Я решился на последний безумный шаг – быстро забрался на крышу вагона и лег возле вентилятора. Несмотря на летнее еще время, по крыше ходил ветер, но вентилятор был теплый и вскоре я крепко заснул. Проснулся я от какого-то разговора надо мной, а затем почувствовал, что кто-то расстегивает мою куртку. Тут я приподнялся и увидел рядом трех молодых парней. Они стали расспрашивать меня, куда я еду, почему на крыше вагона. Я рассказал им о моей беде, и так как тело все затекло пока я спал, встал на ноги и потянулся. В этот момент кто-то крепко обхватил меня и повалил обратно на крышу вагона. Тут же один из моих новых попутчиков закричал, матерясь, мне в ухо: «Сейчас туннель! Знаешь, сколько голов здесь собирают поутру? Так что скажи мне спасибо!». Действительно, мы уже с грохотом въезжали в очередной туннель. Я еще успел подумать – вроде бандит, а спас меня, рискуя своей жизнью.

Немного поговорив с новыми «товарищами», я опять заснул, но вскоре почувствовал, что поезд замедляет ход. Прислушавшись, я разобрал по разговору, что речь идет обо мне. Один из них спрашивал остальных: «Что будем делать с этим? Ведь он видел нас и может заложить...». На это мой «спаситель» спокойно ответил: «Нужно сбросить его с вагона прямо сейчас, и дело с концом». У меня от испуга волосы встали ды-

бом. Но главный среди них твердо сказал: «Парня не трогайте, он ведь студент. Что с матерью будет, он ведь один у нее. Мы сейчас пройдем в хвост поезда и там спрыгнем, когда он затормозит». Они тут же поднялись и исчезли в темноте. У меня тряслись все поджилки – как легко, оказывается, можно расстаться с жизнью. Поезд уже подходил к перрону города Драгобыч и я быстро спустился с крыши с другой стороны вагона и по переходу вышел на перрон. Проводница, увидев меня, подождала к себе и спросила – тебе в Коломыю? Я утвердительно кивнул головой, так как говорить не мог – зубы стучали от холода и пережитой угрозы гибели. Она мне сказала, чтобы я шел в вагон и забирался на верхнюю полку, так как бригада контролеров уже сошла с поезда. Так я и добрался домой, но с тех пор ездить на крышах вагонов зарекся навсегда. Вообще-то, неожиданная болезнь, о которой речь пойдет ниже, возможно, явилась следствием моего путешествия на крыше вагона, которое я совершил после медкомиссии во Львове.

Непонятная болезнь. Выбор сделан!

Весь июль и часть августа 1948 г. я провел в домашних делах, главным из которых была подготовка к зиме запасов дров. Ходил на речку, много читал. В середине августа начал готовиться к отъезду в Одессу, правда, с деньгами было туго. Зарплату у матери урезали, сократив возможности дополнительного заработка. На втором курсе нам должны были несколько повысить стипендию, тем более, что после отмены карточек жить стало легче. Беда пришла неожиданно: то ли я слишком увлекся купанием в реке, вода в которой была довольно холодной, то ли чем-то заразился, но у меня вдруг резко повысилась температура, появились сильные головные боли и головокружение. В результате я еле-еле самостоятельно добирался до туалета. Врачи ничего не могли определить. Появилась частая рвота, и врачи стали подозревать отравление. Так или иначе, но до конца сентября мне пришлось пролежать в постели. В деканат института я отправил письмо, что лежу больной и когда поправлюсь – не знаю. Мне пришла телеграмма, чтобы я подтвердил свои слова справкой от врача, что моя мать и сделала. Точный диагноз врачи так и не смогли установить, поэтому боялись взять меня в больницу, так как не исключали вероятности какого-либо опасного инфекционного заболевания. Только в начале октября я пошел на поправку.

Из института мне прислали письмо с предложением взять до конца года академический отпуск, а на следующий год продолжить учебу. Я колебался, не зная, как мне лучше поступить. Врачи же вообще посоветовали мне далеко от дома не уезжать, а перевестись в какой-нибудь институт в Станиславе или во Львове. Мать тоже уговаривала меня послушать врачей и не ехать в Одессу. В конце концов я выслал в институт заявление с просьбой отчислить меня в связи с заболеванием и рекомендациями врача, и к новому 1949 г. мне прислали мои документы. К этому времени я окреп и стал думать о работе. Одна из сотрудниц матери предложила устроить меня в Дорожно-эксплуатационный участок ОШОСДОРА – УМВД на должность техника. Оклады там были неплохие и работа несложная – в основном составление финансовых отчетов. Я согласился и три месяца крутил арифмометр, рассчитывая ведомости на оплату выполненных работ по каждой из пяти дистанций, входивших в дорожный участок 885. Но это было зимой, летом же приходилось выезжать в горы для проверки выполненных ремонтных работ. Это было небезопасно и требовало определенных технических знаний, поэтому в марте я оттуда уволился.

С нового 1949 г. моя мать перешла на работу в Коломыйское шахтоуправление треста «Львовуголь». В это управление входило восемь сравнительно неглубоких (около 200-250 м) шахт. Все шахты находились вблизи населенных пунктов Ковалевка и Мышин, в 12-15 км от Коломыи. Так как большинство конторских служащих жили в Коломые, то ежедневно туда и обратно ходила автомашина. Зарплата там была повышенная, для сотрудников выделялся уголь для отопления домов. Однако шахты находились на территории Яблоновского района, отличающегося повышенной активностью бандеровских банд. Партийные, советские и охранные органы не успевали присылать новых сотрудников взамен убитых в засадах, повешенных или погибших в боевых действиях. В середине лета 1949 г. моя мать выписала уголь на зиму и на автомашине ЗИС-5 мы повезли его в конце рабочего дня в Коломыю. Я сидел в кузове на дощатом щите, брошенном на уголь, а мать – в кабине с шофером. Дорога в Коломыю была сильно разбита, так как по ней систематически ходили лесовозы, вывозившие из гор лес на железнодорожную станцию. Вот и в тот раз впереди нас пылил лесовоз, на бревнах которого сидел офицер в форме, а за ними в клубах пыли ползла наша машина. Мы отъехали от Ковалевки около четырех километров и подъезжали к селу Мышин, где у дороги стояла деревянная церковь и рядом

с ней – магазин. Когда лесовоз приблизился к магазину, из него вышли два вуйка в гуцульской одежде и подошли к дороге. Один из них вынул из-за пояса пистолет и почти не целясь дважды выстрелил в офицера, который упал на дорогу. Лесовоз сразу дал по газам и тут же скрылся в клубах пыли. Стрелявшие подошли к лежащему офицеру, спокойно вынули из его кобуры оружие, из кителя – документы и пошли к церкви. Мы не могли ехать дальше, так как несчастный офицер лежал поперек дороги и объехать его не было возможности. Я спрыгнул с машины и подбежал к нему, за мной подошел наш шофер.

Мы даже не подумали, что следом за офицером бандеровцы могли пристрелить и нас. Когда мы подбежали к убитому, то увидели, что это майор КГБ. Он был чисто выбрит и сильно пах одеколоном. В голове у него были две небольшие дырочки – одна под глазом, другая под подбородком. Когда мы приподняли его, нам показалось, что он еще дышит, но приглядевшись, увидели на его затылке частицы мозга. Я взял покойника подмышки (он был еще теплым), а шофер за ноги, и потащили его к машине, но поднять в кузов не смогли. Мать почти в обморочном состоянии сидела в кабине. Я предложил взять из кузова щит, положить на него майора и попытаться таким способом погрузить его в машину. Со второй попытки нам это удалось, но при этом мы изрядно измазались его кровью. На всякий случай я решил взглянуть на бандитов – не собираются ли они вернуться и заодно пристрелить и нас, но они уже отошли от дороги метров на 70-80 и на нас не обращали никакого внимания. Забираться в кузов к покойнику мне не хотелось и я сказал шоферу, что до города доеду на подножке кабины и чтобы он прямиком ехал в КГБ. Он набрал такую скорость, что даже колдобины на дороге перестали ощущаться. Когда мы подъехали к комитету, там только ахнули – убитый майор оказался недавно назначенным новым начальником Яблоновского райотдела КГБ, а через два часа должна была приехать поездом его жена с ребенком, встречать которых он так спешил. Щит вместе с телом майора сняли с машины и положили в тени у стенки здания прямо на асфальт. Меня попросили задержаться и написать докладную обо всем случившемся. Шофер сказал, что сам отвезет к нашему дому уголь и разгрузит его.

Как уже говорилось выше, в начале марта 1949 г. я уволился из ОШОСДОРа, а со второй половины апреля и до начала августа того же года временно работал старшим рабочим топо-

геодезической партии треста «Львовуглегеология». Пригодился опыт проведения геодезических работ в период практики в Одесском гидрометеорологическом институте, где я детально ознакомился с теодолитной съемкой и нивелировкой. Все работы проводились вблизи шахт, на расстоянии двух-трех километров от них. Работали мы бригадой из трех человек: техник-геодезист, старший рабочий (я) и рабочий с рейками. Работа мне нравилась, но приборы были изношенными, то и дело приходилось поправлять «крест-нитей», в теодолитах имелся небольшой люфт при определении вертикальных и горизонтальных углов. Мы очень уставали бегать с инструментами по крутым склонам.

Однажды утром, когда мы вели геодезическую съемку на склоне довольно глухого урочища, я неожиданно увидел на огромном дубе развевающийся желто-голубой шелковый флаг. Невдалеке стояла крепкая усадьба, очевидно, недавно отстроенная. К дубу была прислонена высокая лестница. Флаг был около двух метров длиной и полтора шириной. Мне послышалось, что в доме разговаривают несколько человек. Я обернулся и увидел, что техник-геодезист делает мне рукой знаки, чтобы я возвратился назад. Увидев, что я повернул назад, вслед за мной пошел и наш рабочий. Когда эта «флагоносная» усадьба скрылась из глаз, наш геодезист, человек уже в возрасте, тяжело вздохнул и сказал: «Кажется, пронесло... Очень прошу вас – мы ничего не видели». Я пришел домой к матери, ей выделили в Ковалевке к этому времени однокомнатную квартиру, чтобы при необходимости она могла оставаться на работе в вечернее время, в особенности при составлении отчетов и ведомостей на зарплату. Я же остался прописан в доме по ул. Лермонтова в Коломые. В шесть часов вечера я зашел в штаб гарнизона и рассказал об увиденном. Комендант гарнизона тут же позвонил в Комитет госбезопасности Яблоновского района. Оттуда поступил приказ флаг немедленно снять и доставить в райотдел КГБ. Комендант спросил меня, смогу ли я найти дорогу к «дому с флагом», на что я ответил утвердительно.

Всего нас собралось восемь человек. Мне дали револьвер «наган», семизарядный, очень надежный. Я вместе с комендантом шел впереди, за нами на определенном расстоянии – остальные шесть бойцов (по трое в группе). У всех были автоматы и несколько гранат. Тропинку я запомнил хорошо, к тому же ярко светила луна. Где-то через полчаса показался дом на поляне, дуб-богатырь и флаг на нем. За весь день никто кроме меня не сообщил о нем в комендатуру и тем более не попытался

его снять. По дороге комендант рассказал, что под этим дубом два года назад был убит полевой командир-бандеровец по кличке Буденный, у которого были пышные усы. Еще среди атаманов были Ворошилов, Чапай и др. Когда мы подошли к опушке леса, то все легли на землю и несколько минут присматривались. Один раз кто-то вышел из дома, но вскоре вернулся назад. Потихоньку мы подобралась к дому с разных сторон, а комендант постучал в окно, назвался и вызвал хозяина во двор. Его здесь все знали и побаивались. Перед этим я предложил тихонько забраться по лестнице к флагу и снять его, но комендант только усмехнулся и едко ответил: «А ты знаешь, сколько таких смельчаков по кускам собирали? Почти каждый третий подобный объект бандеровцы минируют». Хозяин ни слова не говоря быстро забрался по лестнице и через некоторое время флаг уже был в сумке у коменданта. При передаче его вуйко заверил, что у него в доме никого из «лесных друзей» нет. Вскоре комендант уже звонил в Комитет госбезопасности, что флаг доставлен в штаб, сразу же получил «втык» за то, что у него под носом бандеровцы развешивают националистическую символику, а они ничего не знают, и приказал немедленно доставить флаг в райотдел. До Яблонова от Ковалевки было 15 километров, и через 20 минут наш трофей был на столе у начальника райотдела. Нам же была передана по телефону благодарность за бдительность.

В начале августа я как-то шел по одной из окраинных улиц Коломьи и вдруг услышал, что меня кто-то окликнул из сада у одного из красивых коттеджей. Я подошел к забору и увидел во дворе дома Игоря, ученика нашей русской школы, который окончил ее на год позже меня. Я знал, что его отца, полковника, зам. военкома города, несколько месяцев назад убили бандиты. Он бросил учебу в институте, в который поступил после окончания школы, и поклялся, что отомстит бандитам, виновным в гибели отца. Был он физически очень силен и стал готовить себя к мести. Я застал его лежащим на солнце и выжигаящим с помощью лупы у себя на левой руке имя Лена, девушки, с которой он собирался связать свою судьбу. Под солнечным лучом кожа на руке трещала и буквально кипела, но на лице Игоря это никак не отражалось.

Когда я вошел, мы поздоровались с ним, и я, не выдержав, спросил: «Очень больно?». Он поморщился и ответил: «Конечно, но я заставил себя не замечать этого». Потом он встал и принес газету, в которой было напечатано объявление, что во Львовском лесотехническом институте объявляется дополни-

тельный набор студентов, стипендия и общежитие предоставляются. Игорь сказал, что он прочел это объявление и подумал, что мне стоит поступить на второй курс этого института. «Тебе там будет интересно, – сказал он, – думаю, что это твоя стихия». Несмотря на то, что он был на год моложе меня, умел говорить веско и убедительно. Мы попрощались, и я обещал подумать над его предложением. Сам Львов мне нравился, он чем-то напоминал Одессу, от Коломыи находился недалеко, к тому же на меня произвела неизгладимое впечатление экскурсия в лес летом 1944 г. Через несколько дней я отправил все документы уже в третий вуз, который действительно оказался моей судьбой, а лес – моей «болезнью» на всю жизнь. Недаром говорится, что Бог любит троицу.

Нужно учитывать, что у меня не было никого из близких, чтобы посоветовать, каким путем было бы лучше пойти в то очень нелегкое время, не были ни приличной одежды, ни денежных средств. У матери – начальное церковно-приходское образование, у тетки Жени – неполное среднее, а у бабушки Натальи Николаевны – вообще никакого. Но я всегда любил природу, неизведанные просторы, меня с детства влекла романтика путешествий, но начисто отсутствовало стремление к хозяйственному обустройству своей жизни, финансовым расчетам, я часто доверял людям, знакомства с которыми следовало бы избегать. Не раз меня, как говорится, надували самым бессовестным образом, причем я сам был во многом виноват, но почти всегда все же достигал того, к чему стремился. Так получилось и с выбором профессии.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ВО ЛЬВОВСКОМ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

В середине августа 1949 г. мне пришло письмо из Львовского лесотехнического института, в котором сообщалось, что мои документы рассмотрены приемной комиссией и меня могут принять на второй курс лесохозяйственного факультета при условии досдачи в течение двух месяцев экзаменов по четырем предметам за первый курс: морфологии растений, дарвинизму, органической химии и анатомии и физиологии растений. В письме также высказывалось пожелание оформить, по возможности, мой официальный перевод из Одесского гидрометеорологического института во Львовский лесотехнический институт. Приезд во Львов был определен 28-30 августа 1949 г. 28 августа из Коломыи во Львов шла машина за грузом для шахтоуправления и мать договорилась о месте в ней для меня. Обычно в грузовик загружали около 2.5 тонн угля для того, чтобы не гнать ее порожняком, выезжали из Коломыи около восьми вечера и приезжали во Львов около 8-9 часов утра. В этот раз машина была новая – трехтонка ЗИС-130, с большой кабиной, рассчитанной на трех человек. К семи часам утра мы приехали во Львов. Позавтракали в столовой и вскоре я уже был в приемной директора института, кандидата технических наук, доцента Виктора Ивановича Гарузова. Он спросил меня об успеваемости в Одессе и узнав, что все на «отлично», заметил: «Постарайтесь, чтобы у нас оценки были не хуже!». Директор подписал мое заявление и направил в деканат лесохозяйственного факультета.

Львовский лесотехнический институт (ЛЛТИ) был создан заново вскоре после освобождения города от немецких оккупантов на базе «пионерной» группы преподавательского коллектива Московского лесотехнического института, которая была откомандирована прямо из эвакуации во Львов. Вообще-то, несколько неясно, зачем нужно было открывать этот институт, когда во Львове с середины XVIII в., еще со времени Франца-Иосифа (на местном диалекте), существовала Лесная школа,

хорошо оборудованная, с высококвалифицированным коллективом преподавателей и отличной производственной базой. В Львовском сельскохозяйственном институте также имелся лесохозяйственный факультет, который функционировал до 1953 г., выпуская инженеров лесного хозяйства. Лесной факультет еще был в составе Львовской «Политехники» (так называли обычно Львовский политехнический институт), на котором основное внимание уделялось технологии переработки древесины. Таким образом, во Львове одновременно работали четыре высших учебных заведения лесного профиля. Лесная школа вскоре вошла в состав ЛЛТИ, в «Политехнике» продолжалась специализация в области механической обработки древесины, а лесохозяйственный факультет в сельхозинституте закрылся в 1953 г.

При поступлении в ЛЛТИ его директор В.И. Гарузов посоветовал мне попросить дирекцию Одесского Гидромета разрешить мой официальный перевод во Львов. Я сказал, что с такой просьбой уже обращался, но мне было отказано и добавил, что если бы письмо о моем переводе подписал он сам, то перевод был бы предоставлен. Он велел мне приготовить такое письмо со своей подписью. Вскоре оно было направлено в Одессу, и где-то месяца через два с момента моего перехода в ЛЛТИ мне все же были высланы документы с официальным разрешением. Это позволило полностью засчитать мне все предметы, по которым были сданы зачеты и экзамены с указанием полученных при этом оценок, а также засчитать в стаж обучения весь период с момента поступления в ОГМИ. К этому времени я уже сдал экзамены по органической химии, дарвинизму, морфологии растений и анатомии и физиологии растений – по всем четырем предметам с оценкой «5». Таким образом, моя задолженность была ликвидирована и я стал полноправным студентом второго курса лесохозяйственного факультета Львовского лесотехнического института с получением повышенной стипендии, так как за первый курс по всем предметам, кроме одного (высшая математика и вариационная статистика), у меня были только пятерки. В то время в ЛЛТИ обучалось около 2 тыс. студентов на четырех факультетах: лесоинженерном (ЛИФ), механической обработки древесины (МОД), инженерно-экономическом (ИЭФ) и лесохозяйственном (ЛХФ).

Следует отметить, что на Украине, особенно в ее западных областях, должность лесничего всегда считалась престижной и весьма прибыльной. В связи с этой «традицией» уже в первые годы организации и становления ЛЛТИ наибольший конкурс

при поступлении в институт был именно на лесохозяйственном факультете. На нем было по пять групп на потоке, в каждой группе – по 22-25 студентов, но до выпуска доходили далеко не все поступившие. Наш выпуск на ЛХФ был первым, и диплом получали 72 студента из 120 поступивших на первый курс. Кроме того, только в нашу группу дополнительно перешли из Архангельского лесотехнического института четыре студента и двое – из Киевской сельхозакадемии. К моменту моего поступления у ЛЛТИ имелось шесть учебных корпусов, четыре общежития, клуб, свой полигон для изучения устройства и обслуживания лесозаготовительной техники (передвижных электростанций, трелевочных тракторов, различного типа лебедок, узкоколейного транспорта, в том числе паровозов и мотовозов, механизмов для разделки хлыстов, лесовозных автомашин и т.д.). В составе института имелась большая военная кафедра, на которой военнообязанные студенты проходили специализацию по строительству аэродромов и организации работы военного автомобильного транспорта.

Львовский лесотехнический институт располагался на юго-западной окраине города, и в полутора-двух километрах от него начинались усадьбы небольших сел и лесные участки «зеленой зоны» Львова. Экономическое положение населения в этих местах можно было отнести к зажиточному сельскому хозяйству среднего уровня. Из этих районов в ЛЛТИ поступала значительная часть абитуриентов, в том числе и на лесохозяйственный факультет. Главный корпус института размещался в красивом здании бывшего учебного католического женского монастыря, построенного в конце XIX в. Вокруг него сохранился старинный парк, на территории которого находился дом, в котором в 1949 г. жили монашки-послушницы, прилежно работавшие в институте в основном в качестве уборщиц. Небольшой по площади, но с богатым видовым разнообразием дендропарк располагался вокруг зданий бывшей Лесной школы. Заложен он был в середине 19 века. Как показало изучение исторических документов, место, где располагались дендропарк и Лесная школа, около 200 лет назад было городским кладбищем и находилось на самой окраине Львова. Сейчас же это уже центральная часть города.

Во время моей учебы в ЛЛТИ в бывшей Лесной школе размещались кафедры лесоводства, лесной таксации и геодезии, зоологический музей. Учебных помещений в институте явно не хватало, и занятия шли, как правило, в две смены. Невдалеке от бывшей Лесной школы начиналась территория уникального

по своей композиции и видовому разнообразию Стрыйского парка. Он занимал несколько сотен гектаров и для многих поколений студентов служил учебной базой для практических занятий по дендрологии, фенологии древесных растений, сбора семян редких видов, а также по организации садово-паркового хозяйства в городских условиях. Кроме того, во Львове имелось несколько ботанических садов, в том числе два при Львовском университете им. И. Франко. Почти во всех пригородных гослесхозах имелись посадки интродуцированных лесных пород. Кроме того, на территории Закарпатья имелись уникальные посадки инорайонных пород, часто достигающие столетнего возраста и старше. Все это позволяло студентам-лесохозяйственникам получать высококачественное образование и стать квалифицированными специалистами.

Общежития всех факультетов, кроме нашего, лесохозяйственного, находились вблизи учебных корпусов, а наше размещалось в трехэтажном здании по ул. Сталина, дом 81. Следует отметить, что после XX съезда партии ул. Сталина переименовали в проспект Мира. Последний вариант названия этой улицы, как мне стало известно, был принят в 1994 г. – проспект Степана Бандеры... В 1949 г. наше общежитие заселялось после ремонта. На втором и третьем этажах было по восемь комнат, на первом находились туалеты, умывальные, комната-прачечная, квартира коменданта общежития (пани Зоси) и одна комната для студентов. За соблюдением режима наша пани следила очень жестко – в 23 часа ворота плотно запирались до утра, и никакие мольбы и просьбы не действовали. Правда, в скором времени студенты все же нашли обходной путь, но при этом нужно было преодолеть два забора (один из них с колючей проволокой) и довольно узкий лаз. Как правило, преодоление этой системы препятствий не обходилось без каких-либо происшествий, связанных с образованием дырок на одежде и царапин на теле нарушителей режима. Общежитие было по половому составу практически мужским – в нем жили только три женщины: две из семейных пар и сама пани Зося. На втором и третьем этажах было по одной входной двери, а дальше все комнаты были проходные, кроме последних. Поскольку на третьем этаже я был первопоселенцем, то, конечно, занял себе место именно в последней комнате.

В нашей комнате поселили шесть человек, двое из которых были участниками войны. По национальному составу у нас были два украинца, двое русских, один венгр из Закарпатья и один молдаванин. Все разместились без межнациональных конфлик-

тов, что сохранялось и в дальнейшем. До института мы ходили пешком около полутора километров, что занимало у нас 20 минут. По социальному положению все были приблизительно равными – не голодали, но и избытка денег ни у кого не наблюдалось. Национальных проблем также не возникало, хоть мы и часто посмеивались над нашим венгром, который большинство русских слов произносил с неправильными ударениями. Студенты, склонные к украинскому национализму, относились к хорошо обеспеченной части населения, в общежитии они поселялись неохотно и чаще всего снимали комнаты в частных домах. ЛЛТИ «прославился» на всю Украину тем, что студент нашего факультета в 1949 г. участвовал в убийстве широко известного писателя-атеиста, противника католицизма Ярослава Галана, живущего в то время во Львове.

Этот студент был сыном униатского священника, писал стихи. На одном из семинаров для начинающих поэтов он познакомился с Я. Галаном и попросил его посмотреть свои стихи. Тот согласился. Сам Я. Галан жил в доме, который охранялся милицией, и постороннему проникнуть к нему было трудно. Постепенно наш молодой поэт вошел в доверие к Галану и стал часто бывать у него дома. Охрана считала его своим и свободно пропускала к писателю. Привести приговор бандеровского руководства в исполнение и убить Ярослава Галана было поручено бандиту Михаилу Стахуре и студенту Илларию Лукашевичу – оба являлись членами ОУН.

Они пришли к Галану, когда он находился в квартире один, и в качестве орудия убийства использовал небольшой топор, принесенный с собой в сумке. Накануне студент позвонил Галану и сказал, что хочет познакомить его с еще одним молодым поэтом и если Галан не возражает, то приведет его с собой. Утром в день убийства Галан сказал охране, что к нему придет студент с молодым писателем и попросил их пропустить. Охрана пропустила палачей беспрепятственно. Во время разговора с писателем Стахура встал, зашел Галану за спину и топором зарубил ему голову. После этого оба преступника спокойно ушли из квартиры Я. Галана. Вскоре они оба были арестованы и осуждены, насколько я помню, оба к смертной казни. По Львову стали распространяться слухи, что возле Оперного театра строится виселица и что убийц Я. Галана скоро повесят. На площадь стали стекаться толпы людей, но никакой казни не состоялось, и к ночи народ разошелся по домам. Вскоре во Львов приехал Н.С. Хрущев, провел собрание актива Львовской парторганизации, но ничего о судьбе убийц Я. Галана не

сказал. Вскоре оба они были из Львова вывезены и казнены по приговору военного трибунала в 1951 г. – Стахуру повесили, а Лукашевича расстреляли.

Поскольку я был одним из первых жителей в нашем общежитии, то поселился в комнате повышенной комфортности (не в проходной, а с дверями), что считалось признаком привилегированного положения, хотя многие при этом не учитывали, что для посещения туалета мне и моим товарищам приходилось пробегать все семь комнат и спускаться с третьего этажа на первый. На общем собрании студентов второго курса меня избрали старшим по общежитию, старостой потока, а затем на факультетском собрании студентов – председателем студкома «лесхоза» (ЛХФ). Все эти нагрузки, особенно работа в студкоме, отнимали у меня времени больше, чем учеба. Приходилось каждый день разбираться с вопросами поселения или выселения из общежития, снятия со стипендии, выделения материальной помощи, поощрения отличников, выдачи путевок в Дома отдыха, финансирования турпоходов (зимой в Карпаты, на лыжах) и т.д.

Иногда приходилось выполнять и особые поручения. Так, однажды часов в 10 вечера к нам в комнату пришла пани Зося и сообщила, что внизу меня ждет какой-то мужчина по срочному делу. Я спустился вниз, в квартиру Зоси, где находились трое – двое мужчин и женщина. Они спросили мои краткие биографические данные и сообщили, что являются работниками КГБ и сегодня ночью должны арестовать одного из наших студентов, проживающего на втором этаже в отдельной комнате. Они не хотят, чтобы это происходило публично, поэтому арест назначен на час ночи. Я с комендантом должен был зайти к нему в комнату минут за 20 до ареста и сообщить, что сейчас его заберут в комитет госбезопасности и ему дается 15 минут на сборы. После этого они зайдут в комнату и в нашем присутствии арестуют его. На мой вопрос – а если он попытается бежать, что нам делать, – был получен ответ, что об этом нам волноваться не следует, так как уже с семи вечера его комната находится под наблюдением. Один из сотрудников КГБ подошел к окну, выходявшему на улицу, и показал на две черные легковые машины, которые стояли у нашего дома. В назначенное время мы с комендантом постучались в дверь, которая тут же распахнулась, и наш будущий арестант, немного бледный, но уже одетый в костюм, пропустил нас в комнату, где горела печь, в которую он засунул пачку бумаг. «Ничего мне не говорите, я все понял», – заявил он и показал в окно на черные

машины. В это время в комнату зашла троица из КГБ и объяснила ему, по какой причине он арестовывается (антисоветская деятельность). Все четверо вышли в коридор, на лестницу, комендант вывела их и закрыла замки на воротах. Операция закончилась.

Гимнастика плюс альпинизм

В 1949/1950 учебном году у нас еще было много общеобразовательных предметов, на которые, как правило, времени отводилось немного, и мы стали часто практиковать досрочную сдачу зачетов и экзаменов, что позволяло нам продлить зимние, да и летние каникулы дней на 10-12. Обычно сразу же после сессии я уезжал домой в Коломыю. Учиться мне было легко и оставалось много свободного времени, поэтому я активно включился в занятия спортом. Основное внимание уделял спортивной гимнастике. Собралась группа из четырех парней и трех девушек – «патриотов» гимнастики, и мы официально занимались в секции четыре раза в неделю, а когда было свободное время – то и чаще. Кроме того, мы принимали участие во всяческих выступлениях в нашем клубе. Моими «коронными» снарядами были брусья и кольца. Вообще в секции спортивной гимнастики занималось около 30 человек, но это был в основном неустойчивый контингент, состав которого часто менялся. Мои спортивные успехи были неплохими – в апреле 1950 г. я сдал нормы на третий разряд по спортивной гимнастике, в мае 1951-го – на второй и стал готовиться к занятиям по первому разряду. Но серьезная травма кисти левой руки, полученная мной на производственной практике в 1952 г., положила конец моим занятиям гимнастикой. К тому же следует заметить, что мне к тому времени было уже 24 года, т.е. меня уже можно было отнести к «переростку» по этому виду спорта. Кроме того, в свободное время я занимался еще штангой и мой личный рекорд был 80 кг в жиме и 95 – в толчке.

В то время во Львове была довольно сильная секция по альпинизму, и узнав об этом, я отправился туда. Принимал меня к секцию мастер спорта по альпинизму Е.Ф. Замора (за точность фамилии не ручаюсь), старший преподаватель политехники. Он спросил меня, какими видами спорта я занимаюсь и есть ли у меня спортивный разряд. Я ответил, что по спортивной гимнастике имею второй разряд и готовлюсь к сдаче норм по первому. Затем он поинтересовался, как я переношу высоту, и я сказал, что нормально, хотя бывать на большой высоте мне

еще не приходилось. В секцию меня приняли, но предупредили, что дисциплина у них строгая, на все занятия я должен ходить регулярно и в необходимых случаях обязательно проявлять взаимопомощь. Занятия проходили вблизи Львова, в Винниковском лесу, где были довольно мощные скальные выходы. На конечной остановке трамвая мы набирали в рюкзаки 10-12 кг камней и «легкой трусцой» бежали около трех километров до скал. Там отдыхали, разбирали веревки, переодевались и приступали к занятиям по скалолазанию – подъем «по стене» и «по камину», спуск «дюльфером» и т.д. Такие занятия на скалах проходили один раз в неделю, в воскресенье, иногда еще и в праздничные дни. Теоретические занятия и вязка узлов проводились в помещении секции. С первого же года занятий прошедшие курс предварительной подготовки получали бесплатные путевки в альпинистские лагеря, но дорога – за свой счет. Мне выдали путевку в альплагерь «Накра», который относился к спортобществу «Наука», с 17 августа по 5 сентября 1950 г.

Когда я приехал домой, то рассказал матери о своей возможной поездке на Кавказ в альплагерь и о желании где-нибудь поработать пару месяцев, чтобы заработать себе на дорогу и на посещение интересных мест на Кавказе. Она договорилась в шахтоуправлении и мне предложили место стрелочника на погрузочной железнодорожной площадке, где уголь грузили в четырехосные полувагоны и отправляли из шахт. Кроме стрелочника на этой площадке имелся еще и старший стрелочник (двое в смену). Платили нам неплохо, около 600 руб. в месяц, но посменная работа составляла некоторые неудобства: 12 часов смена, потом день отдыха и снова 12 часов смена, в том числе и ночью. Я согласился, тем более что речь шла всего о двух месяцах, к тому же мне попался очень добрый и интересный старший стрелочник с необычной судьбой. Назовем его Николаем. Жил он одиноко, любил выпить, но в умеренных количествах. Происходил он из рабочей семьи и в 20-х годах участвовал в антипольских выступлениях. От преследований польских жандармов уехал в Канаду, где работал на фермах. Оттуда с группой земляков переехал в Аргентину, где занимался скотоводством, там женился и прожил около 10 лет. Затем он перебрался в Бразилию, где организовал выпуск гуцульских шерстяных покрывал-лежаков, которые пользовались там большим спросом. Семья увеличилась, он построил дом и жить стал более-менее зажиточно.

Деньги у него были и он решил съездить на Украину (в то время Польшу), чтобы перевезти свою старую мать в Бразилию. На свое несчастье, приехал он в Польшу в 1939 г., за две недели до начала войны с Германией. Здесь его задержали, отобрали бразильский паспорт, и он застрял в Западной Украине при немцах, а когда пришли советские войска, то о возвращении в Бразилию вообще и речи быть не могло. За это время его мать умерла, связаться с семьей в Бразилии возможности не было никакой, и остался он один, не имея ничего, кроме ставки старшего стрелочника. Ко мне он относился очень дружелюбно, чему можно привести два примера. Первый из них – это случай, когда мне выпало дежурство до 12 ночи, после чего домой идти нужно было почти через всю Ковалевку. Как правило, днем этим путем ходил весь поселок, поэтому по его окраине была протоптана широкая тропа. Ночью она почти не освещалась и идти приходилось через перелески в полной темноте. Мой напарник Николай предложил мне заночевать здесь, у него, домой не ходить. Я очень удивился – ночь была теплая, тихая и спокойная. Николай сказал мне: «Всегда слушайся старого человека, он желает тебе добра. Иди в пристройку и ложись там. Утром я тебя разбужу». Спорить я не стал, лег в пристройке и уже через несколько минут крепко спал. Утром я побежал домой, чтобы застать мать до ее ухода на работу. Мать встретила меня словами: «Почти всю ночь не спала, в вашей стороне стреляли, но я поняла, что ночевать ты остался там». Позднее стало известно, что в эту ночь через Ковалевку прошел отряд бандеровцев, они убили начальника шахты, которому оставалось всего два месяца до пенсии, и парторга. Теперь я понял, почему мой начальник по стрелочному посту оставил меня ночевать у него в клетушке.

Второй случай произошел по моей вине. Когда подавали под погрузку состав из пяти-шести полувагонов, паровоз шел позади состава, а я – рядом с первым (последним) вагоном и когда он приближался к погрузочному транспортеру, подавал несколько свистков, чтобы паровоз остановился. Затем подкладывал на рельсы под колеса два «башмака» (под первую и вторую тележку) и давал длинный свисток, чтобы закрепить тормоза. Как правило, подавали нам самые старые вагоны, часто с неисправностями, и я должен был проверить сцепку вагонов. Действовал я строго по инструкции, но из-за недостатка опыта забыл проверить состояние сцепки... Когда вагон загрузился, я один за другим снял «башмаки» и дал сигнал продвинуть под погрузку следующий вагон. Паровоз сдвинул состав на один

вагон в сторону тупика, а я понес «башмаки», чтобы подложить их под колеса.

Насыпь и рельсовый путь к тупику недавно ремонтировали и отсыпка была свежей, из песка, в котором сильно вязли ноги, поэтому я несколько задержался, а когда глянул на вагон, но волосы у меня встали дыбом – вагон самостоятельно катился в тупик! Я бросился за ним, но было уже поздно – вагон набрал скорость и догнать его я уже не успевал. Хотя впереди были буферные упоры, рельсы в конце пути несколько просели, к тому же уголь загрузили неравномерно, вагон накренился на одну сторону и медленно повалился на бок. Тут я вспомнил, что сзади паровоз подает следующие вагоны, засвистел, что было сил и замахал красным флажком. Машинист и его помощник заметили неладное и состав остановили. Слава богу, что в вагончике стрелочника в это время находился мой начальник. Он первым прибежал к месту аварии и приказал мне молчать, когда придет начальство, он все объяснит сам. Скажет, что должен был проверить сцепку вагонов на входной стрелке, но забыл, а потом стало уже поздно. Я подумал, что проверку он уже сделал, поэтому не обратил внимания на состояние сцепки, работаю всего только третью неделю и еще не успел хорошенько освоить все правила, но теперь буду более внимателен, к тому же я студент и через месяц уеду в институт продолжать учебу. К вечеру вагон уже подняли и поставили на рельсы. Меня пощадили из-за моей молодости, а может быть потому, что все знали мою мать – получали из ее рук зарплату. Я был очень благодарен своему старшему другу, на что он заметил: «Человек человеку, если может, всегда должен помочь»...

Вскоре нужно было собираться в довольно далекий путь. К этому времени в железнодорожных кассах стали выдавать прямые билеты, хотя по некоторым направлениям их нужно было компостировать перед пересадкой. Мне выписали билет по маршруту Коломыя – Львов – Харьков – Сочи – Зугдиди с четырьмя пересадками. Билеты обошлись мне в сумму около 30 руб. вместе с оплатой за предварительную продажу и стоимостью двух комплектов постельного белья. Я получил расчет за работу стрелочником в течение двух месяцев. Получил я около 700 рублей, из них 300 отдал матери, остальные составили мой капитал, в том числе с учетом затрат на обратный путь. Выезд из Коломыи мне предстоял 12 августа. На этот раз я запланировал одни резервные сутки, что позволило мне детально осмотреть сочинский дендрарий и несколько часов побродить по Харькову. Путешествие в этот раз прошло без приключений. В

вагоне поезда, идущего из Сочи в Батуми, в который я сел, расположилась довольно шумная компания молодых парней, на ногах которых были огромные ботинки с крупными стальными пластинами на подошвах и острыми выступами (как я позднее узнал, они называли «трикони»). Одеты они были в брезентовые костюмы-штормовки, на головах – белые панамы-«абхазки». Сердце мое дрогнуло и я сразу понял, что это альпинисты. Они дружно распевали под гитару то веселые, то грустные, но чаще юмористические песни, из которых я запомнил «Струйки мутные», «Если ты попал в одну из трещин», «По ущелью Алибек шли семнадцать человек» и другие. Я обратился к одному из них с вопросом – не альпинисты ли они? Ответ был утвердительным, но с контрвопросом – почему я этим интересуюсь? Я сказал, что еду в альплагерь «Накра». Мой собеседник критически оглядел меня и процедил сквозь зубы: «Оно и видно...». Потом похлопал по плечу и предложил держаться с ними. Это меня, конечно, обрадовало, так как я даже не знал точно, где нужно сходить с поезда.

Вскоре мы прибыли на станцию Гали. Ребята нагрузили на себя огромные рюкзаки и с веселым хохотом оглядывали мой тощий, полупустой вещмешок, белые брезентовые тапочки и кепочку на голове. Один из них очень меня ободрил – на месте выдадут все новое. «Ну, а теперь 10 км прогулочки по шпалам», – произнес один из ребят, обращаясь ко мне, а затем пояснил, что в Зугдиди поезд ходит два раза в день (рано утром и к вечеру) и ждать его нет смысла. Я догадался, что эта прогулка будет очень непростой – уже к 10 часам утра температура воздуха была около 28 °С, влажность – 100%. Я-то иду налегке, а как мои попутчики справятся с дорогой с их «верблюжьими» рюкзаками? Не было ни малейшего намека на ветерок, а листья деревьев были покрыты каплями воды. Яркое солнце уже созревающие апельсины и мандарины, с заборов свисали янтарные гроздья винограда. Пройдя около половины пути, мы присели отдохнуть. Я предложил купить в придорожных усадьбах мандаринов и винограда от жажды, но меня тут же отговорили, убеждая, что при такой жаре и влажности мы будем сильно потеть, а жажда будет еще сильнее, с чем мне пришлось согласиться. Это был район Колхидских субтропиков...

К обеду наш отряд добрался до города Зугдиди, где находилась база альплагеря «Накра», куда мы и направлялись, а пока устроились в общежитии при базе. Машина в лагерь ожидалась только на следующий день, да и то если в горах не будет

сильных дождей. Нам предстояло преодолеть по горной дороге, которая называлась «Ингульская тропа», около 90 км, а затем уже в Сванетии еще около 10 км по пешеходной тропе в зоне альпийских лугов. К лагерю «Накра» был наиболее сложный из всех альпийских лагерей Кавказа подъездной путь. После очередной селевой атаки в 60-х годах прошлого столетия его совсем закрыли. По расположению он был, пожалуй, в одном из самых живописных уголков Кавказа. Когда мы подошли к вокзалу в Зугдиди, то я был удивлен его архитектурой и богатым орнаментом, украшавшем все части здания. Построен он был из белого мрамора в сочетании со светло-розовым камнем и серыми гранитными плитами. Вокзал был двухэтажным, около 50 м в длину. Ни возле него, ни внутри не было видно ни одного человека, но зато невдалеке на боковой железнодорожной ветке стоял серо-зеленый бронепоезд. Такое соседство мне показалось диковинным и, видя мое удивление, ко мне подошел местный житель и стал объяснять, что город Зугдиди – родина великого человека, Лаврентия Берия, что это он в подарок городу распорядился построить такой вокзал, а бронепоезд возит его к скорым поездам на центральную Закавказскую железную дорогу. Еще он сообщил, что Берия очень любит свой город и ежегодно приезжает сюда, в честь него в Зугдиди названы главная улица, стадион, театр и много еще чего...

В городе был очень хороший ухоженный старинный парк, в котором имелось довольно большое озеро с искусственным островком, в центре которого росла старая уже, но классически правильной формы пальма. С берега на островок был переброшен ажурный арочный мостик. В парке оказалась роща уникальных, в природе уже не встречающихся деревьев гинкго в возрасте около 100 лет. Невдалеке от озера располагался бывший дворец мингрельской царицы, на сестре которой был женат один из маршалов Наполеона. После революции во дворце был открыт историко-этнографический музей, в котором хранилась одна из трех посмертных масок Наполеона и много других исторических ценностей. Первый этаж дворца был построен из кирпича, второй и отдельные постройки – из дерева. К большому сожалению, недавно дворец и все хранящиеся в нем ценности полностью сгорели. В то время русские туристы и альпинисты были редкостью в этом районе Кавказа. По приезду в Зугдиди меня предупредили, чтобы меньше чем в пятером, особенно девушки, в вечернее время по городу и по рынку не ходили и в случае каких-либо конфликтов немедленно уходили в сторону базы. Мы собрали группу из пяти парней и двух

девушек и почти рядом с базой нашли небольшую шашлычную, где можно было поужинать. Не успели мы сесть за стол в отдельной кабинке, как штора отодвинулась в сторону и появилось сияющее длинноносое лицо с вопросом – можно ли поужинать с нами? Мы попросили дать нам спокойно поесть, так как приехали издалека, очень устали и хотим скорее поужинать и отдохнуть с дороги. Наши слова были встречены радостно: «Конечно, конечно, вам нужно поесть и отдохнуть! Поэтому просим принять от нас эти шашлыки. А можно ли есть шашлыки без нашего прекрасного мингрельского вина? Нет, нельзя!». Тут же на нашем столе появился целый сноп горячих шашлыков и несколько бутылок вина. Мы приняли решение все съесть, выпить и сразу же всем вместе идти на базу, которая была почти рядом. На всякий случай одного из нашей компании отправили на базу заранее, чтобы минут через 30-40 к нам подошла бы подмога. Действительно, через некоторое время к нам присоединилась группа из пяти рослых и бывавших здесь ранее альпинистов. Гостеприимным хозяевам пришлось в быстром порядке слить, так как они хорошо знали, что наша база рядом, а там, кроме альпинистов, еще около полусотни крепких парней-туристов, за которыми, как говорится, не заржавеет...

На следующий день нас предупредили, что около 10 часов утра машина пойдет в горы. К этому времени должны подъехать еще человек пять-шесть. Погода внизу была стабильной – солнце, жара и влажность... Но горы могли преподнести неожиданный сюрприз. Перед отъездом начальник базы предупредил нас, чтобы заранее достали из рюкзаков свитера, так как в горах ночью шел дождь, а на вершины хребтов выпал снег. Первые 20-30 километров мы проехали без особых приключений. В одном месте над Ингури остановились пособирать немного дикого винограда, он был мелкий, но вполне съедобный. На склонах вдоль дороги встречались рощи каштана, который почти ничем не отличался от культурных сортов. Обрыв к реке достигал 70-80 метров, и внизу, у самого уреза воды, лежали разбросанные вдоль склона колеса, кузов, кабина автомашины и какие-то тряпки. Шофер рассказал нам, что недели три назад здесь произошла трагедия. Машина возвращалась с гор, уже перед самым Зугдиди началась сильная гроза, и шофер не впился в крутой поворот... В результате три человека погибли, двое покалечились, ну а что осталось от машины – мы видим сами.

Я имел шанс попасть в подобную ситуацию, но опять-таки бог уберег меня. После сдачи нормативов на «Альпиниста СССР I ступени» меня включили в состав кандидатов на поездку в альплагерь на 1952 г., дело оставалось только за определением конкретного времени выезда, так как в том году мне предстояла длительная производственная и дипломная практика – практически около четырех месяцев. Когда я вернулся из поездки на Кавказ, меня попросила помочь достать путевку в альплагерь одна из наших гимнасток. Я объяснил ей, что она должна предварительно пройти курс подготовки в альпсекции, куда она тут же записалась и стала регулярно ее посещать. Однако весной 1952 г. мне пришло приглашение пройти дипломную практику в Западно-Сибирской лесоустроительной экспедиции в Горном Алтае. К этому времени выяснилось, что гимнастке путевку в альплагерь не дают, а свою я использовать не смогу. Я предложил ей ехать вместо меня и после некоторых переговоров дело утряслось, хотя была волокита с заменой фамилии на путевке. Мы почти в одно и то же время разъехались – я на Алтай, а она на Кавказ.

Когда я в середине сентября вернулся с практики, то сразу поинтересовался – как там наша «царица Тамара» (ее действительно звали Тома) провела время на Кавказе? Мой вопрос студенты встретили с большим удивлением. Оказывается, наша «царица» уже третий месяц лежит в специальном санатории в Сухуми в тяжелом состоянии. Когда они ехали в альплагерь, их машина упала с обрыва. Больше половины альпинистов погибли, целыми остались только двое, успевшие выскочить на дорогу, остальные с многочисленными травмами были вывезены в Сухуми в специальный военный санаторий, где их до сих пор лечат. У Тамары была травма головы, перелом костей кисти левой руки и трех ребер. При падении машина вверх колесами зацепилась за какие-то корявые кусты и пассажиры вылетели из кузова, вслед за ними их рюкзаки, которые сразу же подхватила вода и унесла вниз по реке. В результате даже те, кто остался в живых, потеряли все свои вещи, документы и деньги. Следует отметить, что машина была сильно перегружена – в кузове находились 28 человек вместо 20, да еще в ней везли какие-то продукты в лагерь. Средств связи на машинах тогда не было, и о трагедии узнали лишь спустя несколько часов. По этой путевке должен был ехать я... Как говорится, «судьба Геннадия хранила...».

Но вернемся к моей поездке в альплагерь «Накра» («Наука») в 1950 г. За 17 дней пребывания в лагере я тоже получил

порядочную дозу адреналина, хотя в нем не особо нуждался, так как получил большой запас этого гормона за свои предыдущие 20 лет жизни. До лагеря мы добрались удачно. От конечной остановки машины, как уже говорилось выше, часть пути мы прошли пешком. Здесь я впервые увидел поселения сванов – высокие башни из крупных камней и длинные бревна с зарубками вместо лестниц, по которым их женщины очень ловко забирались в жилую часть башни, расположенную на высоте 7-10 метров в зависимости от общей высоты башни. Грузы на небольшие расстояния сваны летом перевозили на быках, запряженных в сани с крепкими полозьями. При встрече они приветливо улыбались, а их собаки дружелюбно виляли хвостами, ожидая от туристов вкусных подаваний. Ужинали мы уже в лагере. С утра начались дела – получение снаряжения, спецодежды, разбивка на четверки, знакомство с руководством отряда и т.д. Каждому выдали около 15 кг снаряжения: ледоруб, стальные кошки для хождения по льду, темные очки, штормовые костюмы, головные уборы, ботинки с триконами весом килограмма по два каждый, веревки, фляжку для воды, двухместные палатки, спальные мешки и почти новые рюкзаки. Перед подъемом в горы каждому выдавали сухой паек. Следует отметить, что продовольственные рационы были обильными и высококачественными. Нам выдавали специальный подсоленный шоколад, сухую колбасу, крабы, сухое печенье (галеты), сухофрукты, клюквенный экстракт. Кроме того, мы получили бесцветную губную помаду, так как губы без защитных средств обгорают буквально в течение часа, да так, что кожа с них слезает до крови. В нашу программу входили только две ночевки. Начальником отряда был мастер спорта по альпинизму из Черновицкого университета. Звали его Марат. В походе он шел последним. Узнав, что я из Львова, почти земляк, он взял меня в свою четверку (связку). Впереди шел заместитель начальника отряда. Всего в отряде было 28 человек (семь связок).

Первые три дня мы занимались скалолазанием – подъемом и спуском по «стене», подгоняли под свой размер одежду. Особенно много возни было с ботинками – их нужно было пропитать бараньим жиром по 400 г на каждый и процедура эта занимала около четырех часов. На четвертый день проводился тренировочный подъем на склон горы Накра-Тау до высоты 2700 м над уровнем моря. Каждый нес рюкзак весом около 10 кг. Этот пробный поход дался нам очень непросто. Некоторым девушкам пришлось часть балласта (камей) на полпути выбросить. По дороге и на месте назначения дважды измеряли частоту

ту пульса. На мое удивление, у меня она изменялась очень мало, хотя идти было довольно тяжело... Поскольку Марат (начальник отряда) взял меня в свою четверку, то я оказался в последней связке: замыкал нашу цепочку Марат, перед ним шла физически очень крепкая девица лет 25, затем я, а возглавлял нашу четверку малознакомый коренастый парень. Девицу Марат поставил между собой и мной, так как она плохо переносила высоту и уже несколько раз при тренировочном походе падала, поэтому я и Марат усиленно страховали ее.

Первое зачетное восхождение нашей группы было назначено на шестой день жизни в лагере. Нам предстояло пройти перевал Басса и подняться на вершину Гвергишер. Весь поход прошел строго по плану, и мы вернулись в лагерь по графику в пять вечера на следующий день. После нескольких дней отдыха и приведения в «боевую готовность» нашего снаряжения, получения продуктового довольствия мы были готовы к выходу в маршрут, включающий переход по леднику и преодоление перевала Физкультурник. Затем следовал подъем на вершину Лядвал, спуск с нее, ночевка на Теплой поляне, а затем возвращение в лагерь. Весь наш отряд сохранял порядок движения, аналогичный предыдущему (на перевал Басса), но осложненный переходом по леднику. Марат опять шел последним, девушка-гренадер (как ее прозвали в отряде) – перед ним, я – третьим, коренастый парень – первым. Подъем прошел без происшествий, но на леднике пришлось несколько задержаться и на вершину мы поднимались с полуторачасовым опозданием. На вершине немного отдохнули, оставили записку о составе отряда и двинулись в обратный путь.

Следует отметить, что перед восхождением мы с Маратом пытались уговорить нашу девицу остаться внизу и не подниматься на вершину, так как у нее опять кружилась голова, но она умоляла нас взять ее с собой, иначе дома ее засмеют, если узнают, что до вершины она не добралась... Перед уходом в маршрут Марату сообщили, что в Зугдиди приехал его старинный друг-альпинист и, очевидно, к вечеру он уже будет в нашем лагере. Марат решил засветло вернуться в лагерь, а руководство группой на обратном пути передать своему заместителю – кандидату в мастера спорта по альпинизму. Весь отряд должен был заночевать на Теплой поляне. Важен еще один факт – в лагерь прислали нового молодого врача, который ранее вообще никогда в горах не был. Недолго думая, руководство лагеря решило для «обкатки» отправить его в поход с нами и поместить в среднюю четверку пятым «альпинистом», хотя он не

имел никакой подготовки и серьезного инструктажа не проходил. На вершину Лядвал его доставили благополучно, а вот при возвращении он запутался в веревках, и вся четверка, которая фактически вела доктора, оказалась на узкой тропе, слева от которой начинался глубокий обрыв к леднику, а справа по ходу группы поднималась почти отвесная скальная стена.

Я стоял на небольшой засыпанной снегом площадке, прижавшись спиной к скале. Марат спросил меня, в чем причина задержки, на что я ответил – доктор запутался в веревке и его никак не могут освободить. Он посетовал, что мы и так опаздываем на полтора часа, так еще этого «борова» затащили на свою голову в горы! Доктор и впрямь был с порядочным животиком, с рыжеватой шевелюрой, в больших очках. Марат попросил меня развязать веревку на девице-гренадере, сам снял веревку с себя и перебросил ее конец мне, сказав при этом, чтобы я сколько мог прижался к скале справа, а он пропустит нашу даму вперед себя и проведет ее мимо меня и нашего ведущего. Потом он переведет девицу в следующую четверку, а сам попытается добраться до доктора и по-быстрому, а то уже темнеет, распутает его. Я тут же обо всем предупредил ведущего нашей четверки и стал развязывать на себе страховочные веревки. Мы нарушили правила безопасности передвижения в горах, хоть и ненадолго, но обошлось это нам очень дорого! Марат стал проводить девицу мимо меня, а сам медленно двинулся за ней. Я уже повернул голову к нашему ведущему и сказал ему, чтобы он подстраховал девицу, когда она будет проходить мимо него. В этот момент я увидел, что глаза нашего ведущего стали совсем круглыми и он испуганно прошептал мне: «А где же они?».

На какой-то момент я как бы застыл в ступоре... Действительно, где они? Я смотрел прямо перед собой, но нигде никого не было, вокруг стояла тишина, только в метре от меня сияла белизной как ножом обрезанная «рана» на снежном карнизе. Я понял, что девушка или Марат наступили на снежный надув и вместе с глыбой снега упали вниз. Двигаться было опасно, так как ни я, ни наш «головной» в оставшейся двойке не знали, какой размер у снежного карниза и насколько нам можно продвинуться вперед по тропе. Я стал руками подавать сигналы нашему главному ведущему, который понял, что у нас что-то случилось. Наконец до него дошло, что ни впереди, ни напротив, ни сзади меня Марата и его спутницы на тропе не было!

Самым удивительным было то, что отвалившаяся от снежного карниза глыба около 5-6 метров в длину и метра полтора в ширину, такая снежная масса с двумя нашими альпинистами

рухнула вниз абсолютно бесшумно, я не услышал даже слабого шороха. Как потом было установлено, Марат пролетел около 40 метров по крутому склону и застрял между довольно острыми выступами скал. По всей вероятности, рыхлый снег забил ему рот и он не мог даже кричать о помощи. У него оказался открытый перелом бедра, кость через ткань брюк вышла наружу. Кроме того, еще черепно-мозговая травма и повреждение позвоночника. Первые минуты после падения он был без сознания. Девушке повезло больше – она попала в снежный желоб, пронеслась по нему метров 80 и вылезла на ледник. У нее была трещина на теменной кости черепа, сломана рука и многочисленные травмы на ногах, но легкие, так что она смогла самостоятельно подняться на ноги и пройти немного по леднику. Стало уже темнеть, и она побоялась двигаться дальше, чтобы не провалиться в какую-нибудь из трещин на леднике, что было очень возможным.

Наш заместитель отряда вначале никак не мог решить, что ему делать в такой ситуации: выпутывать прежде всего из веревочных сетей врача, который не на шутку перепугался, сел на снег и сказал, что дальше он не пойдет. Помощи от него пока что не было никакой, а ведь именно из-за него разбились наши товарищи. Было решено выпускать на ледник по одной связке, причем первая прежде всего должна была найти наши кошки, которые мы сложили в одном месте в начале ледника и оставили там часть теплых вещей, так как при подъеме на вершину было очень жарко, но как только солнце зашло за горы, мы стали чувствовать сначала легкие, затем все крепчающие уколы мороза. За первой стали выпускать по очереди остальные четверки, которые собирались возле первой, быстро нашедшей наше ледовое снаряжение и теплую одежду. Вскоре весь отряд собрался вместе и мы стали думать. А проблемы у нас были серьезные. Прежде всего надо было отправить гонцов в лагерь сообщить о нашей беде, вызвать спасательный отряд, снять со скалы Марата и вывести с ледника девицу, которая терпеливо ждала помощи, никуда не двигаясь с места. Еще нужно было быстро поставить палатки, разжечь костер, накормить и обогреть весь отряд на Теплой поляне. Одновременно решили послать несколько крепких ребят на стенку к Марату и попытаться доставить ему теплую одежду, два тента от палаток, чтобы хоть как-то утеплить его там, так как снять его со стены в темноте было вообще нереально. На наше счастье, вскоре из-за гор поднялась круглая луна и стало светло почти как

днем. Картина перед нами открывалась феерическая, но нам было не до красоты...

Меня, как лесника, и еще двух парней было решено отправить в альплагерь. Нам выдали один фонарик на троих и моим помощникам было строго приказано слушаться меня и в лесу никуда в сторону не отходить. Я расспросил зам. начальника отряда – как лучше добраться до лагеря, на что он дал ценный совет: реку вброд не переходить ни в коем случае, а подвесной мост есть только возле лагеря. Я выработал для себя простой, но трудновыполнимый маршрут: спуститься с гор, не ища никаких троп, так как в темноте их все равно не видно, а идти по склону прямо вниз до реки, а там вдоль реки по течению до моста, т.е. до стоянки лагеря. Еще когда мы начали подъем в горы, я обратил внимание, что вдоль реки проложена хорошая тропа, которая, очевидно, служила местному населению не один десяток лет. Горные реки обычно так сильно шумят, что и грохот слышен за километр или даже больше, поэтому спускаться по склону следовало на шум реки.

В нашем отряде из трех человек начались разногласия как только мы вышли в путь к лагерю – оба моих спутника заявили, что через лес они не пойдут, а только по тропе, которая хорошо видна. Я пытался им объяснить, что тропа хорошо видна выше границы леса, находящейся недалеко от нас по склону, а дальше пойдет лес, где мы через несколько метров тропу потеряем и будем блуждать среди гигантских, достигающих 40-50 метров в длину и полутора метров в диаметре, поваленных стволов пихты кавказской. Эти доводы моими спутниками приняты не были, и я заявил им, что в таком случае пойду один. Если они заблудятся, то пусть идут на шум реки, а затем вправо, вдоль реки до подвесного моста. Сам же пошел прямо по склону вниз к реке. Скоро я сообразил, что лучше всего спускаться по участкам, где упавших деревьев было поменьше и можно было лавировать среди растущих стволов, а упавшие лучше всего было обходить со стороны корней, так как в верхней части упавших деревьев сохранилась практически непроходимая щетка из сухих острых сучьев. По отдельным прогалинам я пробегал галопом. Фонарик вскоре потух, но глаза уже привыкли к лунному освещению и продвигался я довольно быстро. С Теплой поляны мы вышли около 10 часов вечера, а к часу ночи я уже добрался до берега реки. Там умылся, немного отдохнул и быстрым шагом двинулся к лагерю. Сама тропа была хорошо видна, так как по ней ездили верхом на лошадях, но с большим количеством довольно глубоких рытвин, часто

заполненных водой. Шел я упорно, не сбавляя темпа, не забывая, что там сверху ждут помощи на грани жизни и смерти наши покалеченные товарищи. В каком-то полубезытии двигался размашистым шагом вперед и не заметил, как рассвело и впереди показался подвесной мост.

Я нашел домик, где разместилось наше начальство, разбудил начальника лагеря и рассказал ему о том, что произошло на спуске с вершины Лядвал. Он выругался, достал бутылку вина, налил мне полный стакан и приказал выпить. Потом велел мне лечь спать в кювете на диване. На часах было полседьмого утра – уже сутки я находился на ногах. Я пошел в каморку, лег и мгновенно провалился в крепкий сон. Два моих спутника появились в лагере, все ободранные сучьями, только к обеду и были очень удивлены, что я был на месте уже к шести утра. Только сейчас, когда сам стал свидетелем всего ЧП – от первого мгновения отрыва снежного карниза и до вывоза пострадавших на лечение, в данном случае в город Сухуми, я понял, какое это сложное и ответственное дело. Во-первых, Марата удалось доставить к дороге, куда могла подъехать автомашина, только на четвертый день после несчастного случая. Девицу нашу увезли также в Сухуми, но на день раньше. Сведения из больницы поступали неутешительные – изломанную ногу Марату пришлось удалить, после чего на самолете его отвезли в Москву, в ЦИТО, но прогноз был неблагоприятный. Вскоре в альпсекцию вроде бы пришло письмо о его смерти.

Несколько случаев со смертельным исходом создали альплагерю «Накра» дурную славу, затем разрушения, которые нанесли ему сильный сель, привели к тому, что вскоре его вообще закрыли. Ну, а в 1950 г. мы выполнили зачетные восхождения и переходы через перевалы. В последние дни пребывания в лагере мы совершили экскурсию в «долину нарзанов», где из земли били многочисленные минеральные источники, причем одни из них очень холодные, а другие, находящиеся невдалеке – теплые, в некоторые вода прямо бурлила от выделяющихся пузырьков газа, в других – нет. Интересно, что нарзан с удовольствием лакали из источников сопровождающие нас кавказские овчарки. Я собрал несколько крупных шишек пихты кавказской и привез их в институт на кафедру дендрологии и ботаники, чему работники кафедры были очень рады. Перед отъездом нам выдали красивые сине-белые значки «Альпинист СССР», но на душе было грустно, когда я вспомнил Марата, с которым шел в одной связке. Если бы мы с ним имели более твердые характеры и девушку нашу все же не взяли на восхож-

дение, то, по всей вероятности, ничего бы и не случилось. Но, как говорится, знал бы, где упасть – соломки бы подстелил...

Обратный путь прошел благополучно, несмотря на четыре пересадки с одного поезда на другой, к тому же нужно было еще заехать к матери, но тогда мое опоздание на занятия могло затянуться на еще больший срок, поэтому я дал ей телеграмму, что должен ехать прямо во Львов, потом постараюсь приехать на Октябрьские праздники. В институте меня уже разыскивали. Как известно, в декабре 1949 г. И.В. Сталину исполнилось 70 лет. Конечно, было много шумных и крайне хвалебных мероприятий, но об одном из них наши газеты и радио почему-то умолчали. Вскоре после юбилея вождя в институте проводился посвященный этой дате партийно-комсомольский актив, на котором выступил представитель Львовского обкома КП(б)У и сообщил, что Центральный Комитет партии принял решение провести в ознаменование юбилея И.В. Сталина «сталинский призыв» в партию из числа наиболее достойных членов Ленинского комсомола (не помню уже, какое количество поступающих было определено в этом постановлении, но не так уж и много в масштабах всей страны). В числе рекомендуемых для приема кандидатом в члены партии была и моя фамилия. Вначале я хотел отказаться, так как считал себя еще мало подготовленным для такого ответственного шага. Вообще, я действительно верил, что быть коммунистом – это большая ответственность и что партия является основой советского государства. После того актива прошло несколько месяцев, но никто об этом призыве уже не вспоминал. Однако, после моего приезда из альплагеря меня сразу же вызвали в партком и сообщили, что нужно готовиться к поступлению в партию, учить Устав и что прием должен состояться до конца этого года.

На третьем курсе лесохозяйственного факультета была, пожалуй, наиболее насыщенная программа, несколько курсовых работ, к тому же я на неделю опоздал к началу занятий и нужно было запрячься в полную силу, готовиться к приему кандидатом в члены партии – не хотелось на заседании бюро Красноармейского райкома партии ударить в грязь лицом. Конечно, все мы на первом и втором курсах сдавали «Основы марксизма-ленинизма», но за последние годы появилось много чего нового. Это постановления о борьбе с космополитизмом, о работе журналов «Звезда» и «Москва», материалы обширной августовской (1948 г.) дискуссии по проблемам биологии, о положении в искусстве (по кинофильму «Большая семья», опере «Поднятая целина») и др. Кроме того, необходимо было изу-

читать Программу и Устав ВКП(б), просмотреть местные и центральные газеты за последние пару месяцев. Рекомендации мне были даны комитетом комсомола института, моим однокурсником, участником войны Ю. Осипенко (племянником знаменитой в довоенные годы летчицы Полины Осипенко), а третью рекомендацию, как мне помнится, также дал студент из нашей группы, участник войны М. Кустов.

Заседание бюро райкома было назначено на 1 декабря 1950 г. на восемь часов вечера. Однако пригласили меня в кабинет секретаря райкома только около 11 часов и обсуждение моей кандидатуры длилось почти два часа. Мне задали, по моему подсчету, 27 вопросов, причем, как я понял, на часть заданных мне вопросов члены бюро райкома ответов сами не знали. Каждый вступающий в партию писал в своем заявлении, что Устав и Программу партии признает полностью и обязуется их выполнять. Однако, если Устав партии можно было купить за 20 коп. в любом магазине «Политкнига», то действующую в то время Программу найти было непросто и была она принята, как я помню, в 1919 г., на VIII съезде РКП(б), при участии В.И. Ленина. В ней приводился ряд положений, которые из Устава выпали вообще, в частности, о том, что выбирать в руководящие органы партии не разрешается более чем на два срока и др. Позднее, на XXII съезде партии в 1961 г. была принята новая редакция Программы, но в то время ее еще не было, а Программа 1919 г. была опубликована только в материалах съездов и конференций партии, которые многие из членов партии вообще никогда не видели... Конечно, все это я изложил в мягкой, обтекаемой форме, но председатель бюро быстро переключился на столь знакомые мне уже вопросы: «А чем вы и ваша мать занимались в период оккупации?» и одновременно повернулся к сидящему за приставным столом полковнику КГБ, который быстро сориентировался и доложил: «Запрашивали, все в порядке, ответ положительный». Приняли меня кандидатом в члены партии единогласно, пожелали успешно закончить институт, активно участвовать в общественной жизни, «быть достойным высокого звания коммуниста».

В институте в это время опять возник скандал, о котором на партсобрании было упомянуто очень расплывчато. Дело было в том, что у нас был организован отряд «ястребков», командовал которым секретарь комитета комсомола, студент четвертого курса кажется лесоинженерного факультета. Этот отряд участвовал в боевых действиях против бандеровцев, но только в составе какого-либо подразделения МВД. Этот студент был местным, а

жена его, тоже наша студентка – русская. У них уже был ребенок. И вот в одной из операций нашего главного «ястребка» ранили в колено, часть ноги пришлось ампутировать и он довольно долго лежал в госпитале. Ходили слухи, что его наградили орденом и он ходил в «героях», хотя и на протезе. Через несколько месяцев в одном из боев попал в плен кто-то из бандеровских командиров, как-то на допросе увидел нашего «ястребка» и заявил, что хорошо его знает как одного из тайных агентов ОУН (Организации украинских националистов), о чем никто в институте, даже его жена, не догадывались. Им же к этому времени уже выделили в городе квартиру, но «ястребка» спешно отправили в санаторий, хотя даже жене о месте нахождения этого лечебного заведения ничего не сообщили.

«Чайка» из гнезда МИ-6*

История с «Чайкой» буквально свалилась на голову руководства треста «Львовуголь». После окончания войны ряд военных организаций был расформирован, а некоторые из них занялись гражданским строительством, так как имели опыт выполнения таких работ в сложных инженерных условиях и некоторую технику, списанную при расформировании воинских подразделений. Трудно сказать каким путем, но в тресте «Львовуголь» в 1950 г. появилась организация под кодовым названием «Чайка», в которой работало около 150-170 человек вольнонаемных и только начальники ее (подполковник и начфин) ходили в военной форме (последний в чине капитана). Организация эта заключала договора с шахтоуправлениями на строительство подъездных автодорог к шахтерским поселкам и железнодорожных веток к шахтам для вывозки угля. Рабочих «Чайка» нанимала сама, в основном местных. В ее распоряжении было в стройбате около 50 самосвалов, несколько экскаваторов и бульдозеров. В течение полутора лет «Чайка» построила всю внутрихозяйственную сеть дорог в трех шахтоуправлениях, в том числе и в Коломыйском. Зарабатывали ее рабочие хорошо. Весной 1951 г. работы в Коломыйском шахтоуправлении были закончены и к середине лета все хозяйство «Чайки» было перебазировано в Закарпатье, в Мукачевское шахтоуправление. Вместе с ними уехала часть рабочих из Ковалевских

---

* Одно из подразделений тайной английской разведки, осуществляющее за границей сбор политической информации.

шахт. Прошел почти месяц, но от уехавших в Закарпатье никаких вестей не поступало.

На телеграммы из Коломыйского шахтоуправления никто из Закарпатья не отвечал, хотя при переезде «Чайка» прихватила около 10 или 12 коломыйских самосвалов. Тогда начальник Коломыйского шахтоуправления, полковник КГБ в отставке Модзолеевский дал телеграмму в Министерство обороны СССР, в которой потребовал, чтобы воинская часть № ..... (у «Чайки» был воинский номер) срочно вернула арендованные ею самосвалы в Коломыю. Но из Минобороны пришел ответ, что воинская часть с таким номером расформирована еще в 1945 г! Уже к вечеру в Станислав прибыли четыре самолета с работниками КГБ разного ранга во главе с генерал-лейтенантом. В общей сложности по делу «Чайки» (по негласным сведениям) было арестовано около 400 человек, в том числе почти в полном составе Яблоновский и еще два райотдела КГБ и МВД, сняты со своих постов секретари трех райкомов партии. Сама «Чайка» оказалась фиктивной организацией английской разведки, которая помимо сбора разведывательных данных в пограничной зоне принимала и переправляла за границу агентов зарубежных разведок, осуществляла систематическую радиосвязь с английскими агентами в СССР и за рубежом и т.д. «Чайка» имела свои счета в Львовском и Станиславском отделениях Госбанка СССР. Когда началось следствие, то директор Станиславского отделения Госбанка застрелился, а главный бухгалтер треста «Львовуголь» повесился. Но самые главные лица в этой авантюре – «начальник» части, подполковник и начфин-капитан, как только прибыли в Закарпатье, в тот же день спокойно переехали в Австрию, а оттуда – в Англию. Я несколько раз играл с подполковником в волейбол и хорошо запомнил его лицо с прищуренными глазами и узкими тонированными очками. Он свободно говорил по-русски, часто обсуждал те или иные новости, происходящие в стране.

Интересно, что история эта имела свое продолжение. В июне 1955 г. я ехал на грузовой автомашине в село Судай в Костромской области, где в то время работал в леспромхозе. На скамейке у кабины рядом со мной сидел мужчина лет 50-ти и все время поглядывал на меня. Наконец, не сдержав своего любопытства, он спросил: «Мы с Вами раньше не встречались?». Я ответил, что вряд ли, но он сказал, что мое лицо ему знакомо. «Вы раньше не бывали в пос. Яблоново, в Западной Украине?». «Не только бывал десятки раз, но и жил невдалеке», – ответил я ему. Далее он продолжил, что и матушку мою по-

мнит, и добавил, что у него уникальная память на лица, да и период был такой, что и сам не понял, как ему удалось спастись. Я вспомнил песню «Чайка смело пролетела...», на что он добавил: «... и улетела за рубеж». Оказывается, в этот круговорот событий, что в то время царил в Яблонице, он попал, чтобы принять руководство райотделом КГБ, так как предыдущего начальника уже отправили в «дальние края». Дел он еще не принимал и неожиданно заболел, возможно, чем-то отравился. Его на скорой помощи увезли в Коломыю, а оттуда в Станислав, где он около месяца пролежал в спецбольнице, а когда вышел оттуда, то про него уже забыли и направили на какие-то курсы, а потом демобилизовали по состоянию здоровья. Он мне рассказал, что во всей «Чайке», где работало более 150 человек, агентами являлись только «подполковник» и «капитан-начфин», все остальные даже не подозревали, в какой организации они трудятся...

В дальнейшем появились новые подробности деятельности этой «птицы» на карпатской земле. Во-первых, это высокое качество работ. Строительство дорог было быстрым при соблюдении всех требований проектов. Во-вторых, высокие заработки у рабочих и технического персонала. В третьих, это связи с «сильными мира сего». Когда приезжал в Ковалевку министр угольной промышленности, то на торжественный банкет был приглашен и «подполковник». Особые связи были у него и с руководством Станиславского отделения Госбанка СССР. Как мне рассказывали сотрудники госбезопасности, дело «Чайки» отдельным разделом описывалось в учебнике для офицеров КГБ. Эти два авантюриста из английской разведки принесли немало ущерба нашей стране. Где-то за три или четыре месяца до их «эвакуации» в Закарпатье в Коломые произошло ЧП: ночью с самолета без опознавательных знаков были сброшены 15 или 16 парашютистов, которых до самого утра разыскивали более сотни пограничников, но никого не нашли. Как потом открылось, все они ночевали в общежитии для рабочих «Чайки», откуда затем спокойно ушли в Карпаты, никем не замеченные...

Работа в научном студенческом обществе

На третьем курсе все студенты должны были участвовать в работе научного общества, причем руководителя и направление исследований выбирали себе сами студенты, иногда темы исследований предлагали им преподаватели. Научная работа

обычно проводилась по профилю той или иной кафедры, причем студенты стремились именно на те кафедры, где имелись высококвалифицированные научные кадры. Но наш ЛХФ, увы, кадрами не блистал: на факультете был всего один профессор – Митрофан Васильевич Давидов, он же декан, он же зав. кафедрой лесной таксации и лесоустройства, а по совместительству – зав. кафедрой на лесохозяйственном факультете Львовского сельскохозяйственного института. Только из одного этого перечня становится ясно, что времени для научной работы со студентами у него не оставалось вообще. Он был высокоэрудированным специалистом, прошедшим научную подготовку в Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова на кафедре у профессора с мировым именем – Николая Васильевича Третьякова, разработавшего в 1927 г. «Закон единства в строении насаждений».

При выборе темы для научной работы больше всего заинтересовала меня лесная таксация. К тому же, когда на третьем курсе мы начали изучение этой дисциплины, я удивился, что читал столько литературы о естествоиспытателях, но никогда не встречал каких-либо сведений о специалистах, работающих в области лесной таксации. Среди студентов ходили слухи о чрезвычайной ее сложности, что в лесной таксации больше математики, чем биологии. Действительно, как оказалось впоследствии, лесная таксация сочетает в себе как лесоводственные исследования, так и довольно обширный математический аппарат для обработки полученного биологического материала. Сам термин «лесная таксация» означает оценку леса. Первоначально лесная таксация получила развитие в Германии, затем в Швеции, позднее и особенно широко – в России. Стимулом для развития лесной таксации послужило резкое увеличение потребления древесины для военного и коммерческого судостроения в XVII-XVIII вв., когда наиболее доступные и высококачественные леса стали быстро истощаться и цена такой древесины резко возросла. Возникла необходимость в определении объемов как растущего леса (на корню), так и уже срубленного и разделанного на определенные сортименты. Для этого составлялись таблицы хода роста древостоев, объема и сбег стволы. По этим таблицам можно было быстро определить товарную структуру срубленного леса, зная длину деловой части ствола и диаметры на определенной его длине (на 1.3 м от корневой шейки, на одной четверти, половине и 3/4 длины ствола (бревна), выход тех или иных сортиментов и соответственно стоимость полученной древесины.

При этом важно с наибольшей точностью определить общий объем ствола, для чего использовались формулы объема тела вращения параболы, цилиндра и усеченного конуса. Наиболее точные результаты при этом давало использование полиномов четвертой и пятой степеней. Очень сложно было получить с достаточной степенью точности таксационные показатели для растущих древостоев. Для этой цели был разработан целый набор устройств и приборов механического, оптико-механического и оптического типа, конструирование и усовершенствование которых продолжается до сих пор. Курс таксации был одним из самых больших по объему и сложных по содержанию. Но как раз это и привлекло меня при выборе направления в научной студенческой работе. Кроме того, М.В. Давидов лекции читал интересно, увлекательно. Особый колорит этому придавала проводимая в то время борьба с космополитизмом. Дело в том, что около 70% всех используемых в таксации формул были предложены зарубежными учеными, в основном немецкими. Они так впечатались в память нашего пятидесятилетнего профессора, что он часто сбивался с «обрусения» той или иной формулы на ее родную транскрипцию, что иногда звучало довольно комично. И замену авторства проводили иногда всем курсом, причем Митрофан Васильевич каждый раз возмущался – как это можно лишать человека авторства только потому, что он не русский или из страны с другим общественным строем! Это же плагиат, за это судят! Наконец, ему намекнули, что и без суда можно потрудиться на благо родной страны в северных краях, после чего он только вздыхал и, помолчав, продолжал столь скользкую тему дальше...

Ему очень понравилось, что я выбрал тему по лесной таксации – о внесении корректив в таблицы хода роста лиственницы с учетом местных экологических условий. Он принес мне много литературы по составлению таблиц хода роста древостоев, выполненных в различных географических и лесорастительных условиях. Я же решил, что лиственницу нужно изучать там, где она достигает наибольшей продуктивности (1000-1200 м³ на гектар). Такие показатели были установлены для алтайского климатипа лиственницы сибирской. Я написал соответствующее письмо в Западно-Сибирскую лесоустроительную контору (г. Новосибирск), в котором предлагал свои услуги по составлению макета таблиц хода роста лиственницы сибирской в Горном Алтае. Вскоре я получил ответ с приглашением принять участие в лесоустроительных работах в Горном Алтае, которые начинаются в 1952 г. Я показал это письмо М.В. Дави-

дову и предложил использовать его при выборе места для прохождения преддипломной практики в 1952 г. Тем более, мне гарантировали оплату транспортных расходов, полевого довольствия и обещали предоставить в мое распоряжение пять-шесть рабочих. Письмо о согласии на проведение подобных работ, крайне необходимых при организации лесоустройства в мало изученных лесорастительных условиях, было направлено в Западно-Сибирскую лесоустроительную контору за подписью директора Львовского ЛТИ. Я был очень рад такому обороту дел и строил грандиозные планы на лето и осень 1952 г., но как говорит народная мудрость: «Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела». Как всегда сопровождавший меня рок во многом помешал выполнению моих надежд...

Тем временем закончился шестой семестр, и нам предстояла весенняя учебная практика по лесной таксации и летне-осенняя – первая производственная. Учебная практика была 15 дней, а первая производственная – два месяца. Учебную мы проходили в Старосельском лесхозе в 40 км от Львова. Жили мы там в старинном польско-украинском селении – Старом Селе, в котором были развалины старинного замка, построенного около 500 лет назад. Леса здесь принадлежали в свое время какому-то знатному пану. Были они хорошо устроенными, с многочисленными посадками инорайонных пород, в большинстве хвойных. Наша группа ЛХ-31 к тому времени насчитывала 25 человек и была разделена на три бригады. Каждая бригада должна была подобрать участок леса и заложить в нем постоянную пробную площадь. Обычно она имеет размеры 50×50 м. Вначале весь участок ограничивали узкими просеками, прокладываемыми с помощью теодолита или другого угломерного прибора. Каждая сторона квадрата измерялась 20-метровой стальной лентой, по углам пробной площади ставились столбы. Затем с помощью мерной вилки определялся диаметр каждого дерева по породам, эти данные (перечет древостоя) заносились в специальные ведомости пробных площадей. Одновременно определялось число деревьев каждой породы на пробе. С помощью высотомеров определялась высота 10-15 деревьев. Затем за пределами пробной площади срубались 10-12 так называемых модельных, или учетных деревьев, которые разделялись на двухметровые отрезки, служившие для построения продольного сечения учетного дерева, хода его роста по высоте и диаметру ствола. Описывались напочвенный покров и почвенные разрезы.

Приведенный выше перечень работ только на одной пробной площади позволяет представить себе – насколько трудоемкая и кропотливая работа у таксатора леса, а если к этому еще добавить мириады кровососущей гнуси, особенно в жаркие дни, то становится понятным, почему так мало выпускников лесохозяйственных вузов надолго задерживаются в лесоустроительных экспедициях и аппаратах лесничеств и лесхозов. Так, в 1983 г. в СССР было выпущено 3,3 тыс. специалистов лесного хозяйства, в то же время более 70% работников, занимающих инженерные должности в лесном хозяйстве России, не имели высшего образования. Структура подготовки специалистов и система управления лесным хозяйством России бесконечно реорганизуется – за последние 200 лет с момента образования государственной лесной службы в России она преобразовывалась, по крайней мере, не менее 50-60 раз. Неоднократно она вообще ликвидировалась, хотя на территории России сосредоточено около 20% мировых запасов древесины и не менее 25% лесопокрытых площадей. К нашей беде (я имею в виду наш выпуск), не успели мы получить дипломы об окончании Львовского лесотехнического института, как нас накрыла грандиозная перестройка всего управления страной, которая была вызвана смертью И.В. Сталина и последующим за этим арестом Л.П. Берия. Но до этих событий должно было пройти еще почти два года. А пока у нас самих возникли некоторые осложнения с прохождением учебной практики по лесной таксации, хотя это были события, так сказать, местного масштаба.

В первый день после приезда в Старое Село мы разместились по отдельным домам, где нам были выделены комнаты для проживания, часть студентов поместили в двух комнатах самого лесничества. Затем нам выдали для ознакомления план насаждений Старосельского лесничества, планшеты и таксационные описания тех участков, где предполагалось заложить пробные площади. Сам Митрофан Васильевич приехал утром второго дня, и мы вместе с ним пошли осматривать насаждения для подбора мест заложения трех пробных площадей: одну площадь было решено заложить в средневозрастном сосняке I-го бонитета, вторую – в сосняке близкого возраста, но с повышенной влажностью почвы (ориентировочно III-го бонитета) и третью – в 30-летних культурах ели европейской. После осмотра насаждений наш профессор собрал нас и спросил у бригадиров – во всех ли бригадах есть методики закладки постоянных пробных площадей, необходимое оборудование и инструмент, появились ли какие-либо вопросы. Сам он объяснил нам, что

должен срочно вернуться в город, а мы за первые два дня должны подготовить вешки для ограждения проб, угловые столбы, кольшки для промера сторон пробной площади. Кроме того, было решено, что обедать мы будем в лесу, так как дорога от села до проб занимала около 40 минут, в том числе около километра нужно было идти по болоту. Пришлось оборудовать еще и летнюю кухню. Через день профессор обещал приехать из Львова и продолжить работы непосредственно по закладке пробных площадей. Старшим бригадиром по всему отряду он назначил меня, так как считал, что я хорошо подготовлен теоретически для проведения этих работ.

Все предварительные работы за эти два дня были выполнены и мы стали ждать профессора, но он так и не появился. Многие решили, что он пошел прямо через лес на пробу, так как если идти через село, то нужно проходить, как выше уже говорилось, через болото, а он в прошлый раз приезжал в легких туфлях. Но в лесу его тоже не оказалось. На следующий день его все еще не было. Среди нас начались волнения, так как на всю практику было отведено 15 дней. От меня потребовали решения этой проблемы – «ты старший бригадир, вот и руководи работами всех бригад!». Тогда я предложил организовать работу несколько по-другому, чем было описано в методике, но держать это в секрете. Из членов всех трех бригад создали специализированные звенья: одно звено из трех человек, хорошо знающих растения, должно провести описание напочвенного покрова на всех трех пробах. Другое звено должно выкопать почвенные разрезы также на всех пробных площадях и дать характеристику почв. По желанию разрешено было переходить из одной бригады в другую, но только временно и с согласия бригадиров. Работа закипела! В нашей группе были в основном парни, девушек только пять и две из них были заняты приготовлением обедов.

Через два дня мне удалось дозвониться до нашего пропавшего руководителя. Он похвалил нас, сказал, что мы все сделали правильно и через пару дней он приедет. С погодой нам повезло – за все 15 дней было всего два-три непродолжительных дождя. За время пребывания в селе у нас завязались дружеские отношения с местным населением. Во-первых, мы завтракали и ужинали в домах, где жили. Для нас всегда были свежее молоко, домашний творог и сметана, свежеспеченный хлеб. К тому же практически в каждом доме имелось подпольное производство «сам жени» (сам гони), или коньяка «три бурачка», причем очень дешевого (одна бутылка емкостью 0.5 л –

рубль). Наша хозяйка даже провела для нас экскурсию по данному производству. Бак для перегонки был вмонтирован в русскую печь, патрубок от него выведен через стену в примыкающий к дому сарай. Там в подполе находились змеевик и бак для сбора «готовой продукции». Там же хранились уже охлажденные стеклянные бутылки.

К концу июня все три бригады представили отчеты и защитили их на «пять». Митрофан Васильевич пожелал успехов мне и второму студенту, который также решил поехать на первую производственную практику со мной вместе. Мы дали телеграмму в Гомель, в Лесоустроительную экспедицию, что выезжаем к ним через две недели. Я успел еще навестить мать в Коломые и вернуться во Львов. До Гомеля мы добирались по маршруту Луцк – Барановичи – Столбцы – Минск – Гомель. На месте нас приветливо встретили и сообщили, что работать мы будем на территории Лельчицкого лесхоза, в лесах Данилевичского, Боровского и Милашевичского лесничеств, но в основном – в Данилевичском. Начальником нашей партии оказался пожилой опытный таксатор, встретивший нас очень доброжелательно. Так как мы приехали в Гомель уже во второй половине дня, оформление всех бумаг отложили на завтра и после регистрации в гостинице нас отправили погулять по городу. Гомель – город старинный, известен с 1142 г., около 450 лет входил в состав Польши и Литвы. В составе России с 1772 г. В городе немало памятников истории. К сожалению, значительная часть его была разрушена в период Великой Отечественной войны. На берегу реки Сож находился старинный, но малоухоженный парк. На следующий день мы получили необходимые для проезда командировочные удостоверения, письма из Лесоустроительной экспедиции в три наши лесничества, в которых нам предстояло проведение лесоустроительных работ, подробное описание предстоящего маршрута, деньги и пожелания доброго пути. Все наши объекты находились в Мозырской области БССР, куда в то время железной дороги не было. Добирались мы до станции Калинковичи, оттуда 15 км на тряском автобусе до г. Мозыря, а дальше на попутных машинах до пос. Лельчицы. Из Лельчиц нашим транспортом являлась пара волов до Боровского лесничества, а оттуда до села Данилевичи – уже пешим ходом, с грузом на волах.

В Мозыре на небольшой площадке стояли машины, которые ждали попутчиков по разным направлениям и отправлялись в путь, когда пассажиров набиралось под завязку. Наш шофер, который на ГАЗ-51 держал путь в Лельчицы, сообщил

нам, что выедем из Мозыря, по всей вероятности, около часа дня, более точно будет известно позже. Выехали мы в два часа. Всякие ящики, баулы, корзинки занимали практически всю площадь кузова, а пассажиры сидели на своих узлах как куры на насесте. Местами машина бежала бодро, местами проваливалась по кабину в ямы с жидкой грязью. Не менее десяти раз все пассажиры вылезали из кузова и под команду «взяли!» что есть силы толкали застрявшую в грязевом месиве машину. В Лельчицы мы приехали уже около восьми часов вечера, почти в полной темноте. Гостиница оказалась совсем недалеко от места нашей разгрузки, где нас сразу же приняли и сказали, что места для нас забронированы, мы можем поселиться и даже успеем поужинать в столовой, которая была невдалеке от нашего «Готеля». Мог ли я тогда подумать, что через 35 лет судьба приведет меня в эти же места в связи с выполнением работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС...

Утром мы пришли в лесхоз, где главный лесничий рассказал нам, что в ряде лесничеств сложилась тяжелая обстановка с кадрами, в одном из них работает лесником инвалид войны на одной ноге. Многие лесничие – из бывших партизанских командиров и начальство им не указ. В наиболее производительных лесах ведутся массовые рубки леса. После войны прошло уже пять лет, но в ряде небольших сел до сих пор нет школ, занятия ведутся в землянках, которые освещаются сосновыми лучинами. В районе имеется фактически одна дорога, и та весной и осенью часто становится непроезжей. Электричество есть только в лесозаготовительных поселках. В лесхозе много болот, но за мелиоративными системами никакого ухода нет. Лесники, да и многие лесничие, по лесу ходят в лаптях. Но леса здесь богатые. Это 40-метровые сосны, стройные рощи делового ясеня, 30-35-метровые дубы. В одном из кварталов Данилевичского лесничества растет «царь-дуб» высотой около 45 метров и 160 см в диаметре ствола. До 35 метров ствол прямой, как колонна, без единого сучка. Немцы неоднократно пытались срубить и вывезти ствол этого гиганта в Германию, но ничего у них не вышло. Там же, в Данилевичском лесу, встречались дубы с диаметром ствола 2.0-2.10 м, в возрасте 350-400 лет и более, но стволы у них были сильно разветвлены и часто покрыты большими наростами. Очагами встречались куртины больших лип. В лесу много зверья. Это прежде всего кабаны, которые очень вредят посадкам сосны, дуба и огородам местных жителей, косули, после войны развелось много волков. Особое внимание в лесхозе нас попросили обратить на

приживание и состояние лесных культур, особенно дуба. Транспорт (те же волы с телегой) должен прибыть за нами к 10 часам утра.

Около 11 часов утра наш багаж был погружен на телегу, мы уселись по бокам и наши «цоб-цобе» медленно сдвинулись с места. Путь лежал в Боровское лесничество, оттуда волы пойдут вокруг по дороге в Данилевичи, а мы пойдем по лежням поперек болота. Этот путь в два раза короче кружного (вокруг болота), но волы здесь не пройдут, поэтому мы пойдем более коротким путем по круглым лежням, которые почти полностью лежат в воде. Когда мы подошли к краю болота, то увидели там частокол длинных шестов, воткнутых в торфяную почву. Каждый, кто начинал путь, брал шест и шел с ним через болото, а на другой стороне оставлял его, втыкая в землю. Кто шел в обратном направлении, забирал шест и шел с ним, и если пересекал болото успешно, то вновь оставлял шест у начала лежни. Идти по этим лежням было очень трудно – они были мокрыми и очень скользкими. Я несколько раз падал с бревен в грязную жижу по пояс, но идти было нужно, так как уже начинало темнеть.

В белорусских лесах

В Данилевичах нас встретил помощник лесничего и отвел в дом, в котором нам предстояло жить. Это был добротный дом из тесаных бревен, рядом сеновал и стойло для коровы, колодец (криница с журавлем). Хозяйева – старик со старухой – очень чистоплотные и доброжелательные. Говорили они на смеси белорусского и украинского языков – граница с Украиной проходила недалеке от этого места. Вокруг села сохранились мощные сосновые леса до 30-35 м высотой и 60-80 см в диаметре ствола. До них пока еще не дошла узкоколейка из Туровского леспромхоза, но к этим лесам уже подбиралась лесозаготовители и тянули узкоколейную магистраль. Мы устроились вначале на сеновале, где так приятно пахло свежим сеном, но оттуда нас выгнал чрезмерно ревнивый ярко-красный петух. Каждое утро, когда мы спускались с сеновала, он, распутив крылья, с громким криком неся на нас. Получив очередную «плюху», он гордо отступал, но на следующее утро все повторялось. На четвертый или пятый день мы покорились и перешли в одну из комнат в доме.

На четвертый день нашего пребывания в Данилевичах наконец-то поступила весть от нашего начальника партии, на-

сколько мне помнится, из соседнего села Житковичи, с приглашением прийти к нему в первой половине дня с паспортами и командировочными удостоверениями. От Данилевичей нужно было прошагать по проселочной дороге около 15 км. В шесть часов утра я уже бодро топал по залитому ярким утренним солнцем лесу. Кое-где перекликались между собой птицы, а вокруг царила такая первобытная тишина, что в голову невольно приходила мысль – как же в этих местах было тихо, когда здесь еще не было людей? Я прошел еще с десятка шагов, как в кустах рядом со мной раздался сильный треск, и мне прямо под ноги выкатились очаровательные полосатые поросята (штук 8-10), среди них замерла здоровенная леха, а чуть дальше от нее, набычившись, остановился кабан с громадными клыками. Я прирос к земле и с ужасом глядел, как у кабана на загривке поднимется дыбом щетина, а маленькие злые глазки прямо сверлили меня. Мелькнула мысль – развернутся и дать деру (делал я это в то время довольно быстро, но, конечно, не быстрее кабана). Никакого оружия или средства обороны у меня не было, в руках только полевая сумка с документами. Черята-поросята с интересом уставились на меня, и только их шарики-глазки быстро бегали по моей перепуганной фигуре. Тут я очнулся от оцепенения, заорал: «А пошли вы к ... .. маме!», и при этом замахнулся на всю семейку свой полевой сумкой.

На все эти события ушло несколько секунд, но мне казалось, что значительно больше. Мой смелый выпад так подействовал на эту звериную семейку, что их как ветром сдуло и только в кустах раздался удаляющийся треск. Ко мне вернулась способность двигаться и я помчался в обратную сторону – домой! Отбежав метров 50, я остановился и подумал, что мне в любом случае нужно идти к начальству. Нашел какую-то дубину и двинулся по дороге вперед. Около полудня я добрался до лесничества, где меня ждал наш начальник партии. Выслушав мою историю, он сказал, что нынешним летом как раз недалеко от этих мест кабаны до смерти задрали лесника. Вообще это была моя первая в жизни встреча с кабанами. Через некоторое время, когда у нас с собой было ружье, мы так обнаглели, что, встретив свинью с поросятами, пугнули ее, а один из поросят с перепугу бросился нам под ноги. Мы его поймали, но, подумав, отпустили от греха подальше. Он тут же с быстротой вихря скрылся в кустах, куда убежала его мамаша.

Начальник партии выдал мне около 40 аэрофотоснимков и предупредил, что не дай бог потерять хоть один – уголовное дело! Также выдал стереоскоп для их просмотра, буссоль и еще

какие-то таксаторские мелочи. Он сказал мне, что с лесничими нужно жить дружно, хотя они и жульничают – стремятся отвести квартальные просеки пошире, чтобы срубить побольше лесу при лесоустройстве, добавляют площади лесных культур, их приживаемость. Потакать им особо не надо, но лезть на рожон тоже не стоит, так как они подписывают акты выполненных работ. А заработать здесь можно хорошо. Из его слов я понял, что он на что-то намекает, но только потом понял в чем здесь дело. Он предложил, чтобы мы отдали ему часть площадей для таксации, в основном больших болот, которые хорошо видны на снимках, а он нам за это будет оформлять дополнительные работы. Так, мы пять дней ждали его приезда, два дня были в пути, и он оформил мне с помощником пеший переход от Лельчиц до Борового с грузом для лесостроительных работ, переход через топкое болото до Данилевичей, мой поход к нему в лесничество – два дня с грузом. Все это, конечно, было близко к истине, но размер оплаты перехода с грузом через болото раза в три выше, чем по лежням. У нас же взамен он отобрал 1200-1300 гектаров чистых болот, которые сам протаксировал. Вообще-то, работе таксатора не позавидуешь, одни комары да слепни чего стоят. Перед уходом он сказал, чтобы мы провели тренировочную таксацию на временных пробных площадях, а через два-три дня он подойдет к нам в Данилевичи.

Мы решили, не ожидая его, начать предварительный обход наиболее близких к селу лесных кварталов. С нами пошел пожилой лесник с ружьем, который здесь родился и вырос. Он был убежден, что в этих лесах живет леший, который может закружить человека, сбить его с пути и завести совсем в другую сторону. Как пример он приводил недавно происшедший с ним случай, когда он пошел за грибами за три-четыре километра от села, набрал полную корзину и повернул к дому. Однако кружил он вокруг села наверное часа три, а когда стало совсем темно, то устроился в стоге сена на ночлег. Рано утром к нему прибежала его собака и через полчаса они уже были дома! Невдалеке от села было летнее стойбище для коров. Через несколько дней мы рано утром шли мимо него и на тропинке увидели большого ужа. Мой помощник стегнул его толстым прутом и вдруг из лопнувшего живота бедного ужа полилось молоко, литра полтора... Лесники мне не раз говорили, что ужи умеют высасывать из вымени коров молоко и такие коровы, по их словам, потом не дают своим хозяйкам их доить. Я считал это фантазией, но тут уже сам убедился в правдивости этих слов. Вообще, в тот выезд в Белоруссию я увидел много

ранее для меня неизвестного. Как-то утром мы шли через болото вдоль магистрального мелиоративного канала. Лето в том году было жаркое и сухое, воды в канале практически не осталось. Я шел по краю канала и увидел в нем двух мужиков, которые копали на дне небольшие ямы и вытаскивали оттуда змей! Лесник объяснил мне, что это «сухая рыбалка» угрей, которые собираются во влажных понижениях дна канала. Длина их составляла в среднем 70-80 см.

Неоднократно нам встречались косули, а кабаны – так почти каждый день. Дважды я имел неожиданные встречи со здоровенными волками. Лесники проклинали их, так как они переловили и съели почти всех охотничьих собак. Немало вреда приносили кабаны, которые иногда почти полностью съедали посевы желудей дуба, а еще больше грабили крестьянские картофельные поля. У нашего деда они за одну ночь разорили сотки три-четыре уже довольно крупного картофеля. Это так возмутило его, что он всерьез решил отомстить прожорливым пузачам. Вечером он сделал для себя логово из большого овечьего тулупа, приготовил ружье, патроны и как только стемнело, залег на огороде невдалеке от кромки леса. Уходя, смело заявил, что завтра шашлыки нам обеспечены. Утром хозяйка сообщила нам, что дед с охоты до сих пор не пришел! Мы схватили кто топор, кто железную кочергу побольше и понеслись к дедовому логову. Выйдя на поле, стали подкрадываться к деду. Вскоре услышали могучий храп, а уже подойдя ближе, увидели островок нетронутого картофеля, на котором храпел под тулупом наш мститель. Кабаны не стали его будить, аккуратно обогнули деда и пошли дальше по грядкам... Увидев такую картину, мы дружно засмеялись, а дед вскочил, матерясь на всю округу! Шашлыки не состоялись...

Мы довольно быстро освоили весь цикл наших работ и ежедневно перевыполняли нормы, к тому же работали и в выходные дни. Очень кстати пришлась наша учебная практика по лесной таксации. Больше всего досаждали комары, которые не давали записывать результаты измерений и обследования таксационных выделов. Наш лесник постоянно носил с собой специальный широкогорлый кувшин, на дне которого имелись многочисленные отверстия. На дно кувшина вначале насыпали мелкие сосновые щепочки, поджигали их, затем добавляли более крупные, а на них насыпали мох. Этот «дымокур» в определенной мере помогал отгонять комаров, но от него слезились глаза и дым въедался в кожу лица и волосы. На шею и затылок набрасывали тонкий бязевый платок. Карандаш использовался

только красного цвета. Он привязывался веревочкой, которая надевалась на шею, чтобы не потерять его в траве. Много сил уходило на переходы по болоту, особенно с топкими местами. Ноги вязли в моховом покрове, а на участках с зарослями багульника (здесь его называли «багон») вскоре начинала болеть голова.

Через месяц начальник партии завел со мной разговор о том, что, может быть, мы задержимся еще на месяц. Практика наша кончалась в последнюю декаду августа, две недели оставались на каникулы. Я поговорил с моим напарником, и мы решили, что можем поработать до 1 сентября, а потом хоть на 10 дней съездить домой. Он с этим согласился, и мы определили оставшийся объем работ. Нам «привесли» еще 15 кварталов из соседнего лесничества, но мы укладывались в намеченные сроки. За два дня до отъезда нам принесли телеграмму следующего содержания: «Срочно заложите пять пробных площадей по грабу. Без них не приезжайте в Милашевичи. Буду ждать вас до 10 сентября». Нужно сказать, что граб в южной части Белоруссии растет практически повсеместно, но найти чистые грабовые насаждения, да к тому же пригодные для закладки постоянных пробных площадей, подходящих для составления таблиц хода роста – дело непростое. На эти работы у нас оставалось всего 10 дней.

Получив эту телеграмму, я пошел в лесничество и попросил собрать лесников. Когда к вечеру они собрались, я рассказал им о срочном задании, как оказалось, одного из наиболее известных в республике, да и в стране, академиков-лесоводов. Эти данные потребовались в связи с разработкой технологии изготовления ткацких челноков для текстильной промышленности. Один из пожилых лесников вспомнил, что еще до войны они закладывали для какого-то заказа пробные площади в чистых грабняках и дорогу к тем участкам он помнит. Идти, по его словам, придется порядочно. Я сразу же позвонил начальнику отряда в Милашевичи и сказал, что эту работу согласны выполнить несколько лесников, но при двойной оплате, на что получил немедленное согласие. Через день наш отряд, состоящий из шести человек, отправился к грабовым участкам, которые наш проводник быстро нашел, и работа была выполнена в срок. 10 сентября утром мы сообщили, что к обеду будем в Милошевичах со всеми материалами.

Так как в Милашевичи была проложена сравнительно доступная проезжая дорога, а нам к семи утра уже подали телегу с тягой в одну лошадиную силу, мы, погрузив наш багаж, осно-

ву которого составляли грабовые «колясики», отправились в путь и уже к полудню были в нашей «резиденции», у начальника отряда. Он подозрительно спросил нас: «Материал по грабу привезли?». Получив утвердительный ответ, он тут же стал осматривать срезы с 15 учетных деревьев граба. Осмотрев срезы, он просиял с сказал: «Ну все, все грехи вам прощаются. Идем оформлять наряды!». К трем часам дня на бумагах были поставлены все необходимые подписи и печати, в том числе и в сельсовете, и наши желудки вполне законно потребовали питания. Дом, в котором жил наш начальник, находился рядом с продуктовым магазином. Мы с помощником отправились в магазин, где приобрели пять банок бычков в томате, две буханки хлеба, три бутылки водки и три бутылки вишневого ликера (водки ни я, ни мой помощник не употребляли) – праздновать «отвальную». Наша хозяйка наварила «бульбы», нажарила белых грибов (их в тот год была уйма), нарезала копченого мяса и сала. Все собрались в большой комнате, в которой у окна стояла железная кровать с никелированными шишечками на углах, посередине находился обширный дубовый стол. Всего собралось семь человек: лесничий, наш начальник, я и мой помощник, кто-то еще из лесничества, хозяйка дома и ее родственник. С утра светило яркое солнце и небо было чистое, но к обеду появились облака, которые вскоре покрыли все небо.

Милашевичи – довольно большое, хорошо обустроенное село. Еще до войны по всему селу были вкопаны столбы и протянута электропроводка, в домах установлены электросчетчики. В нашей комнате счетчик был в самом углу, над кроватью, от него сделан отвод к розетке, которая находилась прямо над спинкой кровати. Возвращаясь из магазина, я обратил внимание на мощные черные тучи, внутри которых все время полыхали огромные зигзаги молний. Все спешили домой. Когда мы уселись за стол, началась непрерывная канонада громовых ударов и сверкание молний. Я спросил хозяйку, обрезаны у нее провода от столбов? Она ответила утвердительно. Я сидел за столом напротив счетчика и вдруг увидел, как из него показался ярко-зеленый шар, пополз вниз по проводу к розетке и при этом громко трещал. Провод за ним горел. Весь путь шара занял не более нескольких секунд и когда он добрался до спинки кровати, раздался сильный хлопок, а никелированная шишечка на спинке кровати расплавилась. Родственник хозяйки, который сидел прямо под счетчиком, каким-то образом оказался под кроватью. Я вообще не мог пошевелиться и сидел как загнипнотизированный, пока шар не исчез. В комнате сильно запахло

озоном и гарью. Мы с лесничим выскочили из-за стола и за ноги вытащили из-под кровати родственника хозяйки. Все вдруг почти одновременно начали говорить, вспоминая подробности только что увиденного, и пришли к выводу, что это была шаровая молния. В это время на улице, между нашим домом и магазином, слышались крики. Выяснилось, что здесь молния ударила в землю около 12-летнего мальчика, он упал, посинел и не подавал признаков жизни. Кто-то уже копал яму, чтобы зарыть мальчика в землю для «вытягивания» из него электричества. Я вмешался и посоветовал сделать ему искусственное дыхание, но его мать со мной не согласилась и требовала поскорее положить его в яму. Пока шел спор, мальчик умер...

Вообще в этих юго-восточных районах Белоруссии население было крайне суеверным. Прежде всего, возле каждого села обитал свой леший, знать повадки которого должны были все идущие в лес. Почти на всех «ростанях» (развилках лесных дорог) стояли большие деревянные кресты, на которых были надеты белые льняные рубахи и вышитые рушники. Почти каждый день на лесных тропинках встречались гадюки. Одна из них в молниеносном броске укусила меня за ногу, но, на мое счастье, в тот день я был в сапогах, а прокусить жесткое голенище змее было не под силу.

На следующий день нам помогли добраться из Милашевичей до узкоколейки, а там и на широкую колею перебраться. На следующий день мы уже были в нашей конторе в Гомеле. За два месяца я получил около 8 тыс. рублей, а мой помощник – около 6 тыс. Такие суммы мы с ним оба держали в руках впервые в жизни. Когда я приехал во Львов, то сразу же купил радиоприемник «Балтика», настоящий костюм, демисезонное пальто, модельные туфли и закарпатскую темно-зеленую велюровую шляпу. Значительную сумму отвез матери. К сожалению, подобным заработком меня судьба еще долго не баловала. На следующий год я должен был ехать в Горный Алтай и также рассчитывал на хороший заработок, тем более, что у меня уже накопился определенный опыт проведения лесоустроительных работ, хотя я с трудом представлял себе работу в практически безлюдных урочищах Горного Алтая.

При сдаче отчета о производственной практике я привел материалы по изучению грабовых лесов, в которых были использованы методы исследований нашего декана – Митрофана Васильевича Давидова, чем он был весьма польщен. Много труда он вложил в изучение черноольховых лесов, в том числе и в Белоруссии. Когда я рассказал ему о том, что нам пришлось

заложить пять постоянных пробных площадей в грабовых насаждениях по просьбе академика И.Д. Юркевича, то он был этому крайне рад. Отчеты по первой производственной практике мы с моим помощником сдали профессору М.В. Давидову на «отлично»!

Дашь хлебозаготовки!

Я хотел съездить домой к матери, но тут в нашем парткоме вспомнили, что я являюсь кандидатом в члены КП(б)У, а в Западной Украине началась кампания по массовой коллективизации сельского хозяйства. Меня и еще трех наших студентов – членов партии, направили в районный центр Перемышляны. Там нас собрали в райкоме, разделили на бригады и отправили по селам для проверки хода сдачи зерна, уплаты сельхозналога и организации колхозов. В нашу бригаду включили майора КГБ, у которого имелись пистолет и две гранаты-лимонки, меня и еще трех студентов – всего пять человек. Студентам выдали по длиннющей австро-венгерской винтовке и по три обоймы патронов. Эти «громоотводы» наш командир, майор КГБ, посоветовал сдать сразу, как приедем на место назначения (довольно большое село Новые Кареличи) в местный гарнизон, состоящий из взвода войск МВД, так как ходить с ними тяжело и опасно, а село было протяженностью не менее 5-6 км. С большой радостью мы оставили на хранение в гарнизоне наши «фузеи», хоть и дальнобойность у них была отличная.

Наш командир был человек бывалый и сразу же собрал «производственное совещание», на котором изложил основные правила нашего поведения на территории, фактически контролируемой врагом:

1. Ходить всегда только группой, даже «по нужде».
2. Никогда дважды подряд не ночевать в одном и том же месте, что касается и питания тоже.
3. Распоряжения командира выполнять беспрекословно, возникшие вопросы обсуждать на отдыхе (перекуре), но не в период какого-либо обострения обстановки.
4. Спиртное пить только всем вместе, обязательно в присутствии командира.

При выполнении всех этих условий он гарантирует нам возвращение в институт в неповрежденном виде. И действительно, выполнение этих четырех «заповедей» позволило нам вернуться в институт в срок и привезти благодарности от райкома партии. Правда, этому способствовало стечение обстоятельств, которое сложилось в один из наших трудовых дней.

С утра мы решили проехать по отдаленным хуторам на закрепленной за нами персональной телеге «в одну лошадь» с возчиком. Он показал нам лесные дороги, которые ведут к тому или иному хутору, где, возможно, скрывают зерно от сборщиков. Так мы подъехали к одному из токов, принадлежащих зажиточному вуйку. Там мы увидели, что идет интенсивная обработка зерна, которую трудно обнаружить со стороны. Мы быстро направились в сельсовет, где узнали, что наш вуйко сдал всего четверть необходимого количества зерна и объяснил это плохим урожаем.

В сельсовете мы взяли с собой его председателя, уполномоченного от конторы «Заготзерно» и всю нашу команду. По дороге заехали в местный гарнизон и захватили еще трех солдат. На трех телегах мы подлетели на скорости к секретному току и застучали нашего богатея «на горячем» – обмолоте уже просохшего зерна. От неожиданности он и двух слов сказать не мог в своей оправдание. С председателем сельсовета мы заранее договорились, что, учитывая большой состав семьи хозяина, мы заберем у него только половину зерна, необходимого для сдачи, а второй половины ему вполне хватит на зиму и для посева на будущий год, но с условием – хлеб привезти прямо сейчас с нами, так как уже неоднократно ранее обнаруженное зерно таинственно исчезало через день-два. Это предложение хозяином сразу же было принято. У нас были три телеги, вуйко запряг еще одну и поехал с нами оформлять сдачу зерна. На одной телеге уместилась вся наша команда, на другой – председатель и пара мешков зерна, а две остальные были целиком загружены зерном. Когда мы подъехали к сельсовету, то увидели там две автомашины – одну райкомовскую и одну с сопровождением из МВД, из чего сделали заключение, что приехал с неожиданным визитом первый секретарь райкома партии с сопровождающими лицами. Впереди нашего обоза ехал председатель сельсовета с двумя мешками зерна, затем наша персональная телега и, несколько поотстав, две телеги с зерном.

Увидев первый воз с двумя мешками зерна, а затем телегу с нашим отрядом, секретарь подозвал сопровождающих и рассмеялся – глядите, полные телеги заготовителей, а везут-то всего два мешка. На плечах могли бы принести... Все захихикали, но тут подъехали две полновесные телеги с зерном. Наш майор ехидно спросил: «А эти тоже на плечах?». Тут уж пришла очередь повеселиться и нам. Секретарь почесал затылок, позвал всех в сельсовет и попросил рассказать, как нам удалось заготовить столько зерна и откуда мы, такие молодцы? В на-

шей бригаде учет сданного с нашей «помощью» зерна вел я, поэтому майор представил меня со словами: «Вот наш учетчик, он сейчас все доложит». Я перечислил всех, кто и сколько сдал зерна (в процентах от обязательства) и сколько еще осталось задолжников на нашем участке. Секретарь похвалил меня и спросил, из какого мы института. Я ответил, что бригада у нас смешанная. Командир – майор КГБ, а остальные четыре человека – студенты из Лесотехнического института. Секретарь тут же обратился к кому-то из сопровождающих: «Подготовьте на ребят благодарности, а майора мы сами с его начальством отметим».

«Отслужив» свой срок, мы выехали в Перемышляны, забрав наши винтовки для сдачи их в райотдел милиции. За хорошую работу за нами прислали полуторку (ГАЗ-АА) на газогенераторном питании. Эта машина на горку могла подняться только пустая, поэтому мы частенько подталкивали ее, а когда достигали перевала, то с шумом и гамом запрыгивали в кузов, а спустившись с горки, вновь плелись за ней. В результате 30 километров от Новых Кареличей до Перемышлян мы ползли почти пять часов. К вечернему автобусу мы все же успели и ночевали уже дома, во Львове. Наша поездка, как мне показалось, прошла гладко, но один инцидент оставил в душе неприятный след. Накануне нашего отъезда домой в Новых Кареличах проводили общее собрание жителей по вопросу организации в селе колхоза и при этом огласили списки должников по хлебосдаче, уплате сельхозналога и т.п. И вдруг я слышу, что часть из тех хозяев, что сдали, по нашим данным, половину зерна или больше, по сведениям из «Заготзерна» не дотягивали даже до четверти объема обязательных поставок. В ряде случаев площади земельных наделов оказались больше предыдущих данных на 20-30%. Мы были в недоумении и решили с этим разобраться, но когда завели такой разговор в райкоме партии, нам разъяснили, что если этого не сделать, то вуйки ни за что не пойдут в колхоз. Но ведь они могут уйти в банды! Моя реплика так и осталась без ответа. А каково было отвечать на такие вопросы местным жителям?

Леонид Брежнев-2

Еще осенью 1951 г. к нам в общежитие подселили двух «оригинальных» студентов. Я уже писал, что наша комната была последней в числе проходных на третьем этаже. Перед самой комнатой была массивная дверь, а перед этой дверью –

еще одна такая дверь, т.е. перед входом в комнату имелся маленький тамбур, где можно было поставить вдоль прохода две узкие кровати. Мы называли эту комнатушку «предбанник». К началу учебного года на четвертом курсе к нам подселили двух «перебежчиков» из Архангельского лесотехнического института с лесохозяйственного факультета – Леонида Брежнева и Анатолия Вакальчука (за имя и фамилию последнего не ручаюсь), которые вначале вели себя довольно тихо. Это была типичная пара – «акула» и «рыба-прилипала», и вскоре мы все почувствовали это в полной мере. Наш Леонид Брежнев ходил в военной форме с погонами капитана. У него имелось восемь орденов и медалей. Это был красивый брюнет с густыми черными бровями. В армии он вроде бы командовал полковой разведкой.

Когда он пришел к нам в институт, ему было уже около 30 лет. Человек он был весьма одаренный – прекрасно рисовал, в том числе очень схожие с оригиналом портреты, красиво пел глубоким баритоном, но на занятиях эта пара появлялась очень редко, причем каждый раз их появление сопровождалось какими-нибудь скандальными выходками. Сам Брежнев был всегда непредсказуем, дважды, по его словам, тяжело контужен и поэтому в любой момент мог лечь в госпиталь, принести больничный лист или просто не ходить на занятия. Конечно, никто из нас не знал, что второй Леонид Брежнев, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии, был его родной дядя и к тому же очень любил своего племянника. Как-то мы с ним разговорились и я был удивлен, что он вообще-то, как можно было понять из его слов, пережил не одну трагедию в своей жизни, а после войны остался фактически не у дел. По состоянию здоровья он был демобилизован «вчистую», терпеть не мог жену Леонида Ильича Брежнева, не интересовался лесными проблемами, поэтому институт практически не посещал, приходил только когда уже стоял вопрос об отчислении за прогулы. Леонид Ильич тем временем набирал авторитет. Сталин лично интересовался им и соответственно росла безнаказанность Лени Брежнева. Когда мы оканчивали институт, он лежал в госпитале, так как попал в очередную драку с поножовщиной. Мы с ним несколько подружились, хотя его интересы в жизни не имели ничего общего с моими. Позднее мне рассказывали, что через несколько лет после окончания института наши ребята узнали, где он «работает» и послали ему ящик отборных яблок, а через некоторое время получили взамен посылку с красной и черной икрой... Леня оставался верен себе – шик и пока-

зуха были основными чертами его характера, хотя был он, безусловно, человеком незаурядным.

Внутриполитическая обстановка в стране в конце сороковых – начале пятидесятых годов XX столетия, а также в 1952 г. продолжала периодически осложняться и большинство членов партии (а я в декабре 1951 г. был единогласно принят в члены ВКП(б), в том числе и местные партийные деятели, не успевали знакомиться с поступающими из ЦК ВКП(б) документами и изучать, а в некоторых случаях просто понять их содержание. Неожиданно на головы ничего не подозревающего населения и членов ВКП(б) свалилось «Ленинградское дело», которое закончилось расстрелом члена Политбюро Н.А. Вознесенского, секретаря ЦК партии, члена Оргбюро ЦК А.А. Кузнецова, Первого секретаря Ленинградского обкома партии П.С. Попкова и др. Всего в процессе «Ленинградского дела» были репрессированы около двух тысяч руководящих работников. Вскоре в общественно-политические организации поступила брошюра за авторством И.В. Сталина по проблемам языкознания с критикой теоретических работ покойного академика АН СССР Н.Я. Марра о связи языкознания с классовой и национальной структурой общества. Вторая часть этого небольшого по объему издания была посвящена вопросам кооперативной и государственной собственности в коллективных сельскохозяйственных организациях.

Само по себе размещение этих двух столь различающихся между собой тем в одной книге уже вызывало ряд вопросов, но по содержанию их было еще больше. Основной обсуждаемый вопрос был посвящен собственности на землю. В тексте говорилось, что земля передается государством в пользование кооперативным хозяйствам навечно, но остается при этом государственной собственностью и передавать ее кому-либо колхозы не имеют права, также как и изменять границы землепользования. К тому же нигде не объяснялось, в чем же здесь преимущество над частным использованием земель, как это имеет место в большинстве стран мира. На одном из семинаров по политэкономии, которые стали у нас вновь срочно проводиться (к этому времени мы уже сдали экзамен по политэкономии), я задал вопросы нашему заведующему кафедрой политэкономии доценту Чекину, человеку неглупому и остроумному: для чего опубликованы в одной брошюре столь разные по проблематике разделы, а также для чего передавать колхозам навечно землю, когда они вообще были лишены права хоть в какой-то степени управлять этой землей? Наш доцент помолчал, потом подошел

ко мне и обратился с такими словами: «Мне самому далеко не все ясно в этом гениальном труде Иосифа Виссарионовича. Для того, чтобы понять все его значение для теории науки, возможно потребуется не один год!», и при этом развел руками...

Не успели утихнуть страсти по проблемам языкознания и кооперативной собственности, как на нас (да и на преподавателей кафедр общественных наук) обрушилось «Дело врачей», которое в том время вызвало, пожалуй, наибольший политический резонанс среди населения страны. По улицам ходили группы людей с лозунгами «Долой врачей-убийц!», «Уничтожим врачей-отравителей!» и т.д. Все эти марши, митинги, собрания носили определенный националистический, вернее, антинационалистический характер. Непонятна была и цель этой кампании. Кое-где начинали избивать «врачей-отравителей», а последние бросали работу и разбегались по домам... 1952 г. ознаменовался проведением 5-14 декабря XIX-го съезда партии. Это был последний съезд, на котором выступал И.В. Сталин. В докладе прозвучал ряд угроз в адрес его близких соратников – В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова и др. В то же время было видно, что с состоянием его здоровья неблагоприятно. На этом съезде ВКП(б) была переименована в КПСС – Коммунистическую партию Советского Союза. В общественно-политическом состоянии в стране явно назревали определенные перемены, на которые накладывались военные события на Корейском полуострове.

Трагическая практика в Горном Алтае

В 1952 г. мы должны были пройти преддипломную практику, рассчитаться с несданными «хвостами» (у кого они были), подготовить в основном к защите дипломные проекты, а весной 1953 г. – защитить их. При этом первыми на защиту шли отличники с «красными» дипломами, которые пользовались привилегией при распределении на места будущей работы. В марте-апреле 1952 г. были сданы почти все зачеты и экзамены. Началась подготовка к дипломной практике, которая у нас длилась почти четыре месяца. Как я уже ранее писал, меня пригласили на преддипломную практику в качестве таксатора в Горно-Алтайскую лесоустроительную экспедицию, куда я должен был прибыть в середине июля. От этой поездки я ожидал многого: получения эскиза таблиц хода роста лиственницы сибирской (алтайского экотипа) и на их основании написания дипломного проекта, а затем, может быть, и опубликования науч-

ной статьи. Если условия работы мне понравятся, я решил после окончания института, возможно, выехать на работу в Западно-Сибирский лесостроительный трест, который находился в Новосибирске. Одновременно, проработав там более трех месяцев, укрепить мое материальное положение. Вместе со мной упросился в эту же экспедицию мой «сокамерник» – сосед по комнате в общежитии Геннадий Маковский. Лет ему было в то время 27-28, три года он воевал, дважды был контужен и отличался иногда ничем не обоснованной вспыльчивостью. Родственников у него не осталось вообще, жил он практически на одну стипендию. Когда он узнал о моих заработках в Белоруссии, то упросил взять его с собой в экспедицию, но мы сразу же договорились, что будем оформляться в разные таксационные партии.

Получив согласие на прием на преддипломную практику, мы отправили в экспедицию телеграмму с просьбой выслать нам определенную сумму на проезд до места работы и сообщить, каким маршрутом туда лучше добираться. Вскоре нам поступили деньги и предложение вначале прибыть в Новосибирск для оформления необходимых документов, а уже оттуда направиться в пос. Онгудай, где размещался штаб нашей экспедиции. Выезд мы назначили на 5 июля и 10 числа уже прибыли в Новосибирск. Там кое-как нашли нашу контору и узнали, что через два-три дня из Новосибирска прямо в Онгудай пойдет машина, но она сильно загружена и свободным будет только одно место в кабине. Я решил ехать сначала поездом, а там – на попутной машине. Мне сказали, что по Чуйскому тракту машины ездят довольно часто и дали адрес, куда нужно будет обратиться в Бийске. Из Новосибирска я через сутки приехал в Барнаул, оттуда добрался до Бийска, где начинался уже автодорожный путь до границы с Монголией (пос. Ташанта), потом до Улан-Батора, но машины за границей вели уже монгольские шоферы. В Монголию везли в основном промтовары, станки, промышленное оборудование, оттуда – шерсть, мясопродукты и различное минеральное сырье. Грозой автотранспорта на Чуйском тракте являлись тысячные стада скота, в основном коров и овец, которые шли своим ходом из Монголии в Бийск и иногда создавали длительные пробки на сужениях дорожного полотна, среди отвесных скал вдоль дороги.

Мне пришлось побывать во многих красивейших уголках нашей огромной страны, но, пожалуй, в России нет мест красивее, чем в Горном Алтае! Конечно, не нужно забывать, что был я там более 50 лет назад, когда первобытная красота этого

уникального памятника природы была близка к своему первоначальному виду, когда там еще не бродили тысячи дикарей-искателей никому не ведомой Шамбалы, когда звериное царство было действительно звериным... Леса в Горном Алтае занимают около 10 млн. га и практически почти не освоены. Состоят они в основном из лиственницы сибирской, в верхней части лесного пояса много кедра (сосны кедровой сибирской). В межгорьях и долинах рек преобладают ель и пихта сибирские. Южные склоны гор, особенно верхние их части, в основном безлесные. На скалистых склонах много обильно плодоносящего крыжовника, по берегам рек сплошной полосой тянутся заросли красной смородины. Наша экспедиция была первой лесоустроительной организацией в Горном Алтае, и нам предстояло провести лесотаксационное обследование Горного Алтая, правда, по самой низкой III-й категории, с использованием топографических крупномасштабных карт, составленных военными топографами России в 1912-1914 гг., считающихся одними из лучших. Авиаснимков нам не дали.

По приезду в Бийск я отправился по данному мне адресу, откуда начинался знаменитый «...Чуйский тракт до Монгольской границы...», известный по широко распространенной среди шоферов песне о водителе Коле Снегиреве и девушке-шофере Рае. Там меня с удовольствием приняли и даже дали место в кабине. Я поразился порядку и четкой организации перевозок по всему почти семисоткилометровому тракту. Перед отправлением машину обязательно осматривал механик. Все машины имели кузова с тентами и перед выездом груз в кузове опечатывался, так что шофер даже не знал, что везет и открывать тент не имел права до места передачи груза на Монгольской границе. Через каждые 200 км машины подлежали специальному осмотру и дозаправке. На пунктах осмотра работали столовые и киоски, в которых продавались папиросы, спички и другая мелочь. Шоферы зарабатывали хорошо, каждая ездка длилась три дня, затем три дня отдыха. Я спросил одного шофера, как добились такого порядка на тракте? Он рассмеялся и сказал, что только второй год, как отменили систему МВД. Порядок пока поддерживает совместное советско-монгольское начальство. Трасса все-таки международная!

Когда мы выезжали из Бийска, я обратил внимание, что в месте начала Оби, при слиянии рек, вода в Катунь светлая, прозрачная, а в Бие – темная, с буроватым оттенком и первое время оба эти потока идут уже в русле Оби не смешиваясь. Вскоре мы проехали поворот налево – на Горно-Алтайск, и у

небольшого поселка Усть-Сема переехали Катунь по мосту и начали подъем на пологий, но затяжной Семинский перевал. Несмотря на то, что у его начала было теплое лето, когда машина, тяжело пыхтя, поднялась на перевал, вокруг нас крупными пятнами лежал снег. На пологих склонах гор группами росли угрюмые мощные кедры. Вокруг снежников ярко атели «жарки» оранжево-красного цвета. Это были купальницы азиатские, близкие родственницы которых широко распространены в европейской части России, но окрашены в ярко-желтый цвет. На самом перевале, слева от дороги, стоял дом лесничества, а несколько в стороне от него поднималась громада горы, которую алтайцы называют «Сарлык», что означает «Як». В Шебалино, от которого до нашей цели – аймачного центра пос. Онгудай – оставалось немногим более 100 км, мы отдохнули, немного перекусили и отправились в дальнейший путь. Где-то около четырех часов пополудни наша машина въехала в Онгудай.

Вскоре я был уже в штабе экспедиции. Начальника на месте не было, но он до конца дня должен был подъехать. Встретил меня главный инженер экспедиции и сообщил, что в помощь нашей «научной группе» из Москвы прибыли еще два студента-практиканта из Лесотехнического института. Он сказал, что все материалы, которые мы получим, я должен буду передать ему, причем в обработанном виде. В целом все шло вроде бы по плану, но с большим запозданием. Начальник экспедиции до сих пор не может собрать хотя бы половину рабочих, а из тех, кого уже оформили, несколько человек, получив аванс, тут же сбежали. Местное население, в основном староверы, ни за что идти на работу в экспедицию не хотят. Лошадей тоже не можем собрать и половины... Для нас начальник распорядился выделить все, что можно, так как макет таблиц хода роста лиственницы местного происхождения им был крайне необходим. Пока начальник не приехал, главный инженер повел меня устраиваться на ночлег в местную школу. Вроде бы все складывалось неплохо. Заодно я узнал, что мой львовский тезка до сих пор не приехал из Новосибирска. Как потом оказалось, дело не обошлось без поломки машины в пути и они задержались еще на два дня. Утром я встретился с начальником экспедиции, который был очень расстроен, что дела идут неважно. Вот уже прошло больше месяца, а экспедиция все еще не может войти в график работ. В составе экспедиции было пять партий, но только в двух из них начались плановые работы. Он прямо спросил, есть ли у меня опыт работы в лесоуст-

ройстве. Я рассказал ему, что мы самостоятельно закладывали постоянные пробные площади в процессе прохождения учебной практики (по сосне и ели), а затем при прохождении первой производственной практики – по сосне и грабу, и что перед выездом из Львова я изучил ту немногую литературу по лиственнице сибирской, которую удалось достать, но опыта работы непосредственно с лиственницей я не имею, но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Еще я добавил, что хотел бы поскорее подобрать объекты для изучения. В лесхозе нам посоветовали перебазироваться в урочище Ай-Гулак («Медвежьи уши»), где есть хорошие древостои лиственницы разного возраста, на пологих склонах, близко к реке. Важно, что невдалеке от тракта там имелся дом объездчика с телефоном, которым можно будет воспользоваться в каких-либо экстренных случаях.

На следующий день мы передислоцировались на новое место. Поставили палатки, установили стол и скамейки для приема пищи, оборудовали посудомойку. Со мной приехали два студента-москвича, двое рабочих, повариха, на второй день пригнали трех лошадей. В ближайшее время ожидался приезд еще двух рабочих. Через три дня после прибытия мы начали закладку двух постоянных пробных площадей. Лиственничные леса в Горном Алтае носят в основном парковый характер, что объясняется прежде всего их высоким светолюбием. В подлеске здесь распространена акация желтая, широко используемая в европейской части России, особенно в северных ее регионах, для озеленения городов и поселков. Что нас расстроило, так это высокая твердость древесины лиственницы. В то время никаких бензопил у нас, конечно, не было, поэтому валку и разделку стволов вели вручную с помощью двуручных пил и топоров. Нам повезло, что один из рабочих ранее работал на лесозаготовках и каждое утро подновлял заточку инструментов. Таким образом, работа постепенно вошла в колею и только волдыри на ладонях стали досаждать нам все сильнее.

Больше всего нас волновала повариха. Это была полная, но работоспособная и добросовестная женщина, очень чистоплотная, что важно именно в экспедиционных условиях. Она была из семьи староверов и говорила на своем, не всегда нам понятном языке. Так, например, глухарку она называла «кулиса польская», что означало «курица лесная». Но беда была в том, что она часто падала на ровном месте, иногда с кастрюлей, в которой несла к столу уже готовый суп. Сначала это вызывало смех, и мы советовали ей варить всегда еще одну, запасную,

кастрюлю супа. Но вскоре ко мне подошел один из рабочих и сказал: «Михалыч, похоже, что у нее бруцеллез...». Я попросил его пока об этом не распространяться, и он меня «успокоил», что здесь каждая вторая женщина больна бруцеллезом, так как им заражена большая часть скота. Все основные предприятия в поселке занимались переработкой молока и, соответственно, их работники часто болеют бруцеллезом. Я сказал, что на днях поеду в Онгудай и найду там в санэпидстанцию посоветоваться, так как это заболевание инфекционное.

Вообще в конце месяца все руководители таксационных партий приезжали в экспедицию, докладывали о состоянии дел, сдавали наряды и получали зарплату для работников партий, решали текущие проблемы, которые возникают перед таксационными партиями довольно много и которые не всегда удается решить в полевых условиях. Особенно тяжкие последствия влекут за собой несчастные случаи со смертельным исходом, когда нормальная работа экспедиции практически останавливается. Как я уже выше говорил, у лесоустроительных партий в то время не имелось радиосвязи со штабом экспедиции и в условиях полного бездорожья да еще в горных регионах найти кого-либо из попавших в беду – крайне сложная задача. Одна из наших партий, начальником которой был наиболее опытный таксатор, работала в 45-50 км от Онгудая, на правом берегу Катуня, недалеко от слияния рек Малая и Большая Сумульта и их впадения в Катунь. В то время там находилось только двое рабочих и начальник партии. У них кончились продукты и начальник партии оставил рабочих с наказом ждать его в лагере, а сам взял фотоаппарат, ружье, документы и сказал, что пойдет вдоль Сумульта до Катуня, где переправится на ее левый берег и на третий день, по его расчетам, вернется в лагерь. Для хорошо тренированного спортсмена срок вполне реальный... если не вмешается это «если». Рабочие ждали начальника партии девять дней вместо трех, но он так и не вернулся. Стало ясно, что с ним что-то случилось. Тогда один из рабочих направился в Онгудай, а второй остался в лагере. Все говорили, что начальник партии прекрасно плавал, мог за день свободно пройти по горам 30-40 км, с ним были топографические карты, ружье. Появилась мысль, что его убили в лесу, но у него с собой совсем не было ни денег, ни продуктов. Единственная ценность для бандитов – ружье, но для него было всего пять или семь патронов.

На следующий день в штабе собрались все таксаторы, руководство экспедиции, представители прокуратуры, МВД, рай-

исполкома и еще кое-каких служб, фотограф. Начальник доложил обстановку и сообщил, что он уже связывался с Западно-Сибирским лесоустроительным трестом и сегодня же в Онгудай выезжает комиссия из треста. Начальнику поручено немедленно остановить все производственные работы, сформировать из числа сотрудников экспедиции поисковые отряды и привлечь для участия в них лесную охрану. Однако учитывая, что большинство местного населения и лесной охраны находятся в отпусках, занимаясь в основном сенокосом, особо рассчитывать на их помощь не приходится. Было решено всему спасательному отряду выходить одновременно в пять часов вечера и до темноты дойти до переправы через Катунь, там заночевать, а рано утром, переправившись, идти дальше до лагеря пропавшего начальника партии.

В начале пути, после переправы через р. Урсул, тропа на переправу через Катунь шла несколько километров на подъем, а затем по пологому склону вниз к долине, где на половине пути к реке находился дом объездчика с целым набором подсобных строений, большим амбаром, где хранились кедровые орехи, подвешенные на веревках из конских хвостов, чтобы до них не добрались мыши. Там же хранились копченые окорока маралов, сухие грибы. Объездчик одновременно занимался приемкой пушнины, взамен выдавал охотникам порох, дробь и другие охотничьи припасы. Цены на пушнину были бросовые. Так, за шкуру медведя платили 22 руб., за первосортную лису – 10 руб. и рубль за белку. Но охотничьи припасы можно было получить только за пушнину. У дома объездчика мы сделали небольшой привал. Мне выдали новые, совсем неразношенные сапоги и портянки из вафельной ткани. Я раньше сапоги носил редко и с портянками обращаться вообще не умел. Когда я с помощью ребят стащил с ног свои мучители-сапоги, то на пальцах и косточках ног увидел большие волдыри, которые лопнули и портянки были все в крови. Я показал свои ноги нашему начальнику и он распорядился, чтобы дальше я не шел, а оставался ночевать у объездчика. Кроме того, здесь была телефонная связь с Онгудаем и он поручил мне завтра с утра созвониться с главным инженером, которого он оставил за себя, в течение дня эту связь поддерживать и записывать срочные сообщения из Онгудая. Как только поисковая группа прибудет в лагерь, он тут же пришлет ко мне гонца. Я передам ему срочную почту для начальника экспедиции, а он мне – сообщения в Онгудай. Еще он сказал мне, чтобы я по мере возможности поскорее отправился в штаб экспедиции и координировал связь между ним и штабом.

На второй день, после обеда к нам в усадьбу объездчика прибыл гонец с вестью, что отряд добрался до лагеря благополучно и начал поисковые работы вдоль течения рек Малая и Большая Сумульта, как предполагал добираться до Онгудая исчезнувший начальник партии. Погода перед его выходом из лагеря стояла сухая, без дождей, и уровень воды в реках не поднимался. Как всегда, в ожидании быстрых результатов дело обычно продвигается медленно. На место базирования полевого лагеря прибыла комиссия из Новосибирска, я подробно расписал им путь из Онгудая и они благополучно добрались до места назначения. На четвертый или пятый день в реке недалеко от берега обнаружили ружье и стало ясно, что по всей вероятности таксатор погиб. С самого первого дня на одном из маленьких островков в месте слияния Большой и Малой Сумульты целые дни слышался вороний галдеж, но тщательное обследование островка ничего не дало. На десятый день после исчезновения начальника партии было решено оставить на месте его исчезновения одну треть отряда, а остальных с утра отправить в Онгудай. Перед выходом в обратный путь решили собрать вокруг лагеря уже появившиеся грибы, поужинать и утром отправиться в обратный путь. Было около четырех часов дня, когда с обследованного ранее островка в месте слияния рек стала доноситься массовая стрельба из ружей. Все сразу поняли – что-то нашли. Обнаружил мертвого таксатора мой напарник – Геннадий Маковский. Тело нашего коллеги лежало на животе, труп уже сильно разложился (прошло более 20 дней, причем стояла очень жаркая погода). Кроме того, его очень обезобразили птицы. Все необходимые для печального ритуала специалисты прибыли к месту гибели нашего начальника партии на следующий день.

После обследования то, что осталось от молодого здорового мужчины, решили в данный момент захоронить на месте, так как его тело при попытке перенести буквально расползлось на части... Это подтвердили все представители прокуратуры, милиции, судмедэкспертизы. Для этой цели использовали дуплистый обломок ствола. Осенью должны изготовить специальный гроб и доставить его в Онгудай, а затем к месту постоянного захоронения на родину покойного, в Омск. Родители погибшего потребовали провести повторную экспертизу, так как на голове у него обнаружилась глубокая рана, отсутствовали все документы, не было фотоаппарата и новых сапог. После заявления его отца в Генеральную прокуратуру была назначена эксгумация тела покойного и обследование его высококвалифици-

рованными специалистами, после чего его опять временно захоронили. Как мне рассказали, после приезда в Онгудай наш таксатор влюбился в местную молодую учительницу. Вскоре она забеременела и осенью в Онгудае была назначена свадьба. После несчастного случая встал вопрос о признании еще не родившегося ребенка отцом покойного. На этот раз приехала новая комиссия из Москвы и потребовала очередной эксгумации тела, но с доставкой останков в Онгудай. Одновременно отцом погибшего был привезен специальный гроб, в котором наш коллега был отправлен на родину в Омск.

Таким образом, когда подсчитали потери, которые понесла экспедиция из-за нарушения правил техники безопасности одним специалистом (ходить по лесу разрешалось как минимум вдвоем), месяц экспедиция вообще не работала, еще месяц ушел на преодоление всяких неурядиц и бесконечную беготню по всяким районным (аймачным) инстанциям, на горных хребтах уже выпал первый снег. Я договорился с начальником экспедиции, что подберу новый участок поближе к Онгудаю, мне дадут трех рабочих и оставят в покое по крайней мере дней на 20. Тогда мы уже в урезанном виде соберем материал и я заберу его с собой во Львов, там его обработаю и вышлю отчет на имя главного инженера. Часть зарплаты мы согласились получить после окончательной сдачи отчета, о чем я заключил трудовое соглашение с начальником экспедиции. Как мне потом сообщили, эпопея с погибшим таксатором продолжалась, его родители все же подали на экспедицию в суд, который заседал еще два раза, но чем все это окончилось, я так и не узнал... По всей вероятности, наш начальник партии, когда стал переходить через реки Малая и Большая Сумульта, снял сапоги, все документы переложил в рюкзак, туда же положил и фотоаппарат. Кроме того, у него могли быть еще кое-какие отобранные образцы и он решил весь свой груз перенести в два приема. Ружье он оставил на правом берегу реки до второго перехода, а сам босиком пошел через реку, держа рюкзак с фотоаппаратом и документами над головой. Обе реки очень бурные, и возможно при переходе Большой Сумульты он поскользнулся и упал в реку, причем сильно ударился головой об острый камень и потерял сознание. Рюкзак тут же подхватила река, ружье осталось на берегу, а его самого течением вынесло на маленький островок, на котором он и умер. Конечно, это один из возможных вариантов гибели нашего таксатора, но вряд ли подробности этой трагедии когда-либо станут известными.

После возвращения из Горного Алтая почти месяц я затратил на обработку привезенных оттуда материалов и составления эскиза таблиц хода роста лиственницы сибирской. Отчет отправил в адрес главного инженера и нам сразу же выслали остаток зарплаты. Теперь я мог спокойно заняться дипломным проектом, который уже скоро нужно было представлять на кафедре. Вообще тогда было принято еще до защиты проводить распределение студентов на будущие места работы. Как правило, распределение проводилось в апреле и самые отстающие шли последними и распределялись за нерадивость в лесхозы Северных, Дальневосточных, частично Среднеазиатских регионов. Однако смерть И.В. Сталина в значительной мере перевернула этот устоявшийся порядок. Прежде всего решительный удар по лесному хозяйству нанесла ликвидация Министерства лесного хозяйства СССР. Причем, как обычно, непонятно – кому пришла в голову эта мысль, ликвидировать Министерство лесного хозяйства СССР, но сохранить Минлесхозы в республиках, подчинив их Министерству сельского хозяйства СССР, в котором был создан отдел лесного хозяйства, руководимый одним из зам. министра сельского хозяйства СССР. Первым делом новое начальство отменило все решения предыдущего, в том числе и распределение на места работы выпускников лесных вузов 1953 г. Все путевки были отозваны, а директора институтов предупреждены, что денег для выплаты подъемных и проезда к месту работы не будет. В связи с этим следует поощрять выезд на работу по личной договоренности между выпускником и руководством отдельных предприятий. Что еще нужно было для полного счастья нашим недорослям?..

Еще в конце 1952 г. должна была проводиться Научная студенческая конференция вузов Львова, куда наш декан обязал меня представить работу по лиственнице сибирской, что я и сделал. Но потом конференцию отложили, а затем ушел в мир иной наш вождь, что привело к такому переделу внутрипартийных и государственных структур, что было не до студенческих конференций. О смерти И.В. Сталина написано уже столько, что можно добавить лишь одно – меня удивляла не сама его смерть, а тот невероятный ералаш, который начался в стране, как только тело его внесли в мавзолей на Красной площади. Ильичу пришлось там потесниться. Вообще с первых дней прихода к власти подобной «разнокалиберной» троицы (Маленков, Хрущев, Берия) говорили, что она продержится на «одноместном троне» недолго. Будущее подтвердило это предположение. Но более всего меня поразило то, что когда насту-

пил момент захоронения «отца народов», во Львове на площади Адама Мицкевича рыдали вполне искренне и местные националисты, и восточные украинцы, и гражданские, и военные... Но все преходяще в этом мире, жизнь продолжалась даже после Всемирного потопа!

В начале «тропинки в науку»

В первых числах мая в институт поступила «Программа городской научной студенческой конференции вузов Львова», посвященной результатам работы научных студенческих товариществ за 1952 г., которая должна была проходить 18-25 мая 1953 г. Каким-то чудом эта Программа сохранилась у меня до сих пор. В нее было включено около 200 докладов, распределенных по 15 секциям, в том числе в секцию сельскохозяйственных наук был включен и мой доклад. Я вначале пытался от этого отвертеться, но Митрофан Васильевич был неумолим. Как он выразился – любая дорога начинается с тропинки, когда-то нужно начинать, в том числе и дорогу в науку. Короче говоря, я успешно выступил, мне даже задали несколько вопросов. Я тогда не думал, что наш декан окажется прав, но пришло время, и этот мой первый шаг по научной тропе очень помог мне сделать второй, а потом и третий... К моему удивлению, мне было присуждено второе место, выдан соответствующий диплом и приз с намеком – письменный настольный прибор. Декан предложил мне остаться в аспирантуре, но я сказал ему, что хоть в первые годы после института хотелось бы получать зарплату заметно выше стипендии (аспирантская стипендия в то время составляла 690 руб.). Потом я добавил, что «из секретных источников» узнал, что и Митрофан Васильевич собирается вскоре покинуть Львов. В ответ он только рассмеялся.

19 июня 1953 г. решением Государственной экзаменационной комиссии мне было присвоена квалификация инженера лесного хозяйства, а 30 июня 1953 г. я получил диплом «с отличием». Наши местные студенты, получив дипломы, разлетелись, как испуганные вороны, а отличники сидели на чемоданах, не зная куда и когда им податься. Терпение наше и дирекции подходило к концу. У нас уже не было денег, нужно было освобождать комнаты в общежитии для ремонта. Наш актив собрался в приемной у директора и мы стали решать – что же делать дальше. Дело в том, что нам не давали ответа на наши письма, так как мы должны были перейти в подчинение Минсельхозу, но официальные документы в институт не посту-

пали. Было решено послать меня в командировку к Министру лесного хозяйства СССР А.И. Бовину, который пока еще официально сохранял за собой свой пост. Деньги на дорогу собрали с еще сохранивших кое-какие финансовые запасы местных выпускников. 23 июня 1953 г. я выехал в Москву и к обеду следующего дня был уже в бывшем Минлесхозе СССР. Министра на месте не оказалось, и его секретарша сообщила мне, что завтра у него последний рабочий день и он будет к 11 часам утра. Захочет ли он принять меня – она не знает, но к этому времени мне лучше быть уже в приемной.

Остановился я в гостинице-обшестии бывшего Минлесхоза СССР, которая находилась напротив темно-серого тяжеловесного здания «Гознака». 25 июня с утра пораньше наш гостиничный народ начал подготовку к появлению перед очами своего начальства и к этому времени находился в основном в ваннах, умывальных – брился и умывался. Было около половины девятого утра, когда в нашу комнату ворвался один из постояльцев и закричал срывающимся голосом: «Там, там... передают... Лаврентий Павлович... английский шпион! Он уже арестован!..». Всех как ветром сдуло в соседнюю комнату, некоторые держались за сердце, а другие уже крыли матом «английского шпиона». Но большинство отметило, что это уже перебор, не такой уж Берия и дурак, чтобы идти в английские шпионы, но вышка ему теперь обеспечена. Вот тебе и триумф-рат, прошло всего три с небольшим месяца, а за одним уже захлопнулась решетка. Очевидно, уже недолго следует ожидать «когда время ускорит свой бег». Я подумал, что приехал в Москву в знаменательный день, но надо побыстрее отсюда уезжать. Я выписался из гостиницы, взял с собой свой чемоданчик и решил сразу после приема у министра ехать на вокзал, постараться побыстрее убраться из Москвы, пока еще цел.

Ближе к центру города на улицах стали попадаться группы людей, держащих в руках самодельные лозунги, обличающие предателя-шпиона Берию, с требованиями суда и его казни.

Когда я зашел в здание бывшего Министерства лесного хозяйства СССР, при входе меня спросили – куда и к кому я иду. Я ответил, что иду к А.И. Бовину и добавил – он сейчас у себя и обещал сегодня до 14 часов дня принять меня. После этого меня пропустили внутрь здания и я сразу прошел в его приемную. Секретарь еще раз уточнила, откуда я и по какому вопросу. Потом доложила и, выйдя из его кабинета, пригласила меня к нему. В кабинете был министр лесного хозяйства СССР и еще один человек лет 40-45, как оказалось, тоже министр лесного

хозяйства, но Киргизии – И.Н. Чеботарев. А.И. Бовин сказал мне, что формально он занимает свой пост до 14 час., так что резолюция его будет вполне законна, но последняя на этом посту. Потом он добавил: «Я понимаю, что ваше положение незавидное, но могу сообщить, что мое тоже не лучше. С 14 часов сегодняшнего дня я уже безработный и куда мне идти завтра – пока не знаю. Сегодняшние события с арестом Л.П. Берия только ухудшают мое положение, поэтому при всем желании помочь вам ничего не могу. Дам совет – выходить на контакты с местными органами власти, со временем эта неразбериха должна все же прекратиться».

Когда он закончил свою печальную речь, я понял, что действительно «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»... Тут ко мне обратился И.Н. Чеботарев: «В Киргизии есть уникальные места, где еще растут реликтовые орехо-плодовые леса. Несколько лесхозов ведут помимо производственных еще и научно-исследовательские работы. У нас есть две Лесные опытные станции, предполагается организация крупного заповедника. Насколько я понял, вы увлекались горным спортом, на практике работали в лесах Горного Алтая. Если вы примете мое предложение, то могу предложить вам пост директора или, на первых порах, старшего лесничего одного из лесхозов в Южной Киргизии. Мы оплатим вам проезд и подъемные. Только все это мы должны оформить до 14 час., пока власть еще в руках Александра Ивановича, и печать тоже». Я выразил согласие, тем более что перед отъездом мне пришла заявка для оформления на работу в Усть-Майский лесхоз Якутской АССР. Но Южная Киргизия показалась мне более привлекательной, чем Якутия. А.И. Бовин позвал секретаршу, передал ей мое письмо из института с просьбой направить меня в один из лесхозов, входящих в систему Минлесхоза СССР и она через полчаса принесла уже готовые документы, которые он тут же подписал и поставил печать. С И.Н. Чеботаревым я договорился, что выеду в Киргизию через 10-12 дней. Когда я шел из бывшего Минлесхоза по направлению к метро, то по дороге мне встретился небольшой магазинчик «Академкнига». В витрине были выставлены книги по биологии, в том числе солидная монография «Орехо-плодовые леса Южной Киргизии», которую я тут же приобрел. Моя теоретическая подготовка началась с первого дня решения о выезде на работу в Среднюю Азию.

Когда я приехал во Львов, то с утра сразу же пошел к Виктору Ивановичу (директору института) и рассказал ему о результатах поездки в Москву. Также передал ему слова А.И.

Бовина о том, что нужно искать предприятия, в которых имеются потребности в инженерах лесного хозяйства. При этих словах Виктор Иванович показал мне телеграмму из отдела кадров Министерства лесной промышленности СССР, в которой сообщалось, что предприятия Минлеспрома СССР приглашают наших выпускников на работу в Костромскую, Вологодскую, Мурманскую, Кировскую и Ярославскую области. Пять наших молодых инженеров уже решили ехать на работу в леспромхозы, где гарантировали квартиры и повышенные оклады. Но я не пожалел, что выбрал горные леса Средней Азии, уникальные по своему происхождению и вообще мало изученные. К тому же я никогда не был в Средней Азии и даже простое знакомство с лесной растительностью на границе распространения полупустынной, арчевниковой и широколиственной зон представляло значительный интерес для расширения кругозора будущего специалиста в области географии и экологии лесов.

НА РАЗВИЛКЕ ТРЕХ ДОРОГ

Предстояла дальняя дорога по маршруту Львов – Москва – Луговой – Бишкек (Фрунзе). На весь этот путь потребовалось восемь дней и к концу июля я был уже во Фрунзе. Город оказался ухоженным, по улицам бесшумно скользили троллейбусы, вдоль тротуаров, слегка звеня, текли арки для полива дорог и тротуаров. Все улицы в центре были озеленены. Среди большого парка возвышался современный (по меркам того времени) Театр оперы и балета. Население города составляло около 350 тыс. человек. Особое впечатление на меня произвела панорама раннего городского утра – совершенно прозрачное голубое небо и как необычная декорация под ним почти вертикально стояла ослепительно белая стена горных вершин – Алатао! Несколькими позднее над городом поднимается белая дымка, в которой растворяется снежная панорама. Где-то далеко остался Львов и те немногие друзья, с которыми мы часто весело проводили время. На душе стало грустно – слишком уж много носит меня по белому свету моя неугомонная доля... Но каждый ее поворот приносит мне, как правило, какие-то совсем новые обстоятельства жизни, которые как губка впитывает моя «стенографическая» память.

Общее впечатление от Киргизии по городу Фрунзе было выше моих представлений о Средней Азии, хотя я и понимал, что столица – это еще далеко не вся республика. И.Н. Чеботарев предложил мне ехать в Сары-Челекский лесхоз, где в тот момент, по его сведениям, не было главного лесничего, а директором был местный житель, киргиз, депутат Верховного Совета СССР, который, по всей вероятности, вскоре должен перейти на работу в правительственные органы власти во Фрунзе и место директора лесхоза также освободится. Он рассказал мне, что рассматривается проект организации Сары-Челекского заповедника, основой которого должно стать некогда провальное озеро Сары-Челек площадью около 24 тыс. га, расположенное в южных отрогах Чаткальского хребта. Основу наземной растительности составляли реликтовые орехо-плодовые

леса с очень разнообразным животным миром: красный волк, белокогтевый медведь, архары, сурок, снежный барс, улары, кеклики, фазаны, дикобразы, тушканчики и т.д. При этом он забыл, что красные волки, как правило, встречаются очень редко и в самых безлюдных местах.

Сам поселок находился действительно в уникальных по красоте, но крайне глухих урочищах. При встрече И.Н. Чеботарев объяснил мне, что в Сары-Челек имеются два пути – один более-менее освоенный через Узбекистан, но почти в два раза длиннее, чем второй, который намного короче, но периодически непроезжий, так как тропа частично проложена по руслам высохших рек, которые могут неожиданно наполняться бурными потоками воды в период обильных дождей. Поэтому перед выездом из Джалал-Абада желательно было бы узнать прогноз погоды на ближайшие несколько дней. После оформления документов во Фрунзе, нам (у меня появился попутчик в Сары-Челек) посоветовали ехать из Фрунзе поездом в Джалал-Абад, где находилось Южно-Киргизское управление орехо-плодовыми лесами, а оттуда автомашиной через Базар-Курган, Майли-Сан, Таш-Кумыр в Сары-Челек.

Мой новый знакомый был опытный инженер с большим стажем работы в Средней Азии. Последнее место его работы – строительство Кара-Кумского канала, которое было приостановлено из-за обнаружения в зоне строительства очагового заболевания чумой. На всей строительной площадке был установлен жесткий карантинный режим: было запрещено выходить на улицу, все организации, магазины, почта были закрыты, можно было посылать или получать только телеграммы. По словам Игоря Петровича (так звали моего нового знакомого), когда после смерти И.В. Сталина через какое-то время карантин был отменен, то люди бежали со стройки по железнодорожной линии в Красноводск, в том числе и он сам. Ему было около 50 лет и почти половину из них он проработал в системе водного хозяйства, без которой вообще немыслима жизнь в Средней Азии. После закрытия строительства Кара-Кумского канала он остался без квартиры и денег. Ему, учитывая большой стаж работы в Средней Азии, в Минлесхозе республики предложили работу в Сары-Челекском лесхозе, где проектировалась организация многопрофильного заповедника, и он с радостью согласился.

Оформив все необходимые документы, мы с ним на поезде выехали в Джалал-Абад. В то время поезд шел из Фрунзе в Джалал-Абад вначале по территории Киргизии, затем Казах-

стана (Джамбул, Чимкент), Узбекистана (Ташкент), Таджикистана (Ленинабад), опять Узбекистана (Коканд, Фергана), снова Киргизии (Кара-Суу, Ош) и наконец – Джалал-Абад. На это «крутосветное путешествие» уходило двое суток при расстоянии по прямой около 300 км. К сожалению, в то время (1953 г.) другого пути, кроме как этого длиной почти 1000 км, не было. В Джалал-Абад мы прибыли к вечеру третьего дня пути, вышли из вагона последними и не спеша пошли в Управление орехо-плодных лесов. Как туда пройти, нам рассказали еще во Фрунзе. В городе было душно, в воздухе стояла сплошная завеса из пыли. При переходе через дорогу мы поднимали брюки почти до колен, так как толщина слоя пыли была не менее 15 см. Улица была пустынная, и только позади нас уныло плелась тощая фигура, обернутая в белую простыню. Я подумал, что такая легкая одежда как нельзя лучше подходит к этой жаре.

Минут через 20 мы дошли до Управления, стряхнули с себя пыль и направились в канцелярию. Там молодой парень, вероятно узбек, темпераментно объяснял, что он обошел все вагоны поезда, но приехавшего из Москвы профессора не нашел, хотя телеграмма была получена еще вчера, и вообще среди приехавших никого похожего на профессора не было. Тут я вспомнил, что еще в поезде услышал, как на станции Арысь у одного пассажира украли все вещи и он остался в одном нижнем белье. В вагоне было очень жарко, профессор разделся и крепко заснул, а станционная шпана через открытое окно крючками вытащила все его имущество. Я тут же выглянул на улицу и увидел всё ту же медленно плетущуюся фигуру в «белых одеждах». Позвав остальных, я показал им на него: «Вот ваш профессор». Грянул такой хохот, что приезжий остановился, а потом рванулся к нам. Действительно, это был ученый из Москвы, которого ограбили жулики, потому что он спал и не слышал, как на станции Арысь по радио передавали просьбу к пассажирам закрыть в вагонах все окна, чтобы избежать кражи своих вещей.

Нас отвели в комнату приезжих, где мы кое-как умылись, так как вода шла очень слабо, переоделись и пошли где-нибудь поесть. Нам посоветовали немного пройти к городскому парку и там в чайхане можно найти, чем подкрепиться. Действительно, недалеко от гостиницы начинался парк, в котором над довольно широким арыком была сооружена чайхана, большую часть ее занимал достархан – красивые пушистые ковры, растеленные на деревянной площадке над водой, где посетители

сидели прямо на полу. Часть площадки была отведена под столы и стулья для посетителей, привыкших есть в обычной обстановке. Тихо играла музыка – какие-то местные заунывные, но очень романтические мелодии. Нам принесли хорошее вино – портвейн «Узбекистон», шурпу (аналог лапши, сваренной в мясном бульоне) и крепкий ароматный чай. Небо было бархатное, с крупными яркими звездами, вокруг стояла густая темнота. Все было наполнено непрерывным треском цикад, которые не умолкали ни на секунду. Романтика Востока!.. Часок мы посидели в этом райском уголке и пошли спать. Впереди нас ждал сложный, и к тому же не совсем безопасный путь.

Утром мы пришли в Управление и узнали, что с нами едут еще два пассажира – женщина с полуторагодовалым ребенком, а так как ей нужно было собраться самой и собрать все необходимое для ребенка, то выезд из Джалал-Абада откладывался на несколько часов. Невдалеке от комнаты приезжих находился городской базар, на нем продавали персики, арбузы, дыни и большие красивые ковры, а в крытом стеклянном павильоне – свежее мясо. Ос в нем было по весу не меньше мяса. Цены были удобные для продажи: персики – 50 коп. ведро, абрикосы тоже, виноград «дамские пальчики» – рубль за килограмм, арбузы и дыни – рубль штука, причем «штука» могла быть весом 2-3 кг, а могла потянуть и на все 8-10. В дорогу мы хотели купить воды, но ее в продаже не оказалось и нам посоветовали набрать по пути родниковой. Еду пообещала взять с собой наша попутчица. Машину подали – ГАЗ-51, без тента. В кузове имелась только одна скамейка у кабины, но нам на двоих этого вполне хватало. С шофером мы договорились, чтобы по дороге никаких попутчиков он не брал. В Киргизии все автомашины возят на капоте резиновые камеры с водой, а в кузове – запас ГСМ, так как в горах расход горючего, масел и воды значительно повышается, особенно на высотах 2-3 км над уровнем моря.

Автопробег Джалал-Абад – Сары-Челек

Около двух часов дня наконец-то все было готово к выезду и наша машина бодро побежала по направлению на северо-восток к быстро растущему промышленному поселку Майли-Сай. Большой частью дорога шла по равнинной местности. На полях уже началась уборка хлопчатника, причем наиболее ценных сортов, коробочки которого первыми раскрываются на верхушках кустов. Собирали хлопок исключительно женщины, у

многих, несмотря на стоявшую жару, лица были закрыты черными повязками, но это не была чадра или паранджа. Их женщины одевали, идя в многолюдные места, в основном на базар. Для просушки хлопка использовали все мало-мальски сухие дороги, а транспорту приходилось идти по уплотненным обочинам дорог. При этом поднимались огромные облака пыли. Вскоре вдоль дорог потянулись песчаные участки необработанной почвы, где бегали огромные ящерицы-вараны. Интересно, что если подойти к ним на близкое расстояние, то они как можно шире разевали свои зубастые пасти, но никуда не убегали. Некоторые из них были более метра в длину. На дорогах без покрытия, слой пыли на которых достигал 15-20 см, время от времени раздавались характерные «крякающие» звуки – это лопались под колесами машин панцири черепах, которые любили зарываться в горячую пыль. На телефонных проводах вдоль дорог часто встречались стайки ярко окрашенных сизоворонков, а также гроза фруктовых садов – розовые скворцы.

Игорь Петрович показал на появившийся невдалеке кишлак, через который тек широкий арык, и спросил нас, не пора ли подкрепиться? Метрах в 30 от кишлака прямо в арык справлял малую нужду ишак, а ниже по течению кувыркались в воде несколько чумазных мальчишек. По мере того, как наша машина шла дальше через кишлак, нагрузка на арык увеличивалась, и все чаще встречались женщины, стирающие в нем белье, правда, в основном ниже чайханы, воду для которой брали из этого же арыка. Просмотрев эти «зарисовки с натуры», мы решили проехать еще немного дальше, где виднелись перелески, в которых, по словам шофера, имелись родники или колодцы с чистой водой, а наша попутчица обещала нас там покормить. В лесу мы действительно нашли колодец и несколько родников, вода в которых по единоголасной оценке были признана пригодной для питья. Перекусив и отдохнув, мы направились по одному из высохших русел рек вверх по ущелью и вскоре достигли почти совсем лишенных растительности голых склонов, по которым наша машина с трудом пробиралась по так называемой «тропе», едва различимой в наступивших вскоре сумерках. Долины между бесконечных хребтов уже погрузились в темную мглу, а снежные вершины, сначала ярко разгоревшиеся в лучах заходящего солнца, быстро погасли. Наша машина продвигалась буквально наощупь и начала заметно сползать по тропе вниз, что свидетельствовало о преодолении перевала и начале спуска к руслу реки Нарын, через которую нам предстояла ночная переправа.

Возле причала парома тускло горели две лампочки, а впереди неслась черная масса воды и ни одной живой души поблизости не было видно. Мы стали громко звать паромщика, который наконец-то появился и сообщил нам, что в ночное время паром не работает и придется ждать до утра. Мы показали ему спящего в кабине машины ребенка и сказали, что нам очень нужно скорее отвезти его на ту сторону реки, что мы ночью проехали через перевал, и что до утра малыш может проснуться и поднять плач. В конце концов паромщика удалось уговорить и он загнал машину на паром, потом впустил туда нас, завел двигатель, и мы вначале медленно, затем все быстрее поплыли поперек реки. Вокруг царила полная темнота и только слышался плеск черных волн. Создавалось впечатление, что мы несемся куда-то вниз... Наконец двигатель стал снижать обороты и паром мягко коснулся причала. Мы вышли первыми, за нами съехала машина. Я отдал отважному паромщику трешку, чем он был очень доволен. Мы опять погрузились на машину и поехали по сравнительно неплохой дороге вдоль берега Нарына. Здесь нас сопровождали целые стайки тушканчиков, причем бежали они не сзади, а впереди машины, освещенные фарами. Их скачки достигали в длину трех-четыре метров, а длинные хвостики с кисточками меха на кончике развевались в разные стороны. Около двух часов ночи наша машина добралась до соседнего с Сары-Челекским лесхоза, где нам предстояла ночевка.

Утром, позавтракав у любезных хозяев, мы поехали уже по дороге, постепенно поднимаясь в зону орехо-плодовых лесов. Наш состав при этом поредел – попутчица с ребенком осталась в поселке лесхоза, в котором мы ночевали. Дорога, по которой шла наша машина, была в более-менее удовлетворительном состоянии. Места здесь были очень красивые, но практически совсем безлюдные. На душе было беспокойно, но я утешал себя тем, что живут же там люди, целый лесхоз! Как приедем, так все и увижу своими глазами. Так оно и получилось – действительность часто оказывается богаче, чем ожидаешь. Приехали в лесхоз мы с Игорем Петровичем около полудня. На месте оказались директор и... главный лесничий лесхоза! Директор стал объяснять мне ситуацию. Главный лесничий работал в Сары-Челеке уже около 15 лет и жил здесь с семьей – женой и двумя детьми, но дети подросли, им нужно было учиться и они решили вернуться на родину, Украину. Но на Украине работы для него не нашлось, жилья тоже и через две недели он дал директору лесхоза телеграмму, что решил вернуться назад. Ди-

ректор лесхоза согласился принять его обратно, но с Управлением согласовывать этот вопрос не стал, так как был уверен, что за две недели вряд ли найдут кого-то на эту должность. Таким образом, мое место оказалось занято. Правда, я не был очень огорчен этим обстоятельством и решил сразу же возвращаться в Джалал-Абад на той же самой машине (на следующий день директор должен был уехать на ней на совещание). Обрадованный моим решением, старший лесничий предложил мне съездить на само озеро Сары-Челек и посмотреть на него вечером перед закатом. Картина оказалась действительно красоты необычайной и, пожалуй, стоило даже из-за одного этого приехать сюда.

На следующий день я с директором лесхоза покатыл в обратный путь и на второй день был уже в Джалал-Абаде. Когда я выходил из Управления, ко мне подошел мужчина лет 50-ти, в очках, которого я перед этим видел выходящим из кабинета начальника Управления. Он сказал мне: «Давайте познакомимся. Я – директор Лесоплодовой опытной станции, которая находится в 40 км от Джалал-Абада и входит в состав Института ботаники и растениеводства Киргизского филиала АН СССР. Меня зовут Дмитрий Иванович Прутенский, кандидат биологических наук. Я хочу предложить вам место на нашей станции. К сожалению, в системе АН СССР для молодого специалиста после окончания вуза предел – старший лаборант, и если вы согласны, я оформлю вас на эту должность хоть прямо с завтрашнего дня. С начальником Управления я уж переговорил, он не возражает». На его предложение я ответил, что, в принципе, согласен, но хотел бы поподробнее узнать, в каких направлениях работает Лесоплодовая станция, чем конкретно я буду заниматься, есть ли для меня жилье и т.д. Он согласился побеседовать со мной и рассказать о работе, которая мне предстоит. Мы договорились встретиться в семь часов вечера в той самой чайхане, где несколько дней назад были с Игорем Петровичем.

Когда я подошел к чайхане, Дмитрий Иванович уже ждал меня там. Он рассказал мне историю «Арсланбобской Рощи», которая была организована как Лесная опытная станция Института леса АН СССР, но впоследствии была передана в Киргизский филиал АН СССР, председателем которого являлся академик, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и Государственной премий Константин Иванович Скрябин. Он являлся выдающимся ученым-гельминтологом, и в Киргизском филиале АН СССР был самый высокий процент гельминтоло-

гов среди всех других учреждений Академии наук. Главной задачей станции, помимо изучения биологии грецкого ореха, было сохранить и даже расширить его площади. Однако для этого нужно быстро устранить главную причину вымирания ореха – ежегодный прогон через зону его произрастания миллионных стад овец и коз, которые на огромных площадях начисто съедали молодой подрост ореха. Для киргиза, да и других среднеазиатских народов овца – главный источник питания, а также получения кожи и шерсти. Колхозы были фактически формой легализации огромных собственных стад скота для власть имущих, и они стеной стояли за интересы скотоводов, в то время как орехи имели в основном местное значение. Листья и побеги ореха пришлись овцам по вкусу, поэтому любая попытка как-то ограничить прогон скота через орехо-плодовые леса встречалась, как говорится, «в штыки». К тому же овца устроена так, что при передвижении должна питаться непрерывно. Таким образом, все силы природные и человеческие были направлены против уникальных орехо-плодных лесов. Вдобавок ко всему перечисленному, деревья грецкого ореха в преклонном возрасте образуют огромные кроны до 30-40 м высотой и почти столько же в диаметре. Орехи в таком возрасте сильно страдают от ранних снегопадов, когда листва еще не опала с ветвей, а рыхлого снега может выпасть за сутки до 40-50 см, хотя за день-два он полностью тает.

Дмитрий Иванович также рассказал, что с весны до осени на станции не иссякает поток командировочных, которые требуют к себе внимания и, соответственно, времени, хотя в этот период проводится основной объем работ и на самой станции. Снабжение из Фрунзе очень плохое, но этот 1953 г. оказался для станции «урожайным». В шести километрах от нее в соседней долине располагался закрытый рудник «Шайдан» комбината № 6 Средмаша СССР. После смерти И.В. Сталина почему-то стали срочно закрывать, вернее, консервировать подобные предприятия по всей стране, причем, как всегда, в необычайной спешке. Оборудование, стройматериалы и запасные части для автомашин продавались за гроши. Так, шесть сборных финских домиков были проданы станции за несколько тысяч рублей, за 500 рублей была приобретена стационарная дизельная электростанция, 30-кратные цейсовские бинокли, совершенно новые, шли по три рубля за штуку. Поэтому год был сложный и по внутриполитической обстановке, и по завозу стройматериалов. Дмитрий Иванович поставил своей целью смонтировать и заселить к зиме все шесть домиков, причем работы

выполнить собственными силами, без приглашения рабочих со стороны, так как денег для их найма на станции не было. С Управлением орехо-плодовых лесов он уже договорился, и если я соглашусь пойти работать на станцию, то они не будут требовать возврата подъемных и денег за проезд. Лесоплодовая опытная станция находится в системе АН СССР, что имеет немаловажное значение для перспектив в научной работе. Я ему ответил, что, во-первых, в принципе готов принять его предложение, так как ничего лучшего в настоящее время мне не предложили, во-вторых, я, честно говоря, просто уже устал от всех этих тысячекилометровых переездов и душных поездах и от многочисленных пересадок. Ну, а как сложится моя судьба в будущем – время покажет.

На следующий день с утра Дмитрий Иванович оперативно переоформил документы и после обеда мы на машине станции выехали на мое новое место работы. Я получил жилье и должность старшего лаборанта с окладом 980 руб. в месяц. Станция была расположена в центре небольшой долины, через которую протекал ручей, окруженный могучими зарослями камыша, в которых водились фазаны. На склонах долины имелось несколько родников с чистой холодной водой, которую нужно было поднимать по крутой тропинке, летом покрытой скользкой грязью, а зимой – льдом. Вообще, здешний климат очень мягкий, но своеобразный. Осенью в середине сентября обычно уже выпадал снег и за два дня снежный покров мог достичь 40-50 см. Через несколько дней он обычно таял. Перед Новым годом выпало около двух метров снега и передвигаться можно было только по глубоким траншеям. Через несколько дней и этот снег большей частью растаял и сохранился только с северной стороны строений. В конце апреля на южных склонах гор уже появлялись тюльпаны и пионы. Тюльпаны сплошным ковром покрывали и грунтовые дороги, которые летом были укрыты толстым слоем пыли, по ним ездили на арбах и автомашинах, и нельзя было даже догадаться, что там, в глубине, под пылевым одеялом находятся миллионы луковиц, которые ждут своего часа цветения до следующей весны. Буйство цветов на пологих склонах гор было невероятным. Так, гиганты эремурусы Ольги росли прямо на глазах, причем толщина зачатка стебля могла достигать 8-10 см, а высота зрелого цветоноса – до полутора метров. Вообще, подобного богатства цветов, какое я увидел в Южной Киргизии, мне нигде больше в Советском Союзе не встречалось.

Противоположный склон долины был покрыт ореховым лесом, состоящим из диких форм ореха грецкого. В верхней части склона преобладали заросли алычи, отдельные группы диких яблонь и груш, на более сухих склонах – заросли барбариса. Часть яблонь была представлена мелкими кислыми формами, а часть – крупными, сочными и сладкими, ничуть не уступающими садовым формам. То же относилось и к диким грушам. Вместе с яблоневыми рощами встречались заросли дикого боярышника с яблочкоподобными оранжевыми плодами. К сожалению, на некоторой части диких яблонь на территории станции в свое время были привиты мичуринские сорта, впоследствии документация произведенных прививок была утеряна и в настоящее время (1953 г.) трудно было определить происхождение части плодовых деревьев, растущих на территории Лесоплодовой станции. Когда я вместе с Дмитрием Ивановичем осматривал посадки прошлых лет, то обратил внимание на тот факт, что часть из них была выполнена путем прививок, черенков, собранных из лучших диких форм, а часть – путем посева орехов, также собранных с деревьев, прошедших определенную селекционную проверку.

Вообще на станции был собран огромный и очень ценный материал, который, к сожалению, не всегда удавалось сохранить. Во многом этому способствовала передача «Арсланбобской рощи» из Института леса в ведение Киргизского филиала АН СССР. Практическая деятельность Д.И. Прутенского занимала основное его время, мало что оставляя на науку. На второй день нашего приезда на станцию он обратился ко мне с большой просьбой – взять на себя руководство монтажом стационарной электростанции, чтобы к 7 ноября в поселке впервые появилось электричество. Я попросил передать мне всю документацию по монтажу дизельной установки и электрогенератора, которая была выполнена очень подробно и в доступной форме. Я просчитал ориентировочные затраты времени на эту работу и пришел в выводу, что если мне дадут в помощь нашего шофера, плотника и одного рабочего для земляных работ, то мы в этом составе к 7 ноября свет дадим. Периодически нам помогал кузнец из числа чеченцев, что жили в поселке. Вообще население станции было интернациональным: несколько семей были высланы сюда с Кавказа (чеченцы, ингуши, осетины и др.), была большая весьма религиозная семья узбеков, державшаяся несколько обособленно, семья казахов, семья русских (выходцев из южной Сибири), состоящая из четырех очень деловых и почти не пьющих братьев Мамонтовых с женами и

детьми, причем у одного из них – Ивана, было девять дочерей и при мне у них родился десятый ребенок – к великой радости отца долгожданный сын Ваня.

Старший из Мамонтовых (вроде, Николай), член партии и бессменный партгруппорг на станции, имел трех уже взрослых детей, второй брат (Степан) – могучий, всегда спокойный и крайне педантичный работник метеорологической станции. Когда станцию ставили, то место для нее выбрали в 40 м выше его дома по склону горы и дали ей отметку 2010 м над уровнем моря. Работа на высоте более 2000 м оплачивалась уже на 25% выше. По уровню расположения метеостанции определяли размер оплаты труда и для всех работавших в поселке. Однако, после проверки через несколько лет оказалось, что наши геодезисты дали маху и метеостанция на самом деле была ниже на 50 м и всем работникам на станции надбавку сняли. Четвертый брат Мамонтовых, как мне помнится, работал на конном дворе. Научная часть состава станции осенью разъезжалась по домам, в основном во Фрунзе, в том числе и Д.И. Прутенский, а командовал в это время станцией зам. директора, казах Нурдун, очень исполнительный, выдержанный человек. Он был фронтовиком, получил ранение. Однажды мы с ним были в одном месте в горах, и вдруг я увидел несколько могил сотрудников МВД, погибших в 1943 г. Я очень удивился, ведь в войну здесь не было боев. На мой вопрос Нурдун ответил коротко: «Басмачи». Оказывается, и тут была своя война...

За зиму меня один раз вызвали на заседание Ученого совета Института биологии, когда обсуждался годовой отчет. Как я убедился, лесные проблемы были для Института второстепенными, а основными – пастбища и луга для скота. В составе станции вообще не было специалистов по лесу. Дмитрий Иванович был широко эрудированным человеком, но по специальности – энтомологом. В аспирантуре преобладали интересы разведения и защиты скота. Как я и предполагал, для меня перспектив научного роста и переезда во Фрунзе было мало. К этому времени наша «бригада электромонтажников» со своим заданием справилась, в связи с чем два дня (вернее, два вечера) в нашем клубе праздновали 36-ю годовщину Октября и факт появления «лампочки Ильича» в Арсланбобской роще. На столе было мясо горного козла и жареные кеклики (аналог нашей куропатки), рыба-маринка, маринованные овощи, вареный и жареный картофель, который очень ценился, особенно в долинах, орехи в меде и т.д. Вообще меня удивило то миролюбие, которое царило за столами, ни одной стычки на национальной

почве я там ни разу не увидел. Может быть, этому способствовала значительная оторванность поселка от мира, но даже признаков каких-либо внутренних конфликтов я не замечал. В определенной мере мирному совместному проживанию способствовало наличие больших семей, в которых различные конфликты быстрее улаживались, учитывая особенности восточных обычаев. Интересно, что несмотря на небольшой срок моего проживания на Лесоплодовой станции, почти через 20 лет среди участников экспедиции Красноярского института леса, которая находилась какое-то время в «Арсланбобской роще», упомянули мою фамилию, часть сотрудников станции, в том числе братья Мамонтовы, тут же меня вспомнили и просили передать привет из Южной Киргизии, за что я был им очень признателен. Несмотря на то, что на станции ко мне относились очень благожелательно, нужно было решать мою дальнейшую судьбу: или оставаться дальше на станции, или собраться с духом и пока еще есть возможность, искать себе «место под солнцем», хотя именно солнца на станции всегда вполне хватало. Я все же написал письмо в Управление кадров Минлеспрома СССР и через пару недель мне пришло письмо с приглашением приехать в Москву для личных переговоров.

Как раз в это время на станцию приехал Д.И. Прутенский. Он просмотрел мои материалы по биометрическим исследованиям орехов, собранные в этом году. Похвалил и прямо спросил – какие у меня планы на следующий год. Я честно ему ответил, что не вижу ничего для себя хорошего, если останусь на станции. Оклад до защиты диссертации мне повесить не могут, научных перспектив у меня почти никаких, обречь себя на долгий срок на круглогодичное проживание фактически вне цивилизации тоже нет смысла. Я рассказал ему о письме из Минлеспрома СССР и попросил отправить меня в командировку в Москву, но без оплаты расходов (за свой счет). Он согласился с моими предложениями, так как тоже думал о том, как лучше устроить меня на станции с учетом возможных реальных перспектив, но также пришел к неутешительным выводам. Девять месяцев работы в лесах Южной Киргизии и поездка в Сары-Челек очень расширили мои представления о Средней Азии, особенно запомнились мне частые поездки верхом на прекрасных арабских лошадях, которые имелись на станции, и великолепная тамошняя природа.

Баланины из леса таскать – это не ящики с макаронами!

Я не случайно вынес в заголовок этого раздела известную фразу, произнесенную наркомом лесной промышленности Орловым на совещании у И.В. Сталина в 1938 или 1939 г. и получившую известность среди лесников Советского Союза на долгие годы, причем при мне рассказывал эту историю министр лесной промышленности РСФСР Н.А. Кудрявцев. Речь эту я веду к тому, что насколько сложна и трудна была эта отрасль промышленности можно было понять, проработав в ней не менее трех – трех с половиной лет, как пришлось и мне (сразу добавлю – по собственному желанию), о чем нисколько не жалею. Начну историю этого «анекдота» с того, что это был конец тридцатых годов, что уже много о чем говорит... На Европейской части России установилась в эти годы сильная сушь, начались небывалой силы пожары, обмелели реки, в том числе одна из наиболее важных сплавных рек – Унжа. В ее бассейне застрял огромный пыж леса, который сплавщики не могли разбить никакими силами. Положение с поставками древесины в различные отрасли промышленности катастрофически ухудшалось.

Для разборки состояния дел И.В. Сталин собрал в своем кабинете в Кремле членов политбюро. Первым дали слово Орлову, который изложил создавшуюся обстановку и отметил, что пока не найдено каких-либо быстрых путей к ее ликвидации. Сразу после выступления Орлова на него ополчился А.И. Микоян, член политбюро, нарком пищевой промышленности СССР, но в то время находившийся в некоторой опале у «вождей народов», и потребовал привлечь Орлова к строгой ответственности. Орлов выслушал его выступление и сказал, что, может быть, он во многом виноват, но нужно учесть, что баланины из леса таскать – не ящики с макаронами подносить... Все присутствующие притихли, а Сталин продолжал молча ходить по кабинету, затем подошел к Микояну и произнес: «Анастас Иванович, а ведь он прав – баланины, это тебе не ящики с макаронами...». Все рассмеялись. Орлов был спасен. Этот случай показывает, что в определенных условиях смелость и находчивость могут спасти в самых сложных обстоятельствах. По все вероятности, Орлов знал об осложнении в этот период отношений между Сталиным и Микояном и ловко сыграл на этом.

В конце апреля 1954 г. я приехал в Управление кадров Минлеспрома СССР, где мне предложили место старшего инженера в производственном отделе Судайского лесспромхоза

комбината «Костромалес». Этот леспромхоз был организован недавно, с численностью работающих около 1200 чел., из которых только трое имели высшее образование. Оклад мне установили 1600 руб. в месяц. Инспектор управления сообщила, что она связалась по телефону с директором леспромхоза, и он посоветовал мне приехать прямо сейчас в Судай, где оформить поступление на работу, а потом, когда мне уже будет начисляться зарплата, съездить на станцию, чтобы официально уволиться, сняться с партучета и вернуться в Судай. Я с этим планом согласился и 1 мая выехал поездом до станции Галич, от которой мне еще нужно было на машине добираться вначале до г. Чухломы (50 км), а затем уже до Судая еще столько же. С погодой мне повезло – несколько дней было сухо, и утром 2 мая я уже был в Судае, в конторе леспромхоза.

Здесь меня встретил директор леспромхоза Николай Николаевич Романчиков, который окончил лесопромышленный техникум и уже несколько лет учился в заочном лесотехническом институте (с переменным успехом). Он кратко рассказал мне о Судайском леспромхозе, в состав которого входят четыре лесопункта: самый большой, на базе узкоколейной железной дороги, на котором работает около половины всего списочного состава рабочей силы леспромхоза (Вигский); второй по объему заготавливаемой древесины (Комсомольский), на базе автовывозки; затем третий по мощности Ворвожский, коллектив которого состоял преимущественно из репрессированных немцев Поволжья, вывозка леса на базе узкоколейной железной дороги (на мотовозной тяге); а также самый маленький – Судайский – с ручной заготовкой леса и вывозкой на лошадях. Таким образом, по способам вывозки сортиментами были представлены все виды транспорта. Вся заготовленная древесина шла на сплав по рекам Виге, затем по Унже и Волге. Техники не хватало, на Комсомольском лесопункте все еще преобладали газогенераторные ЗИС-21, на Судайском вообще технология еще дореволюционная. Все дороги требуют ежегодного ремонта. Постоянной рабочей силой леспромхоз обеспечен наполовину, остальные – сезонники из южных колхозов, временные по договорам. Техноруки, мастера, начальники лесопунктов менялись довольно часто. План хронически не выполнялся, так что на премии рассчитывать не приходилось.

Как договорились ранее, Николай Николаевич подписал мое направление в леспромхоз «в приказ» и со второго мая я был уже зачислен в штат. С переездом я решил не тянуть, а сразу же выехать в Киргизию и оформить все необходимые докумен-

ты. Директор поинтересовался – есть ли у меня деньги на переезд, я ответил отрицательно и рассказал, что сюда приехал за свой счет и поездку в Киргизию и обратно мой бюджет не выдержит. Было решено выписать мне аванс, как работнику Судайского леспромхоза, на переезд к месту работы. На следующий день я уехал в Галич, оттуда в Москву и далее... По дороге я обратил внимание на буйное цветение черемухи по долинам рек, которое просто белой пеной заливало все понижения, а аромат разносился вокруг одурманивающий. Большие деревянные дома стояли у дорог чаще всего пустые, а среди населения преобладали старухи и инвалиды войны. Места были в полном смысле слова раздольные – перелески, поля, луга, речки. Если от Галича до Чухломы деревни встречались довольно часто, то от Чухломы до Судая их становилось все меньше. Сам Судай являлся районным центром и на севере район уже граничил с Вологодской областью. Главной бедой Судайского и соседних с ним районов было почти полное отсутствие дорог, проезжих круглый год. Накануне моего приезда в леспромхоз пригнали новый бензовоз. В Галиче его полностью заправили горючим, и на дороге за Чухломой он увяз в грязевой «ванне» почти по кабину. На его вызволение отправили два трактора С-100, которые рванули бензовоз двойной тягой и... выдрали кабину с передним мостом, а сама цистерна с задним мостом осталась в яме! Конечно, основная дорожная напасть приходилась на весну и раннюю осень. Зимой машины шли как по асфальту.

В свое время в институте я с интересом относился к технологии лесозаготовок, курс которой читался у нас полный учебный год, что помогло мне быстро освоить проблемы лесозаготовительного производства. Уже в первый год своей работы в леспромхозе по просьбе главного инженера я неоднократно составлял технологические карты, участвовал в сдаче-приемке лесосек, разметке на местности новых лесовозных усов, приемке экзаменов по технике безопасности. Нужно сказать, что я попал в период переоснащения лесной промышленности новой техникой. Впервые к нам поступили трехосные вездеходы ЗИС-131, трактора дизельные трелевочные ТДТ-40, электростанций было несколько типов: ПЭС-12-200 (высокочастотная, 12 кВт с частотой 200 герц); ПЭС-15-50 (для питания обычных электростановок, 15 кВт, с частотой 50 герц); наиболее мощная дизельная электростанция ПЭС-60 для нижних складов; очень удобная для эксплуатации паровая немецкая электростанция ПЭС-40, состоящая из двух вагончиков УЖД, оборудованная всем необходимым ремонтным запасом частей и микрослесар-

ной мастерской, в качестве горючего на ней использовались дровяные отходы. В последнее время поступили два венгерских локомобиля «Маваг», которые использовались для электроосвещения лесозаготовительных поселков и нижних складов. При мне появились бензопилы «Дружба» и бензосучкорезки. И те, и другие были в работе очень ненадежные и, как правило, быстро выходили из строя.

Механизация лесозаготовок позволила значительно увеличить общий объем вывозки древесины, но при этом снизилась продуктивность труда. Все эти новые машины и механизмы, новая инфраструктура лесозаготовительной промышленности, когда леспромхозы сами обеспечивали себя жильем, питанием, детсадами, школами, медпунктами, ОРСаами (отделами рабочего снабжения) привели к тому, что средняя выработка на одного работника леспромхоза упала до 0.6-1.0 кубометра в день. При разработке лесосек ручным способом (валка двуручными или лучковыми пилами и вывозка лошадьми) достигала в то же время до пяти кубометров на рабочего! Поэтому я хорошо помню, когда в газете «Лесная промышленность» (орган Минлеспрома СССР) передовыми леспромхозами принимались обязательства на 1955 г. добиться производительности труда на одного работающего не менее 1.5 кубометров древесины в день! При этом отраслевой профсоюз дал свое согласие на продолжительность рабочего дня вначале 12, затем 10 часов. Разрешалась работа в праздничные и выходные дни (как это было в годы войны).

Пожалуй, мало где в то время осуществлялась столь активная перестановка кадров, как в лесной промышленности, редко кто из руководящих работников работал более двух-трех лет на одном и том же месте, даже в пределах одного и того же леспромхоза. Через восемь месяцев после моего поступления на работу в Судайский леспромхоз меня избрали секретарем парторганизации, насчитывающей около 120 членов партии, и перевели на должность зам. директора по политчасти, с окладом 1800 руб. в месяц. Одновременно вышло постановление ЦК КПСС замполитов с предприятий перевести в штат райкомов партии. В Судае было два замполита – в леспромхозе и машинно-тракторной станции. Обе организации еле сводили концы с концами. В этот же период был объявлен призыв в сельское хозяйство на должности председателей колхозов директоров передовых, хорошо работающих предприятий. И вот на пленуме райкома выступает новый председатель колхоза «Путь Ильича», «тридцатитысячник», до этого работавший директором апати-

тового рудника на Кольском полуострове. Он говорит: «Я ехал сюда с верой, что могу как-то поправить дела в этом колхозе, но что я имею через три месяца работы в нем? 13 членов колхоза со средним возрастом 72 года, а также около десятка инвалидов войны, кое-как работающих в правлении. Одна надежда на МТС, но колхоз годами не расплачивается с ней по задолженности. В прошлом году под снег ушло прекрасное поле овса и десятков гектаров гречи. Перед отъездом я снял со сберкнижки почти все свои денежные сбережения – 40 тыс. руб. Когда приехал сюда, решил выдать колхозникам аванс на этот год, выкупить семена с условием, что когда мы соберем урожай, то колхоз вернет мне эти деньги. И что я вижу к осени – аванс быстро прошили, зерновые в этом году никудашные и по всей вероятности опять пойдут под снег, так как расплачиваться с МТС нам опять нечем... Предлагаю переименовать колхоз в «Путь к Ильичу», имея ввиду его положение (в Мавзолее)». Председателю долго хлопали, но второй секретарь райкома кисло заметил, что его выступление будет обсуждено на бюро райкома.

Ко всему прочему на нас свалилась еще одна забота – парторганизация района должна была вырастить в 1955 г. что-то около 10 гектаров кукурузы. Долго искали подходящее поле, затем весь партактив во главе с секретарями райкома выехали для разметки поля под квадратно-гнездовой метод посадки кукурузы. Когда кукуруза с математической точностью была посажена под металлические ленты в лунки и начала всходить, за нее принялись грачи, вороны и прочие «враги Советской власти», которым она пришлась очень по вкусу. Слава богу, что об этой затее скоро позабыли, но кукуруза на некоторых участках выросла на удивление мощной, с крупными початками, но «кукурузный бум» уже пошел на спад.

Поступление в аспирантуру лесотехнической академии

Летом 1955 г. в одном из номеров газеты «Лесная промышленность» я прочел, что Ленинградская лесотехническая академия им. С.М. Кирова объявляет в сентябре набор в очную и заочную аспирантуру по ряду специальностей, в том числе по лесной таксации. Далее сообщалось, что для поступления необходимо представить в отдел аспирантуры академии копию диплома об окончании лесохозяйственного вуза, статью или реферат по теме предполагаемой работы. Соискателям предоставляется месячный оплачиваемый отпуск для сдачи вступительных

экзаменов и при успешной их сдаче оплачивается проезд от места жительства до Ленинграда и обратно. Когда я со всеми документами пришел к директору леспромхоза, то он был очень удивлен: «Опять учиться? Только закончил вуз, а теперь в аспирантуру?». Я показал ему мой красный диплом и объяснил, что собираюсь поступать заочно и если не пройду по конкурсу, то больше никуда поступать не буду. Я рассказал, что мне предлагали вообще остаться в очной аспирантуре после окончания института, но я отказался и сейчас решил проверить себя. Коротче говоря, мы заключили договор и я стал готовиться к сдаче экзаменов. Документы для поступления отправил почтой и стал ждать ответа. Где-то в начале августа мне пришло извещение, что я допущен к сдаче вступительных экзаменов и меня ждут на кафедре к первому сентября.

Я стал усиленно заниматься немецким языком и лесоустройством. В то время количество экзаменов по той или другой специальности устанавливала экзаменационная комиссия, причем их должно было быть не меньше четырех. Так, я сдавал вступительные экзамены по иностранному языку, диалектическому и историческому материализму, лесоводству и лесной таксации с основами лесоустройства. Когда я приехал в Академию в отдел аспирантуры, то прежде всего обратил внимание на конкурс и расписание экзаменов. Вначале я несколько испугался – на кафедру лесной таксации конкурс был 11 человек на место! В составе приемных комиссий были такие известные ученые, профессора, доценты, как Н.В. Третьяков, А.Т. Вакин, М.М. Губин, Г.Г. Самойлович, А.А. Байтин и др., в то время как во Львове на лесохозяйственном факультете был всего один профессор – М.В. Давидов... В отделе аспирантуры я получил направление в общежитие, расположенное в Гагаринском переулке, выходящем на Литейный проспект, как раз напротив «Серого Дома» (Ленинградского управления КГБ). Само здание было старинным, с низкими сводчатыми потолками и очень маленькими зарешеченными окнами. Мы, поступающие в аспирантуру, шутили, что в этом доме при Петре I наверное помещалось то заведение, что сейчас было расположено на противоположной стороне Литейного проспекта.

На второй день после приезда Н.В. Третьяков пригласил меня на собеседование к себе на кафедру. Я поразился тому, что такой известный в мире ученый сидел за письменным столом в маленькой комнатушке площадью не более 12 м², в которой было еще три стула и большой старинный шкаф. Николай Васильевич прежде всего поинтересовался, где я учился и кто

у нас читал лекции по лесной таксации. Я рассказал о М.В. Давидове, что я писал диплом по ходу роста лиственницы сибирской. Третьяков оживился и обратился к находящемуся в кабинете П.В. Горскому с радостной улыбкой: «Так он ведь наш!». Я тогда не понял смысла этой фразы, но по довольному лицу профессора понял, что он рад тому, что у нас вел таксацию именно М.В. Давидов. Несколько позже мне объяснили, что в СССР существуют две научных школы в области лесной таксации – Ленинградская, которую возглавляет Н.В. Третьяков, и Московская, «вождем» которой является Н.П. Анучин. Н.В. Третьяков был представителем старой высокоинтеллектуальной, еще дореволюционной школы лесоводов. Он прекрасно владел немецким и французским языками, увлеченно играл на скрипке. Звание профессора он получил, по его словам, еще в 1910 г. Не знаю почему, но Николай Васильевич проявил с самого начала нашего знакомства какую-то особую симпатию ко мне. При нашей второй встрече он сообщил мне, что посоветовался на кафедре и все единогласно решили, что нужно брать в аспирантуру меня. Экзамен по специальности конечно будет, но из 11 конкурсантов выбрать по оценкам одного трудно, и лучше, когда решение о приеме основывается на собеседовании с участниками конкурса. Затем он пригласил меня к себе домой посмотреть, в каких квартирах жили до революции профессора Лесного института.

Я раньше уже обратил внимание на эти почти черные от времени двухэтажные кирпичные дома, которые располагались на территории парка Лесотехнической академии в нескольких десятках метров от ее главного корпуса. Так как эта часть парка была мало ухожена и представляла собой густые заросли деревьев лиственных пород, то внутри комнат царил полумрак. Квартира Николая Васильевича занимала весь второй этаж дома и состояла не менее чем из восьми комнат (точную цифру затрудняюсь сказать). В углу большого зала стоял рояль, на котором в молодости играли две дочери Николая Васильевича, теперь живущие отдельно от него. Мебели в квартире было немного, так как, по словам Николая Васильевича, большинство ее пожгли в блокадные годы. С потолка свешивался голый патрон с лампочкой. Вся квартира носила печать какой-то заброшенности и сиротливого одиночества – Николай Васильевич жил один, а хозяйство у него вела приходящая домработница. Судя по состоянию квартиры, она бывала здесь нечасто.

Возле большого стола стояли два массивных кожаных кресла, в которые мы сели, и профессор спросил меня – как я доби-

рался до Ленинграда. Я перечислил мои «переходы» и «пересадки»: от Судая на попутных машинах до Чухломы, от Чухломы автобусом (если повезет) до Галича, от Галича до Ярославля на проходящем поезде, а там уже прямой дорогой в Ленинград. Когда он услышал о Ярославле, то оживился и сказал, что в 20-х годах едва остался жив в этом городе. С началом войны в 1914 г. его призвали в армию в чине полковника для оценки потерь от военных действий в лесных угодьях царской семьи. После революции он перестал носить военную форму и вернулся в Петроград, а его семья (жена с двумя дочерьми) выехала к этому времени в Ярославль, где жила у близких родственников жены. Николай Васильевич отправился в Ярославль вслед за ними и угодил в самый разгар эсеровского мятежа. Через два дня после его приезда к ним на квартиру пришли моряки с допросом – не офицер ли? Он объяснил, что преподает в Лесном институте, профессор. Моряки уже собирались уходить, как один из них увидел на стене фотографию Николая Васильевича в мундире полковника. Тут они загалдели разом – вот где скрывается, убежал из Петрограда, расстрелять на месте! Жена Николая Васильевича схватила обеих дочерей и заслонила его от разъяренной толпы моряков: «Расстреливайте тогда всех нас вместе!». В это время их командир, учившийся в свое время в Лесном институте, подтвердил, что это действительно профессор Третьяков и расстреливать его не за что. Тогда моряки успокоились, разбили стекло на его портрете и ушли, а через два дня в город пришли красные и перестреляли всех эсеров...

Все четыре вступительных экзамена я сдал на «отлично», составил план аспирантской подготовки, согласно которому в 1956-1957 гг. я должен был сдать кандидатские экзамены и по мере возможности начать собирать материал по теме диссертации. Перед моим отъездом из Ленинграда Николай Васильевич опять пригласил меня на кафедру и посоветовал сменить место работы. Он сказал, что за все сорок лет его профессорской деятельности ни одному аспиранту-заочнику ни разу не удалось защитить диссертацию, работая на производстве. Поэтому он постарается к моему приезду в Ленинград для сдачи кандидатских экзаменов в сентябре 1956 г. найти мне место для работы в научно-исследовательском или учебном институте лесного профиля. Уехал я из Ленинграда с удостоверением о зачислении в заочную аспирантуру при Ленинградской лесотехнической академии и с надеждами на предстоящие перемены в моей жизни, которых и так уже набралось за два с половиной года после окончания института немало...

Зима 1955/1956 гг. выдалась очень холодной, и новая техника, которая поступила в это время в наш леспромхоз, часто выходила из строя, не проработав и двух-трех недель. Так, из шести автомашин ЗИС-131 пять вышли из строя из-за поломки коробки скоростей уже в первые недели после их получения. Из-за низких температур приходилось активировать по несколько дней подряд. В эту зиму я впервые увидел, как в баках замерзает солярка в виде плоских кристаллов. Планы наши трещали по всем швам, и к середине марта стало ясно, что план вывозки древесины за первый квартал выполнен не будет. В феврале в Москве прошел XX съезд КПСС, на котором обещали к предприятиям, не выполняющим государственные задания, принимать самые строгие меры. Наш Костромской обком партии вспомнил о лесной промышленности в начале марта и на середину месяца было назначено заседание актива областной парторганизации по обсуждению работы предприятий Минлеспрома СССР в первом квартале 1956 г. Докладывать должны были замполиты директоров. Где-то в числе первой пятерки должен был выступать и я, так как наш леспромхоз за последние несколько лет ни разу не выполнил план по вывозке древесины...

Готовя свое выступление, я решил построить его не на проблемах сегодняшнего дня, так как обсуждать выполнение плана за первый квартал за 10-12 дней до его окончания просто бессмысленно. Я предложил не ломать зря технику, а отремонтировать то, что было в наших силах, подготовить лесосечный фонд, чтобы во втором полугодии закрыть наши долги и все же выполнить годовой план. Я провел расчеты – какие работы нам необходимо выполнить, сколько техники потребуется и, как мне казалось, даже дураку должно было быть ясно, что это единственно правильный путь для выполнения годового плана. Но в дураках-то оказался именно я! Когда я разговаривал с нашими специалистами, то все поддерживали мои предложения, но, как оказалось, это и была ловушка для неопытного докладчика. После моего выступления в ход партактива сразу же вмешался первый секретарь обкома, кандидат наук Флорентьев, который был впоследствии длительное время Министром сельского хозяйства РСФСР. Он начал с того, что специалисты собрались здесь для экстренного решения проблемы выполнения плана первого квартала. Если сейчас этого не сделать, можно считать, что и годовой план по лесозаготовкам будет провален. А к чему призывает замполит Судайского леспромхоза? Успокоиться и перенести все проблемы на потом.

Вместо мобилизации парторганизации он фактически демобилизует ее. Если бы он не был так молод, мы как минимум должны были вынести ему выговор с занесением в личное дело, но на этот раз обойдемся выговором без занесения. Это означает, что ему нужно больше учиться у старших товарищей. Затем он обратился к залу: «Здесь присутствует директор леспромхоза? Пусть он выскажет свою позицию!».

Н.Н. Романчиков поднялся на трибуну и произнес бодрящую речь о том, что план – это государственное задание и мы обязаны его выполнить, для этого у нас есть все возможности: мы получили более двух десятков единиц новой техники, к нам должны на днях прибыть около 100 рабочих из Москвы, мы готовы их принять! В общем, «все хорошо, прекрасная маркиза!». Я потом спросил его, почему он не сказал мне о своей позиции по выполнению плана первого квартала, на что он ответил, что нужно учитывать складывающуюся обстановку и с самого начала было ясно, что собрались здесь для того, чтобы заверить ЦК партии в том, что план первого квартала будет успешно выполнен. Больше ничего никому не надо. Смешно говорить о выполнении плана за 10-12 дней, когда он выполнен едва наполовину за весь квартал. Все шло по подготовленной схеме, а я чуть не спутал все карты. Это урок на будущее. Приблизительно то же самое мне сказал и наш секретарь райкома.

Мое первое выступление на столь высоком уровне, как областной партактив, потерпело полное фиаско, но больше всего было обидно, что все понимали ненужность проводимого мероприятия, а я один, как дон Кихот, полез на ветряную мельницу... Это был действительно горький, но надолго запомнившийся мне жизненный урок! Вообще я обратил внимание на то, что большинство занимающих инженерно-технические должности, но не имеющие специального образования, весьма косо смотрят на дипломированных специалистов, видя в них потенциальных конкурентов, что вообще-то явление очень распространенное. Нашего главного инженера перевели на должность директора в другой леспромхоз, где прежний директор был со средним техническим образованием. Теперь у нас осталось на более чем 1000 работающих только два инженера... Понятно, что пошли слухи, будто моя карьера не остановится на должности замполита, хотя я ожидал осенней встречи с Николаем Васильевичем Третьяковым, которая, как мне казалось, будет для меня судьбоносной.

В 1956 г. проходили очередные выборы в Верховный и местные советы депутатов трудящихся. С учетом сельсоветов в на-

шем избирательном округе для голосования выдавали сразу по 12 бюллетеней. Несчастные избиркомы трудились днем и ночью, чтобы вовремя проверить все списки, разложить соответственно бюллетени для голосования. Основная работа была возложена на райисполком. На должность председателя избиркома прочили меня, но в связи с проведением областного актива по вопросам работы лесной отрасли, где я должен был выступать, председателем назначили моего заместителя, радиста нашей узловой радиостанции. Мы вернулись из Кострома и последующей познавательной поездки в Москву (в Кремль), который за несколько дней до выборов открылся для свободного посещения. Я сразу же пошел в избирком, там поговорил с нашими представителями, и все вроде бы было в порядке. Выборы, как всегда в те годы, начались в шесть утра. Первыми проголосовали секретари райкома и передовики производства. Играла музыка, народ веселился и по неписанному правилу выборы должны были закончиться к полудню. Я обзвонил все наши избирательные участки, все везде шло хорошо, но тут мне позвонили с Комсомольского лесопункта и сообщили, что проголосовали все, кроме парторга, который был пьян и его никак не могли поднять. В конце концов, он, совершенно голый, с паспортом в руках отправился на избирательный участок. По дороге кое-как его удалось облачить в какой-то плащ, и он предъявил свой паспорт. Ему принесли целую пачку бюллетеней, он стал внимательно их просматривать, сразу вдруг протрезвел и позвал председателя избиркома. Когда тот подошел к нему, он сунул ему несколько бюллетеней и ехидно спросил: «А это кто такой? Почему я его не знаю?». Когда внимательно изучили эти бюллетени, то оказалось, что это действительно не наш кандидат, а из соседнего района. В пачке бюллетеней за нашего кандидата было только несколько штук, а все остальные – «соседские»... Проголосовали уже практически все избиратели, не глядя, за кого голосуют (на лесопункте было около 200 избирателей). Я сказал, что выборы нужно немедленно остановить, а сам побежал к первому секретарю райкома. Тот по срочной связи сообщил об этом первому секретарю обкома КПСС, который сказал, что завтра к нам выезжает для разбора этого происшествия специальная комиссия. На мое счастье, я не входил в состав избиркома и отделался устным внушением. Моего бедного зама-радиста вызывали в райком партии, там закатали строгий выговор с занесением в личное дело, а секретаря райисполкома сняли с работы. Во всех газетах и по радио сообщили, что в Судайском районе Костромской области

назначены повторные выборы. Так вот и получилось, что более 200 человек проголосовали неизвестно за кого, и только один здорово подавший парторг проявил необходимую бдительность...

Прошел XX съезд КПСС, появилось много слухов о том, что на нем вдребезги разгромили культ личности И.В. Сталина. Потом стало известно, что ЦК КПСС обратился со специальным секретным письмом ко всем членам партии и нам предстоит ознакомиться с его содержанием, а читать его, по имеющимся данным, приходилось более четырех часов, затем еще и обсудить его, т.е. предстояла «всенощная служба». Нас предупредили о том, что все приведенное в этом письме является закрытым материалом, однако буквально через месяц содержание этого письма было опубликовано в газете «Правда». Для чего нужна была такая игра в секретность? Вскоре это письмо в красном переплете с грифом «Секретно» я получил в райкоме партии, и через несколько дней мы заслушивали его почти до шести часов утра, с двумя перерывами на чай с булочками, так как большинство коммунистов приехало прямо с работы. Два раза меняли чтецов, а после 11 часов вечера локомобиль выключили и чтение продолжалось при свете двух керосиновых ламп. Следует отметить, что большинство членов партии в нашей организации были участниками войны и к критике Сталина относились с определенной степенью осторожности, а некоторые с прямой враждебностью. Когда мы закончили чтение этого письма, в зале установилась полная тишина. Первым встал начальник Комсомольского лесопункта, участник войны, и кратко, но веско заявил: «Не верю! Я сам прошел всю войну, был дважды ранен и если бы не Сталин – сидеть бы нам сейчас под немцами!». Я почувствовал, что все очень устали, да и поднять голос против самого Сталина далеко не все еще могли. Чувствовалось нежелание обсуждать это письмо, но протокол собрания нужно было представить в райком в трехдневный срок. Поэтому я предложил одобрить решение XX съезда КПСС, осудить имевшие место культ личности и его последствия, соблюдать в работе партийных органов курс на демократию и социалистические основы. С этим решением все согласились и единогласно проголосовали за него.

Все свободное время, которое бывало у меня нечасто, я отдавал подготовке к сдаче в сентябре 1956 г. двух кандидатских экзаменов – по иностранному языку и диалектическому материализму, и конечно же, ждал встречи с Николаем Васильевичем. Когда я подал заявление с просьбой о предоставлении мне

отпуска для сдачи кандидатских экзаменов в Ленинградской лесотехнической академии, то каких-либо отказов со стороны администрации не получил, и, как мне показалось, начальство было довольно моими успехами в аспирантуре. Когда в первых числах сентября я приехал в Ленинград, меня там встретили уже как своего и поместили в аспирантское общежитие в самом здании Академии. Там же находился Отдел аспирантуры, фундаментальная библиотека, здесь же проживали иностранцы: поляки, венгры, монголы, китайцы, немцы из ГДР. Наши «братья-славяне» жили в двух больших комнатах на 15-20 кроватей. Весь этот «интернационал» неплохо между собой уживался. Там имелся свой отдельный вход, который вообще не закрывался, но, как правило, посторонних туда не приводили. Я узнал расписание экзаменов и консультаций, зашел на кафедру к Николаю Васильевичу, который меня приветливо встретил, но выглядел очень уставшим. Он сказал, что для меня кое-что есть, но прежде я должен сдать экзамены и после этого сразу прийти к нему. Оба экзамена я сдал на «отлично» и в середине сентября пришел на кафедру лесной таксации. Здесь Николай Васильевич рассказал мне, что в отношении меня имел беседы в нескольких организациях, но реально есть возможность прямо сейчас устроиться на работу на Петрозаводскую лесную опытную станцию Ленинградского НИИ лесного хозяйства. Там есть свободное жилье и вакантная должность старшего научного сотрудника. Обо всем есть договоренность с зам. директора по науке А.В. Давыдовым, с которым я должен встретиться и обговорить все подробности перехода на работу в Петрозаводскую Лесную опытную станцию. Перед моим уходом он позвонил в ЛенНИИЛХ и договорился, что я подойду завтра к девяти часам утра в институт, которых находился в одном квартале от Академии. Еще Николай Васильевич дал мне рекомендательное письмо для передачи его в ЛенНИИЛХ.

На следующий день утром я был в приемной у А.В. Давыдова, передал ему рекомендательное письмо от Н.В. Третьякова и сказал, что у меня нет с собой характеристики с места работы, так как я не знал еще своей судьбы до приезда в Ленинград в начале сентября. На это он ответил, что рекомендация Н.В. Третьякова для него выше любой характеристики. Он сказал, что уже звонил в Петрозаводск и договорился, что меня сразу же зачислят в штат, передадут ключи от жилья. Потом я должен вернуться в Судай, забрать все документы и уже окончательно оформляться в Петрозаводске. Перед прощанием он добавил, что теперь на Лесной опытной станции будет хоть один

член партии. Я вернулся на кафедру к Н.В. Третьякову и передал результаты моих переговоров с А.В. Давыдовым, а также сказал, что попытаюсь уехать в Петрозаводск уже сегодня (поезд Ленинград – Петрозаводск уходил в шесть часов вечера и время у меня еще было). Я попрощался с Николаем Васильевичем и сказал, что теперь приеду в Ленинград в сентябре следующего года сдавать два следующих кандидатских экзамена, в том числе и по лесной таксации, поблагодарил за его заботы о моем будущем. Не знал я тогда, что больше никогда не увижу этого доброжелательного, но жесткого по отношению к непорядочным людям человека – Николая Васильевича Третьякова, скоропостижно скончавшегося в апреле 1957 г. Это был один из наиболее крупных ученых, лесовод широкого профиля, о котором я всегда вспоминаю с глубоким уважением.

ПЕРЕЕЗД В ПЕТРОЗАВОДСК. 20 ЛЕТ В ЛЕСАХ КАРЕЛИИ И КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Утром 21 сентября 1956 г. я приехал в Петрозаводск и пошел по центральному проспекту города от вокзала до Онежского озера. Была пора «золотой осени» и город очень хорошо выглядел в осеннем наряде на фоне голубой чаши Онежского залива. Мне он сразу понравился и я почувствовал, что Карелия – это надолго. Погуляв вдоль берега озера, я направился на поиски Лесной опытной станции, которая оказалась почти в самом центре города, рядом с почтамтом. Там я познакомился с директором станции Михаилом Степановичем Сенькевичем. Ученой степени и звания он не имел, но как позднее рассказал мне Тофик Мусаевич Мамедов, до войны учился в Воронежском лесотехническом институте, был Сталинским стипендиатом. Во время войны попал в окружение, затем в плен. Впоследствии был исключен из партии и приехал в Петрозаводск вскоре после войны, где и работал продолжительное время. Вместе с ним на этой же станции трудилась его супруга – Марионелла Петровна, что конечно не способствовало укреплению деловой атмосферы в коллективе, состоящем из семи человек. Надолго на станции никто из сотрудников, помимо Сенькевичей, не задерживался... Так как членов партии, кроме меня, не оказалось, то меня прикрепили к парторганизации Карельского филиала АН СССР, где был отдел леса, а в 1957 г. планировалось открыть Институт леса. Я быстро познакомился с сотрудниками отдела леса и меня стали звать перейти к ним, как только откроется Институт. Я не спешил, так как жил на жилплощади Опытной станции, кроме того, хотелось осмотреться на новом месте и тогда уже решать – куда лучше определиться.

Вскоре я понял, что Опытная станция служила придатком для черновой работы по темам более высокопоставленных персон в Институте. В скором времени меня нагрузили проведением полевых работ по трем темам: очистка лесосек от порубочных остатков; использование гербицидов для подготовки поч-

вы под лесные культуры и определение посевных качеств семян сосны при ранних сроках сбора шишек. Наибольший объем работ предстояло выполнить именно по третьей теме. Руководителем работ по данной теме являлся доцент Евгений Павлович Заборовский. Это был оригинальный, широко эрудированный человек. Он написал учебное пособие по лесному семеноводству, которое было переведено на китайский и румынский языки. Всю зиму он ходил в фетровой шляпе, так как считал, что голова всегда должна быть в холоде. Его отец до революции был главным лесничим Оренбургского края и по уровню государственного содержания соответствовал губернатору. Жил Евгений Павлович в небольшой комнате на территории Института, отличался исключительным педантизмом и принципиальностью.

Так, во второй половине августа 1957 г. Е.П. Заборовский приехал ко мне в Петрозаводск с очередной «ревизией». Я показал ему, что было сделано к этому времени, и между делом упомянул, что в данный момент семена у сосны морфологически уже полностью сформировались, но физиологически, очевидно, еще нет, так как при извлечении из шишек они не прорастали. Евгений Павлович даже подскочил на стуле и категорически заявил, что такого не может быть, поскольку, по его данным, семена сосны формируются полностью только к началу октября. Он всегда так писал и будет писать далее, а мои данные ничем не подтверждены и он их не признает. Эта его фраза вывела меня из себя и я заявил, что если он не верит мне, то мы сейчас сядем на автобус (автостанция была недалеко) и через час будем на моем участке, а еще через час автобус идет обратно в город. К тому же я добавил, что проезд оплачу в любом случае. Он тут же согласился, и в своей фетровой шляпе, хорошем плаще и городской обуви поехал со мной в лес. Там я дал ему свободу выбора деревьев – он указал на пять хорошо развитых сосен, я залез на каждую из них и собрал по 10 шишек к дерева. У меня был с собой охотничий нож, у него лупа, и здесь же на месте сбора мы разрезали по три шишки с каждого дерева, а остальные взяли с собой. На всех пяти деревьях семена были уже полностью морфологически развиты.

Когда мы вернулись в город, то в моей лаборатории взрезали остальные шишки, и результаты были одинаковы. Евгений Павлович повздыхал и сказал, что в данной ситуации он должен согласиться со мной. Но ученый никогда ничего не должен принимать на слово, не убедившись в истине сам. Я запомнил эти слова и впоследствии не раз убеждался в их правоте. Так,

намного позднее, в ноябре 1995 г., меня пригласили в Федеральный суд штата Пенсильвания (США) в качестве рецензента при рассмотрении последствий радиационного воздействия на леса в районе аварии на атомной электростанции «Три Майл Айленд» (март 1978 г.). Там присутствовал также профессор Ганкелл, один из корифеев в радиобиологии древесных растений. После моего выступления он подошел ко мне и сказал, что прослушал все с большим интересом, но не может согласиться с моими выводами, что побеги у сосны могут регенерировать, образуя замещающие боковые почки, что так считают и профессора Спарроу и Захер, но он не стал выступать по этому вопросу, так как мы «из одной команды». Меня это его заявление, конечно, не обрадовало, но я вспомнил, что взял с собой нашу последнюю монографию, в которой имелись прекрасные фотографии, подтверждающие мою правоту. Я попросил переводчика передать профессору Ганкеллу, что к ужину я принесу ему доказательство, из которого он сам сможет убедиться, кто из нас прав. Вечером он долго рассматривал мои фото, приведенные в монографии, и попросил дать ему эту книгу на вечер, чтобы он мог получше разобраться в этом важном для него вопросе. Утром он отдал книгу и от всех трех профессоров принес мне свои извинения. А ведь они действительно были корифеями в радиобиологии и анатомии хвойных растений!

В сентябре 1957 г. я приехал в Лесотехническую академию, в Ленинград. Сдал там еще два кандидатских экзамена на «отлично» и получил соответствующее удостоверение. Однако будущее мое оказалось в тумане – мой руководитель ушел в мир иной, место работы изменилось и общая обстановка в стране также находилась в непрерывном преобразовании. Во-первых, вся промышленность, в том числе и лесная, оказалась в ведении региональных органов власти – Совнархозов, которые в течение семи лет (с 1957 по 1965 г.) являлись фактически полными распорядителями власти на местах, однако с первой половины 60-х годов началось их укрупнение и Карельский Совнархоз объединили с Северо-Западным, центр которого находился в Архангельске, куда из Петрозаводска можно было добраться только самолетом. Трудно было себе представить, что страну можно разделить административно по профилю ведения народного хозяйства. Поистине глупости человеческой нет предела! И вот стали выделять районы сельскохозяйственные и промышленные, но так как промышленных районов в Северо-Западном экономическом административном районе сравнительно немного, в результате в южной части Карелии были органи-

зованы один сельскохозяйственный и один промышленный райкомы партии, райисполкомы, милиция, военные комиссариаты и т.д. Центром промышленного района стал г. Кондопога, а сельскохозяйственного – пос. Пряжа, расстояние между которыми составляет около 140 км. Получалось, что если в семье муж работал в леспромхозе, то он был на учете в Кондопожском районе, а жена, если она работала дояркой в совхозе, то была прописана и состояла на партучете (для члена партии) – в Пряжинском сельскохозяйственном райкоме. Кроме того, между ними находился еще Петрозаводск. Тогда появился такой анекдот: «На дороге лежит пострадавший с пробитой головой. Приезжает «Скорая помощь», подбегают санитары, кладут его на носилки и несут к машине. Рядом бежит врач и на ходу записывает данные о пострадавшем: травма головы, нанесенная тяжелым предметом, очевидно, гаечным ключом. Врач тут же обращается к санитарам: «Стой, ребята, сгружай его, это не наш! Вот если бы оглоблей его – то к нам, а этого пусть подбирают и везут в промышленный район!». Нависла угроза реорганизации и всей системы Академии наук СССР. Бесконечная «война» с академиком Т.Д. Лысенко и его сторонниками привела к тому, что Президиум Академии наук принял решение о передаче сельскохозяйственных отраслей из АН СССР в ВАСХНИЛ и ведомству – Министерство сельского хозяйства СССР. Кроме того, было решено ликвидировать систему региональных филиалов АН СССР. Нужно сказать, что в регионах, где партийные и советские органы твердо выступили против ликвидации филиалов АН СССР, их сохранили, как, например, в Коми АССР, на Кольском полуострове и др. Но руководство Карельской АССР встретило предложение о ликвидации Карельского филиала АН СССР на «ура». Не знаю почему, но в течение 20 лет моей работы в Карелии практически во всех критических ситуациях местные власти выступали по отношению к филиалу крайне враждебно, хотя этот же филиал служил надежным «отстойником» для проштрафившихся партийных деятелей.

Переход от разговоров к делу начался во второй половине 1963 г., когда к нам приехал Председатель Государственного комитета по науке и технике РСФСР В.Н. Новиков. Два дня он ходил по институтам и на все вопросы, задаваемые ему сотрудниками филиала, отвечал: «Не беспокойтесь, хуже, чем в Академии наук, вам в нашей системе не будет». Через несколько дней после его отъезда к нам пришло Постановление Совета Министров Федерации о ликвидации этого Госкомитета... С 1 сентября 1963 г. нас подчинили Гослесбумдревкомитету с наи-

Министерство
высшего образования СССР
Ленинградская
Лесотехническая академия
имени С.М. Кирова
20 апреля 1957 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 346

Выдано КОЗУБОВУ Геннадию Михайловичу в том, что он подвергался кандидатским испытаниям по специальности и получил оценки:

№ п/п	Наименование дисциплин	Оценка	Дата и подпись членов комиссии
1.	Немецкий язык	Отлично	10 сентября 1956 г. Проф. Грубе А.Э. (председат.) Зав. каф. ин. яз. Баршева А.И. Ст. преподав. Ротачева В.П. Зав. аспирант. Свиткина М.К.
2.	Диалектический и исторический материализм	Отлично	22 сентября 1956 г. Проф. Грубе А.Э. (председат.) Доцент Шердаков Н.И. Преподав. Тимофеев Л.П. Зав. аспирант. Свиткина М.К.
3.	Лесоводство	Отлично	19 апреля 1957 г. Проф. Губин М.М. (председат.) Проф. Вакин А.Т. Проф. Самойлович Г.Г. Доц. Шишков И.И.
4.	Лесная таксация с основами лесоустройства	Отлично	19 апреля 1957 г. Проф. Грубе А.Э. (председат.) Проф. Самойлович Г.Г. Доц. Горский П.В. Доц. Байтин А.А. Зав. аспирант. Свиткина М.К.

Подлинные подписи
в протоколах

М.П. Директор Лесотехнической академии
имени С.М. Кирова
Зав. аспирантурой

(В.М. Никитин)
(М.К. Свиткина)

менованием «Карельский институт леса», но через год с небольшим – с 1 января 1965 г. этот Институт леса объединился с Карельским НИИлеспрома в Карельский НИИ лесной промышленности и лесного хозяйства (КарНИИЛПХ), который со 2 января 1967 г. был снова разделен на два института, при этом наш бывший Институт леса «усох» процентов на 30 и стал называться «Карельский институт леса Гослескомитета Совета Министров СССР». С 1 июля 1967 г. был восстановлен Карельский филиал АН СССР. За четыре года мы пережили пять реорганизаций, из 130 человек, работающих в Институте леса в 1963 г., в восстановленный Карельский филиал АН СССР вернулось около половины. При этом мы потеряли целиком вычислительный центр, укомплектованный новыми по тому времени ЭВМ, не говоря уже о том, что почти каждая реорганизация сопровождалась кадровыми перестановками, переизбранием по конкурсу, некоторыми изменениями в окладах, что обеспечивало нашему руководству поле для бурной организаторской работы, но, между прочим, отнюдь не шло на пользу науке.

Помимо изучения семян сосны и определения оптимальных для их обработки сроков сбора шишек, материалы по которым я полностью передавал Е.П. Заборовскому, я занимался, как уже ранее упоминал, проблемой очистки лесосек при различных способах трелевки. Подобные работы в то время велись практически во всех лесных НИИ и их филиалах. В частности, этим занимался Отдел леса в Карельском филиале АН СССР, а также Институт леса после его образования в 1957 г., в ЦНИИМЭ и его филиалах и т.д. Я занялся этой проблемой не по своей воле, а получил задание из головного института – ЛениИИЛХа. Собранные мною материалы получились интересными, и тогда я расширил объем исследований и решил опубликовать статью по данному вопросу в журнале «Лесная промышленность», в котором она и была напечатана в 1958 г., № 8. При этом я не учел, что предварительно нужно было показать статью научному руководителю и получить официальное разрешение на Лесной опытной станции для ее публикации. Когда на станции об этой статье узнали, то тут же на меня посыпался ворох жалоб на то, что я использовал материал станции без соответствующих разрешительных документов! Я задал вопрос нашему директору: почему ленинградские руководители НИР тем публикуют статьи без ссылок на нас, хотя в ряде случаев материалы были собраны сотрудниками опытной станции? Скандал вскоре затих, но тот же М.С. Сенькевич мог бы при-

гласить меня к себе и объяснить, какие в Институте существуют правила на публикации статей. Тем более, что это была моя первая статья во всесоюзном журнале, что было, несмотря на все другое, для меня очень приятно. К тому же материал для нее был собран и обработан мною лично.

В октябре 1958 г. в филиале ЦНИИМЭ (Центрального НИИ механизации и электрофикации лесной промышленности) было получено задание провести исследовательские работы о возможности осуществления валки и трелевки деревьев с корнями. Мне предложили взяться за эту тему, причем была обещана всяческая поддержка в выполнении этих работ. Вначале я решил, что эта идея просто невыполнима, но уже первые опыты показали, что в ней заложены определенные перспективы: во-первых, в корневых системах 100-120-летних сосен содержится, в среднем, около 15% всей стволовой массы древесины; во-вторых, свежая корневая древесина сосны является высококачественным сырьем для получения древесно-волоконистых плит; в-третьих, после валки и трелевки деревьев сосны с корнями остаются выровненные, разрыхленные вырубki, пригодные для механизированных способов создания лесных культур. К тому же оказалось, что даже деревья, имеющие стволы по 35-40 см в диаметре на высоте груди, довольно легко вываливаются трактором С-80 с помощью длинных тросов. Конечно, метод валки и трелевки сосны с корнями, наряду с положительными сторонами, имел ряд особенностей и требовал как разработки специальных механизмов, так и своеобразных технологических особенностей. В тот бурный период возникало много перспективных идей, большинство из которых так же быстро забывалось. Однако, через два-три года в специальных изданиях появились несколько статей об использовании нашего опыта в лесной промышленности Польши, ГДР и Румынии, причем для валки и трелевки деревьев с корнями была испытана военная техника – бронетранспортеры и артиллерийские лафеты. Надо сказать, что за эту работу нас премировали и я получил 700 руб., на которые купил первый в своей жизни телевизор «Рекорд».

В один из тех дней мне позвонил и пригласил к себе директор Института леса Н.О. Соколов. Он предложил перейти к ним в очную аспирантуру, причем срок обучения можно будет сократить на один год, учитывая, что у меня полностью сдан кандидатский минимум. Это было в середине декабря 1959 г., а последний срок зачисления – 31 декабря. Я подумал и решил не упускать такой возможности, тем более, что у меня уже появился кое-какой опыт проведения исследований в лесу,

на год раньше я мог представить диссертацию к защите, к тому же в новом Институте леса уже сложился определенный круг благожелательно относящихся ко мне специалистов-коллег. Я быстро подготовил необходимые документы и 31 декабря 1959 г. был зачислен в очную аспирантуру Карельского филиала АН СССР по специальности «селекция древесных пород». Вскоре в филиал приехал новый Председатель Президиума, профессор Всеволод Петрович Дадыкин, который уделял большое внимание подготовке молодых научных кадров в основном в области биологии и через каждые две недели приходил в лабораторию и справлялся, как идут дела у аспирантов и какие имеются у них трудности. Где-то через месяц после своего приезда он вызвал меня к себе и сказал, что в новом Институте леса очень слабый состав научных кадров и предложил, чтобы я через два года защитил диссертацию, а он создаст все условия для моей работы в Институте леса. Я пообещал ему, что в первом квартале 1962 г. представлю диссертацию к защите. Свое обязательство я выполнил и 4 апреля 1962 г. в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР (г. Ленинград) успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Темой своих исследований я выбрал формовое разнообразие сосны обыкновенной в Карелии и на Кольском полуострове, а впоследствии – биологию плодоношения сосны обыкновенной на Севере.

После защиты, а затем и утверждения диссертации в ВАКе я был зачислен в штат Института леса, в лабораторию лесоведения вначале младшим, а потом (с 1 мая 1964 г.) – старшим научным сотрудником. Нужно сказать, что в то время повышение должностей в системе Академии наук происходило довольно редко. В филиале было немало младших научных сотрудников, кандидатов наук с 10-15-летним стажем. Во всем Институте леса в то время работало четыре старших научных сотрудника, кандидата наук, а «дипломированных», получивших «корочки» – аттестат старшего научного сотрудника по решению Президиума АН СССР – только двое, при общей численности более 100 человек. Я получил аттестат старшего научного сотрудника в апреле 1969 г., т.е. через семь лет после защиты кандидатской диссертации. В определенной степени задержки с присвоением ученого звания старшего научного сотрудника были связаны с той структурной неразберихой, через которую нам пришлось пройти за период с 1963 по 1967 г., о чем я уже упомянул выше. После объединения двух институтов в один КарНИИЛПХ я был назначен, а затем и избран по конкурсу на

должность начальника отделения лесоводства и механизации лесного хозяйства, на которой проработал два года до восстановления Института леса.

«Смутные годы» в определенной степени оказались и полезными для нас, особенно в приобретении научного оборудования, так как средств у наших «гегемонов» было намного больше, чем в Академии наук. Тогда удалось приобрести электронный микроскоп и необходимое для его эксплуатации оборудование, смонтировать на базе люминесцентного микроскопа уникальную цитофотометрическую установку, собрать хорошую цитоэмбриологическую лабораторию, оборудовать полевой стационар в 100 км от Петрозаводска, увеличить парк автомашин и т.д. Что еще я считаю весьма важным – нам удалось завязать научные связи с ведущими учеными страны: эмбриологами, имеющими международное признание – Верой Алексеевной Поддубной-Арнольди, Натальей Васильевной Цингер, Еленой Николаевной Герасимовой-Навашиной, Тамарой Петровной Некрасовой, Данило Александровичем Транковским, с крупнейшим специалистом в области люминесцентной микроскопии Максимом Николаевичем Менгелем, с высокоэрудированным исследователем проблемы пола у древесных растений Еленой Григорьевной Мининой, с морфофизиологами древесных растений Леонидом Ивановичем и Клавдией Алексеевной Сергеевыми, крупным специалистом-эмбриологом, профессором Михаилом Семеновичем Яковлевым, анатомом древесных растений, профессором Андреем Алексеевичем Яценко-Хмелевским и многими другими известными учеными.

По материалам, собранным в Карелии и на Кольском полуострове в течение 10 лет (с 1960 по 1970 г.), я подготовил докторскую диссертацию, которую представил в ученый совет Института леса и древесины Сибирского отделения АН СССР в мае 1971 г. и в октябре этого же года успешно защитил. В то время только один ученый совет принимал диссертации по лесной тематике по специальности «ботаника» на соискание ученой степени доктора биологических наук. Не обошлось и без неожиданных сюрпризов, которыми так богата моя жизнь. В моем докладе в качестве иллюстраций было десятка два цветных слайдов, для демонстрации которых необходимо было затемнение. Здание, в котором шла защита, было старинным, с богатой гипсовой лепниной по периметру потолка. Как всегда, при закрытии штор одну из них заклинило и я вместе с заведующим лабораторией, представлявшей мою диссертацию, А.И. Ирошниковым длинным шестом пытался продвинуть ее, но в

этот момент от потолка отвалился кусок этой массивной лепнины, около метра длиной и весом не менее 50-60 кг, и грохнулся у самых наших ног! Ирошников сделался сам весь как гипс белый, себя я не видел, но первые минуты мой голос дрожал. Из-за этого сигнала от бога (все под богом ходим!) нам стало явно не по себе. Но защита прошла успешно, несмотря на то, что члены совета разругались между собой в пух и прах, как у лесников часто бывает, по вопросам, никакого отношения к защите не имеющим. Председатель совета, академик А.Б. Жуков, спокойно покуривал свой «Беломор», пока ему не надоела эта трескотня, тогда он встал и обратился к спорящим: «Дорогие члены совета, вы не забыли, для чего сюда пришли? У нас защита или диспут на свободную тему?». В зале сразу воцарилась тишина и процесс быстро пошел... Общий счет 17:2 завершил мои терзания на кафедре. К моему удивлению, уже через три месяца мне пришла карточка из ВАКа о моем утверждении в ученой степени доктора биологических наук.

Все мое внимание в этот период было обращено на освоение методов электронной микроскопии в эмбриологии хвойных растений. Как я уже писал выше, в 1966 г. через Гослесбумпром и «Академнаб» с помощью всесильного Виктора Нифонтовича Долгополова, начальника этой конторы, нам удалось получить наиболее современный на то время электронный микроскоп УЭМБ-100, а также два ультрамикротомы к нему – немецкий «Ардене» и наш отечественный полуавтомат Сумского завода. Я считал тогда и считаю сейчас, что уровень научных исследований часто в основном зависит от уровня используемых приборов, научного оборудования и методических разработок. В середине 60-х годов прошлого столетия электронщики в биологии считались высшей кастой, особенно в ботанических исследованиях. В Советском Союзе в то время было два центра, где велись электронно-микроскопические исследования растений – в Ленинграде, Ботаническом институте АН СССР и в небольшом объеме в Институте цитологии АН СССР, второй – в Институте физиологии АН СССР, где большое внимание уделял освоению и внедрению в физиологию растений ультраструктурных исследований директор этого Института академик Андрей Львович Курсанов. Сразу следует отметить, что исследования в Ленинграде отличались высоким качеством получаемых электроннографических снимков, что является основой для надежной трактовки экспериментального материала, но в Институте физиологии растений в Москве круг проблем, изучаемых с использованием электронной микроскопии, был шире и к тому

же в ряде случаев сопровождался совместным изучением физиологических процессов в тех или иных органах и тканях растений. Определенные успехи имелись в освоении методов электронной микроскопии в Молдавии, в Ботаническом саду Академии наук республики (Б.Т. Матиенко, А.А. Чеботарь), однако качество представляемых ими материалов оставляло желать лучшего.

Издание Атласов ультраструктуры растений

В конце 60-х годов прошлого столетия электронная микроскопия медленно, но непрерывно расширяла свои позиции в цитологии растений, особенно в репродуктивной сфере споровых растений, ультраструктурных исследованиях запасочных тканей. Особое внимание уделялось субклеточному строению хлорофиллоносной ткани и макромолекулярной организации фотосинтезирующего аппарата. При этом в публикациях часто отсутствовала какая-либо определенная систематизация используемых терминов, особенно в той части субклеточных структур, которые интенсивно изучались в свое время на уровне световой микроскопии. Короче говоря, настало время упорядочить терминологию, используемую при описании ультраструктурной организации растительных клеток. В конце 1968 г. у нас в Институте леса в Петрозаводске удалось значительно улучшить качество электронно-микроскопических снимков, которые было уже не стыдно представлять на международных форумах. В сентябре 1968 г. мне пришлось принять участие в работе IV Европейского конгресса по электронной микроскопии в Риме и там я убедился, что мы можем смело выходить на международный уровень. Следует отметить, что в этом конгрессе участвовало около 2000 человек, в том числе ученых из США, Японии, Канады и др.

Вернувшись домой в Советский Союз, я по дороге в Петрозаводск встретился в Ленинграде с профессором А.А. Яценко-Хмелевским, который в то время тоже увлекался электронной микроскопией. Когда я ему рассказывал об этом конгрессе и обсуждавшихся на нем проблемах, он предложил заняться совместно с ним подготовкой и изданием словаря-справочника по ультраструктуре растительных клеток, тем более, что попытка, правда, очень примитивная, издать подобный словарь была уже предпринята во Франции, при этом добавил, что этот словарь без серии хороших иллюстраций мало что даст. Тогда появилась идея издать пусть и небольшой по объему Атлас ульт-

раструктуры растительных клеток. Для ведения предварительных переговоров с возможными участниками авторского коллектива было решено подготовить проспект Атласа, а ориентировочный его объем определить в 15-17 печатных листов. Так как в последние годы (1967-1968) мне много приходилось встречаться со специалистами, занимающимися электронно-микроскопическими исследованиями растений, то проведение предварительных переговоров я взял на себя. Прежде всего нужно было вовлечь в общий авторский коллектив московских и ленинградских исследователей. Вначале переговоры были мало успешны и руководитель «БИНовской» школы Мария Федоровна Данилова не проявляла желания идти на какие-либо совместные издания с «ИФРовцами». Но сама «московская школа» не возражала против подготовки совместного словаря-справочника. Выразили согласие участвовать в таком издании цитологи Главного ботанического сада АН СССР и Института биохимии АН СССР.

В апреле 1969 г. в Институте леса Карельского филиала АН СССР был проведен симпозиум по проблемам ультраструктурной организации растительных клеток, в котором приняли участие представители практически всех научно-исследовательских и учебных заведений, в которых проводились в то время подобные работы. Все выступившие на симпозиуме поддержали идею издания Атласа. Принять участие в его подготовке к печати изъявили желание представители Ботанического института АН СССР им. В.Л. Комарова, Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева, Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, Института биохимии АН СССР им. А.Н. Баха, Института цитологии АН СССР, Московского областного педагогического института, Главного ботанического сада АН СССР и Института леса Карельского филиала АН СССР. Ответственными редакторами были предложены Г.М. Козубов и М.Ф. Данилова. А.А. Яценко-Хмелевский был включен в состав редколлегии Атласа, выпуск которого был определен в IV квартале 1972 г. тиражом 1750 экз. Тираж определялся наличием бумаги, которую получить в то время было весьма трудно, особенно мелованную, а только на первый Атлас ее потребовалось около четырех тонн. К тому же в период наиболее интенсивной работы над Атласом мне пришлось защищать докторскую диссертацию в Красноярске. Но, как я уже ранее писал, защита прошла успешно.

Наш директор, Владимир Иванович Ермаков, так увлекся пропагандой подготовки к изданию Атласа, что в Обкоме партии

включили его выпуск в Соцобязательства Карельской АССР к 50-летию СССР и теперь, как говорится, «умри, но обещание должно быть выполнено!». В обкомах партии обратного хода своих решений не признают... Тем временем к нам стал стекаться материал в таком объеме, что никто и не ожидал. Все присланные микрографии просматривались и распределялись по разделам, а затем передавались редакторам глав, а окончательная их судьба решалась на заседании редколлегии. Нужно отметить, что вся подготовка материала к печати осуществлялась в Институте леса: редактирование текста, перепечатка его, подбор фотографий, определение их формата и изготовление макета книги начиная от переплета – все это выполнялось в отделе цитологии и генетики древесных растений, а также в редакционно-издательском совете Карельского филиала АН СССР. С большим трудом, но «Атлас ультраструктуры растительных клеток» был подготовлен в намеченные сроки и весь тираж отпечатан к середине декабря 1972 г. Здесь возникло новое препятствие – для получения тиража нужно было разрешение Главлита на выпуск в свет. Я уже писал ранее, что ориентировочный объем книги был определен в 15-17 печатных листов, но фактически он оказался 37 печатных листов. Главлитовский чиновник вначале побледнел, потом позеленел, покраснел и на меня полились целые ушаты ругани и угроз, так что я вначале просто онемел, а потом пришел в себя и решил, что сейчас и он у меня попляшет. Под конец своей бурной речи инспектор Главлита заорал: «Я тебе покажу, с кем ты имеешь дело!». Тут я уже не выдержал и выдал ответную тираду, при этом стараясь держаться внешне более или менее спокойно: «Вижу – с безответственным чинушей. Я сейчас пойду к Ивану Ильичу (первому секретарю Обкома КПСС) и доложу, что его задание по выпуску Атласа к 50-летию Советского Союза, как записано в соцобязательствах республики, будет сорвано из-за самоуправства чиновников Главлита, которые даже не в курсе, какие обязательства были приняты парторганизацией Карелии к юбилею СССР».

После этого я взял книгу со стола (она была отпечатана на плотной мелованной бумаге и весила больше двух килограмм), достал из портфеля соцобязательства республики, которые я на всякий случай захватил с собой, и показал их чиновнику, где третьим пунктом фигурировал наш Атлас, ехидно заметив, что он, по всей вероятности, вообще их не читал, хотя первой внизу стояла подпись И.И. Сенькина, первого секретаря Карельского Обкома КПСС. Мой оппонент сразу сник как проколотый

воздушный шарик и забормотал, что тут за день столько всего нанесут на подпись, что голова прямо кругом идет. Короче говоря, к 20 декабря 1972 г. несколько экземпляров Атласа прибыли в приемную Ивана Ильича, доставленные туда нашим директором собственноручно.

Реакция на выход «Атласа ультраструктуры растительных клеток» превзошла все наши ожидания. Во-первых, в Институт поступило письмо от вице-президента АН СССР Андрея Николаевича Белозерского, которому один экземпляр Атласа передал через его сына в больницу, где он в то время находился, так как перед Главлитом еще нужна была «бумага» от президента или вице-президента АН СССР. К большому сожалению, он через несколько дней скончался от рака поджелудочной железы. Перед смертью он нашел в себе силы поздравить Институт леса с большим успехом, имеющим международное значение, и пожелал дальнейших достижений в науке. Следующее письмо тоже с высокой оценкой Атласа вскоре поступило в мой адрес от академика Андрея Львовича Курсанова, в котором он признал издание Атласа как международный успех. Весьма доброжелательные отзывы поступили от чл.-корр. АН СССР Максима Николаевича Мейселя, из Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова, Главного ботанического сада АН СССР и ряда других организаций.

Вскоре нам пришло письмо из Президиума АН СССР с просьбой подготовить и срочно выслать в адрес Комитета по присуждению Тимирязевских премий документы в связи с выдвижением меня, М.Ф. Даниловой и А.Е. Васильева, как основных авторов Атласа, на соискание Тимирязевской премии за 1973 г., и 16 января 1974 г. А.Л. Курсанов очень тепло поздравил нас с присуждением Премии им. К.А. Тимирязева за 1973 г. От имени Президиума АН СССР нас поздравил вице-президент АН СССР В.А. Котельников, так как М.В. Келдыш в это время тяжело болел. Одновременно нам сообщили, что вручение премии состоится на весеннем Общем собрании АН СССР, которое должно состояться 5 марта 1974 г. Из-за болезни М.В. Келдыша Общее собрание было перенесено на две недели, но вел его сам Президент, хотя выглядел он неважно. Прежде всего меня удивил тот факт, что зал Дома ученых в Москве был переполнен, все приглашенные не смогли разместиться в зале, коридоры были полны спящих туда-сюда людей, все кресла, стулья и скамейки в коридорах также были заняты. Нас встретили и посадили на пятый ряд, на крайние к проходу стулья, чтобы было удобно выходить на сцену при вручении наград.

Вначале М.В. Келдыш зачитал фамилии академиков и чл.-корр. АН СССР, умерших в 1973 г. Впервые, отметил Президент, из жизни ушли сразу три вице-президента АН СССР. Все почтили усопших вставанием. Затем был заслушан отчетный доклад. Президент Академии наук был одет весьма демократично: в сером костюме и серой шерстяной рубашке, ворот которой был расстегнут. Говорил он негромко, но четко. Когда мы вошли в зал, то я удивился подавляющему большинству «сверхстаршего» поколения. Первому вручалась золотая медаль ученому весьма почтенного возраста, которого два молодых сотрудника под руки подвели к сцене, где М.В. Келдыш протянул награждаемому диплом и медаль в открытой коробочке и подал для пожатия руку. Бедный старичок растерялся, стал переключать медаль из одной руки в другую, она выскочила у него из рук и покатила под стулья. Весь президиум зашевелился и, крихтя, полез искать закатившуюся награду. Общими усилиями сбежавшую медаль все же нашли... По сравнению с награжденными до нас, мы выглядели очень уж бодро – нам ведь было в то время от 43 до 46 лет... В перерыве к нам подошел Андрей Львович Курсанов и лично тепло поздравил с наградой. И здесь в кратком разговоре возникла мысль о том, что теперь следует заняться подготовкой издания по электронной гистологии растений, т.е. Атласа ультраструктуры растительных тканей. Под впечатлением этого разговора мы здесь же, в Доме ученых АН СССР, определили возможные сроки и ориентировочный состав исполнителей этой книги, которая, возможно, будет издана впервые в мировой литературе.

Однако, когда через несколько месяцев после этого разговора я обратился в БИН к Марии Федоровне Даниловой с предложением вернуться по свежим следам к нашим планам, то она довольно сухо сообщила мне, что они уже сами работают над подготовкой Атласа ультраструктуры растительных тканей и считают, что у них вполне достаточно своего материала. Оставалось только принять ее сообщение к сведению и, как говорится, пожелать счастливого плавания! Конечно, ход этот был не по правилам, почему было не предупредить остальных «учредителей» Атласа тканей, что БИН будет работать над ним самостоятельно? Больше я ни к кому по этому вопросу не обращался, и каково же было мое удивление, когда месяца через полтора в Институт на мое имя пришла телеграмма от М.Ф. Даниловой следующего содержания: «Согласны на совместное издание Атласа растительных тканей на любых условиях. Прошу приехать в БИН для ознакомления с собранным материа-

лом. Данилова». Когда я показал телеграмму нашему директору, он был очень доволен: «И это гордый БИН пошел на капитуляцию перед провинциальным Институтом леса!». Когда я приехал в Ленинград и зашел в кабинет Марии Федоровны, то чуть не ахнул – у ее стола стояла стопа разнокалиберного «материала» высотой около метра. Я спросил ее: «Кто же с этой «вавилонской башней» справится?». Она ответила: «Только Вы. У нас ничего не получается...». «Только при одном условии, – сказал я ей. – Первым редактором будете Вы. Открою Вам одну тайну. По всей вероятности, я в конце 1977 г., когда мы сдадим отчет по советско-шведской теме «Биологические основы цветения и стимулирования плодоношения ели», научным руководителем которого от Советского Союза я являюсь, вернусь в «альма-матер» – во Львовский лесотехнический институт, куда меня давно зовут мои бывшие сокурсники. Обещают хорошую квартиру, кафедру дендрологии и древесиноведения. Так что после 1978 г. я не смогу уделять Атласу тканей столько времени, сколько уделял предыдущему Атласу клеток, хотя от участия в его подготовке не отказываюсь».

Конечно, работать над вторым Атласом было уже легче, чем над первым, но и сложностей оказалось немало. Атлас растительных тканей включал в себя 17 глав, в которых были представлены 202 таблицы микрографий и 46 рисунков, текст был изложен на 456 страницах, общий объем издания составил 57 печатных листов. Из 17 глав 15 были подготовлены сотрудниками БИНа, одна глава – лабораторией запасных отложений ИФРа и одна глава – лабораторией цитологии, генетики и селекции древесных растений Института леса Карельского филиала АН СССР. Из общего объема текста сотрудниками ИФР были представлены 17 страниц, а Институтом леса – 46, что составило 3.2 и 10.0% соответственно. Атлас ультраструктуры растительных тканей был опубликован в сентябре 1980 г. На подготовку обоих Атласов и их опубликование ушло почти 12 лет, но именно они принесли научный авторитет нашему Институту и нашей лаборатории, причем использовались они и с учебной целью во многих вузах и, как научно-справочное пособие, в научно-исследовательских учреждениях. Наверно, если бы ничего больше я в своей жизни не достиг, то все равно был бы известен как инициатор, один из авторов и научный редактор этих уникальных для своего времени изданий.

Сотрудничество со шведскими учеными

Уже первые сборники наших работ по селекции сосны и ели (В.И. Ермаков, В.И. Бакшаева), биологии плодоношения и формовому разнообразию сосны в Карелии и на Крайнем Севере (Г.М. Козубов; Г.М. Козубов, Л.Г. Ганюшкина, А.М. Евдокимов), формовому разнообразию осины (Е.М. Марьин) вызвали интерес за рубежом. К нам стали поступать заявки на наши публикации, что тогда случалось довольно редко, а в августе 1965 г. из Москвы пришло письмо, что в конце сентября к нам приедет небольшая, но очень представительная делегация из Швеции в составе академика Карла-Руне Самуэлсона (директора Шведского института повышения продуктивности лесов), профессора Эйнара Андерсона (директора Института лесной генетики) и двух профессоров – Карла Тамма и Эрика Сирена. Предварительно они подготовили программу того, что хотели бы посмотреть у нас. В программе этой было более 10 объектов, причем находящихся на расстоянии около 200 км друг от друга. К тому же это была уже вторая половина сентября, и все три дня, что они были у нас, шел мокрый снег. Директор назначил меня ответственным за прием гостей, а это был вообще мой первый в жизни прием иностранцев, да еще таких именитых в лесной науке. В таксопарке мы заказали две новых «Волги» для разъездов, благо объекты для осмотра были подобраны вблизи дорог, но эти новые машины вымотали из нас все нервы – они ломались по меньшей мере пять раз за два дня поездок. А профессор Э. Андерссон, уезжая домой, даже напел «О, Вольга, Вольга!»...

Однако, несмотря на все эти неполадки, шведы уезжали от нас очень довольными. Все они на север России попали впервые и были рады, что своими глазами увидели наши леса. В 1967 г. в Петрозаводске в Институте леса проводилось Первое Всесоюзное совещание по лесной генетике и селекции, на которое приехало около 200 участников, представляющих 47 вузов, научно-исследовательских институтов и проектных организаций. Из Швеции должны были приехать три человека, двое из которых уже были у нас в 1965 г. Они сообщили, каким рейсом прилетят в Москву, а оттуда поездом приедут к нам, так как летать самолетом из Москвы в Петрозаводск иностранцами тогда не разрешалось. Мы заказали для них гостиницу, но шведов так и не дождалось. Перед самым началом совещания от них пришла телеграмма, что в последний момент им не дали визы и они послали жалобу в Москву, в МИД... Зато к нам приехал

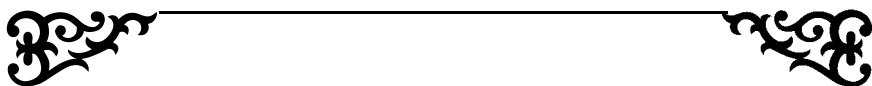
широко известный профессор из Финляндии, бывший директор Финского лесного института Ристо Сарвас. Его очень заинтересовали наши работы и он пообещал, что обязательно пригласит меня в Финляндию для ознакомления с их работой в области биологии плодоношения сосны. Нужно сказать, что слово свое он сдержал и в 1970 г. пригласил меня на две недели к себе. Но шведы в сотрудничестве с нами пошли еще дальше!

В 1972 г. от Шведской группы по сотрудничеству с Советским Союзом в области лесоводства и лесного хозяйства в Госкомлес СССР был представлен Меморандум, в котором предлагалось совместное выполнение исследований по теме «Стимулирование цветения и плодоношения ели». После проведения подготовительной работы в апреле 1974 г. была принята совместная программа исследований, установлен круг исполнителей этой темы и сроки ее исполнения. Окончательно в качестве исполнителей темы со шведской стороны были утверждены Институт лесной генетики Королевской высшей школы и Институт повышения продуктивности лесов Швеции (научные руководители – профессор Г. Эрикссон и академик К.-Р. Самуэлсон). С советской стороны исполнителями темы являлись Институт леса Карельского филиала АН СССР и Латвийский научно-исследовательский институт лесохозяйственных проблем (научный руководитель – д.б.н. Г.М. Козубов). Срок выполнения данной темы (шведы говорили – «проекта») – второй квартал 1973-го – четвертый квартал 1977 г. Совместный отчет составляет советская сторона и передает четыре экземпляра шведским соисполнителям, которые обеспечивают перевод его на английский язык. Позднее было решено представить отчет в виде монографии: часть на русском, часть – на английском языках. Нужно отметить, что практически вся намеченная программа была выполнена обеими сторонами в срок. Впервые были в комплексе изучены биологические проблемы плодоношения ели, в области морфогенеза репродуктивных органов ели, особенности репродуктивных процессов у ели на прививочных семенных плантациях, влияния на них экспериментальной обработки регуляторами роста и механических способов стимулирования цветения. Подобные материалы крайне необходимы при создании высокопродуктивных семенных плантаций ели. Но, к сожалению, продолжения данных работ не было.

В январе 1978 г. я уехал из Петрозаводска во Львов, где был ранее избран профессором кафедры дендрологии и древесиноведения. Э.Я. Ронис, основной исполнитель темы от ЛатНИИЛХПа, вскоре скоростижно скончался, в Швеции ак-

тивно шла перестройка системы высшего образования, в том числе и лесной науки, таким образом, наша проблема осталась «за бортом»... В конце октября 1977 г. я подал на основании полученных в процессе выполнения этой темы материалов докладную записку в Госкомлес СССР с просьбой рассмотреть на специальном совещании проблему создания прививочных лесосеменных плантаций ели, которые в большинстве случаев долгое время упорно не плодоносили. Такое совещание в рамках Координационного совета по лесной генетике, селекции и семеноводству состоялось в середине декабря 1977 г. На нем разгорелась обширная дискуссия, результатом которой было решение о сокращении площадей ежегодной закладки весьма дорогостоящих плантаций ели, пока не будут разработаны методы устойчивого стимулирования ее плодоношения. Отчет был сдан, работа над Атласом тканей пошла, и я мог, хотя и с печалью в душе, распрощаться с Институтом леса, Петрозаводском и со столь милой для меня Карелией, которая еще долго будет мне сниться... В этом краю лесов, озер и скал я стал ученым, узнал успех и разочарование в жизни... Эти 20 лет в Карелии стали, пожалуй, самыми продуктивными в моей научной деятельности.

КРАТКОВРЕМЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В «АЛЬМА-МАТЕР»

Как уже было сказано ранее, я решил может быть временно, но все же вернуться в Львовский лесотехнический институт, куда меня настойчиво звали мои коллеги, с которыми я расстался в июне 1953 г., т.е. 25 лет назад. За два с половиной месяца до переезда я пришел к выводу, что следует все же предварительно узнать, куда же несет меня мой рок событий, тем более что четверть века – срок немалый, а заодно встретиться с ректором института д.т.н., профессором Арсением Ивановичем Яцюком, поговорить с его заместителем по учебной части доцентом Юрием Федоровичем Осипенко, бывшим моим сокурсником, который особенно настойчиво приглашал меня вернуться в альма-матер уже в новом качестве. За те 25 лет, что прошли после нашего выпуска, я ни с кем из своих коллег практически ни разу не встречался. Юрий Федорович после окончания института остался в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию и вот уже более 10 лет был в институте вторым лицом, а по ряду вопросов и первым.

По вопросу длительности работы в одном и том же учебном, научном, производственном учреждении или организации существуют две точки зрения: по одной считается похвальным пожизненная работа на одном и том же месте (одна запись в трудовой книжке – от поступления до выхода на пенсию), вторая же отдает предпочтение периодической смене места работы, что расширяет эрудицию ученого, его кругозор и методические подходы в исследованиях.

В конце 60-х гг. XX века мне довелось слушать выступление выдающегося отечественного биолога, академика Владимира Александровича Энгельгардта в Институте молекулярной биологии, которое он сделал вскоре после вручения ему Золотой медали им. М.В. Ломоносова на общем собрании Академии наук СССР. В этом выступлении Владимир Александрович обратил внимание молодых ученых на правильный выбор научного направления и на продуктивность своих работ в той или

иной отрасли знаний. По его словам, ученому полезно каждые десять лет менять направление своих исследований, ибо за этот срок он сделает в науке все, что может сделать по данному направлению. Если же за десять лет его исследования мало что дали, то тем более уже ничего полезного он не сделает. Я вполне с этим согласен, ведь наука сродни музыке, и если у кого-то нет музыкального слуха, то он и через десять лет будет подобен человеку, про которого говорят «медведь на ухо наступил». Русская наука всегда славилась высокой интеллигентностью своих представителей, а главное, склонностью к обобщению полученных материалов, глубокому анализу, разработке теоретических положений и выводу новых закономерностей. К сожалению, с 70-80-х гг. вначале постепенно, затем все убыстряющимися темпами началась девальвация ученых степеней и званий, достигнув апогея в 1990-2005 г., причем одновременно возрос поток уезжающих за рубеж ученых, в основном молодых докторов наук...

За 25 лет хозяйство Львовского лесотехнического института в значительной степени разрослось: были построены 10-этажный учебный корпус, комплекс пятиэтажных общежитий, четырехэтажное здание военной кафедры, три блока столовых, на месте старых заброшенных карьеров был разбит большой парк, на территории которого находились три пруда. Институту принадлежала база отдыха на Черном море, учебная база на Шацких озерах в Волынской области, Ивано-Франковский опытно-производственный (Яновский) лесхоззаг с большим дендрарием. Контингент студентов за это время увеличился в три раза, количество преподавателей достигло 400 человек. Что меня очень удивило – в 1953 г. в их числе было 14 докторов наук, в 1977-м – 15... Из моих сокурсников в институте осталось работать шесть человек, трое из них имели ученую степень кандидата наук. В мой первый приезд я встретился с ректором института д.т.н., профессором А.И. Яцюком. Он уверил меня, что примет все меры для обеспечения мне условий для нормальной работы – через два-три месяца будет предоставлена новая квартира, в последующем – выборы зав. кафедрой дендрологии и древесиноведения, где у меня нет конкурентов. После приезда мне будут выплачены подъемные. Обещания были очень привлекательными, но на деле все оказалось далеко не так...

Приехал я во Львов 14 января 1978 г. около семи часов вечера. На перроне меня встречали человек 15 моих бывших и будущих коллег на четырех автомашинах. Поселили меня в гостевой квартире для важных персон с холлом около 40 кв. м,

кухней, ванной и туалетом, входная лестница и полы были из старинного дуба, потолки пятиметровой высоты. Дом был построен еще в конце XIX в. На глубине четырех-пяти метров под домом протекал подземный ручей и когда мимо проезжал автобус или тяжелый грузовик, дрожал весь дом, но его стены были из крепкого обожженного кирпича, толщиной более метра. В соседней комнате временно проживал новый завотделом Обкома партии, которому вот уже почти полгода ремонтируют пятикомнатную квартиру в центре города, в доме стиля «модерн», построенном еще в 1936 г. Через какое-то время мы с ним подружились и он обещал мне содействие в скором получении квартиры. Пока его квартира ремонтировалась, он жил во Львове один и вечером был не прочь расслабиться и немного выпить. Он рассказал мне много интересного о жизни высших слоев Львовского общества. Первым секретарем Львовского обкома КПСС в то время был Виктор Федорович Добрик, который имел довольно близкие отношения с Леонидом Ильичом Брежневым. На XXVI съезде КПСС (1981 г.) он сидел в президиуме рядом с ним. Львовская область хорошо снабжалась продуктами и товарами, в ней интенсивно велось промышленное и жилищное строительство. Виктор Федорович часто приезжал в Лесотехнический институт – дачный поселок Обкома партии находился на территории учлесхозага института. Обычно к его приезду наши озеленители готовили какое-нибудь оригинальное цветочное панно. В целом можно сказать, что к нашему институту у областных партийных органов сложилось доброжелательное отношение, что, безусловно, положительно сказывалось на его имидже в городе.

Когда я познакомился с кафедрой дендрологии и древесиноведения, то убедился, что попал в довольно сложное положение. На кафедре работало свыше 30 преподавателей, из них только один доктор наук. Преподавание велось по десяти дисциплинам, имелась хоздоговорная группа. Более-менее хорошо были оборудованы лаборатории древесиноведения и дендрологии, наиболее убого выглядела лаборатория физиологии древесных растений, в которой имелись только аптечные чашечные весы и десятка полтора практически непригодных к работе учебных микроскопов, некоторые даже без набора объективов и окуляров. А именно физиологию древесных растений мне необходимо было вести по сложившемуся уже распределению дисциплин среди коллектива преподавателей. К моему счастью, физиологией древесных растений увлекся старший преподаватель, кандидат сельскохозяйственных наук Григорий Томко-

вич Криницкий, который защищал диссертацию по лесоводству, но в душе был исследователем широкого профиля, отдававшим науке все свои силы и время. Несмотря на свое внешне несколько астеническое телосложение, это был смелый и выносливый человек, который в одиночку работал в сосновых насаждениях 70-80-летнего возраста, высота которых достигала 35-40 метров и более, причем подниматься ему приходилось почти до самой вершины кроны, где он устанавливал изоляторы для контролируемого опыления. С его помощью мы добились выделения под лабораторию физиологии отдельного дома на территории парка невдалеке от административного корпуса, проведения в нем ремонта, установки вытяжки и затемнения в кабинетах. В течение двух лет были приобретены и установлены импортные климатокамеры и газоанализаторы, спектрофотометры, аналитические весы, получены новые световые микроскопы и через два-три года в нашу лабораторию физиологии древесных растений не стыдно было привести любую делегацию – как наших ученых, так и зарубежных.

Хуже обстояли дела с моим служебным устройством. Во-первых, зарплата доктора наук, не имеющего аттестата профессора, в вузах в то время была равна оплате труда доцента. Во-вторых, пере выборы заведующего кафедрой должны были состояться не в конце 1978 г., а на два года позже. Правда, квартиру я вскоре получил, а разницу в зарплате мне компенсировали, включив в число исполнителей хоздоговорной темы. Кроме физиологии мне «привесили» еще лесную генетику и селекцию. К сожалению, на кафедре не оказалось даже развернутой программы курса по физиологии растений, и мне пришлось готовить конспекты по каждому разделу, которые впоследствии очень помогли, так как весной 1979 г. меня в порядке исключения представили к ученому званию профессора после одного года работы и в сентябре того же года ВАК присвоил мне это звание, но предварительно запросил конспект лекций, разработанный мною. Я перепечатал свои конспекты, несколько подредактировав их, и больше никаких вопросов ко мне не возникало. После утверждения в ВАКе я стал полноправным профессором с соответствующей зарплатой.

Не знаю почему, но стоит мне где-либо появиться, как тут же на меня сваливается какая-нибудь общественная работа. В школе я два года избирался председателем пионерской дружины класса (четвертого и пятого). В институте через три месяца после поступления был избран в бюро факультетской комсомольской организации, а затем до окончания учебы – предсе-

дателем студенческой профсоюзной организации факультета. Через полгода после поступления на работу в Судайский леспромхоз меня избрали секретарем парторганизации, а затем замполитом директора леспромхоза. В Карельском филиале АН СССР я несколько раз избирался секретарем партбюро Института леса, в течение четырех лет был председателем профкома филиала. Не избежал я чаши сей и во Львове. Через несколько месяцев я уже был избран секретарем парторганизации факультета, в которой насчитывалось более 150 членов партии. Характерно, что когда я там же вступал в члены КПСС в 1950 г., на факультете насчитывалось 25 членов партии, из них менее половины – студенты. В 1978 г. было уже более 100 студентов – членов КПСС, причем подавляющее большинство из них вступало в партию во время службы в армии.

Не секрет, что уже в то время (конец 70-х годов прошлого века) за поступление в вуз нужно было заплатить определенную сумму. Существовала даже нелегальная такса оплаты: самым дорогим был мединститут (10-12 тыс. рублей), затем шел торгово-экономический (9-10 тыс. рублей) и т.д., в зависимости от перспективности доходов после получения диплома. Наш лесхозфакультет «стоил» от трех до пяти тысяч рублей. Прошедшие службу в армии шли вне конкурса, а члены партии – со стопроцентной гарантией поступления. Поэтому многие здоровые ребята предпочитали идти после окончания школы на два года в армию, там вступить в партию, что приветствовалось военным командованием, а затем уже шагать в вуз «под зеленый свет». Отслужившие в армии получали места в общежитиях вне очереди и исключать из вуза за неуспеваемость члена партии было намного сложнее, чем беспартийного.

В тот период, когда я приехал во Львов, во всех вузах Украины началась активная борьба за управление качеством обучения. При этом трем вузам республики, в том числе и Львовскому лесотехническому институту, было поручено разработать Положение об управлении качеством обучения начиная от приема абитуриентов и заканчивая сопровождением вузами своих выпускников на производстве. В Положении должны были быть отражены все стороны деятельности вузов. Мне сразу же была поручена разработка разделов Положения об аспирантуре, стажерах, докторантуре и статусе Диссертационных советов. Каждые две недели ректор собирал составителей у себя, где обсуждался ход работы над Положением. По его убеждению, это поручение Минобразования Украины являлось делом чести вуза. Все составители на время подготовки Положения освобожда-

лись, по их желанию, от чтения лекций, которые вместо них читали другие сотрудники кафедр. На эту работу у нас ушел почти год. Проект Постановления состоял из 42 томов и должен был быть представлен в Минвуз в четырех экземплярах. Доставить сей труд было поручено проректору по науке и заведующему учебной частью. Провожали их как космонавтов – на двух легковых автомашинах: в одной 168 экземпляров увесистых томов, в другой – сопровождающие лица.

Наша «экспедиция» прибыла в Киев уже к концу дня. Министр, как увидел, что в его кабинет вносят гору томов, тут же распорядился сложить их пока в углу приемной, а потом решить – кому в Министерстве их передать. Нашим сопровождающим он посоветовал ехать во Львов, а когда Положение будут рассматривать, то их вызовут в Киев. Так прошел месяц, второй, но никаких вестей из Минвуза не поступало. Наконец, ректор не выдержал и позвонил министру – узнать, как там воспринят наш эпохальный труд. Тот пообещал на днях сообщить, у кого там в Киеве находится наш проект Положения по управлению качеством обучения. Но никто ничего не знал – все 168 томов таинственно исчезли. В Киев срочно выехал наш проректор по науке, в течение нескольких дней обошел все кабинеты министерства, но нигде ничего не нашел. В конце концов решили допросить уборщиц и тут выяснилось, что в том углу, куда сложили наше Положение, обычно собирали к выносу макулатуру. В то время шла борьба за сбор макулатуры, так как за нее платили и можно было приобрести дефицитные книги. Увидя такую гору «макулатуры», уборщица с утра пораньше вызвала машину из пункта сбора вторсырья и благополучно сдала наш проект туда, где никто не интересовался его содержанием. Когда этот казус стал известен ректору, его чуть не хватил инфаркт. У нас в институте имелось еще два экземпляра этого труда, но как оказалось, никто, кроме нас, этого задания не выполнил.

Еще интереснее оказались последствия этой кампании управления качеством обучения, когда в Минвузе у кого-то из сотрудников возникла идея попутно проверить знания и подготовку самих преподавателей. Опять-таки были выбраны три вуза: один в Киеве, другой – в Днепропетровске, а третий окажется в Тернополе, где преподавателям были устроены экзамены по тем предметам, которые они вели в вузах. Билеты для экзаменов были взяты на их же кафедрах. Результаты были, как говорится, убийственными (они были опубликованы в нескольких газетах): на все вопросы в билетах не ответил ни один

преподаватель. Около половины проэкзаменованных получили двойки, пятерок не было ни одной, основная оценка – тройка... Когда шел разбор результатов этой кампании, было отмечено, что некоторые вопросы были действительно сложными, но ведь все билеты составляли сами преподаватели. По всей вероятности, подобные вопросы служили в роли «крючка», попав на который, студенту пришлось бы внести «откупные». Вообще все преподаватели друг друга хорошо знали и в случае прокола «штрафные суммы» часто проходили через вторых-третьих лиц. Несмотря на неоднократные случаи судебного финала подобных комбинаций, взятки в институтах процветали.

Чаще всего судом заканчивались подобные дела в тех случаях, когда возникали внутренние конфликты. Практически у каждой группировки всегда была своя «крыша»: в милиции, прокуратуре либо в суде, реже во властных структурах. В первое время ко мне никто не обращался с просьбами посодействовать в приеме каких-либо экзаменов или при поступлении в институт. Но на второй год, когда меня включили в состав приемной комиссии, ко мне стали заходить некоторые из бывших сокурсников с предложениями посидеть в ресторане, вспомнить дни нашей молодости, или с каким-либо сувениром, например, инкрустированной гуцульской шкатулкой, которая стоила в магазине примерно столько же, сколько и цветной телевизор, другие, попроще, прямо приносили конверт с просьбой передать «кому нужно» для поступления его чада в институт. Приходилось скрываться от них дома, но и туда проникали всевозможные «друзья моей молодости». Некоторые просили свести их с людьми, которые могут выступить в качестве посредника, к тому же кое-кто сам предлагал себя в качестве «менеджера», как теперь говорят. Я категорически отказывался от таких предложений и подношений, так как понимал, что уступи я друзьям в их просьбе пару раз, потом отбоя не будет, а сам из друга превратишься во врага.

Однажды я пришел на работу немного раньше обычного. В проходной справился, не брал ли кто до меня ключ. Вахтер сказал, что ключ от кафедры взял недавно наш сотрудник. Я поднялся в свой кабинет, разделся, открыл ящик стола и... обнаружил увесистый конверт. Позвав сотрудника, я заставил его забрать этот конверт и предупредил, чтобы он передал своим «друзьям», что в следующий раз я вызову милицию, потребовав проведения расследования – каким путем подобные конверты появляются в служебных помещениях. Я, конечно, сразу же понял, кто был «почтальоном», так как ключ от кафедры

могли взять только два человека и вахтер подробно описал одного из них, от которого я как раз никак не ожидал подобного «подарка».

Через некоторое время ко мне пришел староста одной из групп и сообщил, что на днях у них принимал экзамены один из наших преподавателей, который потребовал, чтобы староста собрал со всех студентов по 25 рублей. Такие же условия успешной сдачи экзамена наш «наставник молодежи» выдвинул также старостам двух других групп. Подобные слухи доходили до меня и ранее. Я пошел к проректору Ю.Ф. Осипенко и спросил, что он посоветует мне делать в данном случае. Сложность была в том, что этот преподаватель был инвалидом войны – у него были ампутированы ступни ног и кисти рук. Его не раз предупреждали, что передадут дело на него в следственные органы. Юрий Федорович предложил поговорить с подозреваемым. Тот не отрицал поступивших на него жалоб и пообещал найти общий язык со старостами групп, но ссылался на то, что они ничего не знают и ему приходится затрачивать время на дополнительные занятия с ними. Он пообещал впредь не подводить коллектив кафедры.

Прошло недели две и ко мне пришел наш старший лаборант кафедры и попросил принять экзамен по дендрологии у его земляка из Закарпатья, так как он уже переходит на пятый курс заочного факультета и до сих пор имеет «хвост» по этому предмету еще со второго курса. Накануне вышло постановление, что повторный экзамен у заочников должны принимать преподаватель и завкафедрой. Я согласился, но предупредил, что если студент не готов, то пусть лучше придет позднее. Где-то через полчаса на кафедре появился этот студент на пересдачу экзамена в сопровождении преподавателя, с которым я имел недавно беседу. Я взял у него разрешение на пересдачу экзамена, разложил билеты, из которых он вытащил «счастливый». Отвечал он хорошо и я бы поставил ему четверку, если бы он не пересдавал этот экзамен в третий раз. Я заполнил зачетную книжку, расписался в ней и передал для подписи второму экзаменатору, а сам вышел в соседний кабинет.

Когда я через несколько минут вернулся, то в кабинете уже никого не было, и мой плащ лежал на стуле не так, как я оставил его. Я тут же засунул руку во внутренний карман плаща и обнаружил там две сотенные купюры. Выскочив в коридор, я тут же позвал старшего лаборанта и сказал ему: «Если ты сейчас же не приведешь своего земляка ко мне, то я гарантирую, что завтра его в институте уже не будет. Догони его и

вернись вместе с ним». Испуганного лаборанта как ветром сдуло и через пять минут он и его земляк уже входили в мой кабинет. Я сразу же сказал студенту: «Тебе что, надоело учиться в институте? Так я могу завтра же избавить тебя от этого труда». Вытащив из кармана плаща злополучные купюры, я просил его: «Зачем ты это сделал?». Глаза у него забегали и он ответил: «Я не хотел, но ваш преподаватель сказал мне, что нужно поблагодарить Вас за экзамен. Я сказал, что профессор взятки не берет, но он настоял и добавил, что мне еще диплом писать на нашей кафедре... Я отдал все, что у меня было в кошельке». Я вернул ему деньги и послал его по всем известному адресу – больше сдерживать себя я уже не мог...

Прошло уже четыре года, как я приехал во Львов, и все вроде бы складывалось благополучно, но в коллективе чувствовалось какое-то брожение, как, пожалуй, и вообще в городе. Осенью 1981 г. неожиданно покончил с собой известный на Украине композитор Иванчук, который написал имевшую большой успех песню «Червона рута». На его похороны собралась толпа в несколько тысяч человек, преимущественно студентов. Как всегда в Западной Украине в смерти композитора обвинили КГБ. Начались беспорядки, что привело к аресту некоторой части митингующих. Оказались арестованными и несколько наших студентов, часть из них сразу же была отчислена из института.

Должен сказать, что во время работы во Львове отношение ко мне со стороны студентов и преподавателей было благожелательным и кое-что мне сообщали по «закрытой связи». Так я узнал, что в нашем общежитии имеется зал для выполнения домашних заданий, курсовых и дипломных проектов. Но студентов туда практически не пускают, а начиная с 11 часов вечера и до шести утра в нем работают какие-то темные личности, туда через черный ход приходят какие-то люди, так что вахтеры вроде бы ничего не знают. Этот разговор возник после заседания партбюро. Было около девяти вечера и компьютерный зал должен был работать. Я, декан факультета, мой заместитель и еще один член парткома, который присутствовал на заседании партбюро, пошли в общежитие, чтобы выяснить, что же в действительности делается в это время в компьютерном зале. За ключом от зала послали к вахтеру председателя студкома. Он быстро вернулся и сообщил, что ключ ему не дают. Тогда мы все пошли к дежурному и потребовали открыть зал, на что он ответил, что ему запрещено давать кому-либо ключ от зала, так как там есть какие-то неисправности. Тут предста-

витель парткома в грозных тонах сообщил вахтеру, что если тот не понимает, что перед ним декан факультета, секретарь партбюро, член парткома института и сейчас же не выдаст нам ключ, то мы взломаем дверь и за все, что в зале в данный момент происходит, отвечать будет вахтер. Угроза подействовала, вахтер отдал ключ, но с нами не пошел, объяснив это тем, что должен охранять вход в общежитие, добавив, что в зал он вообще не заходил, а не выдавать никому ключ от зала распорядилась комендант общежития.

Когда мы вошли в зал, то потеряли дар речи: на компьютерных столах в консервных банках находились груды окурков, по углам комнаты и под столами стояли батареи пустых пивных бутылок, в шкафах были набросаны грязные халаты. Дух стоял, как в пивном баре. Сгоряча мы хотели позвонить Ю.Ф. Осипенко, который часто задерживался по вечерам в своем кабинете и жил недалеко от института, и составить акт о состоянии компьютерного зала. Тут вмешался декан и попросил отложить этот разговор до утра, причем он сказал, что забирает ключ с собой, а к 10 утра постарается договориться с Осипенко, чтобы он принял нас в это время. Вахтеру он дал расписку и забрал ключ с собой. Утром все собрались у Осипенко, декан уже был там. Я рассказал Юрию Федоровичу о том, что мы застали вчера в компьютерном зале и по его реакции понял, что декан уже проинформировал его и к утру в зале была проведена уборка. Что касается студентов, то их стали пускать в зал с 19 до 22 часов, а с 23 часов продолжалась нелегальная эксплуатация компьютеров. Декан также сообщил мне негласно – этой «артелью» командует сам Осипенко...

Через некоторое время до меня дошли «секретные сведения», что, очевидно, вскоре А.И. Яцюка от поста ректора освободят, а с ним, возможно, и Ю.Ф. Осипенко. Я понял, что мне лучше уезжать из Львова, тамошний климат был для меня «непригоден». К тому же, когда начинаются такие вот передряги, то основное время уходит на разбирательство дрязг, а не на работу, да и подобные разборки без крови обычно во Львове не разрешались. Мои намерения о возможном смене места работы каким-то образом дошли до Обкома и меня предупредили, что Обком скорее всего будет возражать против моего перехода на другое место работы. Об этом я расскажу несколько позднее. Забегая вперед, скажу только, что в этот раз моя интуиция меня не подвела. Через некоторое время я все же добился разрешения Обкома КПСС на мой переезд на Север. К этому времени А.И. Яцюка от обязанностей ректора освободи-

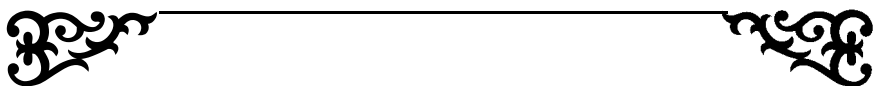
ли. Он очень переживал это и через полтора-два года скончался от инфаркта. Ю.Ф. Осипенко вскоре перешел на мое место, т.е. на заведование кафедрой дендрологии и древесиноведения. Менее чем через год, 21 июня 1983 г., он ехал поездом из Киева во Львов от дочери, которая жила в столице Украины, а ее муж был ответственным сотрудником КГБ (отец у Юрия Федоровича был генералом КГБ в отставке) и около Тернополя в четыре часа утра выбросился из вагона под встречный поезд. Опознать то, что от него осталось, было нельзя, единственное, что более-менее сохранилось, это голова, которую нашли в нескольких десятках метров от места трагедии. Версия о его самоубийстве довольно долго оспаривалась, но потом дело «спустили на тормозах».

Вот такими трагическими событиями сопровождался мой уход из Львовского лесотехнического института, который дался мне с большим трудом. Вначале меня вызвали в Обком партии к заведующему отделом науки и высшего образования. Там со мной довольно долго беседовал завотделом, выпускник нашего факультета В.А. Кучерявый. Он интересовался моими впечатлениями об институте, как меня устроили и нет ли каких-либо бытовых пожеланий. Я ответил, что никаких претензий у меня нет, но все же я научный работник и у меня был расчет на совмещение преподавательской работы с научной, но за четыре года я убедился, что вряд ли мне это удастся при существующих обстоятельствах. Еще я сослался на климат, который переносил тяжело, тем более, что за 20 лет работы на Севере уже адаптировался к тем условиям, что мне все же уже 54 года и в таком возрасте трудно перестроить свой организм. Короче говоря, он вроде бы во многом со мной согласился и в заключение сказал: «Вы ведь член партии с большим опытом организации ответственной работы, так что пусть окончательное решение принимает партком института». Я понял, что он оставил для себя возможность маневра при окончательном решении. Честно говоря, я и не думал, что моя персона так заинтересует Обком. Теперь осталось ждать заседания парткома. Для себя я уже принял твердое решение, отступить от которого не собирался.

Наконец, в мае 1982 г. собрался партком по ряду вопросов, в том числе и по обсуждению моего заявления о переходе на работу в Институт биологии Коми филиала АН СССР. Вообще я был в хороших отношениях с нашим секретарем парткома В.Д. Бондаренко. Накануне заседания нам сообщили, что на нем будет присутствовать инструктор Обкома, у которого зада-

ние – отказать мне в переезде в Сыктывкар, где я с 1968 г. был научным консультантом. Но в это время как раз вышло постановление о развитии науки в стране, в котором указывалось, что необходимо укреплять научные кадры в отдаленных регионах, в том числе и на Севере. Мое выступление решено было построить именно на этом, а Бондаренко и несколько членов парткома выступят в мою поддержку. Такого отпора наш оппонент не ожидал и растерялся, а Бондаренко тут же поставил мое заявление на голосование и оно прошло, получив поддержку 70 с лишним процентов членов парткома. Обычно наш партком всегда ждал – что предложит ректор, но в данный момент его на заседании уже не было.

СЕВЕР – ЭТО НАДОЛГО

Иногда неожиданная встреча надолго впоследствии определяет судьбу человека. В декабре 1967 г. в Петрозаводске, как я уже ранее упоминал, проходило Первое Всесоюзное совещание по лесной генетике, селекции и семеноводству, на которое прибыло много участников из различных регионов Советского Союза. При регистрации ко мне подошел молодой человек и попросил ознакомить его с нашими исследованиями и используемым научным оборудованием. Я предложил ему задержаться после совещания на два-три дня. Он сообщил, что приехал из Республики Коми, г. Сыктывкар, где работает в Институте биологии Коми филиала АН СССР, проводит исследования в области биологии плодоношения хвойных пород – сосны обыкновенной и ели сибирской. Зовут его Вячеслав Александрович Артемов. Ознакомившись с нашими публикациями по цитоэмбриологии хвойных растений на Крайнем Севере, он приехал в Петрозаводск с предложением от дирекции Института биологии взять на себя руководство подобными исследованиями в Республике Коми в качестве научного консультанта. Я сказал, что с удовольствием приеду в Сыктывкар, если расходы по командировке оплатит Институт биологии Коми филиала АН СССР, познакомлюсь с проводимыми там исследованиями, и тогда можно будет вести конкретный разговор о научном сотрудничестве.

После осмотра нашей лаборатории и имеющегося в ней оборудования, побеседовав в течение двух часов с В.А. Артемовым, я убедился, что имею дело с высокоэрудированным специалистом, хорошо знающим современную научную литературу и искренне увлеченным своими исследованиями. Мы договорились, что на следующий день я подготовлю письмо на имя Ии Васильевны Забоевой (директора Института биологии), в котором изложу свои мысли о возможном научном сотрудничестве. Если наша переписка будет плодотворной, то я смогу приехать в Сыктывкар в середине января будущего года. Через две недели мне позвонил председатель Карельского филиала АН

СССР профессор Николай Иванович Пьявченко и сообщил, что на его имя поступило письмо из Сыктывкара от И.В. Забоевой, в котором она просила командировать меня в их Институт для переговоров о проведении совместных исследований по биологии плодоношения хвойных растений на Севере. В конце разговора Николай Иванович предложил мне лететь в Сыктывкар вместе с ним, так как 18-19 января 1968 г. в Сыктывкаре будет проходить выездное заседание комиссии Президиума АН СССР и он летит туда для участия в этом заседании. Там нас будут встречать в аэропорту на машине и сразу отвезут в гостиницу, где нам уже забронированы два одноместных номера.

В то время в Сыктывкар из Петрозаводска ежедневно летал самолет АН-24 с промежуточной посадкой в Архангельске. Около полудня мы с Николаем Ивановичем вылетели из Петрозаводска и к пяти вечера уже были в Сыктывкаре. Там нас встретил В.А. Артемов на новой «Волге» и мы поехали в гостиницу «Центральная». Там нас быстро оформили и Николая Ивановича сразу же увезли в филиал, где уже начала заседать комиссия из АН СССР. В.А. Артемов в первую очередь передал мне извинения от Ии Васильевны, которая тоже заседала на высокой комиссии, но на следующий день обещала обязательно встретиться со мной. На улице был довольно кусачий мороз и я вернулся в гостиницу, договорившись с Артемовым о планах на завтрашний день. Подходя к гостинице, я встретил Юю Васильевну, с которой мы тепло поздоровались, и она сообщила мне, что сейчас будет продолжение заседания комиссии на первом этаже гостиницы и что Владислав Павлович Подоплелов (профессор, председатель Президиума Коми филиала АН СССР) и она приглашают меня принять участие в этом мероприятии. Там я быстро отогрелся, познакомился с руководством Коми филиала. Мои общие впечатления о первом дне пребывания в Сыктывкаре были вполне положительными.

На второй день, как только стало рассветать, я отправился прогуляться по городу, не особенно удаляясь от его центра. При дневном свете в это пасмурное утро Сыктывкар выглядел довольно убого и напомнил мне Петрозаводск 10-12-летней давности. Особенно умилял деревянный базарчик, расположившийся прямо под окнами гостиницы «Центральная». По мере приближения часовой стрелки к девяти часам улицы в центре города быстро заполнялись весьма неплохо одетым служилым людом. Обращало на себя внимание наличие в городе многочисленного контингента летчиков гражданской авиации. Магазины в Сыктывкаре выгодно отличались от петрозаводских

обилием ассортимента продовольственных и промышленных товаров. На улицах наблюдалось значительное количество молодежи, по всей вероятности, студентов. Коми автономная республика являлась самыми крупным лесным регионом на европейском Севере – ее лесной фонд достигал 40 млн. га, из которых около 30 млн. было покрыто лесом. В недрах республики имелись большие запасы каменного угля, нефти, природного газа, бокситов, титановых руд и других полезных ископаемых. Все это обеспечивало неплохие перспективы экономического роста этого северного региона страны. Перед поездкой в Сыктывкар я ознакомился с некоторой справочной литературой по Коми краю.

При встрече с И.В. Забоевой была достигнута договоренность, что я окажу помощь в составлении программы работ по изучению цитоэмбриологических особенностей в репродуктивной сфере сосны и ели, разработке методики экспериментальных работ и обобщении полученных материалов, с периодической стажировкой в Институте леса Карельского филиала АН СССР. Следует отметить, что до моего переезда в 1978 г. во Львов практически ежегодно или я приезжал в Сыктывкар, или В.А. Артемов – в Петрозаводск. К этому времени в очную аспирантуру Коми филиала АН СССР поступила Вера Евгеньевна Богомолова, целью работ которой было изучение особенностей нуклеинового обмена в вегетативных и генеративных органах ели сибирской. Ее руководителем попросили быть меня, но отсутствие необходимого сложного оборудования в Сыктывкаре обусловило ее прикомандирование к лаборатории биохимии нуклеиновых кислот в МГУ. При этом для сбора материала ей приходилось летать в Сыктывкар, там в лесу брать образцы побегов ели, затем фиксировать материал и возвращаться обратно в Москву для его изучения. Однажды во время сбора образцов, а для этого нужно было забраться в крону ели, под ней подломился сук и она упала с порядочной высоты, сломав ногу, что вызывало задержку в ее работе на несколько месяцев. В конечном результате она все же успешно защитила в 1982 г. в Свердловске диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

Вообще, полеты с высоты – удел многих ученых и аспирантов, занимающихся дендрофизиологией. В 1977 г. опять-таки с ели летел мой аспирант Анатолий Яковлев. На его счастье, в это время в лесу был глубокий снег. В 1980 г. вместе со столбом с 10-метровой высоты свалился В.А. Артемов, получивший в результате травму позвоночника. В 1990 г. (если память мне не

изменяет) с сосны при взятии образцов почек совершил полет еще один мой аспирант – М. Сурсо. Результат – перелом руки и двухмесячное лечение. Иногда страх высоты неожиданно охватывает даже опытных «древолозов». Так, однажды один из наших «высотников» поднялся в крону плюсового дерева для срезки черенков на высоту около 25 метров (высота восьмиэтажного дома). Он срезал ветви, бросил их вниз, но сам сдвигаться с места для спуска не смог – обхватил дерево руками и словно прилип к нему. Как мы его ни уговаривали – ничего не помогало. На беду еще поднялся ветер и кроны деревьев стали плавно раскачиваться из стороны в сторону. У нас был только один комплект подъемного устройства, которое вместе с «высотником» было в кроне дерева. Как мы ни стыдили его, используя весь доступный нам запас богатого на сильные выражения русского языка (благо, с нами не было дам), только через час «великого сидения» в кроне наш герой вдруг зашевелился и медленно пополз вниз по стволу. Дело было в апреле, в лесу еще лежал снег и мы уже начали замерзать. «Острая физиологическая необходимость» заставила бедолагу спуститься с дерева более эффективно, чем все наши словесные изыски.

Совсем уж анекдотичный случай произошел с одним из членов нашего полевого отряда при установке восьмиметрового «чехла» на сосну для подкормки дерева углекислым газом. Между прочим, наш опыт вскоре использовали финны и шведы для подкормки сеянцев березы повислой в пленочной теплице. Полдня у нас ушло на склейку этого чехла из больших кусков полиэтиленовой пленки для надевания его на каркас из тонких сосновых жердей, которые были установлены в виде шатра вокруг дерева. Вверху их изогнули и все вершинки были связаны крепкой капроновой веревкой. Затем мы выбрали самого легкого из нас для работы на высоте. Рядом с шатром была установлена восьмиметровая передвижная лестница на растяжках, и когда чехол был уже готов, то верхолаза отправили на верхушку шатра. На всякий случай, если где-то там придется разрезать веревку, я на пояс прикрепил ему охотничий нож в ножнах. Чехол привязали за веревку, конец которой передали верховому, и сказали ему, чтобы он подтянул к верхушке шатра чехол и потом осторожно, чтобы не порвать, стал его надевать на шатер. Ветра не было и мы радовались, что все идет по плану. У основания чехла были привязаны четыре веревки, чтобы координировать надевание его на шатер. Когда чехол был надет больше чем наполовину, начались резкие порывы ветра, которые мгновенно надули его и он пополз вверх.

Как на беду, наш монтажник выпустил из рук конец каната, привязанного к верхушке чехла. Сверху раздался дрожащий голос: «Я кажется лечу!». Я глянул вверх и увидел, что бедный «верховой» висит, держась за боковой канат, чехол ползет вверх и достаточно сильного порыва ветра, чтобы он поднялся выше кроны дерева и это мог быть последний полет нашего сотрудника... Тут я вспомнил о ноже и закричал: «Режь чехол! Выпускай из него воздух!». Он быстро сообразил, что нужно делать и наш «воздушный шар» плавно пошел вниз. Полет закончился благополучно, но участникам эксперимента пришлось выдать «успокоительную микстуру»...

За время с 1968 по 1977 г. я имел возможность сдружиться с коллективом лаборатории лесоведения и лесоводства, познакомился с общей обстановкой в Институте биологии, у меня сложились доброжелательные отношения с его директором Ией Васильевной Забоевой, которая отличалась спокойной рассудительностью, быстро принимала решения в сложных случаях и была высокоэрудированным специалистом. Мы с ней, а затем и с Владиславом Павловичем, договорились о создании в Институте Отдела лесобиологических проблем Севера, который впоследствии мог перерасти в Институт лесобиологических проблем. В 1981 г. я приезжал в Сыктывкар на IX симпозиум «Биологические проблемы Севера». Предварительно Ия Васильевна направила в командировку во Львов В.Е. Богомолу для консультации по материалам ее кандидатской диссертации, а также приглашения меня на этот симпозиум для обсуждения с ней и В.П. Подоплеловым вопроса о моем возможном переходе на работу в Институт биологии Коми филиала АН СССР. К этому времени обстановка во Львовском лесотехническом институте значительно обострилась, о чем я уже писал ранее. К тому же квартиру я мог забронировать на длительный срок. Меня в то время приглашали в Воронеж, Красноярск, в биологический комплекс АН СССР под Москвой, но на мое решение перейти все же в Сыктывкар повлияли следующие факторы:

– это северный регион, но в Европейской части Союза, сравнительно недалеко от Москвы и Ленинграда;

– установившиеся доброжелательные отношения с «лесниками» – сотрудниками Института, а также с его дирекцией и Президиумом филиала;

– наличие специалистов по близкому мне профилю исследований репродуктивной сферы хвойных растений, а также необходимого набора приборов и кабинета электронной микроскопии;

– многолетние научные связи с соседними учреждениями АН СССР в Москве, Ленинграде, Архангельске, на Кольском полуострове;

– возможность бронирования квартиры и использования ее в летний период как «базы отдыха».

Организация Отдела лесобиологических проблем Севера

В конце мая я подал необходимые документы для участия в конкурсе на замещение должности заведующего Отделом лесобиологических проблем Севера в Институте биологии Коми филиала АН СССР, а с 10 июля 1982 г. был зачислен в штат Института в данной должности. Согласно предварительной договоренности с руководством филиала и Института, в составе отдела были образованы три лаборатории: лаборатория экологии и физиологии древесных растений (заведующая – к.б.н. К.С. Бобкова), лаборатория лесовосстановления и повышения продуктивности лесов (заведующий – к.с.-х.н. В.Б. Ларин) и лаборатория цитологии и лесного семеноводства (заведующий – д.б.н., проф. Г.М. Козубов). Несколько позднее по предложению дирекции в состав Отдела была включена лаборатория геоботаники, географии и систематики растений (заведующая – к.б.н. В.А. Мартыненко). После переезда заведующего Ботаническим садом В.П. Мишурова в Саратов некоторое время в состав Отдела лесобиологических проблем Севера входил и Ботанический сад.

В 70-80-е гг. прошлого столетия лесной комплекс был ведущей отраслью народного хозяйства в Республике Коми. Объемы заготовки древесины достигали 23.5-24.0 млн. м³ в год. Более 40% трудоспособного населения было занято на предприятиях лесозаготовительной промышленности, деревообработки, целлюлозно-бумажном производстве. Эксплуатационный запас древесины в республике составлял около 1.2 млрд. м³. Несмотря на общий рост валовой продукции, в лесном комплексе республики имелся ряд недостатков: прежде всего, оставлялись значительные площади недорубов, низкий процент использования лиственной древесины, сравнительно небольшой объем лесовосстановительных работ. Шла борьба между лесным хозяйством и лесозаготовителями за снижение размеров расчетной лесосеки, хотя твердо установленного долгосрочного объема пользования лесом для республики не было. Для начала необходимо было провести анализ действительного состояния дел в лесном

комплексе Коми. С таким предложением я обратился в Министерство лесного хозяйства Республики Коми и в Отдел экономики Коми филиала АН СССР. Там меня поддержали и в марте 1983 г. был опубликован препринт «Проблемы и перспективы комплексного долгосрочного использования лесных ресурсов Коми АССР». Авторами его были д.б.н., проф. Г.М. Козубов, замминистра лесного хозяйства республики С.А. Созин, зав. лабораторией к.с.-х.н. В.Б. Ларин и зав. сектором к.э.н. Г.А. Князева. Несмотря на сравнительно небольшой объем (около 2 п.л.), препринт быстро разошелся среди заинтересованных организаций и в литературе часто встречались ссылки на него.

Меня удивило, что в Институте биологии практически полностью отсутствовали хоздоговорные темы. В то же время сотрудники отдела активно участвовали в обследовании и аттестации плюсовых деревьев, оценке состояния лесовозобновления на лесосеках, обсуждении проблем лесосеменного хозяйства и т.д. Я и В.А. Артемов подготовили предложения для заключения с Минлесхозом РСФСР хоздоговора на тему «Разработка биолого-технологических основ создания лесосеменной базы в Коми АССР на селекционной основе». Срок выполнения – 1983-1985 гг. С этими предложениями выехал в Москву В.Б. Ларин, где тему включили в план работ на три года с финансированием 30 тыс. рублей. За эти годы силами сотрудников двух лабораторий – цитологии и лесного семеноводства, а также лесовосстановления и повышения продуктивности лесов, с участием появившихся в этих лабораториях трех новых аспирантов (С.В. Загировой, В.М. Тарбаевой и М.В. Сурсо) был собран большой экспериментальный материал по оценке состояния лесосеменного дела в республике, результатам обследования Сыктывкарской и Сысольской прививочных плантаций, выращиванию посадочного материала и прививок в закрытом грунте, инвентаризации фонда плюсовых деревьев. На основании этих материалов была подготовлена и в 1988 г. издана коллективная монография «Биолого-технологические основы создания постоянной лесосеменной базы в Коми АССР».

Одновременно В.А. Артемовым и Ю.А. Паутовым были разработаны практические рекомендации и «Основные положения по созданию лесосеменной базы на селекционной основе в Коми АССР». Эти «Положения» были одобрены Главным управлением лесовосстановления Минлесхоза РСФСР для опытно-производственной проверки на предприятиях Минлесхоза Коми АССР. В процессе подготовки материалов для издания препринта у меня сложились хорошие деловые отношения с зав. отделом

лесной промышленности Коми Обкома КПСС Анатолием Васильевичем Кононовым. В конце 1983 г. в Карелии проводилось большое совещание по проблемам лесного комплекса, организатором которого выступил Карельский Обком КПСС, Межведомственный координационный совет АН СССР в Ленинграде, Совет Министров Карельской АССР и другие директивные организации. Я предложил А.В. Кононову провести подобное совещание, но по более конкретной программе в Сыктывкаре. Он очень серьезно отнесся к этому предложению, но предупредил, что для этого нужно одобрение первого секретаря И.П. Морозова и второго секретаря Обкома КПСС В.И. Мельникова, а затем и Отдела лесной промышленности ЦК КПСС. Это он берет на себя, но подготовка вступительного слова, основного доклада для В.И. Мельникова, проекта решения и программы совещания ляжет целиком на меня.

Началась организационная работа. Прежде всего совещание получило название «Научно-техническое совещание «Долгосрочное комплексное использование лесных ресурсов и интенсификация лесного хозяйства Коми АССР в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении использования лесосырьевых ресурсов». Организаторами совещания были определены Межведомственный координационный совет АН СССР в Ленинграде, Коми областной комитет КПСС, Совет Министров Коми АССР и Коми филиал АН СССР. Время проведения было определено в начале мая 1984 г., однако из-за невозможности прибытия в это время в Сыктывкар ряда руководящих работников, а также болезни основного докладчика, совещание было перенесено на 30-31 октября 1984 г. В совещании приняло участие около 250 человек. Были приглашены все первые и вторые секретари райкомов партии, председатели райисполкомов или их заместители, все директора или главные инженеры леспромхозов, директора и главные лесничие лесхозов, представители лесозаготовительных предприятий МВД, Министерства обороны и т.д.

Через два года, в 1986 г., было проведено второе довольно обширное совещание по составлению Генеральной схемы развития лесного комплекса в Республике Коми и по материалам этих двух совещаний было наконец-то принято решение Совета Министров СССР о снижении расчетной лесосеки по республике до 26.6 млн. м³ в год, которая формально действует до сих пор. Была значительно расширена на юг зона защитных предтундровых лесов, увеличено число лесхозов и лесничеств, выделены средства на капитальное строительство в системе лесно-

го хозяйства, однако начавшийся в стране перестроечный процесс привел практически к полному развалу лесного комплекса в новых рыночных условиях...

В крайне сложную ситуацию попала и сама Академия наук, которая активно включилась в перестройку и через некоторое время в академических институтах периодически вообще перестали выдавать зарплату, причем этот развал не пощадил и оборонную науку, что поставило на грань выживания саму страну. Но, следует отметить, что Институты, входящие в Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, все же сумели сохранить свои кадры и продолжили исследования в условиях жестких экономических тисков. Начиная с 1986 г. значительная часть сотрудников Отдела лесобиологических проблем Севера включилась в исследования в районе аварии на Чернобыльской АЭС, о чем пойдет речь ниже. Организационная чехарда в науке в целом и в нашем Институте в частности, смена директоров, бесконечные изменения структуры, переаттестации, выборы руководства не способствовали развитию науки, но, по крайней мере, хоть не привели к ее полному распаду. Здесь сказалась русская ментальность – братья за ум, когда положение в стране доходит до критического.

Проводились неоднократные реконструкции науки, когда в приказном порядке коллективы обязывались выбирать себе директоров, а потом об этом тихонько забыли и все свелось к восхвалению руководства, каким бы оно ни было. Не раз вводились возрастные рамки для переизбрания руководящего звена, но когда дело доходило до выборов, об этом благополучно умалчивали. В определенные периоды для лаборатории или отдела была нужна только одна тема, а затем уже допускалось несколько. Было время, когда за основу академической структуры брался отдел, а лаборатории сливались, не считаясь с целесообразностью такого передела в науке, затем потребовали, чтобы в штате лаборатории было не менее 10 человек, хотя при этом были известны примеры, когда лаборатории создавались для одного сотрудника... Уже несколько лет Российской академию наук трясет – что будет с ней дальше, а руководство приветствует любые перестройки, только бы остаться у власти. Такая судьба, как и других подразделений, постигла и Отдел лесобиологических проблем Севера. За рубежом я подобное положение наблюдал в середине 1970-х гг. в Швеции, когда лесные научные учреждения из Стокгольма переводили в Умео, на сотни километров севернее, а часть Институты Королевской Академии вообще закрыли. Сами шведы смеялись и говорили, что у них тоже работают свои Хрущевы...

Исследования Чернобыльских лесов*

Последние десятилетия XX в. ознаменовались для Советского Союза рядом техногенных и природных катастроф – это сильное землетрясение в Спитаке, взрыв газа, в котором сгорело около тысячи пассажиров в двух поездах, идущих по встречным маршрутам в Башкирии, гибель лайнера «Адмирал Нахимов», авария, унесшая жизни более чем двухсот пассажиров на туристическом теплоходе, плывущим по Волге возле Саратова, катастрофа с атомной подводной лодкой в Северном море. Но самой большой техногенной катастрофой можно считать Чернобыльскую – ядерный взрыв на IV реакторе, который наряду с гибелью людей привел к колоссальным экономическим потерям – только для Украины они составили около 200 млрд. долларов. Истинное число жертв и пострадавших остается до сих пор неизвестным, так как врачебные диагнозы, как правило, были далеки от действительных причин, вызвавших те или иные заболевания у пострадавших. В то же время Чернобыльская авария, пожалуй, впервые позволила провести натурные исследования в естественных биогеоценозах на площадях, измеряющихся сотнями и тысячами гектаров, при широкой амплитуде поглощенных доз, в различных радиоэкологических условиях.

28 апреля 1986 г. в 19 часов по радио передавали последние известия. В конце голос диктора без особых эмоций сообщил, что 26 апреля на Чернобыльской АЭС произошла авария и часть радиоактивности из четвертого блока попала в атмосферу. Нужно сказать, что подавляющее большинство населения сначала не придавало особого значения первому сообщению о самой большой техногенной катастрофе в истории человечества. А там, «за бугром», уже бушевал информационный ураган, кричащий о сотнях жертв, выселении жителей из десятков населенных пунктов, в том числе из города Припять, о предстоящей эвакуации Киева, тайной отправке близких родственников руководящей элиты из Киева на юг и так далее... Однако тревожные сообщения проникали по негласным каналам, информация в которых, конечно, никакой цензуре не подвергалась, в связи с чем волнение среди населения все возрастало. Наконец, 14 мая 1986 г. на 19-й день после аварии (!) по советскому телевидению

---

* В настоящем разделе в сжатой форме изложен материал, ранее опубликованный в отдельном научно-популярном издании: Г.М. Козубов. Семь лет в Чернобыльских лесах (1986-1992 гг.). – Сыктывкар, 2004. – 160 с. – (Коми научный центр УРО РАН).

выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев со специальным заявлением, в котором был вынужден признать, что авария на Чернобыльской АЭС – большая беда для советских людей, представляющая чрезвычайную опасность для страны.

Следует отметить, что принятое на заседании Политбюро ЦК КПСС непосредственно после аварии решение о засекречивании практически всех данных по работам в зоне аварии сильно усложнило организацию исследований и получение информации об истинной радиоэкологической обстановке в различных частях Зоны*, что привело к значительному разбою в оценке радиоактивного загрязнения в различных ее частях, а в некоторых случаях к переоблучению работавших там «ликвидаторов». Вскоре выяснилось, что вокруг АЭС на соснах начала желтеть хвоя. Впервые появился новый термин – «рыжий» лес. Вскоре он зазвучал по радио и телевидению, замелькал в заголовках статей газет и журналов. Не скрою, что меня это в определенной степени обрадовало, так как в глубине души я все же боялся, что никаких особых эффектов от облучения в лесу не проявится и нам – «лесникам» – там делать будет нечего. Но, как показало время, одними из основных проблем в Зоне с научной и хозяйственной сторон оказались лесные. Первоначальная наша программа исследований была составлена на два года, так как никто не знал, сколько продлится восстановление ЧАЭС. Как всегда, все работы предполагалось выполнить «в рекордные сроки», население вернуть на места проживания уже через год... С радиоэкологией я к тому времени был мало знаком, но даже у меня эти сроки вызвали сомнение, хотя все наши крупные ученые-атомщики молча соглашались с подобным верхоглядством и фактически массовым обманом и так уже пострадавших сотен тысяч людей (только в Украине были выселены из Зоны 135 тыс. жителей).

Одной из первых и довольно сложных проблем оказался подбор сотрудников в состав лесобиологического отряда, который должен был работать в Чернобыле совместно с радиобиологами в Радиоэкологической экспедиции Института биологии Коми НЦ УрО РАН. Научным руководителем всей этой экспедиции являлся А.И. Таскаев, директор Института биологии, а начальником с сентября 1986 г. – старший научный сотрудник отдела радиоэкологии, кандидат биологических наук Борис

---

* Здесь и далее вместо «30-км зона ЧАЭС» используется термин «Зона» (с большой буквы).

Викторович Тестов. На меня возлагалось научное руководство лесобиологическим отрядом. По моим расчетам, в первом заезде в Чернобыль с лесным отряде должны были принимать участие восемь-девять сотрудников, а весной 1987 г. уже сформировать его полный состав, в зависимости от уточненного объема работ. Однако на деле все оказалось намного сложнее: двоим кандидатам не дала разрешение на работу в радиоактивной зоне медкомиссия, двое от поездки отказались сами. Остались только четверо – научные сотрудники Н.В. Ладанова и С.В. Кузиванова (Загирова), старший лаборант В.В. Алексеев и руководитель «похудевшего» вдвое отряда Г.М. Козубов.

В связи с тем, что мы везли с собой реактивы, необходимые для световой и электронной микроскопии, в том числе ядовитые и огнеопасные вещества, пришлось в Киев ехать поездом, так как в самолет нас с ними не пустили бы. В Сыктывкаре на вокзале утром 1 октября 1986 г. нас провожали как на фронт – с шутками и слезами. Переезд в Москву прошел без приключений. Проводницы, узнав, что мы едем в Чернобыль, всячески старались угодить нам. В Киев приехали в 9 часов утра 3 октября. По предварительной договоренности нас здесь должна была встретить машина, но на перроне в Киеве нас никто не ожидал. Около полудня в зале появился наш начальник Б.В. Тестов, и мы потащили свой багаж в машину.

На выезде из Киева, у поста ГАИ, был установлен краснобелый шлагбаум, с правой стороны возле него стоял бронетранспортер, а вдоль шлагбаума прохаживались три милиционера в бронжилетах, с автоматами. Документы у нас проверять не стали, только спросили, куда едем и услышав ответ, что в Чернобыль, пропустили дальше. Перед выездом из Киева мы заезжали в Институт ядерных исследований АН УССР, чтобы передать какие-то образцы на исследование. Б.В. Тестов пошел с пробами в другой корпус, а мы остались в проходной. Вскоре сюда зашел молодой сотрудник Института, только что вернувшийся из Чернобыля. Он прошел через контрольные «ворота» и тут же раздался громкий звонок. Парень снял с себя куртку и опять прошел через контрольную установку – и опять звонок! Он весело расхохотался и закричал, обращаясь к вахтерше: «Штаны звенят!». На это она ему ответила: «Чему, дурачок, радуешься, подумал бы лучше, что в штанах звенит... Вот жену обрадуешь».

Вскоре мы подъехали к поселку Дымер, где имелся капитальный КПП (контрольно-пропускной пункт), оборудованный высокочувствительными японскими радиометрами, которые

приносили много неприятностей водителям автомашин. У КПП стояли два бронетранспортера и довольно длинный хвост автомашин, шедших из Чернобыля. В сторону Зоны нас пропустили после краткого просмотра документов. Погода была солнечная, но холодная. Машины шли сплошным потоком. Часто встречались поливочные машины. Вскоре мы подъехали к районному центру, старинному селу Иванков, но через него проезд был закрыт, и мы «обошли» его по объездной дороге. К этому времени солнце уже опустилось к самому горизонту, но впереди показались своеобразные строения, напоминающие группу огромных коробок темно-серого цвета. Это оказались главные «ворота» в Зону – контрольно-пропускной пункт под ласковым названием «Дитятки». На обочине, не доезжая метров 50 до шлагбаума, был установлен большой щит, на котором излагались основные правила пребывания в Зоне. Первая фраза на нем вызывала невольное учащение сердцебиения: «Внимание! Вы въезжаете в особо опасную зону...». Рядом стоял столб, к которому был прикреплен красный круг с тремя желтыми секторами и надписью на щите: «С дороги на обочину не сходить. Опасно для жизни».

К машине подошли два милиционера в бронежилетах, с автоматами, бегло осмотрели груз, поулыбались нашим женщинам и пожелали доброго пути в Чернобыль. Через 17 км показались городские строения ранее малознакомого заштатного городка, вернее, большого села, в течение нескольких апрельских дней 1986 г. ставшего известным во всем мире! Когда въезжали на городскую окраину, уже стемнело. Фонари горели только на центральных улицах, которые были заполнены оживленными группами «ликвидаторов». В глаза прежде всего бросалось однообразие их спецодежды, отсутствие детей и малочисленность женщин, что было характерно для 1986 и 1987 гг. В дальнейшем женский контингент резко возрос. Свернув на одну, затем другую темную улицу, машина подъехала к длинному одноэтажному зданию, где ранее располагалась районная больница, а теперь размещались экспедиции нескольких научных организаций, в том числе Института общей генетики им. Н.И. Вавилова АН СССР, руководителем которой являлся д.б.н., профессор Владимир Андреевич Шевченко. Нас тепло встретили А.И. Таскаев и наши радиобиологи, которые успели уже здесь обжиться, а также сотрудники Института генетики АН СССР. После небольшого обмена впечатлениями о виденном, а также ужина необходимо было устроиться, и здесь выяснилось, что в 1986 г. это была одна из сложнейших проблем в Чернобы-

ле. Все частные дома и большинство государственного жилья давно были опечатаны и туда никого не пускали. Фактически под жилье и многочисленные организации, лаборатории, штабы, которые расплодились с необычайной скоростью, можно было использовать только помещения эвакуированных государственных организаций. Временно меня и Алексеева поместили в одну из палат больницы (палату № 6).

Согласно составленной в сентябре 1986 г. программе, при первом выезде в район аварии предполагалось провести рекогносцировочное обследование облученных хвойных древостоев с целью оценки их состояния, а также подбора экспериментальных базовых участков. Следует отметить, что ранее А.И. Таскаевым были отобраны семь участков в сосновых насаждениях, в основном по западному следу, которые нам предстояло обследовать. Время нашего пребывания в Зоне в первый приезд было ограничено, и требовалось в сжатые сроки, практически в течение десяти дней выполнить значительный объем работ. Как уже говорилось ранее, по намеченной программе одним из основных разделов являлась подготовка препаратов для световой и электронной микроскопии в максимально возможном количестве, поскольку в литературе отсутствовали какие-либо данные по реакции хвойных на ионизирующее облучение на клеточном и субклеточном уровнях.

Около восьми утра 6 октября 1986 г. старший лаборант В.В. Алексеев и я «под патронажем» А.И. Таскаева вышли из автомашины на опушке ярко-зеленого соснового леса, носившего соответствующее название – урочище «Изумрудное» – база отдыха для работников ЧАЭС. У въезда в базу стояли «Москвич» и автобус с раскрытыми дверками и побитыми стеклами. Практически во всех домиках, а их здесь было более полусотни, были сорваны замки, раскрыты двери и выбиты стекла. Домики были рассчитаны на две семьи и имели по две веранды, на которых стояли холодильники (многие с оторванными дверцами), в комнатах – незастеленные кровати, на тумбочках – цветные телевизоры, у части из них разбиты кинескопы. Уровень радиации на этом участке был небольшой – 6-7 мР/ч на поверхности почвы. По масштабам 1986 г., когда в «рыжем» лесу еще держалось около 2-3 Р/ч, это был просто мизер! Но, что греха таить: все-таки мысли о том, что тебя со всех сторон, особенно снизу из почвы, пронзает невидимый поток радиации, да все увиденное по дороге, невольно вызвали желание как можно скорее выполнить все намеченное и побыстрее вырваться из этого внешне такого приветливого леса. Одна-

ко как назло работа никак не ладилась. То потерялся карандаш, то оборвался шнур у секатора, то перевернулась баночка с краской... Наспех повязанные «лепестки» – респираторы – постоянно сползали с носа на подбородок, а когда удавалось плотно надеть их на лицо, становилось трудно дышать, да еще при прохладной погоде, которая стояла в это утро, под ними запотевал и мерз нос... В урочище «Изумрудное» намеченный объем работы был выполнен за четыре часа, хотя по предварительному расчету на него было выделено два.

Передав весь собранный на первом участке материал цитологической бригаде, наша тройца выехала после обеда на второй участок, расположенный в пяти километрах от ЧАЭС. При замере экспозиционной дозы стрелка радиометра колебалась от 250 до 300 мР/ч. Средний возраст деревьев составлял 30-40 лет. Обследование сосен на этом участке показало, что практически все молодые побеги 1986 г. на них, как вегетативные, так и генеративные, погибли в очень короткий срок. Безусловно, подобное явление было вызвано радиоактивным воздействием. По сравнению с предыдущим изученным участком – урочищем «Изумрудное», мощность экспозиционной дозы здесь оказалась в 40-50 раз выше. На обратном пути мы остановились и осмотрели участок леса, расположенный в полутора километрах на запад от аварийного блока. На нем на большей части крон сосен хвоя имела огненно-кирпичную окраску, особенно в нижней части – до 2.0-2.5 м над уровнем почвы. Во время осмотра (6 октября 1986 г.) суммарная доза на почве местами достигала 4-5 рентген. Вернулись в Чернобыль уже затемно.

На следующий день зарядил сильный и холодный дождь. В лес в такую погоду выезжать бессмысленно. Во-первых, все промокнет – как одежда, так и пакеты с образцами хвои и шишек, во-вторых, при обильном дожде с крон смывается много осевших на хвое, сучьях и стволах радиоактивных частиц. Поэтому весь день был отдан приведению в порядок собранного материала, фиксации в спирт-формалиновой смеси аномальной хвои, побегов, почек. Все это мы увезем с собой в Сыктывкар для лабораторной обработки и фотографирования. Провели обмер и взвешивание собранных ранее шишек. Восьмого октября дождь продолжался, поэтому было решено провести в лаборатории изучение структуры семян сосны путем их взрезывания. Надо сказать, что разрезать зрелые шишки сосны очень трудно и приходилось рубать их топором, а затем уже с помощью скальпеля и пинцета извлекать семена. Последние раз-

резали острым бритвенным лезвием вдоль длинной оси и просматривали под бинокулярной лупой.

Девятого октября дождь, наконец, прекратился, появилось солнце, хотя продолжал дуть холодный ветер. После завтрака быстро погрузились в автомашину и выехали в район Чистоголовских дач, расположенных в 4.5 км от ЧАЭС. Прошли проверку на КПП «Копачи», справа от дороги показалась АЭС с аварийным IV блоком, над которым уже завершалось сооружение «Укрытия», в то время чаще называемого «Саркофагом». Погода установилась летная и все небо казалось наполненным непрерывным глухим гулом вертолетных двигателей. Огромные пятнистые МИ-26 медленно кружились над светло-серыми кубами АЭС. Струи дезактивационных растворов, выливаемые из баков, прикрепленных на длинных тросах к их фюзеляжам, разносились порывами ветра далеко по сторонам. Сам «мятежный» реактор с расстояния 1.5 км был четко виден и напоминал огромный броненосец с грозно возвышающейся полосатой трубой. С обеих сторон дороги еще стоял нераскорчеванный «рыжий» лес, через который шоферы проскакивали на большой скорости.

С самого начала многолетних исследований в Зоне перед нами возникла проблема определения поглощенных доз и ретроспективной оценки мощности экспозиционных доз на почве. Поначалу я был уверен, что для физиков-атомщиков это легко разрешимые задачи. Но вскоре пришлось от подобных убеждений отказаться... Во-первых, существующая радиометрическая техника с грехом пополам позволяла определять мощности доз в основном для гамма-излучения, причем только в определенных пределах. Ошибка в 50% считалась вполне допустимой. Однажды на встрече представителей «Средмаша», трех экспедиций АН СССР, Минобороны и лесного хозяйства Украины было решено провести сравнительные дозиметрические замеры на лесном участке в районе Чистоголовских дач. Расхождения в показаниях используемых приборов достигало в отдельных случаях 4-5 раз! Конечно, в своих исследованиях мы прежде всего использовали радиометрические данные, полученные нашими радиоэкологами. Постепенно различные экспедиции, работающие на одних и тех же участках, пришли к «консенсусу» и согласовали между собой наиболее приемлемые плотности загрязнения и мощности экспозиционных и поглощенных доз. 12 октября сбор экспериментального материала был закончен, первичная обработка образцов для световой и электронной микроскопии в основном завершена, причем общее число фикса-

ций в два раза превысило запланированный объем. Конечно, такой результат удалось получить прежде всего за счет напряженной работы всех участников нашей «мини-экспедиции», состоящей всего из четырех человек.

Следует сказать, что в 1986 г. в Чернобыле царил какой-то общий подъем, желание сделать как можно больше и поскорее. Кроме того, туда съезжались люди, не боявшиеся опасностей, имеющие опыт работы в экстремальных условиях радиоактивного загрязнения. Многие из них знали друг друга по предыдущим радиационным «нештатным» ситуациям, чаще всего строго засекреченным. Общаясь с ними, мы как бы проходили «спекурсы» по радиоэкологии и ядерной физике. Рядом с нами работали медики, генетики, радиоэкологи, физики-ядерщики, военные специалисты, моряки-подводники, имеющие, пожалуй, наибольший опыт в радиометрии, агрономы и животноводы из «Средмаша» и др. Со многими из них потом неоднократно приходилось встречаться в Зоне, они помогали нам адаптироваться в новых специфических условиях работы.

В нашей чернобыльской жизни нередко происходили и анекдотичные случаи. Так, прославился один из московских шоферов, который втихую наелся местной рыбы, выловленной в Припятской протоке. Когда об этом узнали его коллеги, то посоветовали ему немедленно проверить на радиоактивность живот. Шофер пришел к генетикам и попросил приложить к его животу дозиметр, что и было немедленно сделано. Как только прибор поднесли к телу пострадавшего на уровне пупка, он громко зазвенел. Водитель весь позеленел и стал жаловаться на тошноту и головную боль. Благо, что «скорая помощь» располагалась рядом, и он оказался там уже через две минуты. У врачей это был первый случай, когда «звенел» живот. Пострадавшему дали немедленно выпить два литра раствора марганцовки и поставили две трехлитровые клизмы. После выполнения этих процедур наш москвич из зеленого стал синевато-фиолетовым (возможно, от марганцовки). Вновь принесли дозиметр, приложили к животу – звенит! Процедуры повторили – результат тот же. Все приуныли. Но тут кто-то предложил снять с «облученного» рубаху и майку и проверить живот на радиоактивность еще раз. Так и сделали. Живот «молчал», но когда дозиметр поднесли к рубахе, раздался звонок. Оказалось, что вокруг одной из пуговиц накопилась радиоактивная пыль, которая и фонила. А рыба здесь была ни при чем...

13 октября последний раз в том году пошли завтракать в столовую и по дороге увидели толпу «ликвидаторов». Когда

подошли поближе, то перед нами предстала необычайная картина: по замерзшим лужам, по инею первых заморозков пестрая курочка вела через дорогу 12 желтых комочков. В толпе кто-то смеялся, но большинство вытирали выступившие на глазах слезы, понимая, что ждало в скором будущем эту непутевую мамашу и ее безвременных детей. Осень и зима 1986/87 гг. были очень холодными для этих мест, и когда наша команда прибыла весной 1987 г. в Чернобыль, то живности там сильно поубавилось: исчезли многочисленные кошки, собаки-щенки и куры. Однако, как позднее обнаружилось, отдельные группы лошадей и коров, убежавших при их отстреле в 1986 г. в леса, успешно перезимовали на заброшенных полях и даже в лесных угодьях.

Наверное, не было ни одного «ликвидатора», находящегося в Зоне в конце апреля – начале мая 1987 г., кого не поразило бы необычайное обилие огненно-красных тюльпанов в Чернобыле в это время. Тюльпаны были везде: в столовой на столах прямо в ведрах, в магазинах, во всех общежитиях, они росли на всех центральных улицах. Как всегда, временное население Чернобыля меры не знало и большинство тюльпанов было вырвано и разбросано по городу за 5-10 дней. Но 1987 г. был знаменательным, конечно, не только тюльпанами. Для нас, да и других исследователей-биологов, это был год наиболее продуктивного труда, год массового заезда в Зону научно-исследовательских групп и отрядов из самых различных регионов страны и подчиненных самым разнообразным ведомствам и министерствам. Весной этого года в Чернобыле генералов и полковников, наверное, было больше, чем в Москве в Генеральном штабе, были здесь и адмиралы, старшие офицеры многих родов войск, представители Минздрава, причем каждое такое подразделение обязательно возглавлялось штабом, независимо от того, к военному или гражданскому ведомству оно относилось.

В 1987 г. в Зону с автомашиной УАЗ-469 выехал из Сыктывкара наш заведующий гаражом Н.И. Вовкодав. С ним был отправлен наш багаж, хотя часть его в двух выючных ящиках и в шести местах пришлось везти с собой. Николай Иванович относился к категории людей, присутствие которых всегда вносит атмосферу веселости, приятного взаимоотношения. Он был очень любознательный человек и не стеснялся задавать вопросы, если что-либо не понимал. Так, при обследовании побегов сосны я объяснил ему, что женская почка у сосны цилиндрическая и на ее вершине всегда есть две-три выпуклости. Мужские почки остроконические, с утолщением у основания. Од-

нажды к нам на участок приехала группа биологов из Института ботаники АН УССР, когда мы обследовали облученные сосны. Мы подошли к очередному дереву, Николай Иванович быстро пощупал верхушечные почки и громко произнес: «Есть женские почки!». Удивленные ботаники спросили: «А как Вы это так быстро и успешно определяете?». На что он им ответил, не задумываясь: «По выпуклостям – пощупаю и сразу определяю». В ответ раздался общий хохот, а спрашивающий сразу умолк...

В этом году в изучение эмбриологических процессов в женской сфере сосны включилась группа, состоящая из старшего научного сотрудника, кандидата биологических наук Елены Константиновны Остапенко и двух сотрудников из Отдела эмбриологии Института ботаники АН УССР. Следует отметить, что Е.К. Остапенко самоотверженно относилась к своим обязанностям, часто пренебрегая собственной безопасностью. Она не раз добиралась до экспериментальных участков пешком и на попутных машинах, иногда под проливным дождем, что в радиоактивно загрязненных условиях чревато большой опасностью для здоровья. С первых дней работы она влилась в наш коллектив и буквально рвалась в Зону. К большому нашему сожалению, Чернобыль – далеко не безобидная романтика, и в 1994 г. Елена Константиновна ушла из жизни, полная сил и энергии, но злокачественная опухоль оказалась сильнее...

В 1987 г. наблюдался наиболее массовый наплыв исследовательских групп из различных институтов АН СССР и союзных республик, ведомственных НИИ, отдельных вузов, причем, как правило, приезжали они без определенной программы работ, без какой-либо координации с уже работающими в Зоне экспедициями. Каждая из них добивалась приема в Правительственной комиссии, предлагала прямо-таки чудодейственные меры по ликвидации последствий аварии, часто носившие авантюристский характер. К весне уже была организована Комплексная радиоэкологическая чернобыльская экспедиция АН СССР под руководством академика В.Е. Соколова, заместителем которого являлся Игорь Николаевич Рябов, а замом Рябова – Игорь Александрович Рябцев. Одним из примеров авантюрного решения проблемы без какого-либо научного обоснования была корчевка «рыжего» леса, когда технократный подход был принят под давлением «сверху», без рассмотрения возможных прогнозов по важным радиоэкологическим проблемам.

Немалую неразбериху вносила и вахтовая система работы Правительственной комиссии. Неоднократно решения, которые

принимались одним ее составом, через несколько дней отменялись другим. При этом свою «ложку дегтя» вносило наличие помимо гражданских штабов еще и военных, для которых законом был приказ вышестоящих начальников. Однажды, когда мы находились с Ю.Д. Абатуровым в штабе СП «Комплекс», туда пришли военные саперы в полевой форме и обратились к одному из руководителей «Комплекса» с вопросом: «Что нам делать с нефтебазой на станции Янов? Нам поручено ее взорвать, но в цистернах осталось много горючего». Ответ последовал краткий: «Какой у вас приказ?». «Взорвать сегодня к 13⁰⁰». «Значит, нужно взрывать!». «Но, товарищ полковник, там сотни, а может быть и тысячи тонн горючего!». После этой фразы начальник задумался и попросил нас приехать к нему через два-три дня, а сам стал звонить в вышестоящие инстанции. Нефтебаза так и осталась невзорванной...

Незадолго до этого случая состоялось специальное заседание Правительственной комиссии по проблеме облесения территории, на которой был захоронен «рыжий» лес, а также целесообразности его дальнейшей корчевки. После бурного обсуждения комиссия приняла решение прекратить корчевку погибшего или усыхающего леса. Однако по дороге в г. Припять мы подходили к «корчевщикам» леса, которые работали на инженерных машинах, сконструированных на базе тяжелых танков, весящих более 100 тонн. При работе за такой машиной поднимался огромный шлейф пыли, солдаты и офицеры были в одних майках, а на почве экспозиционные дозы местами достигали сотен мР/ч. Когда мы обратились к офицеру, руководящему «душегубной» операцией, он ответил: «Я выполняю приказ своего командования». На нашу просьбу прекратить бесчеловечную корчевку и выполнить решение Правительственной комиссии полковник сказал, что подобного решения он не видел, а для прекращения корчевки «рыжего» леса ему нужен приказ командующего. Следует сказать, что вскоре танки все же остановились, а через две-три недели технику из остатков «рыжего» леса вывели. Но проблема «рыжего» леса затем только усложнилась, ушла в глубину в полном смысле этого слова и не решена и по сей день... Захоронения «рыжего» леса превратились в хранилища радиоактивных отходов. По данным специалистов НПО «Припять», в мае 1991 г. загрязненность подземных вод ⁹⁰Sr составила у дренажной завесы пруда-охладителя 500 пКи/л, в пунктах захоронения радиоактивных отходов «Бураковка» – 84, «Савичи» – 66, «Чистоголовка» – 40, а в «рыжем» лесу – 48000 пКи/л (допусти-

мая концентрация ^{90}Sr – 400 пКи/л), т.е. в подземных водах в «рыжем» лесу содержание стронция оказалось в 100 с лишним раз выше допустимого!

19 августа вместе с Е.К. Остапенко мы осмотрели Ново-Шепеличский питомник, а также несколько экспериментальных участков. На всех этих участках в 1987 г. развитие хвои прошло интенсивнее, чем в 1986 г. На большинстве сосен в сублетальной зоне сформировались верхушки крон, состоящие из нескольких побегов, часто имеющих форму канделябров. Хвоя у сосны в 1987 г. отличалась более интенсивной, чем в норме, сизовато-зеленой окраской. На отдельных деревьях образовались укороченные побеги.

20 августа 1987 г. в Правительственной комиссии состоялось заседание, посвященное судьбе «рыжего» леса и проблеме освоения территорий, на которых он был захоронен. Докладывал начальник СП «Комплекс» полковник Юрий Борисович Андреев. По его мнению, на площади, освобожденной от «рыжего» леса, наиболее целесообразно было проводить посадку древесных растений. Не был решен окончательно вопрос – сводить или не сводить весь «рыжий» лес. Общая его площадь, подлежащая корчевке, так и не была определена. После обсуждения доклада Ю.Б. Андреева было принято решение в пятидневный срок, к 9 часам утра 25 августа 1987 г., представить в Правительственную комиссию предложения с рекомендациями по сведению «рыжего» леса и выделению охраняемых территорий в нем, которые необходимо сохранить в качестве заповедника. Валку леса машинами на базе тяжелых танков решено было прекратить, хотя остановить «танковую атаку» на «рыжий» лес, как уже отмечалось выше, удалось не сразу. Большая его часть через четыре-пять лет после усыхания начала вываливаться, образуя труднопроходимые завалы.

Наиболее интересным объектом среди наших экспериментальных участков являлась усадьба Ново-Шепеличского лесничества и примыкавший к ней бывший лесной питомник. Именно здесь было найдено и изучено наибольшее количество радиоморфозов, в связи с чем этот участок часто называли «природной кунсткамерой». Вначале мы старались хранить его в тайне от других экспедиций, но вскоре слух о необыкновенных аномалиях, встречающихся здесь на хвойных и частично на лиственных породах, быстро распространился по Чернобылю, и любопытные повалили на питомник прямо-таки «стадами». Следует отметить, посмотреть в питомнике действительно было на что. Среди елей с обычной формой кроны встречались от-

дельные экземпляры с шаровидной, зонтичной и раскидистой кронами, у многих елей на верхушках образовались сгущения из молодых побегов – так называемые «шапки», у других вершина состояла из 10-15 и более побегов, растущих почти вертикально (в форме «канделябров»), причем подобные верхушки встречались и у сосен, но намного реже, чем у елей. На мощных побегах у ели, на которых формировалась очень крупная, часто изогнутая («когтистая») хвоя, кора имела темно-карминную окраску, как и часть хвои. Для сосны была характерна многопочечность с очень крупными почками, имеющими темно-фиолетовую окраску. У некоторых сосен тип ветвления изменялся из моноподиального в ложно-дихотомический, который сохранялся в течение 15 лет. Особенно поражали параметры листового аппарата, когда в 1987 и 1988 гг. в отдельных случаях длина хвои у сосны достигала 18-20, у ели – 5-6 см, а длина листовых пластинок у дуба обыкновенного и дуба северного (красного) доходила до 35-40 см. Практически все формы радиоморфозов на сосне и ели и некоторых молодых растениях лиственных пород можно было найти на бывшем Ново-Шепеличском лесопитомнике. И почти каждый раз на нем встречалось что-то новое.

Совместно с Ю.Д. Абатуровым к 25 августа 1987 г. нами были подготовлены предложения по дальнейшей судьбе «рыжего» леса и стабилизации радиоэкологической обстановки на площадях, где усохшие и еще усыхающие деревья сосны были погребены в почве. Одновременно мы предложили оставшийся не раскорчеванным «рыжий» лес сохранить в качестве научного полигона. К этим предложениям были приложены схемы выделения подобного заказника на местности. На территории усадьбы Ново-Шепеличского лесничества за три-четыре года до аварии были высажены на небольших участках несколько видов лиственных пород. При обследовании этих посадок в конце вегетационного периода 1987 г., как уже упоминалось ранее, были обнаружены отдельные экземпляры дуба северного с гигантскими листьями сильно измененной формы, причем на одном и том же молодом деревце можно было найти листья самой различной формы. В то же время аномалии по форме хвои у сосны и ели на одном и том же дереве были практически одинаковыми.

За несколько дней до отъезда в Киев был детально обследован участок 10, который находился в сублетальной зоне в полутора километрах от аварийного блока. Осенью 1987 г. экспозиционные дозы здесь составляли 80-90 мР/ч, а поглощенные –

ориентировочно 20-25 Гр. Основную площадь этого участка занимало сосновое насаждение с примесью березы, возраст сосны – 40-60 лет. На участке были заложены две пробные площади. Интересно, что в 1987-1988 гг. данный участок выглядел как погибающий и казалось, что через год-два он весь усохнет и вывалится. Однако уже к четвертому году после острого облучения большинство сосен было покрыто пучками яркой густой хвои, на некоторых деревьях отмечалось образование мужских и женских генеративных почек. При обследовании осенью 2000 г. значительное число деревьев на этом участке отличалось интенсивным ростом и густым охвоением, причем основная масса хвои была сосредоточена в верхней части кроны, сформированной через пять-семь лет после аварии. Как уже упоминалось, сам участок располагался всего в полутора километрах от IV блока. Это явление наводит на мысль, что если бы не поторопились с корчевкой «рыжего» леса, то, может быть, многие поврежденные деревья со временем восстановили бы свой рост. Нужно отметить, что у некоторых сосен в момент корчевки «рыжего» леса отдельные ветви были покрыты еще зеленой хвоей.

Закончился наш второй черныбыльский экспедиционный период, который оказался весьма напряженным и тяжелым для нас. Всего в 1987 г. сотрудники отдела лесобиологических проблем Севера отработали в черныбыльских лесах 200 человеко-дней. Итак, наш лесной отряд вернулся из экспедиции в черныбыльские леса на втором послеаварийном году с «малыми потерями», но с большим, во многом уникальным экспериментальным радиобиологическим материалом. И если в 1986 г. мы были в Зоне необстрелянными новичками, то теперь нас знали уже практически все биологи, работающие на территории 30-км зоны.

В середине 1988 г. предстояло издать в Киеве совместный с Институтом ботаники АН СССР препринт по влиянию радиации на репродуктивную сферу сосны. В качестве авторов были утверждены Г.М. Козубов, В.П. Банникова, А.И. Таскаев, В.А. Артемов, Е.К. Остапенко и К.М. Сытник. Основная нагрузка при этом ложилась на В.А. Артемова, Е.К. Остапенко и Г.М. Козубова. Времени на подготовку рукописи было очень мало, в связи с чем после возвращения из Чернобыля большое внимание было уделено обработке экспериментального материала, полученного при изучении репродуктивной сферы сосны. В первой декаде ноября 1987 г. в Оперативный штаб постоянно действующей Комплексной радиэкологической экспедиции АН

СССР и в Научно-исследовательский отдел ПО «Комбинат» были направлены краткие отчеты за 1987 г., а также Программа и рабочий план исследований на 1988 г. по разделам 01.11.Н и 02.05.Н, исполнителем которых являлся Отдел лесобиологических проблем.

Незадолго до Нового года участники чернобыльского полевого отряда получили Почетные грамоты «За отличную работу и самоотверженность при выполнении заданий Комплексной программы по ликвидации последствий аварий на Чернобыльской АЭС в полевой период 1987 г.», подписанные научным руководителем экспедиции, академиком-секретарем Отделения общей биологии АН СССР В.Е. Соколовым. Так прошел еще один год нашей работы в Чернобыле. Этот год, в отличие от 1986-го, был уже в большей степени посвящен изучению последствий Чернобыльской аварии – одного из наиболее роковых событий в истории человечества.

В декабре 1989 г. Правительственной комиссией было принято решение о преобразовании ПО «Комбинат» в Научно-производственное объединение (НПО) «Припять», в составе которого был организован крупный Научно-технический центр (НТЦ). В его задачу входили координация и проведение научно-исследовательских работ как внешними организациями, так и силами собственных научных отделов. Основным направлением работы НПО становилась научно-исследовательская деятельность в 30-км зоне. При этом в Постановлении отмечалось, что I этап работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС к этому времени уже завершен. Подобное заключение было необходимо для Правительственной комиссии, чтобы как-то оправдать огромные затраты денежных средств (по некоторым данным составляющих десятки миллиардов долларов) и трудовых ресурсов. По опубликованным позднее материалам, через 30-км зону за пять лет прошло около 600 тыс. «ликвидаторов».

Проблемы, стоящие перед Правительственной комиссией и руководством НПО «Припять», со временем все разрастались, но каких-либо четких путей их разрешения все еще не было найдено. Специалистов, имеющих опыт работы в подобной ситуации, среди руководящего состава НПО было очень мало. С Урала в Чернобыль приехали лишь единицы и те, как правило, занимали второстепенные посты. Поэтому и было принято решение усилить научную деятельность в зоне аварии за счет своих кадров, работающих в НПО «Припять».

В начале 1988 г. после двух лет проведения огромного объема работ, включающих строительство вахтового поселка «Зеленый

мыс», свыше 200 км шоссейных дорог, нового большого моста через р. Припять, нового города Славутич, потребовавших колоссальных денежных и трудовых затрат, возникла проблема разработки перспективных планов на ближайшие три-пять лет с учетом динамической оценки состояния природных экосистем, в том числе лесов, и прогнозирования успешности восстановительных процессов в них.

В 1988 г. мы приехали в Киев 14 апреля в 11 час. утра. В городе стояла жара 27 °С, было очень душно. Все небо затянули тяжелые, почти черные тучи. К счастью, выехавшая ранее нас из Сктывкара автомашина УАЗик оказалась уже на при вокзальной площади. С машиной было отправлено значительное количество научного оборудования, спецодежды, постельных принадлежностей и т.д. Все это занимало почти весь объем машины по самую крышу и с водителем поехал только я, а все остальные члены нашего отряда выехали из Киева на рейсовом автобусе до Зеленого Мыса. Выехали мы около полудня, изнемогая от жары. Проехали поселок Дымер. При подъезде к Иванову начался сильный дождь, который все усиливался, и вскоре мы ехали в машине совершенно промокшие, так как тент в ней протекал во многих местах. К тому же резко похолодало и вскоре начался густой снегопад. Впереди на дороге ничего не было видно и пришлось медленно двигаться по этому белому месиву. Когда мы приехали на базу в Оранное, все вокруг покрылось снегом. К утру вода в умывальниках и бочке замерзла, а на земле хрустел замерзший снег. Такой весной нас встретила Украина! Напомню, что это было 15 апреля – менее чем за сутки температура воздуха снизилась с +27 до –3 °С. В результате такого похолодания цветение сосны в районе Чернобыля наступило в этом году только 17-18 мая, в связи с чем сбор пыльцы был проведен только 18-20 мая. На некоторых участках микростробилы при сушке не раскрылись и сбор пыльцы пришлось провести через два-три дня повторно.

12 мая мне пришлось вновь лететь в Киев для обсуждения на Ученом совете в Институте ботаники АН УССР нашего совместного препринта, подготовка к публикации которого проходила в обстановке «особой секретности». Начальник I отдела Института ботаники, пожилая уже женщина, узнав, что я привез рукопись один, без сопровождающих, очень удивилась и тихо спросила – знает ли об этом кто-то еще? Я несколько pokrивил душой и ответил – нет. В ответ она тяжело вздохнула и сказала, что очень хорошо, иначе мне пришлось бы составлять объяснительную записку. Далее она пояснила, что если бы со

мною по дороге что-нибудь случилось, то рукопись доставил бы сопровождающий. На это я ответил, что летел самолетом и если бы по пути в Киев что-то все-таки случилось, то рукопись доставлять было бы уже некому... Ученый совет в сильно урезанном составе (доступ к секретным материалам имели не все члены совета) утвердил препринт к печати и тут же возник вопрос – где печатать? Типографию с допуском к секретности с трудом нашли в Институте электродинамики АН УССР, где препринт был отпечатан тиражом 250 экз. и 22 июля 1988 г. уже поступил в Институт биологии. Однако качество бумаги и печати было ужасным, некоторые рисунки почти не просматривались, но зато под грифом «Секретно!». Объем препринта составил 6.5 печатных листов.

20 мая оставшиеся члены нашего отряда погрузились в машину и к 9 час. утра выехали в Киев через КПП «Зеленый Мыс». По дороге находился еще один экспериментальный участок (контрольный), где было решено собрать пыльцу с 15-20 деревьев. Участок располагался всего в 200 м от контрольно-пропускного пункта. В тот день в воздухе стояла какая-то мгла, температура уже утром достигала 20-25 °С, было душно, нечем дышать... Для удобства вытаскивания из машины секатора, пакетов для пыльцы и других необходимых предметов наша машина съехала на левую обочину. Все быстро разделись – было очень влажно. Как только мы вошли в лес, я увидел, что на нас движется темное облако диаметром 20-25 м, из него слышался какой-то гул, схожий с шумом густого, мелкого дождя. Пока я раздумывал, что же это такое, буквально за несколько секунд все мы оказались облепленными какой-то мошкой, которая сплошной шевелящейся массой покрыла наши тела, особенно в тех местах, где не было одежды. Сначала мы только отмахивались от нее, но уже через несколько минут на шее, на обнаженных местах рук и ног эта кишачая масса успела выгрызть глубокие ранки на коже, из которых потекли струйки крови. Не прошло и пяти минут, как у меня на ногах вокруг резинок носков образовались покрытые кровью кольцевые раны. У женщин кровь текла из ранок на шее, на руках, особенно досталось тем, у которых были блузки с короткими рукавами. Разговаривать было невозможно – не успевали открыть рот, как там уже было полно мошки. Пришлось как можно скорее бежать с «поля брани». Вся наша бригада побежала к машине.

Как только мы выбрались из леса и стали заскакивать в машину, от КПП на большой скорости отъехал милицейский газик, а поперек дороги вырулили две грузовые машины, пере-

крыв ее. Газик подлетел к нашей машине и встал перед ее радиатором, чтобы она не могла двинуться вперед. Из газика выскочили три автоматчика и грозно потребовали наши документы. Тут подул легкий ветерок и мучившие нас «крылатые бандиты» отлетели к лесу. Все наши документы были в порядке и тогда последовал вопрос: «Что вы тут делаете?». На это я ответил: «Собираем пыльцу сосны». Удивленно посмотрев на нас, старший группы задал следующий вопрос: «Почему вы так быстро бежали из леса?». Когда мы показали свои кровавые язвы, у него округлились глаза, а один их автоматчиков тихо спросил, испуганно оглянувшись в сторону леса: «Кто же это вас так?!». В это время ветерок стих и страшная темная туча вновь двинулась на нас, но теперь мошка начала атаку и на новеньких. Раздался вопль и вооруженная милицейская тройца, бросившись в машину, понеслась на КПП, а мы – за ними. На КПП никто нас проверять не стал, только махнули рукой – уезжайте быстрее...

К половине второго наша машина подъехала к Институту ботаники АН УССР, где в 14 час. нам была назначена встреча с директором Института академиком Константином Меркурьевичем Сытником. Встретил он нас очень гостеприимно, заинтересовался проведенными исследованиями, осмотрел некоторые из радиоморфозов, которые я привез с собой. В заключение он сказал: «Я должен все это увидеть!». Я предложил ему приехать в Чернобыль во второй половине августа, к моему возвращению.

В июне 1988 г. в Чернобыле в Доме культуры было проведено Первое Всесоюзное научно-техническое совещание «Чернобыль-88», на котором были подведены итоги двухлетних работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. На совещании присутствовало более 200 человек, в основном участники научно-исследовательских работ в Зоне аварии. Дважды начало совещания переносилось. Проходило оно в строго секретном режиме. Все участники должны были иметь допуск, направление от соответствующих организаций и командировку.

1988 г. ознаменовался крупным событием в истории чернобыльской эпопеи – 22-25 июня в Обнинске состоялась I Всесоюзная конференция «Радиационные аспекты чернобыльской аварии», организаторами которой являлись Госкомгидромет, Президиум Академии наук СССР, Минздрав и Министерство обороны СССР. Руководил работой конференции академик А.П. Александров. На конференции с обширными и содержательными докладами выступили академики и члены-корреспонденты

АН СССР, Академии медицинских наук, ВАСХНИЛ, генерал-полковники А.Д. Кунцевич и Пикалов от Минобороны. На шести секциях (геохимической, агропромышленной, экологической, медико-биологической, основ дезактивации, методического и аппаратного обеспечения) было представлено около 300 докладов, из них 77 вошли в программу работы секции «Экологические аспекты». Руководили секцией И.Н. Рябов и Ф.А. Тихомиров. Все материалы Президиум конференции обещал опубликовать как можно скорее, однако они вышли из печати в Санкт-Петербурге в Гидрометиздате только в 1993 г., т.е. через пять лет после ее проведения...

Открывая конференцию академик А.П. Александров заявил, что пришло время открыто рассказать ее участникам все, что к тому времени стало известно о чернобыльской аварии. После такого сенсационного заявления он в течение 40 минут четко и ясно излагал все основные аспекты не имеющей себе равных ядерной катастрофы. Поразительно, что за все свое выступление он ни разу не заглянул в бумаги, а в зале была такая духота, что большинство участников перешли к форме общения не только «без галстуков», но и без пиджаков. А.П. Александров, одетый в строгую черную тройку, ни разу не утирал пот и не пил холодную воду, а ведь ему было уже 85 лет. На пленарных заседаниях он не просто слушал выступающих, но и отпускал иногда довольно резкие реплики, задавал вопросы по ходу доклада. В первом же перерыве пленарного заседания мы с участником конференции из Воронежа Н.Е. Косиченко вышли покурить в садик и обсуждали выступление А.П. Александрова. В этот момент к нам подошли три строго одетых товарища, один из них протянул нам руку, поздоровался и спросил: «Ну, молодежь, как впечатление? Все курите?..». Там, где мы стояли, было довольно темно, но взглядевшись, я понял, что это Анатолий Петрович, очевидно, со своей охраной. Мы оба так растерялись, что сразу не смогли ничего ему ответить, но, собравшись духом, высказали благодарность за организацию подобного совещания. Он посмотрел на часы и сказал, что пора продолжать работу и пошел в зал, а мы за ним следом...

Материалы, представленные на пленарных докладах, поражали размерами чернобыльской катастрофы, огромными затратами многомиллиардных денежных средств, масштабами радиоактивного загрязнения. В отдельных выступлениях звучала безысходность в создавшемся положении. Так, например, предлагалось на территориях, загрязненных плутонием плотностью свыше 0.1 Ки/км^2 , организовать навечно закрытые за-

поведники. Академик Н.А. Корнеев признал, что после Великой Отечественной войны наибольшей бедой для СССР является Чернобыльская авария. Генерал-полковник Пикалов доложил, что уровни радиоактивного загрязнения были очень высокими – с южной и западной сторон ЧАЭС они составляли 1.5-2.0 тыс. Р/ч. Мощным источником радиационного поражения явились парогазоаэрозольные облака, радиоактивные поля в которых достигали 10.0-12.0 тыс. Р/ч, и если бы такое облако прошло над Припятью, последствия для его населения оказались бы крайне тяжелыми. Само по себе образование подобных облаков – явление, ранее для физиков не известное. Учитывая особую опасность таких парогазовых облаков, по мнению Пикалова, следует пересмотреть места размещения будущих АЭС. Генерал-полковник А.Д. Кунцевич отметил, что одной из особенностей Чернобыльской аварии было образование большого количества «горячих» частиц, обладающих высокой активностью. Одна такая частица размером в 1-5 мкм определяет уровень загрязнения на площади в 1 м². По «лесной» проблеме на секции экологических аспектов выступили Ф.А. Тихомиров, П.С. Пастернак, Г.М. Козубов, В.П. Сидоров и др. В целом, впечатление от этой конференции было огромным. Впервые были приведены данные о чернобыльской аварии, близкие к истине, перед ее участниками выступили самые авторитетные ученые в области ядерной физики, энергетики и радиобиологии. Стало ясно, что проблемы Чернобыля – в полном смысле эпохальные проблемы для человечества на весьма длительный период, измеряемый веками.

Для сбора экспериментального материала в осенний период мы прибыли в 30-км зону 6 октября 1988 г. Шишек в этом году было мало, я перешел на другую сторону дороги и пошел по опушке леса посмотреть, нет ли там деревьев с шишками. Не успел я отойти метров 50 от дороги, как впереди послышался сильный треск, который стал быстро приближаться. Я остановился в нерешительности, но сильный шум ломаемых кустов и веток деревьев придал мне определенное «ускорение», я развернулся, как говорится, пулей вылетел на дорогу и здесь остановился. Любопытство все же взяло верх – я никак не мог понять, что это такое огромное двигалось на меня? Опять затрещали кусты и на обочину дороги вышли молодой бык и две коровы. Но это уже были отнюдь не мирные домашние животные: все три «скотины» оказались покрыты густой длинной шерстью, очень широки «в плечах», у коров почти не было заметно вымени, а вместо него свисали по четыре маленьких

отростка, чуть больше детской соски. Глядели эти звери на меня как бы исподлобья и довольно агрессивно... Сердце мое дрогнуло, я попятился к машине, где дремал наш водитель. Вся троица, соблюдая интервал, также двинулась за мной. Я стал звать всех наших сотрудников скорей в машину, так как трудно было предположить, что задумали эти «дикари». Не теряя времени, я залез на переднее сиденье, за мной на второе сиденье юркнул Козлов, за ним Алексеев и Ларин, последним к машине подбежал Артемов с шестиметровым секатором в руках. После нашего крика, чтобы он бросил секатор и поскорее лез в машину, Артемов сунулся внутрь, но все места были уже заняты и он кое-как втиснулся в машину, но дверцу никак захлопнуть не мог. Могучая троица постояла несколько секунд, потом величественно под предводительством быка вошла в лес и исчезла с наших глаз. Этих дикарей мы тут же прозвали «коровой Пржевальского» (по аналогии с дикой лошадей). Приехав в Чернобыль, я рассказал об этой неожиданной встрече Н.П. Архипову, которая его очень заинтересовала. Вскоре животных нашли с помощью вертолета. Их усыпили и вывезли в опытное хозяйство в Зоне (около с. Городище). Затем обеих коров скрестили с нормальными домашними быками и они родили обычных телят, у них появилось молоко. Потомки «коровы Пржевальского» живут до сих пор в опытном стаде в 30-км зоне. Так наша неожиданная встреча с «лесными» коровами послужила науке...

Проблема жилья возникала практически при каждом приезде нашего отряда в Чернобыль. Но вот после прибытия в Зону весной 1989 г. нас ожидала отрадная весть – руководство НПО «Припять» выделило для экспедиции АН СССР в Чернобыле в северо-западной части города пять частных домов в сравнительно хорошем состоянии. Нам был предоставлен кирпичный дом под железной крышей по ул. Комаров, 5. Вокруг дома имелся хороший, но уже запущенный фруктовый сад, в котором росли яблони, груши, грецкие орехи. В доме было три комнаты, кладовка, кухня и большая веранда, вся заросшая виноградной лозой. После двух дней беготни по нескольким инстанциям в НПО было получено разрешение на «приобретение» мебели в г. Припять, а также распоряжение в транспортный отдел, чтобы нам 28 апреля была выделена машина для доставки мебели в Чернобыль.

Пока шло заселение дома, необходимо было одновременно вести наблюдения за наступлением цветения у сосны, чтобы вовремя провести сбор пыльцы на экспериментальных участках. 1 мая 1989 г. погода выдалась праздничная – яркое солн-

це, тепло, ни даже легкого дуновения ветерка. В такую погоду грех не выехать в лес и к 9 утра машина уже была готова к выезду, заправлены баки, а нужно отметить, что в то время уже начались затяжные перебои с поставкой горючего в Зону. Наша машина бодро покатила на контрольный участок в районе с. Стечанка, находившийся в 22 км на юго-запад от Чернобыля. Вскоре с правой стороны дороги показались космических размеров антенны бывшей станции противоракетной обороны – две металлические конструкции, одна высотой около 200 и длиной 300 м, другая пониже и покороче. Это так называемый «Чернобыль-2» – одна из крупных жертв наших «миротворцев», выброшенные на ветер миллиарды рублей и огромный труд! После заключения договоров с США о сокращении противоракетной обороны, поселок, в котором проживало около пяти тысяч человек, где были смонтированы многочисленные электронные системы, установлены десятки наиболее современных (на тот период) ЭВМ, был практически брошен на разграбление и разорение, особенно после аварии на ЧАЭС, когда небольшой гарнизон, оставшийся для охраны такого огромного объекта, был эвакуирован из 30-км зоны. После аварии в 1986 г. штаб Правительственной комиссии в течение нескольких недель находился в г. Припять, но учитывая высокий уровень радиоактивного загрязнения города, его решено было перевести в Чернобыль-2. Однако вскоре стало ясно, что и там радиоактивный фон значительно превышает допустимые нормы, поэтому штаб перевели в Чернобыль.

Вскоре мы проехали село со старинным названием Коргод, затем село Разъезжая и через 1.5 км от него въехали в сосново-березовый лес, где находился наш контрольный участок. Остановились на небольшой прогалине и вышли из машины. Вокруг, как показалось нам вначале, царили тишина и полное спокойствие, но через несколько секунд мы почувствовали какой-то резкий, необычный запах, а затем услышали непрерывный странный шум: со всех сторон раздавался равномерный шорох, создалось впечатление, что на нас надвигается какая-то незримая опасность. Оглянувшись, мы увидели, что вокруг полянки все березы стоят практически голые, без листьев, тогда как в этот период у них повсеместно должна быть яркая зеленая листва. Когда мы подошли поближе к березовой роще, то увидели, что ветви деревьев сильно изогнулись книзу, а нижние касались земли под тяжестью многих тысяч, а может миллионов жуков майского хруща. Практически вся листва на березах была съедена, и прожорливая «братва» уже наброси-

лась на сосну. Жуки поедали молодую хвою, а также, что было удивительным, микростробилы сосны, которые уже вышли из почек и очистились от кроющихся чешуй (пыление сосны на этом участке началось 4-5 мая 1989 г.).

Жуков было так много, что невозможно было ходить по участку. Они непрерывно падали на землю, ими были усыпаны все молодые побеги. Они грызли зелень, но при этом не забывали, что этот короткий срок им отведен для размножения, и сочетали, как говорится, «приятное с полезным». Нигде на других наших экспериментальных участках ничего подобного не наблюдалось. По всей вероятности, это явление объяснялось тем, что 1989 г. был годом массового вылета этих насекомых, личинки которых живут в почве 4-5 лет, а иногда и более. Кроме того, вокруг лесного массива, где находился наш участок, располагались крупные поля с супесчаной почвой, а в лесном урочище преобладали молодые насаждения сосны. Все это благоприятствовало обильному размножению хруща. К тому же сельхозугодья в течение четырех лет не вспахивались и в них не вносились минеральные удобрения – главные враги хруща. Когда мы приехали через два дня, «поле битвы» опустело, только деревья стояли голые. Однако через месяц после набега безжалостного врага все деревья вновь покрылись свежей листвой и трудно было представить себе картину набега прожорливых полчищ, которую мы наблюдали месяц назад.

Уединенное расположение выделенных нам домов имело как положительные, так и отрицательные стороны. «Усадьбы» наши находились в стороне от путей, проторенных чернобыльцами, сюда редко забредали охотники поживиться тем, что плохо лежит. В самом Чернобыле, да и в Зоне воровство стало бичом для проживающих. Крали все – телевизоры, одежду, радиоприемники, продукты, мебель, автомашины, в том числе и КАМАЗы, особенно находящиеся в отстойниках. В научно-исследовательском отделе, в самом центре Чернобыля, во время обеденного перерыва из окон вынули стекла и крючками через решетки вытащили телефонные аппараты, кожаное пальто и что-то еще буквально за 10-15 минут. Дом начальника Отдела радиологии и рекультивации НТЦ НПО «Припять» Н.П. Архипова обкрадывали трижды, поэтому ежедневно на дежурстве приходилось обязательно оставлять одного, а то и двух сотрудников. На зиму 1989/90 гг. в нашем доме был поселен один из знакомых чернобыльцев, и когда мы приехали весной 1990 г., все наше имущество оказалось в целости и сохранности. Правда, три дня ушло на «дезактивацию» дома: окурки выносили

ведрами, пустые бутылки – ящиками, но главное – дом был цел и все оборудование тоже.

На второй год наш сторож зимой сбежал, и когда мы приехали в Чернобыль 13 декабря 1990 г. для сдачи материалов по хоздоговорной теме, то застали наш дом в ужасном состоянии: в нескольких окнах были выбиты стекла, телефон, пишущая машинка, часть посуды, кое-что из постельного белья исчезли. На кухне даже плитка на стенах была побита, провода оборваны. При очередной командировке в Чернобыль весной 1991 г. оказалось, что наши усилия сохранить дом в жилом состоянии были напрасными. Все опять подверглось полному разгрому: печь была разбита, отопление разморожено, все выключатели, розетки и светильники вырваны, проводка опять оборвана, кровати, шкафы, столы и стулья увезены. Восстанавливать все это не имело смысла и было для нас не по силам. Пришлось распрощаться с улицей Комарова и перебазироваться в бывшую больницу, к ИОГеновцам, которые к тому времени приезжали в Чернобыль редко, сильно сократился и состав нашей институтской радиозоологической экспедиции. Чернобыль медленно, но верно шел к своему печальному финишу...

Полностью погибшие леса имелись и по левому берегу Припяти, так называемый «северный след», которые по площади превышали массивы «рыжего» леса по «западному следу». Но добраться к ним было трудно. В конце концов 1 мая 1990 г. наш отряд в количестве шести человек отправился по пока неизвестному нам пути.

Следует отметить, что когда мы заехали на левобережную территорию Припяти, то казалось, что попали совсем в другой мир: дороги были разбиты, дома в селах приземистые, покряквившиеся, с маленькими оконцами, многие из них были покрыты камышом. Полей стало мало, и начиная от Староселья и Кривой Горы справа от дороги потянулись многокилометровые болота, которые продолжались затем в белорусской части Зоны. Если бы не электропровода, то можно было представить, что мы попали в конец XIX – начало XX вв. На противоположном берегу припятской поймы четко было видны огромные здания Чернобыльской АЭС, светлые кубики домов в бывшем городе Припять, вокруг АЭС – паутина ЛЭП. Просто не верилось, что эти два берега существовали рядышком в одно и то же историческое время. И тогда я понял слова одной женщины с левобережья, которая обедала с нами за одним столом в «кормоцехе»: «Слава богу, что этот реактор взорвался, наконец-то мы теперь живем по-человечески, нам дали возле Киева новые

квартиры, с водой, отоплением, ванной и газом. Мы же погибали там в этих болотах! А после аварии, когда население вывозили оттуда, наши сельчане очень радовались!».

Через несколько километров подъехали к большому и, видно, ранее зажиточному старому селу Красное, в котором имела красивая старинная деревянная церковь, вдоль дорог и улиц росли огромные старые тополя, клены и другие деревья. Как свидетель печальной судьбы села служил указатель вблизи развилки дорог: «Генеральный скотомогильник – 75 м». Расположен он был почти в центре села и имел вид нескольких земляных валов высотой около 4-5 м, насыпанных, очевидно, с помощью бульдозеров. Но эта попытка попасть в «рыжие» леса из села Красное окончилась неудачей. Сразу за селом начиналась сеть широких и глубоких мелиоративных каналов, которые невозможно было преодолеть без лодки. Пришлось возвращаться.

Осенью 1989 г. после предварительной обработки собранного экспериментального материала возникла идея подготовить и издать монографическую работу, в которой были бы обобщены полученные данные за 1986-1989 гг., т.е. за четыре года после аварии. Фактически же по многим разделам у нас были сведения уже за пять, а по отдельным направлениям – даже за шесть лет (как, например, по динамике приростов древесины по радиусу ствола). За 1985-1989 гг. были получены и проанализированы материалы по биометрии хвои у сосны и ели, по приросту верхушечных и боковых вегетативных побегов, по анатомии и ультраструктуре мезофилла хвои, большой материал был накоплен по особенностям морфогенеза у сосны и ели при радиационном воздействии. Составив план монографии, я обсудил его с Анатолием Ивановичем Таскаевым, который поддержал меня и высказал пожелание ускорить подготовку книги. Следует отметить, что все авторы включились в работу весьма активно и рукопись монографии под заглавием «Радиационное воздействие на хвойные леса в районе аварии на Чернобыльской АЭС» в основном была готова уже в конце декабря 1989 г. Ее объем был сравнительно небольшим – около девяти печатных листов, но текст насыщен значительным фактическим материалом. Это была первая монографическая работа по чернобыльским лесам.

Однако возникла новая проблема – до 1990 г. все материалы по Чернобылью шли под грифом «Секретно», и хотя уже было принято постановление соответствующих органов о рассекретивании публикаций по последствиям аварии на ЧАЭС,

наш Главлит никак не хотел давать позволение на опубликование монографии в открытой печати без разрешения НПО «Припять». Там же дали согласие, но при условии, что в числе авторов будут один-два сотрудника НПО. Кроме того, подписать такое разрешение необходимо было в отделе информации Главного научно-технического и проектно-конструкторского управления Минатомэнергопрома СССР, которое возглавлял в то время д.т.н. Евгений Иванович Игнатенко, бывший ранее в течение трех лет Генеральным директором ПО «Комбинат» и находившийся в Чернобыле с первого дня аварии. Решено было обратиться прямо к нему с предложением написать для монографии раздел «Чернобыльская авария и ликвидация ее последствий», на что Евгений Иванович любезно согласился и в довольно краткий срок прислал свой раздел. 28 февраля 1990 г. мы получили официальное разрешение на публикацию монографии в открытой печати, а 7 марта 1990 г. она была подписана в печать тиражом 1000 экз. В конце апреля этого года работа была отпечатана.

С 22 по 24 мая 1990 г. проходило II Всесоюзное научно-техническое совещание по основным результатам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (итоги четырехлетней работы). В нем приняли участие 314 человек из 128 организаций, за три дня было заслушано 192 доклада. Они распределялись по шести секциям. Открыл совещание Генеральный директор вновь организованного Научно-производственного объединения «Припять» Михаил Александрович Седов. Он отметил, что теперь основной задачей НПО становится научная и научно-прикладная деятельность в трех направлениях: 1) радиационный и биологический мониторинг, 2) дезактивация и медико-биологические проблемы и 3) биологические исследования. В НПО были созданы Научно-координационный совет под председательством академика С.В. Беляева и Научно-технический совет под председательством первого зам. министра атомной энергетики и промышленности академика Б.В. Никипелова. По радиобиологическим и радиоэкологическим проблемам леса, а также организации специализированного лесохозяйственного подразделения в 30-км зоне выступили Ф.А. Тихомиров (МГУ), Г.М. Козубов (Институт биологии Коми НЦ УрО РАН), Н.Д. Кучма (НПО «Припять»), В.И. Самоплавский (министр лесного хозяйства Украины) и др. В их докладах отмечалось, что координация исследований по лесной тематике началась практически уже с 1986 г. и получила дальнейшее развитие после организации весной 1987 г. Комплексной чернобыльской радиоэкологи-

ческой экспедиции АН СССР, что позволило избежать дублирования работ в изучении пораженных лесов в 30-км зоне. Докладчики высказывали пожелания ускорить утверждение Комплексной целевой программы «Лес ближней зоны» и обеспечить ее финансирование.

Второе Всесоюзное научно-техническое совещание по основным результатам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС показало, что за четыре года проделана огромная работа, затрачены сотни миллиардов рублей, проведены большие объемы дезактивационных работ, но что делать дальше – ясности не было, как не было и каких-либо весомых результатов по ликвидации последствий аварии, но появилась надежда на международное сотрудничество, на то, как говорилось в известной книге Ильфа и Петрова – «заграница нам поможет». Привезенные с собой на совещание 20 экземпляров нашей монографии были разобраны почти мгновенно. Многие участники совещания обратились к нам с просьбой выслать ее в их адрес. Понравилась наша коллективная монография и руководству НПО. В монографии в сжатой форме был изложен большой экспериментальный материал и приведен анализ комплексных исследований за четыре года. В тот период это было первое издание подобного рода. Впоследствии ссылки на нашу монографию приводились практически во всех публикациях о чернобыльских лесах.

Погода в конце мая 1990 г. установилась хорошая, теплая, солнечная, и было решено «пробиться» на левый берег Припяти и все же осмотреть усохший лес «по северному следу», в который мы никак не могли попасть. В этот раз мы получили новые сведения о маршруте к погибшим северным лесам и появилась уверенность, что вторая поездка к ним все же будет не напрасной. Проехав бывшие населенные пункты Староселье, Кривая Гора, Зимовище, мы пересекли железнодорожную ветку на Славутич и круто повернули налево к железнодорожному мосту через р. Припять. Не доезжая несколько десятков метров до моста, мы повернули вправо, на заросшую проселочную дорогу и через километр въехали на прямую, довольно высокую дамбу. Проехав по ней около семи километров, мы оказались внутри массива мертвых сосновых лесов, представленных в основном молодняками, погибшими в 20-25-летнем возрасте. Большинство сухих деревьев уже упало и образовало труднопроходимые завалы.

В этих местах были заложены два экспериментальных участка – № 14 в летальной и 15 – в сублетальной зонах. Деревья

здесь, очевидно, быстро отмерли и на их ветвях хорошо сохранились замумифицированные собрания микростробилов (пыльников), а на отдельных побегах еще держались сухая бурая хвоя – и это через пять лет после острого облучения! Отобрав образцы древесины и хвои сосны, мы взяли обратный курс на Чернобыль. Во многом эта поездка врезалась нам в память необычайным обилием птиц и зверей, которые буквально кишели вдоль дамбы. По кромке болот не спеша прогуливались несколько лосей разного возраста, через топкое болото быстро двигалась цепочка из 15-20 диких кабанов, идущих буквально след в след, не обращая внимания на круживших вокруг них чаек и других птиц, которых кабаны, очевидно, спугнули с гнезд. Поразило нас обилие цапель – черных и белых, большинство из которых неподвижно, как изваяния, стояли на одной ноге, в качестве пьедестала им служили моховые кочки. Непрерывно над водной поверхностью стремительно проносились небольшие стайки уток, в основном селезней. В воздухе стоял непрерывный крик чаек. Это был настоящий природный заповедник, в котором вот уже пять лет практически не было человека. К сожалению, этому заповедному уголку скоро пришел конец. Уже к осени 1991 г. на дамбе появились десятки самосвалов с песком – началась отсыпка польдерной дамбы общей протяженностью 11.2 км, которая должна была отгородить от речного стока радионуклидное пятно в левобережной части поймы р. Припять. Для сооружения дамбы были завезены сотни тысяч кубометров песка, затрачены огромные средства. «Злые языки» утверждали, что дамба эта никакой пользы не принесет и сооружается только из-за того, чтобы создать для НПО фронт работ и как следствие – получить на два года солидное финансирование.

Одной из серьезных проблем, которая из года в год для нас усугублялась, была перегонка нашей машины из Чернобыля в Сыктывкар. С каждым годом она все больше загрязнялась и к 1990 г. отмыть ее от накопившейся радиоактивной пыли стало невозможно. Главная наша задача – проскочить без придирок через КПП. Из Зоны к тому времени можно было проехать «на свободу» через пять контрольно-пропускных пунктов. Самым демократичным из них был контрольный контингент КПП «Зеленый Мыс». Через него ежедневно шел поток автобусов и ведомственного транспорта из Чернобыля в вахтовый поселок Зеленый Мыс и обратно. Раз в месяц дежурные вахты на КПП менялись и, как правило, вновь прибывшие проявляли поначалу особую бдительность. На нашу беду в этот раз смена вахты

произошла 20 октября... Но во всем, что ни происходит, есть две стороны: дозиметристы, как и милиционеры, работали только второй день и опыта обследования автомашин у них еще не было. Наши контролеры провели дозиметрию довольно быстро и значительного повышения фона не обнаружили, после чего дали добро на выезд из Зоны. Все облегченно вздохнули, водитель наш от радости, как говорится, ударил по газам. Однако не успели мы отъехать и десяти метров от шлагбаума, как сзади раздался резкий свисток дежурного сержанта с требованием вернуться. Пришлось дать задний ход, радость наша сразу же растаяла, а в душе похолодело. Когда машина приблизилась к шлагбауму, из будки выскочил один из дозиметристов, в руке у которого находился пинцет с ватным тампоном. «Забыли сделать мазок», – пояснил он нам и полез под передний бампер машины, который мы перед отъездом снимали и особенно тщательно отмывали. Протерев тампоном бампер с внутренней стороны, наш дозиметрист побежал в будку КПП измерять активность «мазка». Через несколько минут он выглянул из будки и махнул нам, чтобы ехали дальше. На этот раз радость была уже более спокойной, и мы отъехали от КПП на небольшой скорости, а водитель наш заметил, что этого дозиметриста прислали, видимо, из гинекологии и без мазка он отпустить «пациента» просто не мог. Раздался дружный хохот и мы, все еще не веря в свою удачу, покатали на базу Комплексной черной экспедиции АН СССР в село Оранное.

Из кардинальных проблем для НПО «Припять» особо выделилась к 1990 г. проблема леса как одна из комплексных и долговременных, экологически важных для зоны аварии и сопредельных с ней территорий как в научной, так и в хозяйственной деятельности. Определенным толчком к практическому осуществлению такой программы стали разработанные мною и утвержденные Правительственной комиссией Совета Министров СССР (Постановление № 527 от 02.06.88 г.) предложения по стабилизации радиационной обстановки в 30-км зоне ЧАЭС. 25 февраля 1990 г. в Чернобыле состоялось расширенное заседание Научно-технического совета НПО «Припять», в котором приняли участие члены НТС и представители 14 НИИ и ведомств. Заседание совета было посвящено обсуждению проекта программы «Лес ближней зоны ЧАЭС». Вскоре эта программа была дополнена и доработана с учетом высказанных замечаний и 4 июля 1990 г. утверждена первым заместителем министра атомной энергетики и промышленности СССР академиком АН СССР Б.Н. Никипеловым. Программа состояла из шести разде-

лов, включающих 33 направления, в шести из них головной организацией являлся Институт биологии Коми НЦ АН СССР.

В конце 1989 г. Институт биологии Коми НЦ УрО РАН заключил с НПО «Припять» хоздоговор на выполнение научно-исследовательской работы на тему «Оценка и прогноз восстановительных процессов в хвойных лесах 30-км зоны ЧАЭС (1990-1991 гг.)». Материалы по данной теме мы начали собирать практически уже в 1987 г., когда были получены первые данные о начале репарационных процессов во второй половине вегетационного периода 1986 г., а также с весны 1987 г. – с начала второго вегетационного периода после острого облучения. В конце 1990 г. нами был представлен промежуточный, а в феврале 1992 г. – заключительный отчет по теме. Оба отчета получили высокую оценку в Отделе радиоэкологии и рекультивации НТЦ НПО «Припять». Как плановая госбюджетная, так и хоздоговорная тема выполнялась уже в рамках комплексной программы «Лес ближней зоны ЧАЭС». В 1990 г. в хоздоговорную тему был включен дополнительный раздел «Составление и публикация «Карты-схемы радиационного поражения лесов в 30-км зоне ЧАЭС» в масштабе 1:100000 с пояснительной запиской. Авторами карты-схемы являлись Г.М. Козубов, А.И. Таскаев, И.С. Федотов, Н.П. Архипов, В.С. Давычук, Ю.Д. Абатуров. В 1991 г. Карта-схема была отпечатана в Сыктывкаре тиражом 1000 экземпляров и в сентябре 1991 г. 900 ее экземпляров Институт биологии передал в НТЦ НПО «Припять». Это была первая карта, опубликованная в открытой печати, на которой была показана дислокация лесов с различной степенью радиационного поражения и приведены данные о поглощенных дозах в отдельных зонах по состоянию на 01.06.86 г.

В памяти всех граждан бывшего Советского Союза надолго сохранилось то «предгрозовое» состояние жизни в огромной стране в конце 1980-х–начале 1990-х гг. – накануне грядущих потрясений. Однако в 30-км зоне царил покойствие, продолжалось относительно неплохое снабжение, выполнялись плановые работы, хотя, безусловно, и здесь чувствовалось, что время перемен приближается. 1990 г. можно считать определенным «перевалом» в истории чернобыльской катастрофы. На фоне предстоящих потрясений в государственном устройстве и общественном строе СССР внимание к чернобыльским проблемам начало быстро угасать. Но, по всей вероятности, Минатомэнергопром СССР и руководство НПО «Припять» надеялись, что особое международное значение работ по ликвидации последствий чернобыльской аварии начавшаяся перестройка мало за-

тронет «государство в государстве» – НПО «Припять», а также саму Чернобыльскую АЭС.

Учитывая все сказанное выше, Академия наук СССР, Министерство атомной энергии и промышленности СССР, Научно-производственное объединение «Припять» приняли решение провести 11-18 сентября 1990 г. в пос. Зеленый Мыс Первую Международную конференцию по биологическим и радиологическим аспектам чернобыльской аварии. Конференция готовилась с большим размахом и средств на ее проведение организаторы не пожалели. Следует отметить, что эта конференция, пожалуй, была наиболее представительной и содержательной по объему обсуждаемых проблем, широте научно-теоретических материалов, изложенных в 230 докладах и распределенных по шести секциям. На конференцию приехали 78 иностранных ученых из ФРГ, США, Англии, Монако, Франции, Болгарии, Индии, Мексики, Нидерландов, Норвегии. В их числе были советник президента США М. Голдман, председатель Европейского отделения Международного союза радиэкологов профессор Льюис. В качестве гостя приехал известный генетик Жорес Медведев. В первой секции – «Радиобиология растений» – было представлено 49 докладов, из них четыре пленарных (Г.М. Козубов, Н.В. Куликов, Ю.Д. Абатуров, А.И. Щеглов). Сопредседателями секции были Ф.А. Тихомиров, Г.М. Козубов и Н.В. Куликов. От Института биологии Коми НЦ АН СССР на конференции было представлено 11 докладов.

Открыл конференцию директор НТЦ профессор Е.В. Сенин. С приветствиями выступили Генеральный директор НПС «Припять» М.А. Седов, заместитель председателя Киевского облисполкома К.И. Масик, народный депутат Верховного Совета СССР Ю. Щербак. Вел пленарное заседание заместитель научного руководителя Комплексной чернобыльской радиэкологической экспедиции АН СССР И.Н. Рябов. С интересным докладом выступил советник президента США М. Голдман. Он сообщил, что в США для мониторинга поверхности Земли широко используются космические аппараты – спутники, оснащенные системами для инфракрасной съемки, с орбитой, отстоящей от Земли на 500 км. Спутник, который обнаружил аномальные явления на ЧАЭС, проходил над станцией каждые восемь дней. Разрешение получаемых фотографий составило 30 м. Изменение в окраске крон деревьев вокруг ЧАЭС было обнаружено уже через 4-5 дней, но достоверно установлено только через 50 дней после аварии.

На конференцию приехало много сотрудников из институтов АН УССР (из Киева), из административных органов соседних с Чернобылем районов и т.д. В фойе развернули выставку картин, посвященных чернобыльской катастрофе, в том числе религиозной направленности. Люди сидели в проходах, на лестницах, зал был переполнен. Минатомэнергопром СССР не поспешил: всем участникам конференции бесплатно выдали «спецодежду» по полной выкладке – носки, трусы, майку, разных фасонов рубахи, хлопчатобумажные костюмы, туфли различных моделей (в основном устаревших), черные береты и папки с информационными материалами, но без тезисов. Последние продавались отдельно по 30 руб. за экземпляр, что по тем временам было довольно дорого. Питались все участники в Чернобыле, в «элитной» столовой «Сказка» (бывший детский сад). Для участников конференции привезли из Киева кондитерские изделия, в том числе коробки конфет «Вечерний Киев». Лесная секция работала в Доме культуры в Чернобыле, причем в ее заседаниях участвовали многие зарубежные ученые и обсуждение докладов проходило активно во многом благодаря прекрасному, я бы сказал артистическому переводу киевского специалиста-переводчика Ю.Б. Залевского.

Первая Международная конференция «Биологические и радиобиологические аспекты чернобыльской аварии» – своего рода пик в подведении итогов и анализе радиоэкологических и радиобиологических исследований в 30-км зоне. Эта конференция была первой и, к сожалению, последней, так как в последующие годы подобных форумов уже не проводилось.

Помимо трудностей в работе и быту, неустроенности в повседневной жизни, подъема в шесть утра на завтрак, почти ежедневных выездов на экспериментальные участки, радиоактивная опасность – вот основные чернобыльские «прелести». Но, наряду с такими безрадостными картинками, это ни с чем не сравнимый особый мир Богом забытой земли, как часто писали в газетах и журналах. Это мир, отчужденный от современной беспокойной и часто бестолковой жизни. Стоит отойти от шоссе на один-два километра в лес, как попадаешь в какой-то нереальный для современного человека мир, где нет людей, где свободно разгуливают лоси, олени, кабаны, где буйно восстанавливается природа 200-300-летней давности. После закрытия АЭС 30-км зона лишилась своего энергетического сердца. Человеческая цивилизация в этом еще совсем недавно интенсивно развивающемся районе стала все быстрее отступать перед натиском беспощадных первозданных природных

сил. Заработала «машина времени», ход которой был направлен в обратную сторону, назад к природе...

Что касается животного мира, то численность большинства диких животных в Зоне быстро возросла. В 1991-1992 гг. дикие кабаны уже свободно разгуливали по центральной улице Чернобыля – улице Ленина, причем не только ночью, но и среди белого дня. Улицы, где не было движения транспорта, так заросли, что продвигаться по ним приходилось только по звериным тропам, а в некоторых местах чуть ли не ползком. Особенно сильно заросла приречная часть города, где образовались буквально непроходимые «джунгли» из культурных и дикорастущих растений. Особенно красивы были эти заросли весной, когда сохранившиеся яблони, вишни и груши все еще продолжали буйно цвести. Через три-четыре года после аварии в Чернобыле наблюдалась вспышка размножения соловьев. В конце апреля – начале мая в отдельных садах давали почти круглосуточные концерты» по шесть-семь «солистов». По всем улицам и особенно по заросшим переулкам неслись сотни соловьиных трелей. Когда наступали вечерние сумерки, по дорожкам на улицах и в садах начинали шустро перебегать с места на место колючие ежики, в воздухе проносились летучие мыши. На опушках лесных массивов можно было наблюдать семейные группы лосей. Природа быстро забирала в свое владение еще недавно, казалось бы, незыблемые человеческие уголья.

К сожалению, на смену нормальному человеческому обществу приходили не только силы природы, но и отбросы человечества, разного рода жулики, воры, бандиты и так называемые бомжи. Когда наши дома по ул. Комарова в 1991 г. были окончательно разгромлены, в НПО нам предложили пройти по городу и подобрать любые подходящие для нас помещения. Нам были переданы списки свободных домов, в основном на центральных улицах Чернобыля, всего их было около 40. Когда же мы начали их осматривать, то оказалось, что почти 20 домов уже были заняты без ведома жилищно-коммунального отдела НПО, а проживающие в них чаще всего не работали в Зоне. По городу стало опасно ходить по ночам, да и в дневное время по глухим заброшенным кварталам тоже. Милиции было мало, да и желания у стражей порядка бороться с проникающей в Зону преступностью стало намного меньше. Дошло до того, что на автобусной остановке в центре Чернобыля стали продавать водку. Как нам сообщили «добрые» люди, там несколько в стороне от остановки стоит ПАЗик, а в нем сидят три человека, дверки автобуса открыты. Подходите к автобусу и спрашиваете: «Ав-

тобус в Киев пойдет?», если вам отвечают – «да», попросите: «Мне два билета до Киева», при этом протягиваете по 10 русских рублей и по 25 украинских купонов за каждый «билет». Получаете две бутылки горилки. Самое интересное, что метрах в 50 от ПАЗика стоит милицейский УАЗик с тремя милиционерами на борту. Очевидно, для соблюдения порядка...

12 октября 1992 г. оказалось последним днем нашего пребывания в Чернобыле. На душе было горько – последние два года были посвящены трудоемким, но интересным селекционно-генетическим исследованиям по отбору, испытанию и разведению радиоустойчивых высокопродуктивных форм сосны обыкновенной. Были получены первые урожаи семян от контролируемого опыления. Однако, обстоятельства сложились таким образом, что все работы в Чернобыле пришлось полностью свернуть. Финансирование хоздоговорных тем в Зоне прекратилось еще в декабре 1991 г. Бытовые услуги были практически сведены к нулю. Отношение к инорайонным экспедициям стало откровенно негативным. Дошло до того, что нам начали предъявлять требования оплаты за работу и проживание в Зоне в конвертируемой валюте, хотя официально подобные требования не выдвигались. Горючего не было, получить талоны на питание было весьма сложно. Стало ясно, что дальше работать в таких условиях невозможно. На прощание мы зашли в местный довольно старый парк, в котором находилась аллея героев гражданской и Великой Отечественной войн. Чернобыльская земля щедро полита русской и украинской кровью. Здесь в начале 30-х годов прошел страшный «голодомор», унесший в некоторых селах больше половины населения. По небольшому отрезку пути вдоль шоссе от Лютежа до Иванкова, а затем от Зеленого Мыса до Страхоlesья находится около двух десятков братских могил 1943-1944 гг., в каждой из которых захоронены останки 400-500 бойцов и офицеров, участников боев за Днепропетровский плацдарм. Значительная часть захоронений попала в 30-км зону. Немало полегло в 1941-1943 гг. в чернобыльских лесах и партизан.

У входа в городской парк на специальном пьедестале было установлено артиллерийское орудие, а в противоположном конце аллеи находился обелиск, в котором хранилось письмо чернобыльских комсомольцев, заложенное туда в начале 20-х годов и адресованное молодым строителям коммунизма с просьбой извлечь его в 2001 г. Оно было извлечено в указанный срок и торжественно прочтено на митинге, правда, среди его участников авторов письма уже не нашлось... На следующий день мы в

начале седьмого утра выехали в Киев на вахтовом автобусе и к 10 часам были уже в городе, далее до Москвы добирались поездом (он отправлялся в шесть вечера), так как самолеты уже не только из Сыктывкара, но и из Киева в Москву не летали. На следующий день в 13 часов мы уже сидели в нашем скором поезде № 28 «Москва – Сыктывкар», а к вечеру 15 октября 1992 г. три последних представителя нашего лесного радиобиологического отряда прибыли в столицу Республики Коми. Первый семилетний этап исследований в Чернобыльских лесах был невольной завершен. Предстояла еще немалая работа по анализу накопленных за эти годы данных, их обобщению и публикации итогов.

Безусловно, большой интерес для науки представляет динамика реабилитационных процессов в чернобыльских лесах после облучения их с различными поглощенными дозами и в связи с экологическими условиями мест их произрастания. Однако практически удалось провести обследование наших экспериментальных участков (после 1992 г.) только два раза – в октябре 2000 г. (на 15-й год после аварии) и в октябре 2007 г. (на 21-й год после аварии). Обследование провели участники работ в чернобыльской Зоне А.И. Патов и В.А. Козлов. Результаты этих обследований свидетельствуют, что в 30-км зоне в сосняках преобладают интенсивные восстановительные процессы во всех зонах, кроме летальной, причем наиболее высокой их интенсивность оказалась при поглощенных дозах в 20-25 Гр. К 21 году почти все деревья ели после облучения в дозе 2.5-5 и 8-15 Гр погибли. Таким образом, ель в районе Чернобыльской аварии проявила наибольшую радиочувствительность из древесных растений. Значительный спад ростовых процессов у ели проявился уже на 4-5-й год после острого облучения. Аномалии в морфологии шишек и хвои ели проявились в 1990 и 2000 гг. Через семь лет все эти ели погибли.

Измерения экспозиционных доз на поверхности почвы, проведенные на пяти экспериментальных участках, показали, что на двух из них дозы эти возросли за последние семь лет в два-три и более раза. Наиболее интенсивно морфофункциональные аномалии (радиоморфозы) проявились в последнее десятилетие в местах захоронения «рыжего» леса, где резко возросло поступление к поверхности почвы ^{90}Sr .

К сожалению, остается слабо изученной проблема отдаленной генетической реакции хвойных на радиационное воздействие в районе аварии на Чернобыльской АЭС. Пример с елью обыкновенной свидетельствует о том, что нельзя исключать

неблагоприятного исхода при продолжительном хроническом облучении в малых дозах, причем с повышением со временем экспозиционных доз на некоторых участках. Однако в последнее десятилетие активно вводится в радиоэкологическую литературу учение о так называемом самоочищении или автореабилитации радиационно загрязненных экосистем. Но сколько же лет должно пройти для самоочищения природных экосистем после радиационного загрязнения радиоизотопами плутония при плотности загрязнения 5-20 Ки/км², которое имело место в районе Чернобыльской катастрофы? И куда девать на этот многовековой период местное население, которое не хочет уходить с родных мест?

Нужно сказать, что леса в зоне аварии в основном искусственного происхождения и обязательно нуждаются в уходе и лесохозяйственном мониторинге. Они на значительной площади относятся к высокому классу горимости и при определенных погодных условиях могут подвергаться катастрофическому выгоранию на обширных площадях. Известно, что от радиационного загрязнения погибло около 800-1000 гектаров чернобыльских лесов, а от лесных пожаров в 1988-1990 гг. выгорело более 20 тыс. га. В лесах Зоны в последующие после аварии годы усилилась зараженность майским хрущом, сосновым шелкопрядом, корневой губкой, плотность дикого кабана составила 2-4 особи на км², а биомасса – 2-4 тонны на км². В заключение следует отметить, что многие проблемы в Чернобыле весьма сложны и требуют для своего разрешения проведения еще большого объема многолетних научных исследований.

Издание двухтомной сводки о Коми лесах

Леса Республики Коми, относящиеся к европейским бореальным лесам, имеют большое климато-регулирующее значение для большей части Европейского континента, на котором в настоящее время проживает, по разным данным, от 670 до 700 млн. чел. Развитие человечества в Европе насчитывает десятки тысяч лет. За этот период природный потенциал на большей части континента значительно истощился: полностью исчезли естественные степи, сильно вырублены высокопродуктивные дубравы, липовые и тисовые рощи, небольшими островками в горах представлены остатки лесов из кедра европейского. Почти полностью вырублены естественные леса в Великобритании, Испании, Франции, в западных районах Германии, что в

свою очередь привело к нарушению гидрологического режима на многих реках Европы.

Широкомасштабные природоохранные работы, развернутые в большинстве промышленно развитых стран Европы в XIX и XX вв., позволили в значительной степени восстановить лесной покров континента. В конце XX в. общая площадь европейских лесов составила около 300 млн. га, из которых 43.5% приходится на европейскую часть современной России. Лесопокрытая площадь в Республике Коми составляет около 30 млн. га, т.е. 10% от площади всех лесов на континенте. Образно говоря, каждое десятое дерево в Европе растет в Республике Коми. В лесах Коми сконцентрировано 2.8 млрд. м³ древесины, в том числе 2.2 млрд. м³ спелой и перестойной. Бореальные леса образуют мощную форпостную зону между Субарктикой и лесами умеренных широт. Эта зона обогащает проходящие над ней атмосферные потоки кислородом и биологически активными веществами, она является территорией глобального стока углерода. Здесь происходят крайне важные для Европы биосферные процессы обмена энергией, во многом определяющие климат большей части континента.

Природные лесные экосистемы Республики Коми играют значительную хозяйственно-экономическую роль как источник древесины, место произрастания многих пищевых растений – ягодных кустарников, высококачественных грибов, урожай которых оцениваются в сотни тысяч тонн. В лесах обитают ценные пушные и пищевые звери и птицы. Протекающие по лесам реки являются местом обитания и размножения лососевых и осетровых рыб. Велика роль лесов и как мест отдыха человека. Лес для местного коми населения является средой обитания и социально-этническим фактором, обуславливающим духовную жизнь народа, весь его уклад. Однако, за последнее столетие леса Коми подверглись значительному техногенному прессу. В этот период из них вывезено около 1.5 млрд. м³ древесины, только за последние 50 лет пройдено сплошными рубками более 5.5 млн. га лесов. Каких-либо фундаментальных сводок по лесам Коми, динамике лесопользования, характеристике лесорастительных условий и ряду других лесобиологических проблем практически нет, хотя нельзя не отметить издание «Производительные силы Коми АССР» (1961 г.). В многотомной сводке «Леса СССР» лесам Коми АССР отведено только 20 страниц.

Идея издания фундаментального труда о лесах Республики Коми возникла у меня еще раньше, когда я ознакомился с ма-

териалами исследований по лесной тематике, проведенным в Коми филиале АН СССР почти за 50 лет. Однако работы, выполняемые по Государственной программе «Экология» в зоне аварии на Чернобыльской АЭС занимали практически все основное время у ряда сотрудников Отдела лесобиологических проблем Севера. К 1994 г. все исследования в районе Чернобыля были полностью свернуты. В 1993 и 1994 гг. я был занят подготовкой к печати и изданием второй монографии по чернобыльским лесам, которая вышла из печати в январе 1995 г. в Санкт-Петербургском отделении издательства «Наука» (Г.М. Козубов, А.И. Таскаев. «Радиобиологические и радиозоологические исследования древесных растений»). В конце 1995 г. я предложил А.И. Таскаеву издать фундаментальную сводку по лесам Республики Коми, которая могла бы послужить научным и справочным пособием для широкого круга специалистов, аспирантов и студентов лесного профиля. Эту идею он поддержал, и вскоре собрался предполагаемый авторский коллектив: С.В. Дегтева, В.А. Мартыненко, И.В. Забоева, К.С. Бобкова, Э.П. Галенко, Г.М. Козубов и А.И. Таскаев.

К этому времени я подготовил проект плана монографии, определил предполагаемый состав редколлегии, возможные сроки подготовки и издания книги. Все эти предложения были размножены и розданы сотрудникам отдела. К этому времени я после неоднократных просьб был освобожден от должности зав. отделом и на мое место был избран д.с.-х.н. В.В. Пахучий, который тоже присутствовал на этом совещании. Всех, кому были розданы проекты плана монографии, попросили дать конкретный ответ: нужно ли такое издание и будут ли они участвовать в его подготовке. При этом открытом обсуждении те, кто не был включен в авторский коллектив первого тома «Леса Республики Коми», ушли от прямого ответа, но большинство предполагаемых авторов высказались за издание такой книги. А.И. Таскаев твердо заявил, что книга нужна и готовить ее будем обязательно. Издавать ее решили под редакцией Г.М. Козубова и А.И. Таскаева. Срок издания – 1999 г.

В семи главах первого тома были рассмотрены природные условия, растительность и флора Республики Коми; морфолого-таксономическая характеристика и биоэкологические особенности основных лесобразующих пород; светохвойные и темнохвойные леса; лесорастительное районирование Республики Коми; охраняемые леса. В конце книги приводились списки растений на латинском и русском языках, названия растений на коми языке. Общий объем книги составил 332 страни-

цы, т.е. 38.6 печ. листа. Приведенные в этом томе материалы представляют несомненный интерес для лесной геоботаники, лесоведения, географии растений, организации долгосрочного лесобиологического мониторинга, проведения экологических экспертиз, оценке возможного ущерба природе от осуществления широкомасштабных хозяйственных мероприятий. В Институт тираж книги (2000 экз.) поступил в первом квартале 2000 г.

Практически книга была готова почти на год раньше, но издательство, которое раньше именовалось «Дрофа. ДиК», вступило в фазу деления. «Дрофа» – часть издательства, которая специализировалась в основном на изданиях учебников, не желала далее совмещать свою деятельность с «ДиК» (Дизайн и Картография). Передел, как всегда, сопровождался «военными действиями». Даже не обошлось без стрельбы. В результате выпуск нашей монографии затянулся почти на год. Но мы не теряли времени даром и начали интенсивную подготовку второго тома – «Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми». Следует отметить, что с этим томом пришлось поработать значительно больше, чем с первым. Если в первом томе было семь глав и восемь авторов из Института биологии, то во втором – 17 глав и 28 авторов, причем половина из них была из сторонних организаций: Комитета лесов Республики Коми (В.Д. Пручкин, В.Д. Обухов, М.Ф. Шутиков, П.А. Перчаткин, В.И. Сапелкин); Сыктывкарского лесного института (Н.М. Большаков, В.Ф. Свойкин); АО «Сыктывкарский ЛПК» в тот период (М.Ю. Магий, Д.А. Радченко, В.Г. Фридман) и некоторых других.

Том второй настоящей коллективной монографии состоит из двух частей. В части первой – «Лесное хозяйство Республики Коми» – приведены многолетние материалы по истории освоения лесов, становлению лесопользования и современной организации лесного хозяйства, по динамике лесопользования и лесовосстановления, организации лесосеменного хозяйства, повышению продуктивности и защите лесов, их рекреационной роли. Рассмотрены региональная лесная политика, пути формирования и развития лесных комплексов в переходный период, лесное законодательство в республике. В отдельной главе приведены материалы о становлении и перспективах Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. Во второй части монографии – «Лесные ресурсы Республики Коми» – дана характеристика лесного фонда, изложены по состоянию на конец XX в. материалы о перспективах рационального использования лесных ресурсов: древесных, технического сырья, ягод и грибов,

медоносных и лекарственных растений; по освоению и охране болот, использованию пастбищ и сенокосных угодий, о промысловой фауне и организации охотничьих хозяйств. Также во второй части данной книги рассмотрены общие и экономически доступные запасы древесины, их распределение и динамика по районам республики с учетом их товарной структуры и сортиментно-сортной характеристики. Основные типы болот, характерных для республики, закономерности их размещения и пути хозяйственного освоения рассмотрены в главе 15. В заключительной 17-й главе (Г.М. Козубов, А.И. Таскаев) рассмотрены перспективы развития лесного хозяйства Республики Коми в XXI веке.

Второй том вышел из печати в мае 2000 г. тиражом 2000 экз. Его объем составил 512 страниц, т.е. 59.52 печ. листа. Общий объем обоих томов почти 100 печ. листов. Следует отметить, что уже через две-три недели оба тома «пошли в работу» – прежде всего их стали использовать студенты и преподаватели Сыктывкарского университета, Коми государственного педагогического института и Сыктывкарского лесного института. С их использованием подготовлены и защищены сотни курсовых и десятки дипломных работ. На них были получены отзывы с высокой оценкой из нескольких научных и высших учебных заведений. Рецензия на обе книги была опубликована в финском лесном журнале. В августе 2001 г. пять ведущих авторов «Лесов...» (Г.М. Козубов, К.С. Бобкова, Н.М. Большаков, В.Д. Пручкин, В.В. Пахучий) были удостоены дипломов лауреатов Государственной премии Республики Коми в области науки.

ЭПИЛОГ

Еще одно, последнее, сказанье
и летопись окончена моя...

А.С. Пушкин

Оценить всю жизнь человека, да еще довольно продолжительную, особенно в столь сложном историческом периоде, как большая часть XX в. в России, весьма сложно. Но дать самооценку ей при этом еще сложнее. Единственный выход – это критически проанализировать те отзывы, которые появились в печати о работах, выполненных в руководимых автором небольших, но, как правило, высокопродуктивных коллективах. Должен сказать, что, как ни странно, но ни одной критической публикации в мой адрес за всю жизнь не было. Я всегда стремился в своих исследованиях к чему-то новому, где можно было бы проявить себя с пионерной стороны: это применение электронной микроскопии, цитофотометрии, люминесцентной микроскопии в цитоэмбриологии хвойных, произрастающих в экстремальных условиях Севера. С 1986 г. основное время я отдавал исследованиям последствий радиационного воздействия на хвойные деревья в районе аварии на Чернобыльской АЭС.

На вопрос, как была прожита моя жизнь, я могу ответить – так, как я хотел и мечтал в юности! Недавно по телевизору на вопросы ведущего отвечал академик, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, и он ответил также, хотя на его долю, как и на мою, выпало немало трудностей в жизни. И можно считать вполне оправданным выражение, что «человек сам кузнец своей жизни». Однако при этом следует отметить, что большую роль играет сложившаяся в этот период общественно-политическая обстановка в стране. Я могу с полной ответственностью утверждать, весь опыт моей жизни также об этом свидетельствует, что советский строй создавал благоприятные условия для получения высшего образования и дальнейшей подготовки к научной деятельности молодого ученого, фактически не имевшего никакой недвижимости и ни копейки на счетах в банках, хотя следует заметить, что всех студентов в тот период, когда я учился, обязывали открывать счет в сберкассе на сумму не менее пяти рублей и ежегод-

но подписываться на заем не меньше, чем на размер стипендии. Но, как правило, при желании можно было подработать в качестве лаборанта, сторожа, на подсобных работах на стройках, которые постоянно велись в институтах (например, во Львове все пять новых общежитий были построены с участием студентов). Во время производственных практик многие студенты устраивались временно на штатные должности в лесхозах и различных экспедициях.

Мое поколение уже в начальной школе имело возможности фактически неограниченного доступа к богатым фондам детской и научно-популярной литературы в библиотеках, посещаемость которых была в полном смысле всенародной и бесплатной. Много давало в подготовке специалистов того или иного профиля участие в кружках и секциях во Дворцах пионеров, станциях юных натуралистов, а также часто организуемые встречи с учеными, инженерами и особенно с военными, представителями армии и флота. Но грянувшая война, когда бомбы и снаряды рвались не на киноэкранах, а рядом с тобой, когда на твоих глазах вешали и расстреливали не манекены, а живых людей, сразу же разметала детские иллюзии о нашей непобедимости и юность ушла навсегда... Жизненный опыт, когда каждый день нужно было думать, где достать керосин, откуда принести воды, которую можно было бы пить, куда лучше забраться при объявлении воздушной тревоги и т.д., не заменят ни учения, ни трагические описания войны, ни кинофильмы. Чтобы понять войну, нужно самому пару раз попасть в массированную бомбежку, увидеть растерзанные тела, которые несколько минут назад были живыми людьми, а вместо груды кирпича и штукатурки стояли жилые дома...

Война – это, пожалуй, одно из самых сильных воздействий на весь последующий период жизни, у кого он еще остался после ее окончания. Это «горнило», которое закаляет организм ее участников, но часто ожесточает его психику, особенно в первые годы после войны. Можно вполне ответственно утверждать, что первой ступенью к нормализации жизни в стране стала отмена карточной системы и денежная реформа в конце 1947 г. Но, к сожалению, положение с оплатой труда и расчеты за выполненную работу по трудовым дням в сельском хозяйстве все еще находились в критическом состоянии. Главное, чем характеризовались первые послевоенные годы – это вера населения в перспективы, в скорое восстановление народного хозяйства страны после четырех лет разорительной войны. При этом нельзя не отметить, что массовая передислокация промышленных предприятий в восточные регионы способствовала общему росту технической оснащенности страны и значительному совершенствованию выпускаемой техники.

Это прежде всего выпуск новых моделей самолетов и автотранспорта, реконструкция металлургического производства, повышение качества выпускаемой радиотехники и т. д. В определенной мере этому способствовали поставки в годы войны техники по ленд-лизу, а также участие в восстановительных работах сотен тысяч плененных немцев и японцев.

В счет репараций из Германии вывозились иногда целые заводы, как, например, завод по выпуску малолитражек «Опель-Олимпия» (будущий «Москвич»). По совместному решению стран-победителей Советскому Союзу передавались многие военные и пассажирские суда (в том числе злополучный «Адмирал Нахимов»). В большом объеме поступало научное оборудование, в том числе из знаменитого концерна «Карл Цейс-Йена», электронное оборудование. Много техники поступало из Германии в лесную промышленность СССР – лесовозные сцены и пассажирские вагоны для узкоколейных железных дорог, лебедки для трелевки древесины и оборудование для нижних складов, кабели, передвижные электростанции (например, ПЭС-40) и др. Целые коллективы лесопунктов в северных регионах страны состояли из немцев-переселенцев из южных районов Украины и немецких районов Поволжья. Нельзя не отметить, что после смерти Сталина в течение двух-трех лет на многих стройках, при прокладке дорог и на лесозаготовках продолжали трудиться миллионы репрессированных и только после XX съезда КПСС началась массовая их реабилитация. Государственная машина советского строя медленно останавливалась свой ход, но чем ее заменить, похоже, ни в тот период, ни в наши дни никто ничего внятного не предложил. Хочется верить, что такая огромная страна, как Россия, вернет свое ведущее положение в мире и заставит уважать себя соответственно своей исторической миссии – содействия связи Запада с Востоком, и что это произойдет не путем гонки вооружений, а благодаря достижениям в интеллектуальной сфере и прежде всего в науке.

За свои 56 лет трудового стажа, из которых более 40 лет прошло в системе Академии наук, я старался сделать все, что было в моих силах для развития науки в такой сложной, но в то же время слабо развитой отрасли, как биология леса. Я рад, что с моим участием в лесную науку пришли такие методы исследований, как электронная и люминесцентная микроскопия, некоторые дистанционные методы изучения морфо-физиологических процессов, в основном в экстремальных условиях Севера. Я всегда старался по мере возможности оказывать консультативную помощь своим коллегам из Воронежа, Уфы, Литвы, Латвии, Грузии, Якутии. 15 аспирантов и три докторанта успешно защитили диссертации под моим руководством и консультативной помощи. Наши работы были

высоко оценены академиками А.Н. Белозерским, А.Л. Курсановым, чл.-корреспондентом АН СССР М.Н. Мейселем, такими крупными эмбриологами, как В.А. Поддубной-Арнольди, Н.В. Цингер, Е.Г. Мининой, Т.П. Некрасовой, анатомами Н.Е. Косиченко, А.А. Яценко-Хмелевским, А.Я. Любавской. Широкое признание получили результаты наших исследований, проводимых в составе комплексной радиобиологической экспедиции Института биологии Коми научного центра УрО РАН в течение семи лет. Правительственная комиссия одобрила предложенные нами мероприятия по стабилизации радиационной обстановки в Чернобыльских лесах.

Научное наследие любого исследователя определяется прежде всего его опубликованными работами и их спросом. Просматривая каталог в ленинградском магазине «Академкнига» на Литейном проспекте и в московском на ул. Горького, недалеко от здания Моссовета, я нередко встречал «творения» знакомых мне лиц, которые уже пролежали в этих магазинах пять, восемь и более лет практически без спроса. Невольно задаешься вопросом – а для кого они вообще издавались и кто оплатил все расходы по их публикации? На этот вопрос я всегда мог дать ответ, что практически все монографии, подготовленные и изданные при моем участии, на прилавках «Академкниги» не залеживались. О научной и практической их значимости свидетельствуют приглашение меня в качестве научного эксперта в Федеральный суд США (штат Пенсильвания) по проблемам аварии на АЭС «Три Майл Айленд» (1995 г.), присуждение Премии Президиума АН СССР им. К.А. Тимирязева (1972 г.), Государственной премии Коми АССР в области науки (2001 г.), Премии Президиума Уральского отделения РАН им. Н.В. Тимофеева-Ресовского (2007 г.).

Однако, лучшая оценка жизни любого человека – это время, когда, к сожалению, ему уже никакие оценки не нужны...

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Геннадий Михайлович Козубов

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РУССКОЙ НАУКИ
В XX ВЕКЕ**

Оригинал-макет и корректура Е.А. Волкова

Лицензия № 19-32 от 26.11.96 г. КР от 03.03.97 г.

Компьютерный набор. Подписано в печать 30.12.2007. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25.0. + наклейка 2.0. Тираж 200 экз. Заказ № 38(07).

Информационно-издательская группа
Института биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 28.

Бабушка Козубова Мария Анисимовна с дочерьми Аней (слева) и Олей (справа) в 1909 г. Мария Анисимовна умерла от чахотки в 1912 г. в возрасте 48 лет.

Двоюродная тетка (по деду) – Козубова Анастасия Гавриилловна (Одесса, 1902 г.).

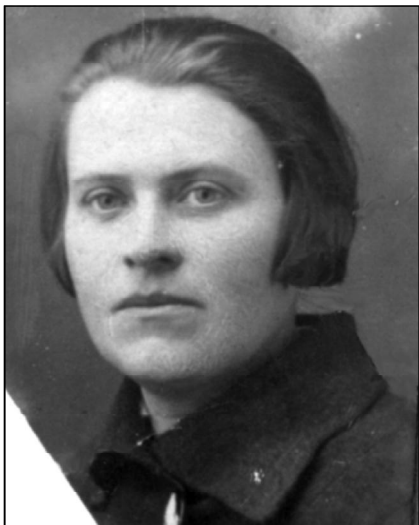
Козубова Анна Трофимовна – будущая мать Геннадия Михайловича (Одесса, 1920 г.).

Гене полтора года.

Он же в пятом классе
(5 ноября 1940 г.).

Козубова Анна Трофимовна (*вверху слева*, 1938 г.). Хорев Иван (*вверху справа*), в 1942 г. последним покинул Севастополь. Тетка Женя с дочкой Светланой (*внизу слева*, 1945 г.). Анна Трофимовна, Геннадий Михайлович и тетка Женя (*внизу справа*). Одесса, 1955 г.

Коллектив Русской средней школы № 12 в г. Коломыя после окончания 1945/1946 учебного года. В верхнем ряду второй и третий слева – неразлучные друзья Олег Ильин и Гена Козубов.

На уроке химии в 10-м классе, 1946 год (*внизу*). Третий и пятый слева – наши фронтовики В. Задорожный и О. Кирюшкин. Крайний справа – Г. Козубов.

Митинг у городской ратуши в день выборов в Верховный Совет СССР (10 февраля 1946 г.).

На *нижнем* снимке – голосую на своем избирательном участке впервые в жизни (5 февраля 1946 г. мне исполнилось 18 лет). На следующий день этот снимок был опубликован в городской газете.

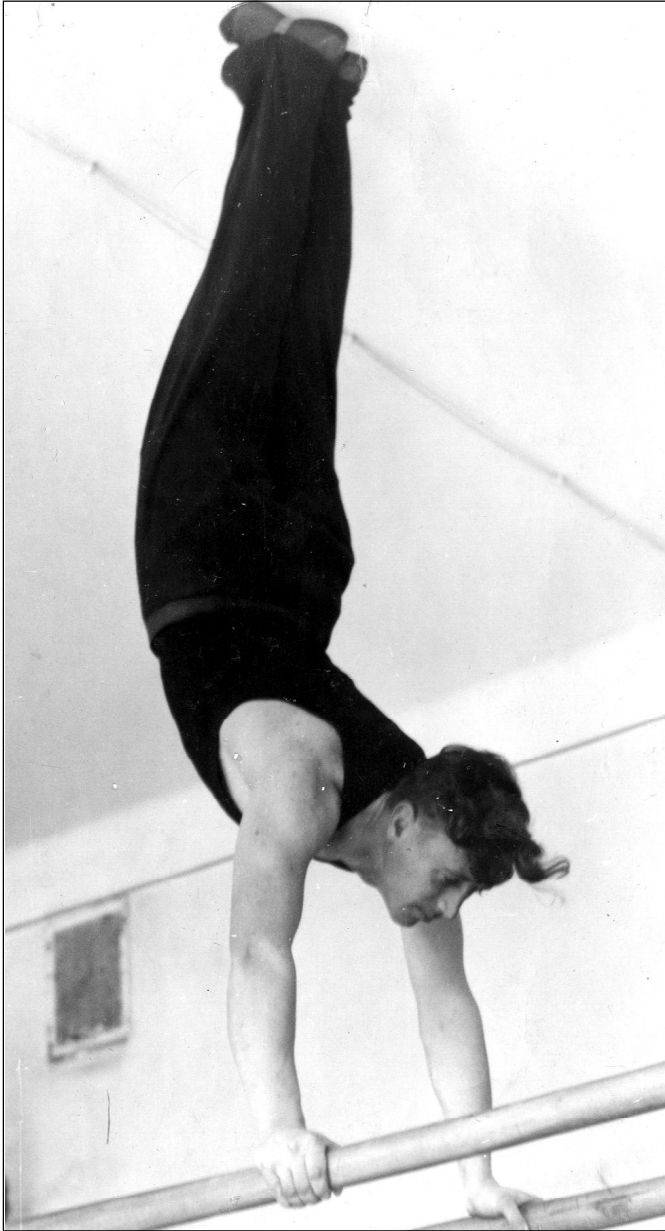

«Вечерние шахматные матчи» в общежитии Одесского гидрометеорологического института (1947 г.). Основной оппонент – Яша – один из двух абсолютно одинаковых братьев-близнецов. В центре два постоянных болельщика-фронтвика.

На снимке *слева* – подъем по «камину» – тренировка по скалолазанию в альплагере «Накра» (1950 г.).

Справа внизу «моряк» уходит в лес – отъезд во Львовский лесотехнический институт (август 1949 г.).

Вечерняя тренировка в «малогобаритном» спортивном зале Львовского лесотехнического института (1951 г.).

На преддипломной практике в Горном Алтае (июль-сентябрь 1952 г.). С новым ружьем ИЖ-49 на перевале Ай-Гулак (вверху).

Гигантский «куст» лиственницы сибирской в Онгудайском урочище (внизу). Возраст около 600 лет. Диаметр ствола у самого крупного дерева – около 150 см.

Возвращение из командировки по основному местному водному пути – р. Вига в пос. Судай Костромской обл. (сентябрь 1955 г.).

Готовится полевой обед на костре (внизу). Карелия, 1957 г. На запах супа через 10-15 минут на просеку вышел медведь, но увидев вооруженного конкурента, повернулся и ушел в лес.

Весной 1957 г. лесники захватили трофей – медвежонка – и «подарили» его мне за две бутылки водки. Через три дня из-за буйного характера малыша его пришлось сдать в городской лесхоз.

Весной 1960 г. нам с шофером Н. Ивановым удалось попасть на нерест плотвы. За два часа улов составил около 30 кг рыбы (*верхний снимок справа*).

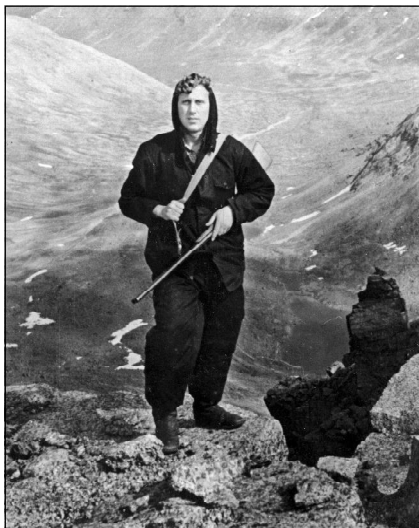
На охотничьем привале в Вендюрских лесах (*нижний снимок*). Слева направо: А.В. Фрейндлих, Г.М. Козубов, В.И. Шубин (вид на лысину), «заливает» очередную байку И.А. Кузьмин (1974 г.).

Экспериментальные работы по валке деревьев сосны с корнями. Погрузка хлыстов с корнями на лесовоз (*верхний снимок*).

Разделанные корневые системы вдоль лесовозной дороги. Экипаж машины боевой – С-100 (Кондопожский леспромхоз, 1958 г.).

Обследование центральной части Хибинских гор в районе пика Ферсмана (1200 м н.у.м.), в поясе горных тундр и гольцов. *Верхний снимок, слева* (1961 г.).

Проведение контролируемого опыления сосны на экспериментальном участке «Нелгомозеро» *(справа вверху, 1963 г.)*.

Осмотр прививочной лесосеменной плантации ели в Латвии (1974 г.). У обильно плодоносящей прививки *(на нижнем фото)* справа налево: к.б.н. Е.Г. Орленко (БелНИИЛХ), д.б.н. Г.М. Козубов (Институт леса Карельского филиала АН СССР), профессор А.В. Кундзиньш и к.б.н. М.П. Лаура (ЛатНИИЛХП, 1974 г.).

Осмотр сосновых лесов на островах прибрежной части Белого моря, на широте Северного полярного круга. Слева – научный сотрудник Финского лесного института Ээро Малвиваара, справа – Г.М. Козубов.

На нижней снимке – обследование тундровой растительности на островах, расположенных в открытом море. На почве распростерты кусты можжевельников обыкновенного и сибирского, стланиковые ели, покров в основном лишайниковый. Справа налево: с.н.с. Института леса М.И. Великайнен, Г.М. Козубов и юный помощник.

Определение высотного профиля лесного пояса на западных склонах Хибинских гор барометрическим методом. Патриот Севера к.б.н. В.С. Шайдуров (слева) и Г.М. Козубов (справа). Июль 1963 г.

На нижнем снимке – обследование состояния лесов в долине Рамзая. Небольшой перекур. Небывало жарко (июль 1972 г.).

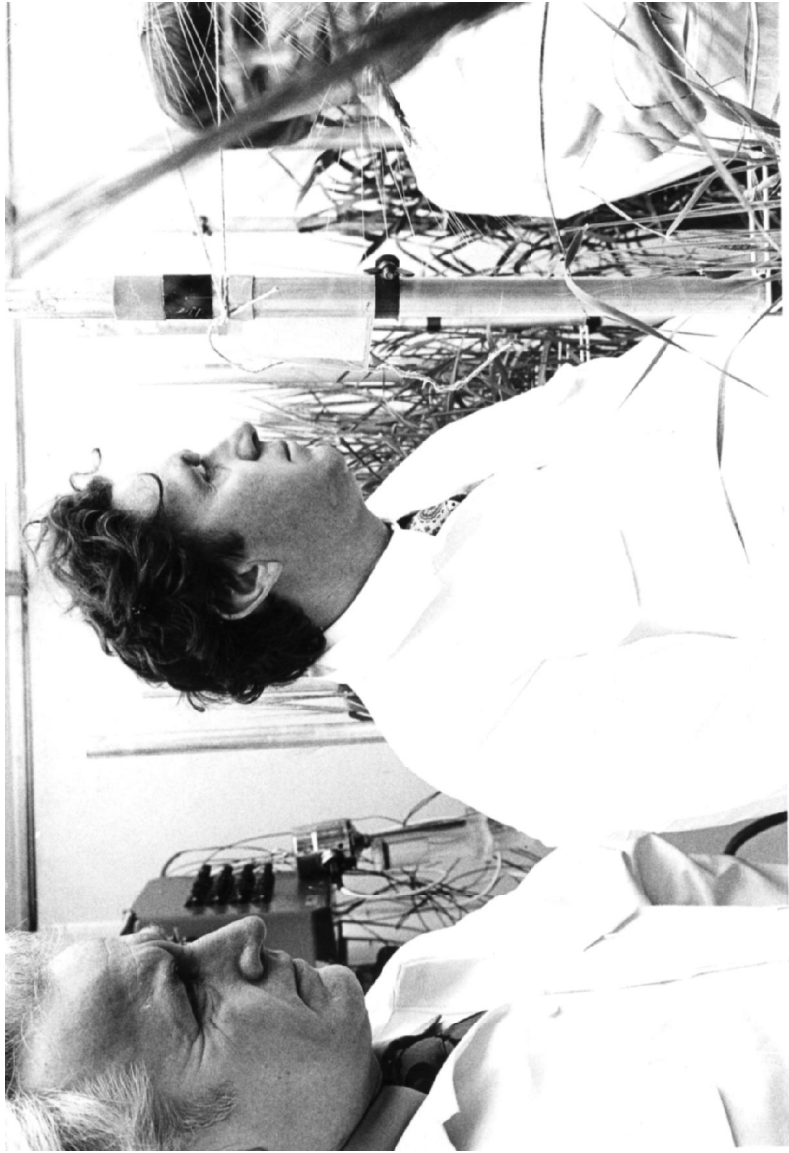
Групповой снимок коллектива лаборатории цитологии, селекции и семеноводства Института леса Карельского филиала АН СССР перед отъездом Г.М. Козубова (в центре) на работу в Львовский лесотехнический институт (6 января 1978 г.). Часть сотрудников отсутствовала в связи с выездом в командировку.

Выступление с приветственным словом на чествовании директора Лаборатории лесоведения АН СССР, члена-корреспондента АН СССР А.А. Молчанова в связи с его 70-летием (1 сентября 1972 г.).

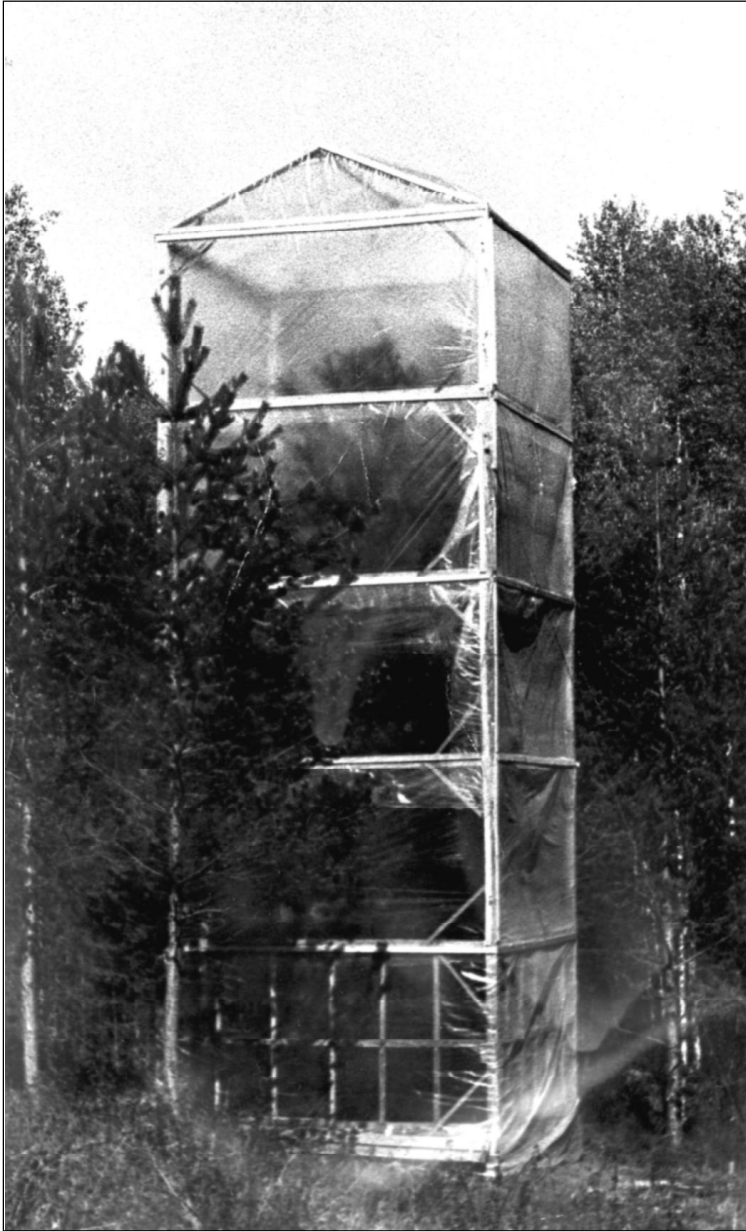
Осмотр бывшего экспериментального участка «Нелгомозеро», на котором проводились исследования по стимуляции плодоношения сосны с 1965 по 1974 г. Зимой 1974/1975 гг. все строения на участке были сожжены «любителями природы». На снимке слева направо: к.с.-х.н., старший научный сотрудник Э.Я. Ронис (ЛатНИИЛХП), д.б.н. Г.М. Козубов и аспирант А.В. Яковлев (Институт леса Карельского филиала АН СССР). Июнь 1975 г.

Осмотр дендрофитотрона в Швеции. Слева направо: к.с.-х.н. Э.Я. Ронис (ЛатНИИЛХП), д.б.н. Г.М. Козубов (Институт леса, Карелия), пояснения дает научный сотрудник дендрофитотрона (декабрь 1975 г.).

Шведская делегация на плюсовом участке сосны в Карелии. Пояснения дает директор Института леса к.с.-х.н. В.И. Ермаков; за ним стоят проф. Г. Эриксон и доктор А. Дунберг (плохо видны), в центре – акад. К.-Р. Самуэлсон, справа от него – Г.М. Козубов (август 1976 г.).

Сборная пленочная камера для подкормки сосны CO_2 . Конструкция к.б.н., с.н.с. П.В. Тихова. Карелия, 1980 г.

В Сыктывкаре на празднике и в труде: на демонстрации 7 ноября 1988 г. в честь 71-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. На *верхнем снимке* слева направо: ученый секретарь Института биологии Э.П. Галенко, зав. отделом лесобиологических проблем Севера Г.М. Козубов, директор Института биологии А.И. Таскаев.

На *снимке внизу*: Г.М. Козубов на субботнике в День науки 22 апреля 1983 г.

Визит дружбы и научного сотрудничества латвийских селекционеров в Республику Коми. Осмотр прививочной лесосеменной плантации в Сысольском лесхозе. Слева направо: зав. лабораторией лесовосстановления к.с.-х.н. В.Б. Ларин, проф. Г.М. Козубов, зав. отделом лесной селекции ЛатНИИЛХП д.с.-х.н., проф. Д.М. Пирагс и зав. лабораторией того же отдела к.с.-х.н. И.И. Бауманис (июль 1983 г.).

Обсуждение материалов, полученных при изучении облученных лесов в 30-км зоне аварии на ЧАЭС. Слева – научный руководитель радиобиологической экспедиции Института биологии Коми НЦ УрО РАН А.И. Таскаев, справа – научный руководитель лесного радиобиологического отряда Г.М. Козубов (1990 г.).

Представители первого лесного радиобиологического «мини-отряда» в Чернобыле: *вверху* научный руководитель Г.М. Козубов, *внизу* – научные сотрудники С.В. Кузванова (Загирова) и Н.В. Ладанова, старший лаборант В.В. Алексеев (3-13 октября 1986 г.).

Полевой отряд «лесников» прибыл в чернобыльскую зону в шестой раз. В г. Припять у «Прометей». У экспедиционной машины: А.И. Топорков, С.Н. Сенькина, В.В. Алексеев, Г.М. Козубов, В.А. Артемов (апрель 1988 г.).

На нижнем снимке встреча с академиком-секретарем Отделения общей биологии, научным руководителем Комплексной радиоэкологической Чернобыльской экспедиции АН СССР В.Е. Соколовым. В первом ряду: В.А. Козлов, академик РАН В.Е. Соколов, Г.М. Козубов, зам. директора ИЭМЭЖа по АХЧ; во втором ряду: И.Н. Рябов, Б.В. Тестов, В.Л. Печуренков. Май 1989 г.

Полностью погибший сосновый лес в районе пос. Янов. Летальная зона.
1989 г.

Для ознакомления с проведением совместных работ в составе лесного радиобиологического отряда Института биологии в Чернобыль прибыла во главе с директором группа специалистов Института ботаники им. Н.Г. Холодного АН УССР, вице-президентом АН УССР академиком К.М. Сытником (в центре группы). Припять, август 1988 г.

Проф. Г.М. Козубов и заместитель главного инженера Производственного объединения «Комбинат» к.ф.-м.н. В.В. Зверков осматривают экспериментальный участок «Лесопитомник» вблизи усадьбы Ново-Шепеличского лесничества (*верхний снимок*). Октябрь 1988 г.

Взятие образцов хвои сосны разного возраста на усадьбе Ново-Шепеличского лесничества. На снимке слева направо: В.В. Габукова, зав. лабораторией физиологии и биохимии растений Института леса Карельского НЦ РАН; проф. Г.М. Козубов; ведущий инженер Института экологии растений и животных УрО РАН В.Н. Алексахенко; зав. аналитической лабораторией Института леса Карельского НЦ РАН В.А. Козлов (август 1988 г.).

Радиационно индуцированные аномалии по форме крон у ели при облучении в дозе 4-5 Грей на лесном питомнике. Возраст ели при остром облучении в 1986 г. – 8 лет. Снимки выполнены в 1990 г. – на пятый год после острого облучения: *на левом* – «ель с шапкой», наиболее часто встречающаяся аномалия по форме крон у ели, *справа* – редко встречающаяся ель с раскидистой кроной.

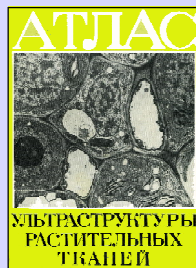

Известный ученый-генетик Жорес Медведев беседует с участниками совещания, состоявшегося в сентябре 1990 г. в Зеленом Мысу.

Атлас ультраструктуры растительных клеток / Под ред. **Г.М. Козубова**, М.Ф. Даниловой. – Петрозаводск, 1972. – 296 с.

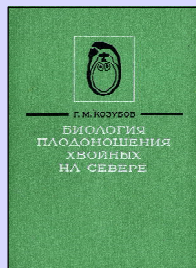
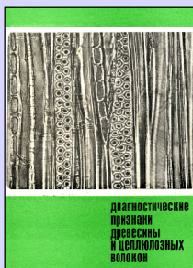
Атлас ультраструктуры растительных тканей / Под ред. М.Ф. Даниловой, **Г.М. Козубова**. – Петрозаводск, 1980. – 456 с.

Диагностические признаки древесины и целлюлозных волокон / Под ред. **Г.М. Козубова**, Н.П. Зотовой-Спановской. – Петрозаводск, 1976. – 152 с.

Г.М. Козубов

Биология плодоношения хвойных на Севере. – Л.: Наука, 1974. – 136 с.

Г.М. Козубов, А.И. Таскаев
Радиобиологические исследования хвойных в районе Чернобыльской катастрофы. – М., 2002. – 272 с.

Г.М. Козубов, А.И. Таскаев
Радиобиологические и радиозоологические исследования древесных растений. – СПб., 1994. – 256 с.

Г.М. Козубов
Семь лет в Чернобыльских лесах. – Сыктывкар, 2004. – 160 с.

Г.М. Козубов, Е.Н. Муратова
Современные голосеменные. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

Леса Республики Коми / Под ред. **Г.М. Козубова**, А.И. Таскаева. – М., 1999. – 332 с.

Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми / Под ред. **Г.М. Козубова**, А.И. Таскаева. – М., 2000. – 512 с.

Фундаментальные публикации профессора **Г.М. Козубова** (в качестве автора, соавтора и редактора-составителя). 1972-2004 гг.